

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ

НА

1836 ГОДЪ.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ
три экземпляра. С. Петербургъ, 25 Сентября 1836 года.

Ценсоръ *А. Никитенко*,

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 79 и 80.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 30 дня 1836 года.

Клавъ, борзый нашъ поэтъ,
Одною славою припадетъ шесть лѣтъ;
Такъ мудро ли же, что худъ онъ, какъ скелетъ?

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Г У Д У Л Л А.

П. Золотыл гетти.

(Продолженіе.)

Увы! ни слезы *Гудулы*, ни прозбы ея, не могли переменить намъ реніа *Рубенса*!

Какъ ему было не жениться? *Елена Фроманъ* была изъ самой именипой и богатой фамили въ цѣломъ городѣ. Молодая, прекрасная, извѣстная умомъ своимъ и рѣдкимъ образованіемъ, она отвергла исканія богатѣйшихъ купцовъ, которые, съ рукою своею, предлагали ей бочки золота; отказала первымъ вельможамъ въ Европѣ, желавшимъ возложить на голову ея княжескую или герцогскую корону, и предпочитала имъ *Рубенса*. Гордая душа ея могла только покоришься тому, который соединялъ блескъ значнаго имени съ блескомъ славы, гремевшей о немъ во всемъ свѣтѣ; — тому, котораго Испанія и Англія хотѣли наперерывъ имѣть послѣмъ, котораго короли осыпали почестями! Ишь! *Елена Фроманъ* была не изъ тихихъ дѣвицъ, которыя, оспавляя пыш-

ность родительскаго дому, съ радостью вошли бы въ скромное жилище небогатаго челоука. О! ишь! ей надобны были великолѣпныя чертоги, съ мраморнымъ крыльцомъ, на которомъ встрѣчали бы ея пажы и толпа служителей; она хотѣла, чтобы удивленный незнакомецъ, проходя мимо, спросилъ: кому принадлежитъ эта богатая услуга? кто живетъ въ этомъ царскомъ дворцѣ? Она любила *Рубенса* за его славу, за благородное имя его, за богатство и блескъ, которыми онъ окружалъ себя. Но *Рубенсъ* печальный, подъ чужимъ именемъ, въ одеждѣ бѣднаго работника, никогда бы не былъ принятъ ею!

Надобно сказать также, что *Рубенсъ* съ своей стороны не ощущалъ къ *Еленѣ* пош пламенной, испуленной спраспы, съ которою онъ любилъ *Елисавету*. Время и лѣта охладили его пылокое и романтическое воображеніе, и сердце его спало покоряясь разсудку. Если былъ онъ причиною горькихъ слезъ *Елисаветы Брантъ*, если она спрадала ошъ перемены его къ ней: то и онъ, въ свою очередь, не нашелъ въ первомъ супружествѣ своемъ того блаженства, ко-

порое онъ сначала воображалъ себѣ, и слѣдовательно не могъ бытъ щасливъ дома. Идеаль сердца похожъ на фрески Ватикана; издали, вы не можете надивитсь предести фигуръ, которыя они представляють, гармоніи красокъ, чистоты и правильности абриса; но подойдите ближе—и вы увидите, какъ всё это грубо, рѣзко, шероховато! Такъ было и съ *Рубенсомъ*, который, какъ всё люди съ пылкимъ и живымъ характеромъ, очень скоро разочаровывался. Жена его, тихая, скромная, покорная всѣмъ его прихотямъ, не могла долго занимать его воображенія—и скука, единообразіе домашней жизни, мало по малу отвлекли его совершенно отъ *Елисаветы*, которая ѣздилась съ нимъ въ собранія для того только, что онъ претовалъ того, или чтобъ смотрѣть на него и бытъ съ нимъ вмѣстѣ; но не съ тѣмъ, чтобъ брать участіе въ общихъ удовольствіяхъ: это наконецъ такъ надоѣло *Рубенсу*, что онъ спалъ оспавлять её дома, и по цѣлымъ супикамъ не видалъ её. Однажды, возвращаясь на разсвѣтъ, онъ заспалъ её въ слезахъ и, подозрѣвая причину ихъ, такъ разсердился, что осыпалъ её укоризнами.

— Не сердись, *Рубенсъ*, отвѣчала она съ тихостію ангела: ты впередъ не увидишь слезъ моихъ. —

И дѣйствительно, съ эпохой минувшей *Рубенсъ* никогда не видалъ ихъ; но несчастная впала въ мрачную и всегдашнюю грусть, которая скоро причинила ей жестокою чахотку. Однакожь, когда *Рубенсъ* входилъ въ комнату, — она тотчасъ улыбалась, и припворялась веселою, чтобъ угодить ему.

Однажды онъ съ жаромъ хвалилъ передъ нею красоту и нарядъ одной молодой женщины, которая, говорилъ онъ, поразила его изящнымъ вкусомъ одежды своей. Печальная *Елисавета* подумала, что мужъ ея хотѣлъ тонкимъ образомъ упрекнуть её въ мѣщанскихъ привычкахъ, и любви къ простотѣ, которыя оспались въ ней отъ прежняго бѣднаго ея состоянія, и въ томъ же вечеръ послала за самыми модными и дорогими парчами, и велѣла шить себѣ богатое платье, къ тому дню, въ который *Рубенсъ* пригласилъ

силъ къ себѣ нѣкоторыхъ пріятелей. Онъ вѣрно будетъ доволенъ эпою новою жерпвою, думала она улыбаясь, и сердце ея претепало отъ радости, въ ожиданіи *Рубенса*.

Но, ахъ! несчастнымъ ни что не удастся! Наградю за всѣ ея спаранія была коварная улыбка госпей и насмѣшливый вопросъ мужа ея:

«Кто тебя такъ разрядилъ, *Елисавета*?»

Бѣдная женщина, думая только о томъ, чтобъ угодить ему, не примѣтила спранности одежды своей, въ которой ни что не согласовалось со вкусомъ, и слѣдовательно оскорбила мужа своего величайшимъ изъ претупленій въ глазахъ щеславнаго человека—претупленіемъ, бытъ смѣшною и особенно смѣшною въ присутствіи общества!

Елисавета, сдѣлавшись два раза матерью, спаралась забыть холодность мужа, занимаясь дѣтьми, и нѣжныя попеченія о нихъ услаждали горестъ ея, какъ вдругъ постигло её новое несчастіе. *Рубенсъ* собрался ѣхать въ Испанію, гдѣ намѣренъ былъ прожить нѣсколько лѣтъ. Объявляя о томъ женѣ своей, онъ показалъ такъ мало сожалѣнія, и такъ открыто говорилъ объ удовольствіяхъ, которыя его ожидали, что *Елисавета* не чувствовала въ себѣ силы произнести ни одной жалобы, ни одного справедливаго упрека, — но только печально взглянула на него и молча прижала къ сердцу дѣтей своихъ, изъ которыхъ младшему было тогда нѣсколько недѣль.

Черезъ три дня *Рубенсъ* уѣхалъ, и съ радостію школьника, вырвавшася на свободу, оспавилъ надолго древнія стѣны Антверпена, мечтая о блескѣ Испанскаго Двора и забавахъ Мадрида и Эскуріала, — гдѣ, за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, онъ проводилъ вѣтреную свою молодость. О! какъ пріятны эти воспоминанія! Какъ сладки эти надежды! восклицалъ онъ, и въ непрерывной своемъ проклиналъ разстояніе и медленность дороги.

Прошелъ годъ—*Рубенсъ* возвращался домой съ блестящаго праздника, гдѣ онъ былъ

вспрѣченъ съ необыкновенными почестями, какъ вдругъ получилъ слѣдующую записку:

«*Рубенсъ, я бы желала видѣть тебя въ послѣдній разъ, и говорить съ тобою о дѣтяхъ нашихъ; я умираю.*»

Елисавета.

Онъ поспѣхъ поскакалъ; но вы знаете, что прѣхалъ ужъ поздно.

Смерть *Елисаветы* была жестокимъ ударомъ для *Рубенса*, но слава и свѣтскія разсѣянiя скоро ослабили въ немъ первую силу горести, а потомъ упѣшили его совершенно. При томъ, поперя жены не произвела никакой чувствительной перемѣны въ обыкновенномъ образѣ его жизни, потому что *Елисавета* давно уже переспала дѣлать всѣ мысли, всѣ занятiя его, и составляла съ нимъ одно нераздѣльное существо.

Наконецъ, онъ увидѣлъ *Елену Фроманъ*, и съ этой минутой образъ молодой энтузиастки, которая говорила о художествѣхъ съ увлекающимъ краснорѣчiемъ, не покидалъ его. *Елена*, съ своей стороны, примѣшивъ впечатлѣнiе, произведенное ею надъ *Рубенсомъ*, умѣла съ такимъ кокетствомъ льстить его самолюбію, что онъ рѣшился наконецъ, во чтобы то ни стало, получить ея руку.

Онъ преодолевалъ всѣ препятствiя, но оставалось одно, по видимому ничтожное, которое однако-жъ побѣдить было не бездѣлица. Этимъ препятствiемъ была *Гудулла*; *Гудулла*, другъ *Елисаветы*; *Гудулла*, которая принимала на сердце свое всѣ тайныя слезы несчастной, и сдѣлалась матерью бѣдныхъ сиротъ ея! Что мнѣ нужды до этой старухи? Какое право имѣетъ она надо мною, и для чего мнѣ просить ея согласiя?—думалъ онъ, и со всѣмъ тѣмъ, долго не смѣлъ сказать ей о своемъ намѣренiи, чувствуя угрызенiе совѣсти и неопределимую робость всякой разъ, когда хотѣлъ говорить о томъ. Наконецъ, какъ мы уже видѣли, Николинъ день рѣшилъ всё, и съ тѣхъ поръ *Рубенсъ* убѣгалъ *Гудуллу* и видѣлся съ дѣтьми своими только украдкою.

Чтобъ описать спрдачiю бѣдной *Гудуллы*—нѣтъ словъ на языкъ человѣческомъ.

Бракъ *Рубенса* казался ей не только оскорбленiемъ памяти *Елисаветы*, но и гибелью для несчастныхъ дѣтей ея, потому что *Елена Фроманъ*, какъ всѣ женщины, которыхъ любятъ слишкомъ выказывать умъ свой, красоту и таланты, была предметомъ зависти и злословія, и каждое ея дѣйствiе, каждое слово ея, были извѣстны и переполкованы въ дурную сторону: слѣдовательно, мудрено ли, что *Гудулла*, уже предубѣжденная противъ этой молодой дѣвушки, вѣрила всему, что о ней говорили, и сокрушалась при мысли, что она скоро заступитъ мѣсто скромной, кроткой, злополучной *Елисаветы*? Но всё, что она вытерпѣла, не равнялось съ горестію, поразившею сердце ея, когда она получила отъ *Рубенса* приказанiе—одѣтъ получше дѣтей и ѣхать съ ними къ *Еленѣ Фроманъ*. Сначала она рѣшилась отъ того отказалась; когда же дали ей почувствовать, что должно уступить, или оставить навсегда домъ,—несчастная согласилась; но съ такимъ очевиднымъ отвращенiемъ, что *Елена Фроманъ* оскорбилась, и съ тѣхъ поръ началась между этими двумя женщинами явная и непримиримая вражда.

Вотъ какъ это произошло:

Надѣвъ на дѣтей черныя плащя, она, съ неприспѣльною неоспорожностью, спала шверкнуть *Катеньку*, что везетъ её къ госпожѣ, которая будетъ запрещать ей молиться за маленьку Богу, и что она не должна цѣловать эту злую госпожу; потомъ, съ сердитымъ и торжественнымъ видомъ, взяла она на руки маленькаго *Полиньку*, повела за руку дѣвочку, и такимъ образомъ отправилась съ ними къ невѣстѣ отца ихъ. Тамъ, дерзость слугъ, которые наполнили лакейскую и смѣрили съ презрѣнiемъ на старуху, одѣтую, какъ одѣвались за двадцать лѣтъ назадъ, еще больше раздражила её. Но только однако-жъ успѣла она сказать имя свое, какъ всѣ они вскочили, и одинъ изъ нихъ съ почтенiемъ проводилъ её въ уборную. *Елена Фроманъ* занималась ещё шуашепомъ своимъ; но, увидя вошедшихъ гостей, вырвалась, полуодѣтая, изъ рукъ горничныхъ и бросилась цѣловать дѣтей. Маль-

чикъ, который былъ еще слишкомъ малъ, чѣобы понять враждебныя внушенія *Гудулла*, безъ всякаго сопротивленія подспавилъ молодой дѣвушкѣ свои свѣжія и полненькія щечки; но *Катенька* отвернулась, заплакала, и сказала всхлипывая:

— Моя маменька *Елисавета*! Я не хочу другой!... —

«Не плачь, душенька, — я буду такая же добрая маменька, какъ *Елисавета*, и буду также любить тебя.— Поди же ко мнѣ.»

И она хотѣла посадить её къ себѣ на колѣни, но дѣвочка, съ крикомъ и слезами, спаралась опъ неё вырваться.

«Опъ чего-жъ ты боишься меня? Развѣ я дурна? Посмотри на меня!»

— Нѣтъ, — опвѣчала она, переставъ плакать и взглянувъ на *Елену*. — Да всё таки моя маменька *Елисавета*, и я не послушаю васъ, если вы не велите мнѣ молиться за неё Богу. —

«Я? Кто-жъ тебѣ это сказалъ, душенька?»

— Кто?... — И *Катенька* взглянула на *Гудулла*.

«Это я, сударыня!» сказала смѣло старушка.»

— А съ чего вы взяли это? — спросила гордо *Елена*.

«Да развѣ вы не хотите, сударыня, заступить въ домъ ихъ мѣсто ихъ бѣдной матери? Не хотите дать опцу ихъ другихъ дѣтей, и раздѣлить любовь его, которая принадлежитъ только имъ?... Развѣ...»

— Тебя обманываютъ, дитя мое, — сказала она *Катенькѣ*, перервавъ *Гудулла*, и опворопаясь опъ неё съ презрѣніемъ: не только я не стану запрещать тебѣ молиться за маменьку, но сама буду молиться вмѣстѣ съ тобою. Возьми это, продолжала она, подавалъ ей прекрасныя золотыя четки: каждый вечеръ мы съ тобой будемъ, перебирая ихъ, читать молитвы за упокой пвоей маменьки, и я надѣюсь, что ты скоро полюбишь меня. —

Обрадованная подаркомъ, дѣвочка взяла блестящія четки, и спала веривъ ихъ на

солнцѣ, между пѣмъ какъ *Полинька* пропягивалъ ручки, чѣобы схватить ихъ.

«И для тебя, *Полинька*, есть у меня подарокъ: посмотри, какая прекрасная гремушка! вотъ еще сладкіе пирожки! Бери, бери, сколько хочешь! Теперь, госпожа *Гудулла*, вы можете идти домой, а дѣтей я провожу вечеромъ сама.»

— Нѣтъ! нѣтъ! они здѣсь не останутся! — вскричала *Гудулла* въ испугѣ. Опдайте мнѣ дѣтей моихъ, я вамъ не уступлю ихъ ни за что на свѣтѣ! Пойдемъ, *Катенька*, пойдемъ! —

Но *Катенька*, которую *Елена* держала за руку, крѣпко за нее ухватилась, и не хотѣла съ ней разстаться, между пѣмъ какъ *Полинька*, занятый пирожками и гремушкой, рѣшительно не пошелъ на руки *Гудулла*.

Сердце бѣдной старушки замерло, и она, въ нѣмомъ опчаяніи, вышла изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того дверь тихо опворилась, и восхищенный *Рубенсъ* опстановился недвижимо опъ удивленія и радости. Долго смотрѣлъ онъ, ни къмъ не примѣченный, на прелестную *Елену*, которая въ это время рѣзвилась на ковръ съ дѣтьми его! Но, къ несчастію, невольное движеніе измѣнило ему — *Елена* взглянула, ахнула, вскочила и, схвативъ со спуга черную манжилью, закуталась въ неё, но такъ однако-жъ, чѣо *Рубенсъ* могъ видѣть ея черныя локоны, рассыпавшіеся по бѣлоснѣжнымъ плечамъ, и прекрасныя руки, обнаженныя по локоть. *Катенька* съ веселымъ крикомъ подбѣжала къ опцу, а *Полинька* пролепетала: папа!

«О, *Елена*!» сказалъ онъ: «женихъ и опецъ благодарятъ тебя за эту блаженную минуту!»

И она, раздумавшись опъ бѣганья, пропянула ему руку свою и сказала съ нѣжнымъ взглядомъ:

— А я благодарю тебя за то, чѣо ты подарилъ мнѣ дѣтей своихъ. —

«Мнѣ благодарить тебя; — ты возвратила имъ мать.»

— Для чего-жь не сеспру? — отвѣчала она съ улыбкою. — Но что нужды до названія? Я ужь съ ними не разстанусь; ты не уйдешь отъ меня, *Катюшежка*, не правда ли? —

«Никогда! никогда!» закричала дѣвочка, бросаясь къ ней на шею.

— А! такъ ты теперь любишь меня? — продолжала *Елена*, лаская её: ты не будешь больше плакать и говорить: ты злая — и запретишь мнѣ молиться за маменьку! —

Рубенсъ вздрогнулъ, и на лицѣ его изобразилось удивленіе и досада.

— Да, *Петръ*, этихъ ангеловъ хотѣли со мною поссорить; желали, чтобы со мною вошли въ домъ твой недовѣрчивость и семейные раздоры; къ счастью, это ужь невозможно, потому что мы теперь любимъ другъ друга навсегда... Не правда ли, дѣти мои? О! вы не спанете больше слушать эту злую спаруху! —

И она разцѣловала дѣтей.

— Г. *Рубенсъ*, — продолжала она шупливо упиженнымъ голосомъ: я осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ первою моею просьбою, и за благодарніе ваше дозволю вамъ поцѣловать у меня руку; въ чемъ, къ великому негодованію вашему, я вамъ вчера отказала. Г. *Рубенсъ*, сдѣлайте, чтобы войдя въ домъ вашъ, я не нашла тамъ злобщей пищицы, которая спереженъ порогъ его; однимъ словомъ, выгоните отъ себя спаруху служанку вашу, *Гудулла*! —

«*Гудулла*?» сказалъ *Рубенсъ* съ какимъ-то страхомъ: «*Гудулла*?»

— Да, да! *Гудулла*; что-жь вы такъ смѣшались? — И на веселомъ лицѣ *Елены* мелькнуло вдругъ мрачное облако. —

«По *Гудулла*.... не служанка... она была другомъ, и впрочемъ матерью моею.... ихъ матери.»

— А! вы колеблесь между ею и мной?... Дѣлайте, что вамъ угодно, г. *Рубенсъ*; но я увѣряю васъ, что никогда не переступлю порога дому, въ которомъ ожидаютъ меня клеветы и недоброжелательства. —

«*Елена!* милая *Елена!*»

Она сидѣла, блѣдная какъ смерть, и отвернулась, чтобы скрыть слезы, блиставшія на глазахъ ея. Потомъ хотѣла что-то сказать и — зарыдала; *Катенька* подбѣжала, обняла её и сказала отцу: злой папа, не ужь ли не жаль тебѣ доброй *Елены*?

Рубенсъ вздохнулъ.

«*Елена*,» сказалъ онъ: «какъ не тяжело мнѣ повиноваться тебѣ, но воля твоя будетъ исполнена!»

И лучъ удовольствія блеснулъ опять на прекрасномъ лицѣ *Елены*; улыбаясь сквозь слезы, она подала ему руку.

«Бѣдная, бѣдная *Гудулла!*» думалъ *Рубенсъ*.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ

принца Пюклеръ-Мюскау.

Нью-Маркетъ, 19-го Октября 1826.

Бѣжавши сюда, я былъ опять пораженъ необыкновенною красою сельскихъ видовъ, и пою изысканною опрятностію, которая встрѣчается въ Англїи на каждомъ шагу. — Предельные ландшафты, бархатные луга, поля, роскошно обработанныя, нещепное множество красивыхъ загородныхъ домовъ, по дорогѣ тѣмъ блестящихъ экипажей, толпы одѣтыхъ людей, пѣшкомъ, или верхомъ на прекрасныхъ лошадяхъ, всё это здѣсь очень обыкновенно, и Англїя можетъ по справедливости назваться землею порядка, богатства и чистоты; но всё это однакожъ имѣетъ свою худую сторону; — всё это слишкомъ изыскано, слишкомъ совершенно; слѣдовательно вездѣ одно и то же — и потому упомлеть, и даже пресыщать зрѣніе, какъ безпрестанный видъ блюда съ дорогимъ и рѣдкимъ кушаньемъ. — Вотъ что можетъ быть объясняетъ спрасть Англичанъ къ путешествіямъ: но не по ли и въ жизни? Человѣкъ не въ силахъ сносить поспояннаго счастья.

Однакожь сегодняшнее удовольствіе мое было не безъ примѣси;—число всѣхъ ѣдущихъ сюда на скачку такъ велико, что я нигдѣ почти не находилъ лошадей, и дожидался на станціяхъ по цѣлымъ часамъ, — а если и находилъ ихъ, то они были такъ измучены, что везли меня съ ужасною медленностію, по крайней мѣрѣ для Англіи,—и я приѣхалъ въ Ньюмаркетъ ночью.

Я не нашелъ комнаты ни въ одномъ прачширѣ; всѣ были набиты бипкомъ, и съ большимъ трудомъ отыскалъ въ партикулярномъ домѣ маленькую горенку, за которую плачу по пѣши гнѣей въ недѣлю.—Къ счастью, на одной кварширѣ со мною живетъ одинъ хорошій пріятель мой, сынъ какого-то маленькаго Венгерскаго магната. Онъ веселъ, проспѣ въ обхожденіи, и, кажется, сотворенъ, чтобы нравиться въ свѣтѣ и другимъ и самому себѣ.—Я люблю подобныхъ людей, потому что они обладаютъ именно тѣми качествами, которыхъ я не имѣю.

По утру мы поѣхали съ нимъ со двора верхомъ; здѣсь всѣ дни, какъ двѣ капли воды, сходны между собою; въ 8 часовъ встрѣчаючися скаковыя лошади, закупанные въ длинныя попоны, которыхъ солныши ведутъ проминавъ на зеленый холмъ, на которомъ нѣтъ ни одного дерева.—Они покрываютъ его, какъ многочисленное стадо; иныхъ проводятъ шагомъ, другія скачутъ, но не во всю прышь. Надсмотрщикъ, верхомъ на ослѣ, надзираетъ надъ всѣми лошадьми, принадлежащими одному господину, или надъ тѣми, которыя содержатся въ одной изъ конюшенъ, гдѣ подготавливаются лошади для скачки. Маленькіе полуодѣтые мальчики сидятъ на эпихъ лошадяхъ безъ сѣдла, просто на попонѣ, и не проходятъ дня, чтобы ктонибудь изъ нихъ не упалъ и больно не ушибся, къ общему удовольствію зрителей.

Послѣ этаго смопра, очень занимательнаго для охотниковъ, идутъ завпракамъ, потомъ на торгъ, гдѣ лошадей продаютъ съ молопка, и эпонтъ торгъ производится на открытомъ воздухѣ извѣстнымъ г. *Tattersall*.—Проведя тамъ съ полчаса, ѣдутъ на скачку верхомъ, въ каретѣ или въ коляскѣ.

Скачка начинается ровно въ полдень. Мѣсто, назначенное для неѣ, есть необозримая равнина, покрытая густымъ и нѣжнымъ дерномъ, и раздѣленная на разные пространства; самое большое содержитъ Нѣмецкую милю. Самое меньшее осьмую или десятую часть мили,—и всѣ они идутъ по прямой линіи. Равнина съ двухъ сторонъ отдѣлена отъ дороги канатомъ, за которымъ стоить триста или четыреста рядовъ экипажей, усѣянныхъ зрителями съ верху до низу, снаружи и внутри. На концѣ бѣга, у самой цѣли, стоить подвижная избушка, похожая на тѣ пастушьи хижины, которыя прежде бывали въ употребленіи въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи. Къ ней придѣланы колеса, чтобы легче и удобнѣе передвигать еѣ съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ удаленія или приближенія цѣли. Въ эпой избушкѣ сидитъ *судья скачки*, прямо прошивъ деревяннаго столба, вбитаго въ землю, посредствомъ котораго онъ можетъ видѣть по прямой линіи, какая лошадиная морда покажется первая въ эпонтъ направленіи; разница бываетъ часто только въ одномъ какомънибудь вершкѣ, и верхъ искусства жокеевъ состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно умѣрять быстроту лошадей своихъ, и давать имъ воли не больше какъ столько, сколько потребно для того, чтобы выиграть! Если они видятъ явную неудачу, то оспаютъ совсѣмъ пазадѣ, между тѣмъ какъ тѣ, которыя продолжаютъ оспоривать другъ у друга побѣду, почти вмѣстѣ достигаютъ цѣли. Смѣшныя усилія несчастнаго съдока, который, опспавъ на тысячу шаговъ отъ соперниковъ своихъ, все еще погоняетъ лошадь свою и хлыстомъ и шпорами, употребляютъ только во Франціи и Германіи. Если лошади совершенно въ одну минуту достигнутъ обѣ до цѣли, что случается довольно часто: тогда онѣ должны скакать снова. Судья, передъ началомъ скачки, присягаетъ въ правдѣ и безкорыстїи—и рѣшенія его неоспоримы. Англійскіе жокеи не дѣти, какъ думаютъ многіе иностранцы; а просто очень малорослые люди, и часто даже шестидесятилѣтніе старики; они составляютъ особый цѣхъ и посправедливости могутъ почиваться пер-

выми тздоками въ свѣщѣ. — Кромѣ необычайно малаго росту, они ужасно худы и нарочно изнуряютъ себя частыми слабительными и искусственною испариною, чтобы быть какъ можно меньше, легче и сухошавье. Ты помнишь, я думаю, что въ то время, когда я держалъ бѣговыхъ лошадей, былъ у меня жокей изъ Ньюмаркета, который однажды въ Вѣнѣ выигралъ для меня важную сумму денегъ. Я всегда съ удовольствіемъ смотрѣлъ на эшаго человека, когда онъ приготавливался къ скачкѣ. Начавъ съ сильнаго слабительнаго, чтобы придать *себѣ больше легкости*, онъ надѣвалъ на себя три или четыре шубы, одну на другую; потомъ садился на лошадь и скакалъ до пѣхъ поръ, пока потъ ручьями лился у него по лицу — и онъ наконецъ въ крайнемъ изнеможеніи падалъ на землю. Тогда только онъ бывалъ совершенно доволенъ собою.

Впрочемъ, во всемъ эпомъ есть нѣкоторый ращепъ и мѣра; жокей не долженъ черезъ чуръ быть легокъ; въ противномъ случаѣ ему надобно положить свинцу въ кожаной кушакъ его, чтобы дополнишь надлежащій вѣсъ, и это довольно спокойно и для лошади и для него самаго. — Ты знаешь, я думаю, что здѣсь опредѣлена тяжесть, которую лошадь можетъ вынести.

Въ нѣкоторомъ распояніи опы цѣли, шаговъ на сто въ спорону онъ мѣста, съ котораго начинаютъ скакать, спойшь другой деревянный сподбъ, у котораго *бьются объ закладъ*; путь собираются всѣ *паріеры*, осматривъ прежде лошадей въ конюшнѣ, гдѣ ихъ сѣдали при нихъ; осматривъ ихъ еще разъ на мѣстѣ скачки, узнавъ всѣ подробности, и, можетъ быть, объяснясь знаками съ подкупленными ими жокеями. Шумъ и крикъ, около эшаго сподба, напоминаютъ Жидовскую синагогу, съ поюо разницею, что здѣсь еще больше волненія и сумятицы. Толпаспоитъ изъ знапныхъ лордовъ, по есть первыхъ перовъ Англіи, лакеевъ въ господской ливреѣ, воровъ, мошенниковъ и бродягъ всякаго рода; словомъ, всякой, кто имѣетъ довольно денегъ, чтобы биться объ закладъ, пользуется здѣсь одинакимъ правомъ со всеми, и всѣ, безъ различія сосполній, говорятъ другъ съ другомъ

съ величайшею фамилярностію. Нѣкоторые держатъ въ рукѣ дощечки, на которыхъ пишутъ предлагаемую ими цѣну, и потъ, кто соглашается на пари, пишетъ свое имя возлѣ означенной цыфрами суммы. Лорды, графы, герцоги, конюха, мошенники, всѣ кричатъ въ одинъ голосъ и предлагають пари свои, говоря ужасно скоро и упопреляя пехническія выраженія, которые непойтны для иностранца, если онъ не выучилъ ихъ. Вдругъ раздается крикъ: *лошади поскакали*.

Въ ту самую минушу полпы любопытныхъ расходятся, и паріеры пѣснятся ближе къ канаву, заграждающему мѣсто скачки. Тысячи лорнетовъ и подзорныхъ трубокъ направляются на жокеевъ, только что показавшихся вдали. Они приближаются съ быспроною вѣдра, и въ толпѣ царствуетъ цѣсколько минушь безпокойное молчаніе, во время котораго инспекторъ, развѣзжал верхомъ около канавы, опгопяетъ плетью всѣхъ пѣхъ, которые безъ дѣла суютсѣ напередъ; пишина продолжается не долго, и скоро ужасный крикъ снова потрясаетъ воздухъ. Радостныя восклицанія, рукоплесканія, проклятія, брань, не только мужчинъ, но и женщинъ, раздаются во всѣхъ концахъ. *Сто противъ одного за Путану! .. Бубновыи вальтъ выигралъ! ..* кричатъ паріеры. По *рукамъ!* говорятъ въ другой споронѣ. Между пѣмъ благородныя живошныя ужъ близко: вопъ они проскакали, они почти у цѣли; они доспигли еѣ, и наконецъ щастіе, искусство или хипроспъ, рѣшали побѣду. Тѣ, которые проиграли большую сумму денегъ, не могутъ опомнишься и споятъ какъ окаменѣлые; щаспливцы торжествують; люди съ воспишаніемъ, спараютсѣ казаться песелыми, не смотря на неудачу! — Но тѣ и другіе скоро бѣгутъ къ жокеямъ, чтобы поспотрѣть какъ ихъ *вспасть*, и какъ разудываютъ лошадей, надѣясь еще опарыть какое нѣбудъ плуповспво. Черезъ четверть часа начинается скачка другихъ лошадей, и это повпоряется шесть или семь разъ сряду. — Вопъ шебѣ, любезный другъ, вѣрное описаніе *Ньюмаркетской скачки*.

Я встрѣшилъ пакъ много старыхъ знакомцевъ, которые позволяли мнѣ видѣть ло-

шадей своихъ на конюшнѣ, что здѣсь щитаются знакомъ опличнаго уваженія; потомъ звали они меня съ собою въ здѣшній клубъ, отъ чего я отказался, потому что это клубъ только карточный и что сословіе игроковъ есть, особенно въ Англіи, самое опасное общество.

Торговый характеръ Англичанъ особенно замѣненъ здѣсь; самая бездѣльная выгода спавится въ щепъ, и хопя паріи предлагаются во время чрезвычайной суеты, и посреди шума и крика, однакожь при плапезѣ никогда не выходитъ спора. Тотъ, который не въ состояніи заплапить проигранной суммы, скрывается, то есть объявляетъ себя банкротомъ, и увъжаетъ изъ Англіи навсегда, или до тѣхъ поръ, пока поправитъ дѣла свои. Въ пакихъ случаяхъ обыкновенные посѣпители Ньюмаркета говорятъ: *на этотъ разъ съѣзъ былъ неудаченъ.*

По пріѣздѣ моемъ сюда, Венгерецъ, пріпшелъ мой, познакомилъ меня съ здѣшнимъ богатымъ купцомъ, котораго семейство каждый день ѣздило съ дачи смолрѣть скачку; съ ними пріѣзжали и гости, живущіе у нихъ въ деревнѣ, въ числѣ которыхъ замѣнилъ и нѣсколько прекрасныхъ женскихъ лицъ. Это доброе семейство пригласило насъ на завтра обѣдать и провести съ ними два дни; разумется, что мы съ удовольствіемъ приняли ихъ приглашеніе.

Мы отпрапвились верхомъ часовъ въ пять пополудни и скоро пріѣхали на дачу г. Н. Очень широкая, недавно насаженная алея, служивъ въѣздомъ въ помѣстье нашего хозяина, и продолжаясь на полмилю, оканчивается у самаго парка, куда проѣзжаютъ сквозь арку, сдѣланную на подобіе триумфальныхъ воротъ, съ двумя павильонами по бокамъ, къ которымъ примыкаетъ деревянный заборъ, но такъ закрытый кустами и деревьями, что кажется будто все строеніе выходитъ изъ середины лѣса, что составляетъ очень пріятную картину. Дорога наша шла потомъ черезъ частный боръ, изъ котораго выѣхали мы на обширную лужайку, окруженную клумбами деревъ, составляющими главную часть всѣхъ Англійскихъ

парковъ. Наконецъ показался вдали яркоосвѣщенный домъ, за которымъ видны были верхи деревъ, такъ называемаго *отдѣльнаго сада* (pleasure ground,) который обыкновенно украшаютъ по произволу и разводятъ для собственнаго своего удовольствія. Передъ домомъ покоплось на лугу нѣсколько коровъ, и такъ безопасно, что мы были принуждены проѣхать почти черезъ нихъ. Это странное обыкновеніе, имѣвъ скотъ у дверей своихъ, происходитъ отъ того, что луга парка доходивъ здѣсь почти вездѣ до самыхъ домовъ; по моему, гораздо бы лучше было окружить жилье садомъ и цвѣтникамъ, потому что на садахъ хорошо смолрѣть издали, но близкое сосѣдство его не совсемъ пріятно.

Мы нашли въ гостиниѣ многочисленное общество, состоявшее изъ хозяина, жены, его сына, старшей дочери ихъ съ мужемъ, и двухъ меньшихъ, очень посредственной красоты. Сверхъ того были пунъ какой-то баронетъ съ женою, прекрасною женщиною и свойченицею, молоденькою дѣвушкою, милой наружности, но опимъно печальною и задумчивою; отъ того, что ѣздивъ въ Ост-Индію за женихомъ, она возвратилась оппуда въ прежнемъ состояніи (*), — дѣвица Б., которая здѣсь въ большой чести и показывается иногда и въ высшихъ кругахъ, два или три неважные помѣщика, и наконецъ впорокласный щеголь, который представляетъ собою образецъ пепиметра, или такъ называемаго *данди* изъ купческаго сословія.

Баронетъ служилъ въ Германіи, имѣвъ орденъ *Маріи Терезіи*, но не носитъ его, потому что щитаешь это неприличнымъ для того, кто посвятилъ себя хлѣбопашеству и сельскимъ занятіямъ. Онъ показался мнѣ добрымъ и проспымъ человекомъ, которому поручено было занимать насъ разговоромъ, объясняемымъ всѣ обычаи земли своей, но мы предпочли учиться Англійскимъ нравамъ у жены и сволченицы его.

(*) Каждый годъ отпрапвляются изъ Англіи въ Индію цѣлые корабли бѣдныхъ дѣвушекъ въ надеждѣ найсти тамъ богатыхъ мужей.

Посъщеніе двухъ знапныхъ господъ, хопя и иноспранныхъ, слѣдовательно въ мѣнѣи ихъ стоящихъ на 50 градусовъ ниже Англійскихъ вельможъ, было однакожъ чрезвычайно лестно для людей того класса, къ которому принадлежали и хозяева наши и другіе гости. И попому намъ оказывали великія почести, и даже самый *данди* былъ съ нами вѣжливъ и привѣпливъ столько, сколько позволяла ему мода и достоинство щеголя. Надобно знать, что въ Англии средній классъ, и еще болѣе мѣщане, любятъ хвасипать знакомствомъ своимъ съ знатію; между тѣмъ какъ знатный кругъ ищетъ сблизиться съ кругомъ первостепенныхъ модниковъ (*fashionables* или *excluseres*), составляющихъ такъ называемое *исключительное общество*, т. е. особую касту, особое правленіе въ общемъ правленіи, которое презираетъ и знапность и богатство, дѣйствуетъ самопроизвольно и повинуется только законамъ, самимъ имъ созданнымъ. Оно обязано существованіемъ своимъ тщеславію—о которомъ сей часъ говорилъ, и которое оставляетъ одно изъ опличительныхъ свойствъ національнаго характера.

Вопь почему Англичане средняго состоянія такъ любятъ ѣздить въ чужіе края, гдѣ они имѣютъ свободный входъ во все знатныя дома, и попомъ, возвращаясь къ себѣ, говорятъ о первыхъ вельможахъ, какъ о самыхъ короткихъ своихъ пріятеляхъ. Хозяйка наша не замедлила дать намъ маленькій образчикъ эпаго смѣшнаго хвасповспва.

«Знаете ли вы королеву...?» спросила она у меня.—Я имѣлъ честь быть предсипавленъ ея величеству—опвѣчалъ я.—«Мы съ ней хорошія пріятельницы!»—прибавила она точно такимъ тономъ, какъ будто говоря о женѣ поварица мужа своего. Попомъ, между прочими дорогими вещами, полученными ею опъ ней въ разныя времена, и которыми она была увѣшена какъ Индійскій пагодъ, она показала мнѣ маленькій портретъ ея величества, который, говорила она, королева лично вручила ей. Что очень вѣроятно, попому что дочь ея читала намъ собственноручное письмо одной изъ молодыхъ принцессъ, доче-

рей королевы, содержащее въ себѣ подробное описаніе сваньбы и домашней жизни ея. Не спранно ли, что первыя особы Германіи, копорыя впрочемъ очень горды съ соопечественниками своими, обращаются съ Англичанами, даже съ тѣми, копорыя не имѣютъ воспитанія, почти какъ съ равными себѣ, и единственно попому только, что они Англичане, не освѣдомясь прежде, достойны ли они эпой чести, по званію, занимаемому ими въ землѣ ихъ? —

Ничто такъ не унижаетъ насъ, даже въ глазахъ самихъ Англичанъ, какъ слѣпая спрасть наша къ иноспранцамъ; но тѣмъ болѣе презрительная, что она основана на глубокомъ уваженіи нашемъ къ Англійскимъ деньгамъ, уваженіе, которое у насъ въ Германіи имѣютъ къ нимъ безъ исключенія все, какъ самыя знатныя, такъ и незнапныя.

Надобно быть очень богатою, чтобы жить здѣсь опкрыто въ деревнѣ, попому что обыкновеніе пребуетъ выказывать тамъ самую большую роскошь, и въ эпомъ богатый купецъ почти не уступаетъ самымъ знатнымъ лордамъ. У того и другаго великопный домъ, пышная и щегольская мебель, дорогая посуда, многочисленная услуга въ богатой ливрѣ, роскошный столъ, самыя лучшія вина, самый прихотливый десертъ, однимъ словомъ то, что Англичане называютъ *plenty*, то естъ полное довольство. Но все это продолжается только до тѣхъ поръ, пока живутъ гости; когда же они разъѣзжаются, тогда семейство, оставшись съ глазу на глазъ, довольствуется самою умѣренною пищею, и попому никогда нельзя ѣхать въ деревню безъ зва. Хозяинъ дѣлалъ приглашеніе, обыкновенно назначаетъ сколько дней вы должны пробыть у него, чтобы послѣ васъ пригласить другихъ, прѣпыхъ, и такимъ образомъ по-очередно весь кругъ знакомыхъ своихъ, что продолжается съ мѣсяцъ, или менѣе, послѣ чего семейство ѣдетъ въ свою очередь гостить у сосѣдей, испративъ въ эпомъ одинъ мѣсяцъ болѣе, нежели самый богатый Нѣмецкій дворянинъ могъ бы прожить въ цѣлый годъ.—Я не называю это истиннымъ гостепрѣимствомъ.

Такъ какъ ты никогда не бывала въ Англіи, то я намѣренъ описатьъ тебѣ Англійскій обѣдъ, который вездѣ одинаковъ.

Когда идуть къ столу, то дамамъ подають руку, а не ведутъ ихъ за руку, какъ во Франціи, и не дѣлають больше пѣхъ спаринныхъ низкихъ поклоновъ, которые необходимы еще въ Германіи въ самыхъ лучшихъ обществахъ; за то щадельно наблюдаютъ чины, различія и званія. Я сегодня опъ всего сердца проклиналъ мое; по которому долженъ былъ сидѣть возлѣ самой хозяйки, между тѣмъ, какъ поварищъ мой искусно прокрался къ двумъ хорошенькимъ сеспрамъ и сѣлъ между ими. Слѣдуя Французскому обыкновению, вся первая перемяна кушанья спонпъ на споль, и послѣ супу, лишъ только сняли крышки съ соусниковъ, каждый беретъ для себя съ стоящаго передъ нимъ блюда, и подчуетъ сосѣда; если же хочешь чегонибудь другаго, то долженъ кричать черезъ весь споль, или послать слугу за тѣмъ, чего желаешь. Этопъ обычай чрезвычайно неприятенъ, и потому, у нѣкоторыхъ Англичанъ, которые путешествовали по Европѣ, слуги разносятъ блюда вокругъ стола, какъ у насъ въ Германіи.

Во время обѣда вина иначе не пьютъ, какъ опорожня рюмку свою вмѣспѣ съ кѣмънибудь другимъ. Выбравъ поварища, смотрятъ ему прямо въ глаза; онъ дѣлаетъ поже; потомъ оба поднимають рюмки, киваютъ головою, и пьютъ въ одно время съ величайшею важностію. На островахъ Южнаго Океана есть много страннхъ обычаевъ, которые находимъ мы смѣшными, но которые, если разобрать ихъ, показались бы намъ смѣшны, какъ это Англійское обыкновение; впрочемъ приглашаютъ другаго пить съ собою щитаются здѣсь особенною учтивостію, и часто опъ одного конца стола къ другому отправляется посоль, объявить лорду А., что лордъ Б., желаетъ осушить рюмку свою съ нимъ вмѣспѣ; вслѣдъ за тѣмъ, лордъ А., спарается поймать взглядъ лорда Б., что не всегда легко, и потомъ оба въ мѣру опускають и поднимають голову, какъ двѣ Китайскія куклы. Когда общество не многочисленно, и каждый оппилъ по очередно со всѣми, тогда,

если желаешь спросить еще рюмку вина, должно дожидаться десерту, или имѣть довольно бодрости, чтобы пренебрегать обычаемъ.—

Послѣ второй перемяны подають родъ инпермедіи, состоящей изъ сыра, салату, сырой сельдеріи и иногда двадцати или тридцати лѣпнее Англійское пиво, до того крѣпкое, что оно загараетъ на огнѣ, какъ спиртъ. Наконецъ снимають скашерть и приносятъ десертъ. Въ лучшихъ домахъ, подъ эпоу скашертью послана другая, гораздо понѣше первой; но по большей части, тарелка и вазы со всѣми возможными рѣдкими оранжерейными плодами и Индійскими конфектами, инбиремъ и мороженымъ, спавятся на голый споль, изъ прекраснѣйшаго красного дерева, чистаго, выполированного какъ стекло, и возлѣ каждого прибора кладуть особыя маленькія салфеточки съ бахромою, и спавяють другія рюмки.— Хозяинъ имѣетъ передъ собою два хрустальныхъ графина, одинъ съ Порто, другой съ Мадерою, Кларепомъ или Бордо стоящие на поддоникахъ или на маленькой серебряной пелѣжкѣ съ колесами. Онъ толкаетъ ее опъ себя на лѣво къ сосѣду; пелѣжка объѣзжаетъ такимъ образомъ весь споль и каждый наливаетъ себя рюмку. Но если сидитъ возлѣ его дама, то онъ, какъ учтивый кавалеръ, долженъ ее подчивать. Къ щастію, нѣсколько графиновъ съ холодною водою дають иностранцу средство уличтожать лѣдъ крѣпкой водки, которую въ Англіи подмѣшиваютъ во весь почти вина. Принеся десертъ, слуги всѣ до одного выходятъ изъ столовой, и если понадобится еще какоенибудь вино, то на колокольчикъ хозяина входитъ дворецкой, и, принеся бутылку, потчасъ идетъ вонъ. Дамы оптаются за споломъ съ четверть часа, пьютъ десертныя вина, и потомъ вспають. Мужчины вспають также, и одинъ изъ нихъ отворяетъ для нихъ дверь въ гостиную; когда онъ ушли, садятся олять, сближаютъ спулья, переспають чиниться; хозяинъ занимается кресла жены своей и заводитъ разговоръ о политикѣ или новостяхъ парламента. Въ это время на иностранца не обращаютъ никакого вниманія, и ему оптается только слушать и молчать; впро-

чемъ опъ него зависить итти, если хочеть, къ дамахъ, и мы съ графомъ *Б.* не преминули воспользоваться эпою свободою, пѣмъ больше, что нынче между Англичанами ужъ не *фашіонабельно* (не въ модѣ) пипъ чрезмѣрно, и молодые щеголи почти всегда уходятъ въ гостиную. Мы нашли тамъ нашего *данди* посреди дамъ, который, сидя у большаго круглаго стола, ожидалъ мужчинъ, чтобы разливать для нихъ чай и кофе.

Когда общество собралось опять все вмѣстѣ, тогда оно повидимому съ самою непринужденною свободою раздѣлилось по парціямъ; одни занялись музыкою, и милая мечтательница играла на органѣ, который вѣроятно спюялъ путь для священнаго обряда; другіе сѣли за карты; нѣсколько паръ удалилось къ окошкамъ; иные завели политическое прѣніе, по *данди*, не говоря ни съ кѣмъ, развалился въ покойныя Волперовскія кресла, и очень живописно положила прекраснѣ обую правую ногу свою на колѣно лѣвой ноги, углубился въ чтеніе о *Германіи*, г-жи *Сталь*, и казалось не обращалъ никакого вниманія на общество.

Впрочемъ справедливость пребуеть сказать, что эпошъ молодой человекъ очень не дурно подражаетъ чудакамъ высшихъ круговъ Лондона; можетъ быть онъ предупредилъ меня въ свою пользу пѣмъ, что во весь обѣдъ проговорилъ о знаменитомъ *Гётте* и хвалилъ его *Фауста*. Лордъ *Байронъ* ввелъ здѣсь *Гётте* и *Фауста* въ моду; но эпо сочиненіе, казалось, нравилось г. *М.* потому только, что оно заключаетъ въ себѣ идеи, противныя религіи, и г. *М.* съ величайшею искренностію объявилъ намъ, что, проведя большую часть жизни своей въ Парижѣ, онъ почипаетъ за славу не вѣрить совершенно ни чему.

На другой день по утру, опзавпракавъ съ дамами, мы поѣхали съ ними верхомъ гулять по парку, который не представляетъ ничего особенно примѣчательнаго, кромѣ канала, желающаго подражать рѣкѣ и наполненнаго стоячею и грязною водою. — При всемъ томъ онъ спюитъ пѣмъ пыс. фунт. сперт. и, надобно признаться, что деньги эти были брошены въ воду. Но за

по оранжеріи, пеплицы и фруктовый садъ прекрасны! Первыя, о которыхъ хозяинъ имѣеть особое попеченіе, нагрѣваются парами, посредствомъ машины, имѣ самими изобрѣтенной; стоить только повернуть кранъ, чтобы потчасъ усилить или ослабить температуру и довести ея до того градуса, который желаешь имѣть.

Въ этихъ обширныхъ и прекрасныхъ оранжереяхъ собрано 23 рода ананасовъ, надъ которыми висятъ сотни кистей чернаго винограда. Въ фруквовомъ саду удивлялись мы грушевымъ деревьямъ, расположеннымъ шпалерами. Фрукты на нихъ имѣють 7 вершковъ въ длину, и 8 въ діаметръ, и чрезвычайно нѣжны и сладки.

Послѣ верховой прогулки, многіе изъ мужчинъ поѣхали на охоту, но мы предпочли оспаться съ дамами, и графъ *Б.* очень понравился имъ своею веселостію. Услышавъ, что мы поѣдемъ домой ночью, онъ очень беспокоился о нашей безопасности. Мы выѣхали потчасъ послѣ обѣда, по еспъ въ часть по полуночи, и дорогою очень смѣлялись надъ спранностями, нами замѣченными. — Однако-жъ мнѣ скоро спало спыдно и совѣстно плапипъ такою дурною монетою за гостепрїимство нашего хозяина; но что дѣлать? свѣтъ нынче ужасно испорченъ! припомъ же здѣшнее гостепрїимство такъ близко къ пщеславію, что почти не заслуживаетъ благодарности; еще больше успокоила насъ мысль, что общество, которое мы оставили, вѣроятно не щадило насъ въ свою очередь.

На другой день по утру мы увидѣли дамъ нашихъ на скачкѣ, и бились съ ними объ закладъ о перчаткахъ. Онъ очень обрадовались, когда мы заплапили имъ проигранное пари гласированными Парижскими перчатками, и звали насъ опять къ себѣ, но мы извинились пѣмъ, что были уже приглашены на мужской обѣдъ, послѣ котораго гр. *Б.* долженъ былъ ѣхать на охоту въ Мельпонъ. Я думаю также скоро оставитъ Ньюмаркетъ и возвратится въ Лондонъ, гдѣ окончу эпо письмо.

Д Е В И З Ы.

1.

Поговорки и девизы многихъ людей, игравшихъ и играющихъ важныя роли въ свѣтѣ, служатъ иногда основою ихъ правилъ, и ключемъ къ инымъ, часто загадочнымъ ихъ дѣйствіямъ.

Извѣстный честодюбецъ времени *Людвика XIV*, *Фуке*, говаривалъ всегда: *Quo non ascendam?* Эта поговорка способствовала его паденію.

2.

Генрихъ IV, король Французскій, избралъ себѣ девизомъ слова: *in via virtuti nulla est via*. Поговорка, достойная Великаго Государя!

3.

На Пепровскомъ или Руссовскомъ островѣ Билерскаго озера, въ жилищѣ *Руссо*, испещрены почти всѣ стѣны безчисленными именами путешественниковъ всѣхъ странъ Европы. Между прочими, тамъ находилъ имя и *В. Пятта*, съ слѣдующимъ девизомъ: *Vaincre—n'importe comment!* Если бы первый министръ не написалъ самъ этихъ прехъ словъ, то трудно было бы выразить короче и удачнѣе полипическій его характеръ.

4.

Aut Caesar aut nihil! поговорка высокопарныхъ юношей. Мелкія души говорятъ на послѣдокъ: *aut Caesar aut aliquid!*

М Ы С Л И.

Сердце нѣблагодарнаго подобно безплодной землѣ, которая поглощаетъ дождь, падающей съ неба и ничего не производитъ.

Одинъ тотъ истинно свободенъ, кто повинуется разсудку.

Страсти подобны конвульсіямъ; во время припадка, мы чувствуемъ въ себѣ силу необыкновенную; когда же онъ оставляетъ насъ, приходимъ въ совершенное изнеможеніе.

Въ свѣтѣ нѣтъ женщины, которая бы не желала и не старалась внушить любви, и

потому рѣдко найдете вы женщину, которая бы никогда не была любима. Онѣ не имѣютъ настоящей ненависти къ тѣмъ, которые любятъ ихъ понапрасну.

«Когда я разбогатѣю, сплану помогать бѣднымъ.»—Лжешь;—ты никогда не будешь помогать имъ.

Привычка находить въ другихъ всегда что нибудь дурное, дѣлаетъ насъ нечувствительными къ ихъ добрымъ качествамъ.

Желаніе есть движущая сила всѣхъ дѣйствій человѣческихъ; безъ него мы бы умерли со скуки. Желаніе богатства заставляетъ насъ переплывать моря;—желаніе почестей—подвергать опасности жизнь нашу въ сраженіяхъ; желаніе нравиться и заслужить похвалу другихъ—даетъ охоту пріобрѣтать знанія и усовершенствовать природныя способности наши. Однимъ словомъ, *желанія* необходимы для жизни, и потому они нѣкоторымъ образомъ сохраняющъ наше здорověе.

О Т Р Ы В К И

изъ *Рѣчи профессора И. И. Давыдова*, о содѣствіи Московскаго Университета успѣхамъ отечественной словесности.

11.

ЗАСЛУГИ УНИВЕРСИТЕТА ОТЕЧЕСТВУ.

Исчислять ли заслуги отечественной Словесности и тѣхъ пипомцевъ Университета, которые подвизались и подвизаются на поприщѣ Государственнаго служенія: краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ Слова Божія, митрополитовъ *Михаила* и *Серафима*, незабвенныхъ истолкователей Русскихъ древностей, митрополита *Евгенія* и *Малиновскаго*, переводчика *Шлецерова* *Неспора*, *Азъкова*? Щасливы тѣ, коихъ Провидѣніе назначило разливать свѣтъ истины, возбуждать любовь къ добродѣтели, вести родъ человѣчскій къ совершенству! Какое наслаж-

деніе сравнится съ пѣмъ увѣреніемъ, которое просвѣщенные могутъ носить въ сердцѣ своемъ: мы не напрасно пягопимъ землю; не безъ цѣли спремимся за другими въ эпохъ шумномъ вихрѣ спраспей и дѣйствій челоѵческихъ; мы не въ безмолвіи преходимъ назначенное Провидѣніемъ поприще?

Къ заслугамъ; какія оказалъ Московскій Университетъ отечественному просвѣщенію и Словесности, принадлежатъ труды Общества Любителей Россійской Словесности, въ 27 книгахъ заключающіе литературныя изслѣдованія теоретическія, историческія и критическія, образцы въ разныхъ родахъ Поэзіи, Краснорѣчія и Философіи. Въ этихъ трудахъ впервые разрѣшены многіе, весьма важные вопросы касательно языка и Словесности отечественной. Таковы изслѣдованія корней и измѣненій словъ, глаголовъ, Русскаго словорасположенія и словосочиненія, синонимъ, розысканія о языкѣ Славяно-церковномъ, разсмотрѣніе Русскихъ пѣсенъ, описанія старинныхъ Русскихъ праздниковъ, объясненія пословицъ, разборъ знаменитѣйшихъ нашихъ поэтовъ и ораторовъ, общія теоретическія изысканія о Словесности, переводы изъ древнихъ писателей, многія образцовыя сочиненія. Общество, кромѣ Трудовъ своихъ, издало четыре части Рѣчей прежнихъ Русскихъ профессоровъ здѣшняго Университета, начавшихъ излагать науки на отечественномъ языкѣ: да послужатъ онѣ дополненіемъ Исторіи Русской Словесности. Сколько трудностей встрѣчали предшественники наши при началѣ изъясненія наукъ на своемъ языкѣ, который въ послѣдствіи времени, съ большими опытами и непрерывными занятіями ученыхъ, обогащался, усиливался и возвышался въ красотѣ и великолѣпіи! Симъ памятникомъ Московскаго Университета и просвѣщенія нашего Общество сдѣлало то для преемниковъ своихъ, чего для насъ не успѣли сдѣлать наши предшественники. Говоримъ о содѣйствіи этого Общества народному образованію, значимъ говорить о вліяніи дара слова на нашъ умъ, волю и чувство. Знанія, какъ

сокровища, должны переходить въ наслѣдіе отъ попомспва къ попомспву. Нерѣдко одна мысль краснорѣчиваго писателя, раскрытая во всемъ свѣтѣ своемъ, осязательно для каждаго представленная, служитъ вѣрнѣйшимъ руководствомъ на всю жизнь челоѵка. Сколь чудны, хопя непримѣтны, дѣйствія роднаго языка, когда приведемъ себя на мысль, что въ немъ заключается вся система понятій—все, чѣмъ только мы выше всего, насъ окружающаго. Кто совершенно владѣетъ языкомъ своимъ, подпъ собою представляетъ мѣру народнаго просвѣщенія, степень знаній, нравовъ, чувствованій. Общества отечественной Словесности, какъ бы облекая знанія въ народность, содѣйствуютъ успѣхамъ просвѣщенія. Не мечтанія, сего дня раждающіяся, а завтра, какъ призракъ, исчезающія, но приложение умозрѣнія къ слову, его исторія, образцы—вопъ предметы Общества Словесности при Университетѣ. Отъ занятій просвѣщенныхъ литераторовъ, не подчиняющихъ себя своенравнымъ прихотямъ вкуса однодневнаго, отечественная Словесность получаетъ вѣрное свое направленіе. Мысль, что труды, подѣмлемые въ Словесности, имѣютъ столь обширныя дѣйствія на благо общественное—эта одна мысль служитъ наградою душамъ благороднымъ.—Щасливы любители изящнаго, которымъ суждено бытъ представителями своего народа, образовавъ его, направивъ къ добру, раскрытъ какую-либо сторону истины! Слово, дающее уму цвѣтностъ, у него заимспвуетъ, свой свѣтъ. Таково взаимное дѣйствіе ума и слова, науки и искусства, учености и Словесности. Кто-жъ главные двигатели эпохи общества? Раскройте Труды его—и вы увидите, начиная съ перваго Предсѣдателя (*), при которомъ оно, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, процвѣпало,—который самъ оставилъ образцы прекрасной прозы,—вы большею частію увидите имена профессоровъ или ихъ питомцевъ.

(*) Дѣйствительный стипендіальный совѣтникъ А. А. Прокатовъ - Антопскій.—В.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О Т Р Ы В О К Ъ.

Утро. Вдали синьеть боръ. Великолпное солнце, осыпая голубья волны Днѣпра золотистыми искрами,—пышно горитъ на подернутомъ, легкою посинью,—небосклонѣ.

На обломкѣ мшистой скалы сидитъ сѣдовласый слѣпецъ, опершись о свой нищенскій посохъ. Возлѣ него 8-ми лѣтній бѣдокурый мальчикъ. Въ споронѣ дежашъ гусли и сума.

Мальчикъ (*подаетъ гусли слѣпцу*).

Сыиграй мнѣ, дѣдушка,
Хотя про что нибудь;
Хотя про солнышко,
Про красно ведрышко.
Сидѣшь мнѣ скучно такъ.

Слѣпецъ.

Поспой, дитя мое,
Дай отдохнуть сперва—
Успалъ я до смерни.

(*Послѣ нѣкотораго молчанія*)

Прошли довольно мы!
Высоколъ солнышко?

Мальчикъ.

О! нѣпу, дѣдушка!
Надъ темнымъ боромъ все
Еще спитъ оно!
Да спой же что нибудь.

Слѣпецъ (*беретъ гусли*).

Ты надокучилъ мнѣ
Своею просьбою...
Ну, чтобы спѣшь тебѣ?

(*Играетъ и поетъ.*)

—Подъ буйнымъ посвиспомъ
Вѣшровъ порывистыхъ...
Гудитъ сосновый боръ.
Сквозь посинь легкую
Глядитъ на быспрый Днѣпръ
Заря туманная...
Въ волнахъ разсыпчатыхъ
Спруясь блеститъ она,
Какъ тканъ лятарная.
Вдали раскинуты

Споятъ бѣлы шапры,
Шапры воинскіе;
Въ поляхъ разложены,
Дымясь, прещатъ костры,
Костры высокіе.
Въ рѣкѣ гудятъ валы,
Кипятъ, шипятъ коплы,
Не съ дорогимъ виномъ,
Не съ золотымъ пшеномъ,
А съ вражьей кровію. —

Мальчикъ (*прерываетъ его*).

Ахъ! да, да, вспомнилъ я.
Пропой вчерашнюю
Мнѣ пѣсню, дѣдушка,
Про дочь боярскую.
Она мнѣ нравится

Слѣпецъ (*перебирая тony*).

Ужъ я забылъ еѣ.

Поспой-ка вспомню я.

(*Снова играетъ и поетъ.*)

—Не заря, заря румяная,
Сквозь шуманъ сѣдой прорѣзалася;
Не роса, роса жемчужная
На долинушку искры сыпала.
Дочь несчастная боярская
Разгоралася отъ кручины злой,
Слезы крупныя капилиси
На высокую грудь лилейную.
То не звонкая залетная
Въ частой рощицѣ пѣла пташечка;
То не ранняя кукушечка
Куковала грусть заунывную.
То красавица несчастная
Задушевныя рѣчи молвила:
Ахъ! не коршунъ злой съ поднебеси
Налетѣлъ стрѣлой на лебедушку;
Раздѣвалъ ей грудь пушистую
И разсыпалъ онъ бѣлы перышки.
То обманщикъ злой, старикъ лихой,
Обольстилъ меня горемыжную.
Изъ родной семьи увезъ меня
И сгубилъ мою—совѣсть дѣвичью.
Не цвѣсти цвѣтку пустынному

На бѣлыхъ снѣгахъ—въ зиму любую.
Ахъ! не жись и мнѣ покинутой
Въ горькомъ оцѣпѣ одиночества.—
Слѣпецъ (*встаетъ съ камня, отдавая гусли мальчику*).

Ужь не пора ли намъ
Въ путь отправиться?
Дипя мое,

Взгляни, не видно ли
Вблизи селенія?..
Мнѣ спрахъ какъ хочешся
Чего нибудь испить.

(*Обращался къ солнцу.*)

Взошло, знашь, солнышко:
Оно печешъ меня!

Мальчикъ.
Да, да, шеперь оно
Всѣ выше камишся.
(*Осматриваетъ окрестность.*)

Но, нѣшь! не вижу я
Вблизи селенія.
(*Скидая шляпу и положила гусли на камень.*)

Постой-ко, шляпою
Я зачерпну воды,
И мнѣ пить хочешся.
(*Подбѣгаетъ къ отлогому спуску берега, и, попернувъ воды, смотритъ на камешки*.)

Ахъ! сколько, дѣдушка,
Здѣсь крутыхъ камешковъ.
Вонъ шамъ подале...
Я наберу пойду.

Слѣпецъ.
Остерегись, дипя,
Рѣка быспра чрезъ чуръ.
Тамъ много камешковъ—
Необерешся всѣхъ.
Ну, почерпнулъ ли ты?

Мальчикъ.
Ай, рыбокъ сколько шамъ!...
Я ихъ поймашъ хочу.
Слѣпецъ.

Не упади, дипя,
Оспавъ въ покоѣ ихъ,
Пускай ихъ плаваюшъ.

Мальчикъ (*приноситъ слѣпцу воду*).

Ну пей же, дѣдушка,
Потомъ и я напысь.
А шамъ отправимся
Мы съ Богомъ далѣ.
И вѣрно къ вечеру —
Дойдемъ до хупора.

(*Слышенъ лай собакъ.*)

Слѣпецъ (*отдаетъ воду*).
Послушай-ка, дипя мое,
Гдѣ эпомъ лай собакъ?
Аль мнѣ прислышалось
На спаросиши?

Мальчикъ (*вслушивался, осматриваетъ окрестность*).

Эхъ! дѣдушка, тебѣ прислышалось!
А впрочемъ, можешъ бышь,
Русалка въ омушъ
Разхохоталася...
И вдругъ залаяла.
Вѣдь ты мнѣ сказывалъ,
Что по упру они,
И поздно вечеромъ,
На камнѣ моюшся
Жемчужной пѣною
И чешупъ волосы
Гребенкой часпою. —

Алексѣевъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Руководство для родителей, желающихъ опредѣлить малолѣтнихъ дѣтей своихъ въ Военно-учебныя Заведенія, составленное по приказанію Его Императорскаго Высочества, Главнаго Начальника Нахескаго, всѣхъ Сухопутныхъ Кадѣтскихъ Корпусовъ и Дворянскаго полка, и изданное по Высочайшему соизволенію. С. П. б. 1836. (*).

Книга, о выходѣ которой мы извѣщаемъ нашихъ читателей, пополняетъ чувстви-

(*) Продается въ С. Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Военно-Топографическаго Депо въ Мадой Милліонной

пельный донинѣ недоспапокъ въ указашель, копорымъ могли бы руководствовашься родители, родспвенники, опекуны и п. п. при опредѣленіи дѣтей въ Военноучебныя Заведенія. Пребывающіе въ С. Пешербургѣ еще могутъ кое-какъ справляться въ самыхъ заведеніяхъ; но для живущихъ въ провинціяхъ не было досель никакого средства узнать въ почности, на какомъ основаніи и съ наблюденіемъ какихъ формъ дѣши ихъ могутъ поступать въ разныя институцы. Опъ-эпого часто происходили большія неудобства: продолжительная и обременительная переписка; неожиданные отказы, по несоблюденію формы и предписанныхъ закономъ условій; напрасныя поѣздки, денежныя убытки, и наконецъ упущеніе срока и дѣшъ, копорые положены для пріятія воспитанниковъ, и п. п. Изданное нынѣ Руководство избавишь и дѣшей и родителей ихъ опъ всѣхъ недоразумѣній и хлопотъ; въ немъ изложены, во первыхъ: составъ, объемъ, степень и цѣль учрежденія *каждаго* изъ существующихъ въ Россійской Имперіи Военноучебныхъ Заведеній; во вторыхъ: основанія, на какихъ малолѣтныя опредѣляются въ разныя заведенія; въ третьихъ: порядокъ подачи въ сіи заведенія просьбъ, и пріема воспитанниковъ; въ четвертыхъ: преимущества воспитанниковъ Военноучебныхъ Заведеній при выпускѣ ихъ на дѣйствительную службу, и въ случаѣ неспособности къ оной; въ пятыхъ: о выключкѣ воспитанниковъ изъ Военноучебныхъ Заведеній за дурное поведеніе, или нерадѣніе. — Къ сему приложены: формы просьбъ и свидѣтельствъ, и программы наукамъ, пребуемымъ опъ молодыхъ людей при опредѣленіи ихъ въ заведенія; вѣдомоспъ лицамъ, начальствующимъ надъ Военноучебными За-

въ домъ Главнаго Штаба. Цѣна экземпляру, на хорошей бумагѣ и въ цвѣтной оберткѣ, 5 рублей ассигнаціями. За пересылку въ другіе города прилагается одинъ рубль.

веденіями, съ показаніемъ мѣспъ ихъ жптельспва, и наконецъ, подробный алфавитный указатель предметовъ, заключающихся въ семь Руководствъ.

Намъ рѣдко случалось видѣть книгу, составленную споль рачительно, опчетливо и подробно. Она можетъ принести пользу не только родителямъ, желающимъ помѣспить дѣтей въ заведенія: въ ней очень много любопытныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о цѣли, составѣ и устройствѣ учреждений для воспитанія военнаго юношества. Желательно было бы, чпобъ сочинитель ея занялся составленіемъ особенной Спашпспки Военноучебныхъ Заведеній Россійской Имперіи, достойныхъ вниманія во всѣхъ отношеніяхъ, и не имѣющихъ, своимъ объемомъ и устройствомъ, подобныхъ себѣ въ цѣломъ Свѣспѣ.

С. П.

Ш А Р А Д А.

Рѣка—чрезъ папскія владенія бѣгу;
Частичка—слѣдствія по-Русски выражаю.

Во фруншѣ! Къ ружью! — Покой опчизны
берегу
И рядъ шпыковъ врагамъ на-встрѣчу выспавляю.

Слогъ *третій* въ азбукѣ найдѣшь,
Проспая буква онъ въ напурѣ.

Я—слово *цѣльное*—служу въ архитекшурѣ.
И крышу-ль сводишь ты, фундаментъ ли
кладѣшь:
Всѣ эти дѣйствія ты мною называешь,
Пока все зданіе совсѣмъ не окончаешь.

С Н А Р А Д Е.

Lecteur point ne badine,
A mon premier si l'on veut s'élever,
Il faut que beaucoup l'on s'incline;
Le paysan que couvre mon dernier,
Et l'artisan, le riche, le Roi même,
Vous offrent mon entier dans leur vieillesse extrême.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 81.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 7 дня 1836 года.

Не стыдно ли тебѣ, Дамонъ, быковъ бояться?
Проспительно лишь шѣмъ роговъ ихъ опасаться,
Кпо не имѣешь чѣмъ оныя нихъ обороняться.

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Г У Д У Л Л А.

Ш. *Покорность судьбѣ.*

(*Окончаніе.*)

Когда *Гудулла* вышла отъ *Елены Форманъ*, кровь ея такъ сильно волновалась, въ головѣ ея подпилось столько смутныхъ мыслей, что въ эпомъ лихорадочномъ состояніи шѣла и души, она долго бродила по городу, не помня сама себя и не понимая, что дѣлалось съ нею. Ей было душно, она дышала съ трудностью, чувствовала ужасную тяжесть на груди; хотѣла плакать—и не могла. Такъ долженъ былъ спрдасть первородный отъ людей, когда ангель гнѣва небснаго, изгоняя его изъ рая, сказалъ: *иди*—и отнынь жизнь твоя будетъ юдолюю слезъ, и дни твои угаснутъ въ скорбяхъ!

И подлинно! Бѣдную лишили рая, отнявъ у неё послѣднюю радость ея—дѣшей *Елисаветы*.—Развѣ они не оставили её для чужой—для мачихи!—её, которая воспинала ихъ, лелѣяла и отдавала-бъ за нихъ кровь свою; её, которая, чтобъ видѣть ихъ щасливыми

и веселыми, готова была жертвовать блаженствомъ своимъ и въ эпомъ мѣрь и въ будущемъ!

О! да будетъ прокляпа женщина эпа! вскричала *Гудулла* въ испуленіи; прокляпа на вѣки!... Но едва выговорила она эпи ужасныя слова, первая во всю жизнь ея, какъ оспановилась и запрепешала отъ спраха.

Пресвятая Богородица! Что сказала я!.. Или Матерь Божія отъ меня отспунилась? О! не покинь меня. Владычица и вынь злобу изъ сердца моего!... Пойдемъ домой! продолжала она подумавъ; дѣпи ужъ вѣрно прѣхали, и опять будутъ ласковы со мною... За что я, дура, осердилась на нихъ? вѣдь они ещё ничего не смыслятъ, и сами не знаютъ что дѣлаютъ;—какъ пребывашъ разсудка отъ такихъ малютокъ? Имъ показали золотыя чепки, конфекты, игрушки, они и польстились на нихъ; чтожь туть мудренага? вѣдь они дѣпи!—Я также накуплю имъ чепокъ и конфектъ—и они попчасть забудутъ эпу женщину, которая хотѣла отвратить ихъ отъ меня.... Отъ меня!.. Она!... О, я умру! умру! прежде нежели эпо случится!

Спановилось уже совершенно темно, когда *Гудулла*, упомленная, опчаянная, больная, послучалась у подъезда.

— Дѣти прѣехали? — былъ первый вопросъ ея.

«Нѣтъ еще, госпожа *Гудулла*. Гдѣ это вы были? г. *Рубенсъ* ужъ два раза спрашивалъ васъ, и приказалъ позвать къ себѣ, какъ скоро вы придете.»

Холодный пощъ высунулъ на лицѣ *Гудуллы*; она чувствовала, что ей гоповилось новое нещасіе.

Перекрестясь, пошла она тихо въ комнату *Рубенса*, какъ преслупникъ на мѣсто казни.

Когда она вошла, *Рубенсъ* далъ знакъ, чтобъ другіе служители вышли, и остался съ нею одинъ. Бѣдная спарушка дрожала, колѣна ея подгибались, и глядя на нее, горячая слеза капнула изъ глазъ арписпа. — *Гудулла*, рыдая, упала къ ногамъ его.

— Просните! просните! — говорила нещасная; — но она опняла у меня любовь дѣтей моихъ, которыхъ ужъ не хопящъ смотрѣть на меня. — О! г. *Рубенсъ*, г. *Рубенсъ*! что было бы съ вами, еслибъ дѣти ваши переспали любить васъ? —

«*Гудулла*, ты жестоко оскорбила еѣ.»

— Какъ! развѣ она ужъ не хочеть выпити за васъ, сударь? — спросила спарушка, и глаза ея заблестали злобною радостію.

«Я не по хопящъ сказать, *Гудулла*... Но ты должна понять, что послѣ всего того, что произошло, вамъ не возможно жить подъ одной кровлею.»

— Такъ она выгоняетъ меня изъ вашего дому?... Она выгоняетъ меня отсюда? —

Гудулла вскочила, и, въ совершенномъ сумасшествіи, осмапривала вокругъ себя, какъ бы искавъ ножа, чтобы зарѣзаться.

Но эщомъ ужасный припадокъ бѣшенства не могъ продолжиться, и *Гудулла*, истощенная его силою, почти полумертвая, упала опять къ ногамъ *Рубенса*.

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! не выгоняйте меня! — говорила она, проливая поки слезъ;

не разлучайте меня съ дѣтьми моими... И я клянусь вамъ, что никогда не скажу ни одного слова, обиднаго для дѣвицы *Фроманъ*! что спану вѣсѣмъ хвалищъ еѣ, и если она хочеть, не буду казаться ей на глаза. — О, г. *Рубенсъ*! просите еѣ, чтобъ она просила меня и позволила оспаться; пусть она возьметъ меня въ кухарки, въ горничныя, во что ей угодно, — я буду служить ей усердно — одѣвать еѣ, наряжать въ брилліанты покойной *Елисаветы*.... буду даже.... любить еѣ, только бы она не выгоняла меня, и оставила съ дѣтьми моими! Не ужьли важны для неѣ слова бѣдной спарухи, которая выжила изъ ума и сама не знаетъ что говорить? О, г. *Рубенсъ*! — скажите это ей, — просите, чтобъ она умилосердилась надо мною... *Г. Рубенсъ*! сжальтесь... не убивайте меня — и позвольте мнѣ умереть при дѣтяхъ моихъ! —

«*Гудулла*! бѣдная *Гудулла* моя, ради Бога успокойся!»

— *Г. Рубенсъ*, послушайте! если я умрусь горя, то не тяжело ли будетъ обоимъ вамъ сказать себѣ: мы убили бѣдную *Гудулла*? — О, г. *Рубенсъ*, подумайте объ эщомъ, пока еще есть время, и не выгоняйте меня! —

«Хорошо, *Гудулла*! пойдѣмъ же вмѣстѣ умолять еѣ о прощеніи; можетъ быть, просьбы и слезы твои пронуть еѣ, и она позволитъ тебѣ оспаться въ моемъ домѣ.»

Гудулла покорилась безъ ропота эщой жестокой пыщкѣ, и не говоря ни слова, пошла за *Рубенсомъ* къ Еленѣ *Фроманъ*.

Елена, имѣя доброе сердце, сжалилась надъ спарушкою, и позволила ей оспаться мамою при дѣтяхъ. — На другой день, она обвинчалась съ *Рубенсомъ*, и съ эщой минуы началась для бѣдной *Гудуллы* новая жизнь тяжкихъ испытаній, которыхъ медленно помилла еѣ, и никогда не давали ей отдыха.

Горестный опытъ показалъ ей, какъ мало должно полагаться на дѣтскую привязанность, и какъ легко эщии невинныя пворенія забываютъ самую постоянную нѣжность нашу и неусыпныя спаранія, лишь только красивая игрушка или сладкой пирожокъ, въ рукѣ чужаго человека, прельщаютъ ихъ со-

бою. *Гудулла*, съ пайною грустью, принимала корысполобивыя ласки *Катеньки* и брапа ея, и боясь, чпобъ мачихины подарки ояпшь не отвлекли ихъ отъ неѣ, поспышно бѣжала въ лавки, чпобы купить имъ новыхъ игрушекъ—инспинкпъ и женщинъ и дѣпей говорипъ имъ, чпо они безопасно могутъ употреблять во зло слѣпую нѣжностъ пѣхъ, чья любовь къ нимъ безпредѣльна. *Гудулла* избаловала малюпокъ своихъ, и сдѣлала ихъ до пого своенравными, чпо другая на мѣспѣ ея потеряла бы съ ними всякое перпѣнѣе. *Катенька* по цѣлымъ днямъ дулась на спарую маму свою, если она осмѣливалась въ чемъ нибудь ей противорѣчить, а *Полинька* плакала и кричала на весь домъ, когда она не давала ему конфектъ, и мучилъ еѣ до пѣхъ поръ, пока бѣдная спаруха исполняла его желанѣе, предпочипшая смертельный спрахъ видѣть его нездоровымъ, несперпимой для неѣ гореспи; слышапъ рыданѣе его и жалобы.

Съ другой спороны, думая, чпо *Елена* еѣ ненавидѣшь, попому чпо она сама ненавидѣла *Елену*, *Гудулла* чувспвовала, чпо молодая женщина эпа не могла вѣрпть ей ни въ чемъ, и совсѣмъ пѣмъ льспила ей безсовсѣпно, спаралась угадывапъ всѣ ея мысли, всѣ желанѣя, и угождала самымъ безразсуднымъ пребованѣямъ ея съ рабскимъ подобоспраспѣемъ. Эпаго недовольно; она спала пашпъ любовь свою къ дѣпямъ, не смѣла ни ласкапъ, ни даже смотрѣпъ на нихъ въ присупствѣи г-жи *Рубенсъ*, и когда бывала съ ними одна, по обнимала ихъ украдкою, боясь, чпобы не вошли и не увидѣли ихъ съ нею. Часпо говорила она о чрезмѣрной *Катенькиной* любви къ мачихѣ; пересказывала *Еленѣ* мнимые разговоры дѣвочки съ брапомъ, въ копорыхъ изьясняла она чувспва свои къ ней; но, по нещаспю, всегда съ краснорѣчѣемъ, несвойспвеннымъ ни понѣпямъ ея, ни возрасту, и слѣдовапельно очень невѣрояпнымъ.

Елена не оказывала никакого вниманѣя къ бѣдной *Гудуллѣ*, не смотря на безпреспанную ея усилѣя правпться ей. Не понимая свдпой цѣды ея благороднаго униженѣя, она

видѣла въ немъ одно подлое, гнусное лицемерѣе презрѣнной рабы, и не скрывала опвращенѣя своего отъ *Гудуллы*; слѣдовапельно, нещаспная спарушка безпреспанно препепала, чпобъ еѣ не разлучили наконецъ съ дѣпьми и не выгнали изъ дому.

Чпо-жъ касается до *Рубенса*, по онъ мало занимался *Гудуллою*, копорую не видалъ почти никогда. Живопись, молодая и прекрасная жена, друзья, общеспво, дѣлили часы его и доспавляли ему живые и всегда новые наслажденѣя. Онъ давалъ блестящѣе праздники, на копорые знапнѣйшѣе вельможи Европы щипали за честь быть приглашенными; *Елена* оживляла ихъ красосою, любезностпю, умомъ своимъ; она запмѣвала прекраснѣйшихъ женщинъ Анпверпена, и щаспливый *Рубенсъ* гордился выборомъ своимъ.

IV. Паслѣдняя жертва.

Рубенсъ праздновалъ день женипъбы своей, ровно черезъ годъ послѣ пого, какъ щаспѣе водворилось въ домъ его вмѣспѣ съ *Еленою*.

Никогда еще обширный и великолѣпный *Стѣенскій* замокъ, гдѣ жилъ знаменптый художникъ, не заключалъ въ спѣнахъ своихъ сполько славы, величѣя и блеску, какъ во время пышнаго праздника, даннаго *Рубенсомъ*. Въ числѣ гостей особенно опмичались: *Букингамъ*, любимецъ Англѣйскаго короля *Карла I*; *Гастонъ*, герцогъ Орлеанскѣй, сынъ королевы *Марѣи Медицисъ*; кавалеръ *Вергультъ*; *Гереръ*, секретаръ города Анпверпена; баронъ *Визъ*, посолъ эрц-герцога *Алберта*; *Авраамъ Янсенъ* и *Венцеславъ Кольбергеръ*, сначала соперники, попомъ друзья *Рубенса*; *Снейдерсъ*; *Ван-Эгмонтъ*; пейзажистъ *Корнилий Геленбургъ*; *Герардъ Гонтгортъ*; *Горденсъ*; *Давидъ Тензеръ*; *Ван-Туленъ*; *Вандикъ*, и многѣ другѣе; всѣ наперерывъ поздравляли *Елену* и *Рубенса*; еѣ, какъ первую красавицу своего вѣка, его, какъ царя, по генѣю своему, надѣ всѣми художниками Европы.

Но, какъ описапъ волшебспво эпихъ длинныхъ галерей, убранныхъ карпинами, цѣфтами, спашуями, — освѣщенныхъ множеспвомъ люспрѣ, гдѣ, при звукахъ музыки, въ легкомъ облакѣ ароматовъ, расхаживали бла-

городныя дамы, ослѣпительныя красою и алмазами — и знашныя кавалеры, въ парчевыхъ кафпанахъ, съ шпагою на бедръ, золотою цѣпью на шеѣ и въ бархатныхъ покахъ съ длинными перьями? Посреди эпои блестящей полны — какъ королева, являлась щасливая супруга *Рубенса*, и, съ горделивою улыбкою, слушала лестныя привѣспвiя молодыхъ вельможъ, которые всѣ окружали её съ почпениемъ. Слава мужа ея была лучшимъ украшениемъ *Елены*; — и ея опвѣтъ опражался на высокомъ и благородномъ челѣ ея.

«Не ужьли Англійскій Дворъ не будетъ имѣть щаспiя видѣть васъ?» говорилъ ей *Букингамъ*.

— О! если г-жа *Рубенсъ* вздумаетъ оспавить насъ, — возразилъ съ жаромъ *Вандикъ*: по мы подыместъ знамя войны, и опобьемъ её у Англичанъ! —

«Но если вы насъ побѣдите, по мы попросимъ оспавиться въ плѣну;» прибавилъ заспѣчивый *Снейдерсъ*, закраснѣвшисъ какъ молодая дѣвушка, которая видить, что вырвавшiйся у неё слова, обратили на неё общее вниманiе.

— Нѣтъ, благородные кавалеры, — опвѣчала имъ *Елена*: никогда не покинемъ мы прекрасной нашей Фландрiи! — Не правда ли, *Рубенсъ*? Фландрiя для сыновъ своихъ есть поже, что для Италiанцевъ щасливая земля ихъ; оспавивъ её, они помятисъ уныниемъ, и спѣшатъ ожить духомъ подѣ шуманнымъ небомъ ея — эпимъ вдохновительнымъ небомъ, которое пипаетъ мечпы художника и воскресляетъ гений его; я ссылаюсь въ эпому на васъ, г. *Горденсъ*, на васъ, милый *Вандикъ*! — вы краснорѣчiе меня; скажите же герцогу *Букингаму*, что Фландрiя есть опечество гениа, и что въ ней, болѣе нежели гдѣ нибудь, родящися люди съ умомъ глубокимъ, съ великою и сильною душою. Посмотрите вокругъ себя, герцогъ! сочитите, сколько здѣсь славныхъ художниковъ; всѣ они выросли, образовались на эпому маленькомъ уголкѣ земли, — и восхищенная Европа пвердитъ имена ихъ, а попомство опличитъ ихъ произведенiя об-

щимъ названiемъ *Фламманской Школы*. — О, друзья мои! да здравспвуетъ Фландрiя! да процвѣпаютъ въ ней на вѣки и художества и любовь къ прекрасному! —

«Да здравспвуетъ Фландрiя! да процвѣпаютъ въ ней художества!» закричалъ *Рубенсъ* и всѣ бывшiе въ залѣ. Эппузiазмъ *Елены* былъ заразителенъ.

Вдругъ слуги вбѣжали съ ужаснымъ извѣспiемъ — пожаръ! пожаръ! и въ ту же мипу багровое зарево освѣпило весь дворъ, и страшныя облака пламени и дыму вырвались изъ флигеля, занимаемаго дѣпми *Рубенса*.

— Дѣпи наши! дѣпи! — закричала *Елена*, и, какъ спрѣла, бросилась въ ту спорону, гдѣ загорѣлось.

Къ щаспiю, дѣпи были уже спасены; слуги вынесли ихъ изъ огня, и *Елена*, схвативъ ихъ въ свои объапiя, покрыла поцѣлуями. Между пѣмъ, полицiя, народъ и всѣ люди *Рубенса* спарались пушить пожаръ; но вѣсперъ дулъ съ такою силою, что можно полько было надѣпаться опспоять главный корпусъ зданiя и другое принадлежащее къ нему спроеиe; флигель же долженъ былъ сгорѣть совершенно.

«Тамъ кто-то оспался!» закричалъ вдругъ *Рубенсъ*, который спопрѣлъ какъ ломали крышку.... «О, Боже! кто эпо идепъ посреди огня?... Не ходи! не ходи дальше! ворописъ, или ты погибнешь!»

Но человѣческая фигура все подвигалась ближе и ближе и зрители узнали въ ней *Гудулли*! Она искала дѣпей.

— Ворописъ, ворописъ! они живы, они спасены! — кричали ей; — и *Рубенсъ*, *Вандикъ*, *Букингамъ*, *Горденсъ* — бросились ей на поможь.

Но увь! ужъ было поздно! несчастная, услыша слова: они спасены — вскрикнула опъ радости, и въ эпо минушу кровля обрушилась.....

НОВАЯ РУССКАЯ КНИГА.

Путешествіе по Св. мѣстамъ Русскимъ.—*Троицкая Лавра.—Ростовъ.—Новый Иерусалимъ.—Валаамъ.* С. П. Б. 1836.

Между различными впечатлѣніями, вкрадывающимися въ душу человека, есть такія, которыхъ вліяніе имѣетъ какую-то таинственную, непонятную опраду. Сокрытые, скромные цвѣты нашей житейской пустыни, эти сладкія впечатлѣнія, разливаютъ мгновенное благоуханіе вокругъ усталого странника, и быстро уносятся рѣзвымъ порывомъ мимолепнаго вѣтра. Кто не испыталъ въ какую либо торжественную или прогательную мину свою жизнь невыразимаго, почти незамѣтнаго оцѣпенія плесныхъ членовъ, какъ бы засыпающихъ отъ пробужденія духа? Краснорѣчивые признаки внутренняго восторга, мгновенное молчаніе и мгновенная неподвижность выражаютъ прекрасно нищету внѣшней природы. Такъ умолкаетъ вѣтръ долины, когда тихая луна изливаетъ утѣшительное мерцаніе на спрадальца, угнетеннаго скорбію. Глубокое чувство и высокая мысль, вопль двѣ единственныя, священныя струны, издающія изъ нашей души столь полныя, столь стройныя созвучія. Не будемъ смѣшивать бурныхъ восхищеній толпы съ тихимъ, спокойнымъ восхищеніемъ чувствительнаго сердца. Для полнаго наслажденія чистыми думами и ощущеніями, наибѣе воображеніе пребудетъ нѣкотораго одиночества, чтобы посторонніе помыслы не осквернили его высокаго блаженства. Такъ благочестивый пастырь въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ молящихся приноситъ предъ алтаремъ свое теплое, умиленное молитвословіе.

Эти мысли родились въ моемъ умѣ при чтеніи *Путешествія по Св. мѣстамъ Русскимъ*, сочиненія драгоценнаго по своимъ впечатлѣніямъ. Не лзя не порадоваться появленію таланта г-на *М-ва* въ нашей литературѣ. Кипучая жизнь умственной дѣятельности Русскихъ такъ быстро пошла по разнообразнымъ направленіямъ, представившимся ей со всѣхъ сторонъ; она такъ

опрометчиво познакомила насъ съ причудливыми частностями домашняго и свѣтскаго быта, съ воздушными теоріями политическаго кабинета, съ надутыми умствованіями философической школы; она такъ сильно закружила насъ въ оглушительномъ вихрѣ спрасей, мечтаній, рашетовъ, заблужденій,—что мы не могли остаться равнодушными къ гармоническому, хотя и слабому голосу, призывающему насъ отъ дольнаго къ горнему. Мелькаютъ изрѣдка чуть видныя промежутки голубаго свода по горизонту, покрытому волнистыми облаками; проглядываютъ также иногда и спокойныя, высокія чувства изъ среды мятежныхъ спрасей или мелочнаго разсѣянія. Въ XIX вѣкѣ,—вѣкѣ религиозныхъ умствованій, когда религія Христіанская разбирается съ систематической надменностью, а не принимается съ простодушною кротостью, утѣшительно видѣть юнаго Христіанина, полнаго вѣры и горячей любви къ повѣріямъ своихъ предковъ. Религіозная редакція, которою славятся наши современные философы, есть конечно важный шагъ отъ совершеннаго безвѣрія; но какъ она еще ничтожна, какъ она еще сжата въ своей земной оболочкѣ. Аналитическій разборъ религіи есть безсильное покушеніе нашей мірской мудрости—поспигнуть мудрость Вышняго, мудрость, доступную единственно духовному уничиженію, а не суешному самолюбію: *блаженни нищіе духови*, говоритъ самъ Спаситель.

Сотворивъ молитву, усердно перекрестившись, по древнему Христіанскому обычаю, г-нъ *М-ва* вступилъ на поприще нашей словесности. Онъ съ благоговѣніемъ ввелъ своихъ читателей въ древніе храмы, предъ честныя иконы святыхъ угодниковъ, объяснилъ имъ величественное знаменованіе обрядовъ нашей церкви, почтенное достоинство сана пресвитеровъ. Новая, малозвѣстная до сихъ поръ атмосфера окружила самыхъ свѣтскихъ мыслителей; озлащенные куполы, дымящійся фиміамъ, горящіе свѣщальники, краснорѣчивые иноки, духовныя бесѣды, вся эта внѣш-

ность Христіанства получила новое, глубокое значеніе въ глазахъ неопытныхъ зритель, не знакомыхъ съ писаніями Святыхъ Опцевъ. Преданность къ православію, отличительная черта характера Русскаго, привѣщивала съ непритворнымъ одобреніемъ первые опыты набожнаго писателя. Не лзя упайть невольнаго сочувствія, влекущаго насъ къ священнымъ предметамъ благоговѣнія нашихъ праопцевъ; церковные обряды связаны духовнымъ родствомъ съ преданіями нашего младенчества и льпописями нашей славы. Чѣмъ-то роднымъ, чѣмъ-то кровнымъ нашему патриотизму опзываются рассказы о пламенныхъ ревнипеляхъ испинъ Евангельскихъ, описанія великихъ поржествъ Христіанскихъ, изліанія горячихъ чувствъ дѣльской, чистѣйшей вѣры. Сердце каждаго человека вздыхаетъ привольнѣй опъ воспоминаній прошедшаго, погружается съ наслажденіемъ въ свое минувшее: а прошедшее Русскаго—богато, воспоминаніями религіозными; его минувшее—освящено набожноспію опцовъ и дѣдовъ. Ужели нашъ взоръ не оспановишься съ умиленіемъ на эпоу полуразвалившейся гробницѣ, вмѣщающей въ себя сполько сокровищъ, сполько святыни?

Во время послѣдняго Турецкаго похода одному молодому офицеру пришла благая мысль — посѣпипть гробъ Господень. По заключеніи Адрианопольскаго мира, благочестивый воинъ сбросилъ съ себя оружіе брани, и опираясь на посохъ, богомольца, удостоился поклониться святымъ мѣспамъ. Сильныя, многочисленныя впечатлѣнія, наполнившія его поэтическую душу, не могли не вылииться обильно въ прекрасномъ сочиненіи, сохранившемъ для насъ занимательное его пупешествіе. Какъ живописецъ, спарающийся предасть начертываемой имъ иконѣ все величіе древней живописи и всю нѣжность новѣйшаго искусства, г-нъ М-въ сохранилъ въ своемъ слогѣ энергію языка церковнаго и гибкость языка современнаго.— Хопя его повѣспованіе о Іерусалимѣ не удовлетворило совершенно строгихъ ученыхъ, всегда требующихъ новыхъ результатовъ опъ какихъ бы то ни было наблю-

деній; но оно достигло своей цѣли пѣмъ, что заставило насъ плакать шамъ, гдѣ плакалъ авпоръ,—безмолствовать, гдѣ онъ безмолствовалъ,—молиться, гдѣ онъ молился: оно достигло своей цѣли пѣмъ, что перенесло въ насъ всѣ впечатлѣнія, произведенныя на автора видѣнію имъ благодатію, споль выразительною въ оспавленныхъ ею развалинахъ.

Возвратившись въ Россію, г. М-въ посѣпилъ нѣкопорыя обители своей родины и подарилъ чипателѣй новою книгою подѣ названіемъ: *Путешествіе по Св. мѣспамъ Русскимъ*. Не бьетса-ли уже сердце при одномъ эпимъ заглавіи: святыя мѣспа Русскія! Сколько дѣлній, сколько именъ, сколько событій воскресаетъ въ виду бѣлокаменныхъ оградъ, позлащенныхъ крестовъ, нѣмыхъ и хладныхъ свидѣтелей сполькихъ жизней, сполькихъ смертей. Древніе монастыри въ Россіи украшены не одной знаменитостію своей святости, они весьма важны и по историческому своему достоинству. Въ числѣ смиренныхъ иноковъ, испуспившихъ духъ или проведшихъ юные дни въ какой нибудь уединенной обители, мы встрѣчаемъ царей, первосвящипелѣй, льпописцевъ, полководцевъ;—ихъ души опошли въ вѣчность, но оспанки ихъ почиваютъ нѣплѣнными въ пѣхъ обителяхъ, гдѣ покоишься подлѣ нихъ прахъ князей и сильныхъ земли; молебны, панихиды величаютъ священную память первыхъ; надгробныя надписи сохранили полусперпыя имена послѣднихъ.

Замѣчательнѣйшее мѣсто богомолья во всей Россіи, Троицкая Лавра,—обратила первая на себя вниманіе г-на М-ва. Его искусная кисть предспавляетъ намъ эпю живописную обитель въ полусумрачный часъ вечера, по окончаніи всенощнаго бдѣнія. Какъ удачно выбраны пѣни для эпой плѣнипельной карпіны! Тотъ, кому случалось прислушиваться къ опдаленному гулу полусонныхъ окрестностей Лавры, кому случалось приглядываться къ прозрачной завѣсп, опумайвающей постепенно зданія и церкви монастырскія, топъ конечно постигнетъ всю прелестъ такихъ мѣспныхъ подробно-

стей, какъ на пр. спукъ спорожа въ доску, шорохъ мимоидущихъ богомольцевъ, отда- ленный лай собакъ или мърный звукъ часо- ваго колокола. На другой день посѣщеніе церквей побуждаетъ автора распроспра- ниться объ историческихъ событіяхъ, обез- смертившихъ Троицкую обитель. Предста- вивъ ея внѣшнія украшенія и богатства, онъ какъ жемчужинами унижаетъ еѣ свя- тыми именами *Сергія, Алексія, Вассіана, Мак- симы, Михеля, Діонисія и Авраама*. Словно для опытки свѣтлаго клира праведныхъ, онъ оприсовываетъ вдали мрачныя черны Царя *Іоанна* и гордую осанку *Годунова*: пѣло *Бориса* лежишь уединенно у вратъ собора, подъ пѣсною каменной палаткой; гробница *Гроз- наго* стоишь въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ; она опслонилась въ темный уголъ опъ прочихъ княжескихъ гробницъ!.. Крошкая, умная, даже краснорѣчивая бесѣда намѣсп- ника монастыря съ г-мъ *М-мъ* заключается въ лучшихъ страницахъ этой книги. Ль- топись *Лавры* оживляется въ прекрасныхъ разсказахъ *А—я*, проходящаго съ пупеше- спвенникомъ по пѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ случились важныя событія. Увлекатель- ная простота повѣствователя изрѣдка оду- шевляется грустными размышленіями о сует- шахъ міра, и даже прогааетъ при прекрас- ныхъ сравненіяхъ безпечнаго нашего суще- ствованія съ многопрудною жизнію Препо- добнаго *Игумна*. Внѣанія, гдѣ все безъ ис- ключенія, опъ великолѣпнаго храма до по- слѣдняго кустарника, живеть памятью умнѣйшаго іерарха Греческой Церкви, при- влекла къ себѣ равнымъ образомъ любопыт- наго богомольца. Въ слѣдующее упрое, на са- момъ разсвѣтѣ, онъ уже ѣхаль по Роспов- ской дорогѣ. Нельзя не пожалѣть, что онъ пѣсколо болѣе не распроспранился о Пе- реяславскихъ монастыряхъ св. *Никиты Стол- пника* и св. *Даніила*. Обитель послѣдняго совершенно опустѣла; только два или три преспарѣлыхъ монаха для какого нибудь не- извѣстнаго проходящаго, слабымъ голосомъ поюшь молебны Преподобному; нищета церкви — достойна состраданія. Такое пу- спынное убѣжище иночества конечно бы могло внушить поэлу нѣсколько спрокъ

краснорѣчиваго унынія! Солнце уже захо- дило, когда въ прапезѣ Росповскаго Яков- левскаго монастыря, набожный пупникъ поклонился надгробному камню спарца *Ал- филиогія*. Въ обѣихъ споллицахъ, многіе бла- говождють передъ памятью праведнаго ино- ка, 40 лѣтъ не опходившаго опъ раки св. *Димитрія*. Какъ живо многимъ шеперь еще представляется постное, блѣдное лицо ино- ка; его пѣло, согбенное подъ шяжеспью желѣзныхъ веригъ; его насавленія, пакъ пріятно, пакъ безыскусственно вылепавшія изъ дрожащихъ устъ! Кто имѣль шаспие знашь спарца *Алффилогія*, топъ вѣрно про- силъ тайно предспашельспва его у преспю- ла Божія. Два разговора съ архимандритомъ *А-мъ*, приводимые г-мъ *М-мъ*, имѣють нѣко- порую назидательность; но пріятнѣ бы было чшашельямъ познакомиться при мо- щахъ св. *Димитрія*, при развалившейся его келліи съ занимательнѣйшими подробно- спями иноческой жизни Свяшпшеля. Хошя его подвиги давно уже всѣмъ извѣспны, но безъ сомнѣнія прекрасная душа автора придала бы этимъ воспоминаніямъ новую, сладкую свѣжеспь. На возвращномъ пупи въ Троицкую обитель, г-нъ *М-въ* былъ до- вольно шаспливъ, онъ насавдился нѣсколь- кими минупами, носящими въ себѣ, пакъ сказать, предвкусіе вѣчнаго блаженспва. Уже поздно вечеромъ, по приглашенію доб- раго намѣспника, онъ пошелъ предъ са- мымъ опѣздомъ поклониться мощамъ Пре- подобнаго *Сергія*. Монашпвская брашя предалась спокойному сну, а одинъ гробовой монахъ спояль предъ ракой на молишвѣ, когда взошелъ *А-й* въ церковь, сопровождае- мый пупешеспвенникомъ. Намѣспникъ, на- дѣвъ на себя епашрахий, самъ началъ слу- жить молебенъ съ шоржеспвеннымъ благо- говѣніемъ. Мрачная темнаша храма, озарле- маго одинокою лампадою, горящею предъ- ракою угодника; ночная пишина, оглашае- мая шонкимъ, но гармоническимъ голосомъ намѣспника, чшашающаго хвалебный ака- еиспъ; слабые возгласы гробоваго спарца: *радуйся Сергію, великій шудотворце!* прерыва- ющіе чпеніе хвалебнаго канона. Чудное мгновеніе! Предспавьте себѣ въ эшопъ са-

мый мигъ, умилительное выраженіе кропкаго лица *Антонія*, еще юнаго, озареннаго спокойной совѣстью; пронупую физиономію молящагося пупника, неподвижный, почтенный видъ поющаго инокъ! Нѣтъ, какъ ни живо ваше воображеніе, оно не довершишь эпои безпримѣрной, единственной карпины! Прощанія г-на *М-ва* съ опцемъ *А-мъ* доставляють удовольствіе каждому чувствительному сердцу; эпои прощанія освѣщаются молитвословіемъ, въ знакъ того, что даже житейскіе помыслы опшельника, изліянія его немощи, повѣряются Богу, какъ Опцу, внимающему исповѣди сына.

Путешествіе въ новый Иерусалимъ описано съ опчепливостью и ясностью; оно преимущественно занимательно для пѣхъ, которые посѣщали Палестину и могутъ вѣрно оцѣнить сравненіе древняго храма съ новымъ; но пѣ, которые не видали цвѣпущихъ береговъ Иерихона, обрапляютъ скорѣе вниманіе на поэпическія воспоминанія о папріархѣ *Никонѣ*; повѣспованіе его кончины надъ его гробомъ, вспавлено весьма кспапи и не лишено эспетического достоинства.

Валаамская обитель предспаляется какой-то опдѣльной пѣсною религіозной поэмы. Подъ покровомъ лунной ночи, при звукахъ церковнаго пѣнія, разглашаемаго кормчимъ инокомъ по спокойнымъ волнамъ озера, г. *М-ва* приплываетъ въ монастырь Валаамскій. Пустынная жизнь опшельниковъ, удалившихся въ совершенное одиночество, дышитъ подъ его кистію невыразимой безмятежностью; рассказъ *Иоанна Даласкина*, переложенный прекрасно на Русскій языкъ, заспаляетъ сожалѣть, что и прочія сочиненія эпого святаго мужа недоступны большей части. — Здѣсь оканчиваются, по крайней мѣрѣ до сего времени, набожныя предпріятія г. *М-ва*. Мы спарались передать во всей подношѣ впечатлѣнія, произведенныя на

насъ эпои книгой. Быть можетъ, гг. литераторы не найдуть въ эпои спапль всѣхъ условий, пребуемыхъ опъ крипики; они въ ней не увидяють ни испорического, ни литературнаго взгляда. Но эпои спроки были писаны въ первомъ пылу изліянія чистыхъ чувствованій, возбужденныхъ книгою г-на *М-ва*. Кто усумнился, чтобы въ разобранной нами книгѣ не нашлось нѣкоторыхъ погрѣшностей и недоспапковъ? — но мы смѣло увѣрены, что въ глазахъ благонамѣреннаго крипики, красоты эпого небольшого сочиненія вознаграждаютъ съ избыткомъ, несовершенство, которыхъ человѣческій умъ не въ силѣ избѣгнуть.

(М. Н.)

ENIGME.

Avec nous en tous lieux, en tout temps on se couche,
On nous charge parfois d'or et de diamans;
Mais quelquefois, lecteur, un seul mot qui nous touche,
A pour nous plus d'appas que tous les ornemens,

Въ NN^о 79 и 80-мъ, помѣщенныя шарады значають: *Courbure*; *По-строй-ка*.

ОБЪЯСНЕНИЕ КАРТИНКИ МОДЪ.

Pl. N^о 27. Robe de pou de soie bleu-ciel, garnie de hautes dents de loup en pou de soie; manches à six bouillons pou de soie bleu et crêpe blanc. — Coiffure à la Ninon avec couronne de roses blanches. — Robe de crêpe blanc; manches courtes demi-plattes rayes de velours; gants longs bordés de velours.

Карп. N^о 27. Плапье изъ голубаго пу дѣ суа, опдѣланное высокими данъ дѣ лу; рукава изъ шестиперехвашовъ голубые пу дѣ суа голубаго и бѣлаго крепа. — Причѣска à la Ninon съ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ. — Плапье бѣлое крѣповое; рукава короткіе съ бархашными полосками; длинныя перчашки съ бархашомъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 82.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Октября 10 дня 1836 года.

Вы, забавушки при радости моей,
Цвѣтны алые, поблекните скорѣй!
Вась горючими слезами оболью,
Вамъ однимъ скажу про горесть я свою.
Какъ безъ солнышка не можно вамъ пробыть,
Мнѣ безъ милата не можно больше жить.

А. Мерзляковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

МЕРТВЕЦЪ.

(Повѣсть.)

Я вступилъ еще въ дѣтствѣ въ Орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, или Мальшійскій, и былъ потчасъ принятъ въ число пажей его свѣтлости, великаго магистра дона Раймунда и Переллосъ и Сурига и Лопесъ де Цапатанъ и Са де Каталудъ, который былъ мой дальній родственникъ. Это доставило мнѣ честь командовать, въ 25 лѣтъ, галерой Ордена; а на слѣдующій годъ, великій магистръ пожаловалъ мнѣ самое богатое и выгодное командорство.

И такъ, я могъ уже надѣяться занимать самыя важныя должности Ордена; но какъ они даются только старикамъ, то я и оставался покуда совершенно празднымъ въ Мальшѣ. Со скуки, я слѣдовалъ примѣру нашихъ первѣйшихъ сановниковъ, и занимался единственно любовными похождениями. Я смотрѣлъ на это, какъ на простительный

грѣхъ; и теперь желалъ бы быть въ эпѣмъ виновнымъ! Но то, въ чемъ я вѣчно буду раскаиваться, было слѣдствіемъ пресупннаго и слѣпаго гнѣва, который сдѣлалъ изъ меня величайшаго изверга. Разверну передъ вами обстоятельство по порядку.

На островѣ Мальшѣ живутъ нѣсколько древнихъ дворянскихъ фамилій, которымъ не дозволяется вступать въ Орденъ; они не имѣютъ никакого сношенія съ кавалерами, и признаютъ власть одного магистра и его совѣта. Первый классъ жителей, послѣ дворянства, составляютъ гражданскіе чиновники, находящіеся подъ покровительствомъ кавалеровъ. Дамы этаго средняго сословія называются *Гонораталли*, — титулъ, который онѣ дають себѣ между собой, и котораго онѣ вполне достойны благороднымъ поведеніемъ, или, можетъ быть, осторожностью и тайнственностью ихъ любовныхъ связей. Онѣ узнали по собственному опыту, что тайна не можетъ быть хранима Французскими кавалерами, и что чрезъ

вычайно рѣдко Французъ соединяетъ молчаливость съ другими хорошими качествами. Изъ этого произошло то, что молодые Французы, привыкшіе вездѣ къ блистательнымъ успѣхамъ подлѣ женскаго пола, вовсе не любимы дамами въ Мальтѣ. Нѣмецкіе кавалеры, которыхъ впрочемъ весьма мало, болѣе другихъ нравятся Гоноратамъ, и я всегда думалъ, что по тому причиной ихъ меланхолическій видъ и цвѣтъ лица свѣжій и дѣвственный. Послѣ Нѣмцевъ, мы, Испанцы, приняты лучше другихъ, и это приписываю нашему извѣстному характеру, молчаливости и честности. Французскіе кавалеры, особенно молодые, всячески спараются мстить Гоноратамъ; они безмилосердно насмѣхаются надъ ними, и открываютъ всѣмъ ихъ самыя тайныя любовныя связи; но такъ какъ они имѣютъ сношенія только между собою и не знаютъ Испанскаго языка: то ихъ злословіе не имѣетъ большаго вліянія.

Мы жили нѣсколько времени спокойно и мирно съ Гоноратами, какъ вдругъ пріѣхалъ въ Мальту командоръ *де Фулькеръ*, изъ древней фамиліи великихъ сенешаловъ Пуапу, происходящихъ отъ первыхъ Ангулемскихъ графовъ. Онъ нѣсколько разъ былъ въ Мальтѣ: во первыхъ, чтобы участвовать въ караванахъ или походахъ противъ Турокъ; во вторыхъ, чтобы сойтись тамъ съ какимъ-то Миланскимъ кавалеромъ, котораго онъ непременно хотѣлъ убить, и наконецъ, для того, чтобы произнести объѣтъ и присягнуть Ордену. Каждый разъ этотъ Французъ имѣлъ кровавыя поединки. Теперь онъ пріѣхалъ для того, чтобы принять начальство надъ галерами, и такъ какъ ему уже было 35 лѣтъ, то всѣ ожидали, что онъ сдѣлается благоразумнѣе. И точно: всѣ наши, что командоръ *де Фулькеръ* не такъ уже вспыльчивъ и дерзокъ, какъ прежде; но, что этого гораздо хуже, онъ сдѣлался гордымъ, непослушнымъ, завистливымъ, и требовалъ отъ всѣхъ болѣе почтенія, нежели самъ великій магистръ.

Всѣ Французскіе кавалеры подпились въ домъ командора, открытымъ для всѣхъ; но

мы рѣдко тамъ бывали, и наконецъ совсѣмъ его оставили, видя, что разговоръ касался самыхъ непріятныхъ для насъ предметовъ, особенно, когда дѣло шло о Гоноратахъ, которыхъ мы искренно любили и почитали.— Когда командоръ ходилъ гулять, его вѣчно окружала Французская молодежь; онъ водилъ её въ *Страда-Стретту*, чтобы показывать имъ мѣста, гдѣ онъ имѣлъ поединки, и рассказывать имъ ихъ подробности. Дуэли не позволены и строго наказываются въ Мальтѣ, вездѣ, кромѣ въ *Страда-Стретта*, узкой и длинной улицѣ, гдѣ всѣ дома безъ окошекъ и безъ дверей на эту сторону. Она такъ узка, что два человѣка едва имѣютъ мѣсто дрались на шпагахъ. Опуступать некуда. Секунданты останавливали прохожихъ, которые могли бы помѣшаться сражающимся. Этотъ обычай существовалъ для того, чтобы уменьшить число дуэлей, потому что всякій рыцарь, который не хотѣлъ ни вызываться на дуэль, ни отвѣчать на вызовъ, могъ никогда не проходить этой улицей; единоборство же въ другомъ мѣстѣ не считалось за дуэль. Впрочемъ, смертию наказывали тѣхъ, кто приходилъ въ *Страда-Стретту* съ пистолетами, или кинжаломъ. Можно сказать, что дуэли были и запрещены и позволены въ Мальтѣ, но всѣ говорятъ объ этомъ позволеніи со стыдомъ и смущеніемъ, какъ о нарушении Христіанскихъ правилъ въ самой столицѣ Ордена *монашескаго, рыцарскаго и гостепріимнаго*. И такъ, можно видѣть, какъ неприличны были прогулки командора въ *Страда-Стретту*. Слѣдствіемъ этого было то, что Французскіе кавалеры сдѣлались немного дерзкими и вспыльчивыми; и какъ этотъ духъ раздора примѣтно усиливался, то Испанскіе кавалеры удвоили оспорозность. Наконецъ, они всѣ собрались у меня посоветоваться о средствахъ, остановивъ легкомысленное и непростительно грубое обращеніе Французовъ. Я поблагодарилъ своихъ соотечественниковъ за ихъ ко мнѣ довѣренность—и общалъ имъ поговорить съ *де Фулькеромъ*, представивъ ему, что онъ одинъ можетъ обуздать несдержимыл выходки Французовъ, потому что всѣ его

слушали и уважали. Хотя я рѣшился при-
ступить къ объясненію со всею возможною
учливостью, но былъ увѣренъ въ душѣ, что
оно окончится поединкомъ. Однако я радо-
вался, что меня выбрали защитникомъ Ка-
спильской чести, и, даже признаюсь, радо-
вался потому, что сердечно ненавидѣлъ
этого Француза. Тогда была Спраспная
недѣля, и мы опложили объясненіе до окон-
чанія праздниковъ Пасхи. Но я твердо былъ
увѣренъ, что онъ узналъ о нашемъ намѣреніи,
и рѣшился меня предупредить, завязавъ
со мною сѣору. Наспунила Великая Пятни-
ца. По Испанскому обычаю, молодые люди
слѣдуютъ за своими родными изъ церкви
въ церковь — и подають имъ святую воду.
Я сопровождалъ въ этотъ день одну мою
родственницу. Въ самой первой церкви ко-
мандоръ подошелъ къ ней съ видомъ спара-
го знакомаго, поднесъ ей святую воду, спавъ
между ею и мною, и повернувшись ко мнѣ
спиною, онъ даже нарочно наспунилъ мнѣ
на ногу. Это всѣ Французы замѣтили, и
я рѣшился наказать его. Выходя изъ церк-
ви, я подошелъ къ нему холодно и смѣло,
и спросилъ у него сначала объ его здоровьѣ,
а потомъ куда онъ намѣренъ идти.

«Я хочу идти въ соборъ св. Іоанна,» ска-
залъ онъ, и я потчасъ предложилъ прове-
сти его по крапчайшему пути. Къ удивле-
нію моему, онъ отвѣчалъ мнѣ самымъ вѣж-
ливымъ тономъ: «Я потчу себя щаспли-
вымъ, что могу сопустпговать вашему пре-
восходительству, и покорнѣйше благодарю
васъ за ваше благосклонное предложеніе.»
Я повелъ его; и мы незамѣтно очутились
въ *Страда-Стретта*; я потчасъ обнажилъ
шпагу, будучи увѣренъ, что въ этотъ день
всѣ будутъ въ церкви, и никто намъ не
помѣшаетъ. Командоръ воскликнулъ: «Какъ,
сеньоръ, не ужели вы хотите драться?»
— Да, я обнажилъ шпагу, и ожидаю васъ.—
Послѣ минушнаго молчанія, онъ выдернулъ
свою шпагу, но потчасъ опустилъ еѣ: «По-
думайте, что вы дѣдаете! Сегодня Великая
Пятница. Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ я
не исповѣдывался и не причащался Св. Та-
инъ! Я ужасаюсь, когда подумаю о своихъ

грѣхахъ. Черезъ три дня, въ Понедѣльникъ
поутру....

Но я ничего не хотѣлъ слушать, а при-
нудилъ его защищаться. Я спихаго права;
но замѣтите, что эти смиренники, если
ихъ разсердятъ, никогда не слушаютъ ни
совѣсти, ни разсудка. Спрахъ видѣнъ былъ
на лицѣ дѣ *Фулькера*; онъ спалъ къ спѣнѣ,
какъ бы предвидя, что ему нужна будетъ
подпора. Съ перваго удара, я проколомъ его
насквозь. Онъ прислонился къ спѣнѣ и ска-
залъ мнѣ умирающимъ голосомъ: «Въ Вели-
кую Пятницу! Да проспитъ вамъ Небо....
Опнесите мою шпагу въ Тепъ-Фулькъ, и
прикажете отслужить сто панихидъ за
упокой моей души въ церкви замка.» Сказавъ
это, онъ скончался. Въ эту минуту я не
обратилъ вниманія на его послѣднія слова;
и ежели я теперь могу пересказать каждое
слово: это потому, что часто ихъ съ пѣхъ
поръ слышалъ. Я объявилъ обо всемъ какъ слѣ-
довало; и совѣтъ нашелъ весьма еспествен-
нымъ, что, встрѣясь въ *Страда-Стретта*,
мы поссорились, изъ народной гордости не
желая уступить одинъ другому дорогу. Въ
мнѣнн людей мой поединокъ не сдѣлалъ
мнѣ ни малѣйшаго вреда; всѣ ненавидѣли
Фулькера, и находили, что онъ достоинъ
былъ своей участи. Но передъ Богомъ я
былъ вдвойнѣ виноватъ; я дрался въ Вели-
кую Пятницу и опказалъ моему сопернику
подождать три дня, чтобы онъ могъ испол-
нить святой Христіанскій долгъ; совѣтъ
ужасно меня мучилъ. Три дня послѣ этого
происшествія, великій магистръ возвелъ ме-
ня въ санъ великаго пріора Маіоркскаго
королевства. Я и теперь ношу этотъ пи-
туль.

Въ ночь съ пятницы на субботу, я вдругъ
былъ разбуженъ кѣмъ-то. Посмотрѣвъ во-
кругъ себя, я увидѣлъ, что нахожусь не на
своей постель, не въ своей комнатѣ, а въ
Страда-Стретта, и что лежу на мостовой.
Командоръ сполъ прислонившись къ спѣ-
нѣ. Онъ съ напряженіемъ и умирающимъ
голосомъ выговорилъ: «Опнесите мою шпагу
въ Тепъ-Фулькъ, и прикажете отслужить
сто панихидъ за упокой моей души въ цер-
кви замка.» Въ слѣдующую ночь, я прика-

залъ моему пажу спать въ моей комнатѣ; но я ничего не видалъ и не слышалъ, ни въ эту ночь, ни въ шесть слѣдующихъ; но опъ пятницы на субботу, явилось поже привидѣнiе; пажъ мой лежалъ, какъ мнѣ казалось, нѣсколько поодаль, такъ же по мостовой. Командоръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ тѣ же слова. Одно и поже видѣнiе представлялось мнѣ каждую пятницу. Моему пажу снилось, что онъ лежалъ въ маленькой, узкой улицѣ, но онъ не видалъ командора и не слышалъ словъ его.

Я вовсе не зналъ, что такое Тетъ-Фулкѣ, куда командоръ завѣщалъ мнѣ опнести его шпагу. Одинъ кавалеръ, наконецъ, изъяснилъ мнѣ, что эпитоъ древнiй замокъ находится въ чепырехъ миляхъ опъ Пуату, и окруженъ густымъ лѣсомъ; что тамъ хранится множество примѣчательныхъ вещей, между прочими лансы знамениаго *Фулка Гольфера*, и оружiе всѣхъ рыцарей, убитыхъ имъ. Онъ прибавилъ, что съ незапамятныхъ временъ, всѣ *Фулкеры* приносили или присылали туда оружiе, съ которымъ сражались на войнѣ, или на поединкахъ.

Узнавъ эти подробности, я опсправился, сначала въ Римъ, гдѣ я исповѣдался кардиналу исповѣднику. Я рассказалъ ему о привидѣнiи, которое меня преслѣдовало, и онъ, видя мое раскаянiе, оппустилъ мнѣ грѣхи, но подѣ оппимьюею. Я долженъ былъ исполнить вѣдо убiеннаго, и заказать спо панихидъ за упокой его души. Шпагу командора я привезъ съ собою изъ Малыны, и поѣхалъ какъ можно скорѣе во Францiю. Въ Пуатъе всѣ уже знали о смерти *де Фулькера*; но я замѣнилъ, что и здѣсь о немъ столько же жалѣли, какъ и въ Малынѣ. Я оставилъ людей и лошадей своихъ въ городѣ, взялъ проводника, и, въ одеждѣ спранника, пошелъ пѣшкомъ въ Тетъ-Фулкѣ. Всѣ двери замка были заперты, и мы долго стучались въ ворота, покуда явился спорожъ, копорый, вмѣстѣ съ спарымъ оппшельникомъ, были единственные жильцы въ замкѣ. Во время нашего прихода они оппѣвали панихиду, что мнѣ показалось удивительно мрачнымъ. Когда они окончили, я подошелъ къ оппшельнику, и сказалъ ему, что я при-

шелъ для исполненiя Христианскаго долга и успокоенiя своей совѣсти; что я намѣревался заказать спо панихидъ за упокой души командора. Онъ оппѣчалъ мнѣ, что не могъ служить обѣдни или панихиды, по тому что не былъ священникомъ, но что онъ принимаетъ на себя вѣдѣть исполнить мое приказанiе.

Я положилъ свое приношенiе на алтарь, и копѣлъ туда же положить шпагу командора, но оппшельникъ сказалъ съ мрачнымъ видомъ, что здѣсь не мѣсто для шпаги, столь часто обогрениой въ крови Христианской, и что онъ мнѣ совѣдуетъ опнести еѣ въ большую залу, или арсеналь, куда онъ никогда не входилъ. Спорожъ прибавилъ, что я увижу въ арсеналь оружiе всѣхъ *Фулкеровъ*, и противниковъ убитыхъ ими; такъ же былъ обычай со временъ *Мелнозини* и супруга ея, графа *Пуату*, *Жофруа Зубастаго*. Я слѣдовалъ за словоохотнымъ спорожемъ, и нашелъ въ залѣ шпаги, оружiе всякаго рода, всѣхъ вѣковъ и народовъ, и множество любопытныхъ портретовъ, между прочими *Фулка Гольфера*, графа Ангулемскаго, построившаго эпитоъ замокъ для сына своего *Манза*, губернатора Пуату и родоначальника *Фулкеровъ*.

Портреты *Манзы* и супруги его, *Изабеллы де Люзинанъ*, висѣли по обѣимъ споронамъ огромнаго каминна. Они были разительны. Прочiя картины были такъ же хорошо нарисованы, хотя древней работы; однакоже болѣе всѣхъ поразилъ меня *Фулкъ Гольферъ*. Онъ былъ изображенъ въ полномъ вооруженiи, и на лѣвой рукѣ висѣлъ щитъ, съ его гербомъ: три льва и три леопарда на черномъ полѣ. Большое число оружiя висѣло подѣ эпитомъ портретомъ. — Такъ какъ эпита зала казалась мнѣ лучше прочихъ комнатъ, то я спросилъ у спорожа: нельзя ли ему принести сюда постель, развести огонь и дать мнѣ поужинашь? — Да, ужинашь дамъ я вамъ охотно, любезный спранникъ, постель же... совѣтую вамъ лучше спать въ моей комнатѣ. —

Я спросилъ у него: зачѣмъ онъ не хочетъ, чтобы я здѣсь провелъ ночь? — У меня есть

довольно къ тому причинъ, и я постель вамъ постелю подлѣ моей. —

Я согласился, особенно когда вспомнилъ, что тогда была пятница, и я спрашлся увидѣть опять привидѣніе. — Спорожъ ушелъ приготовляя ужинъ, а я началъ разсматривать картины и оружіе. Уже темнѣло на дворѣ, и старинные обои смѣшивались съ грунтомъ картинъ; при свѣтѣ камина, я видѣлъ только лица. Это было довольно странно, можетъ быть отъ того, что слышь меня мучила, и я находился во всегдашнемъ состояніи страха и безпокойства. Наконецъ, спорожъ принесъ мнѣ ужинъ: рыбу и раковъ, пойманныхъ въ рѣкѣ близъ замка, и бутылку довольно хорошаго вина. Я пригласилъ къ себѣ и опшельника, но онъ отказался, говорилъ, что питается только растеніями и водою. — Я всегда очень регулярно читаю молитвы нашего Ордена, что дѣлаютъ и всѣ рыцари, по крайней мѣрѣ между Испанцами; и теперь я вынулъ свой молитвенникъ и чѣтки, и сказалъ спорожу, чтобы онъ показалъ мнѣ дорогу въ свою комнату, куда я намѣренъ пойти, только что окончу молитвы. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что когда опшельникъ пройдетъ по всему замку съ колокольчикомъ въ рукѣ, передъ полночью, тогда онъ будетъ меня ожидать. — Вы должны спуститься по этой лѣспницѣ, сказалъ онъ, и тогда, на четвертомъ поворотѣ, взойдете въ коридоръ, гдѣ находится спатуя св. *Иоаннъ*; отсюда шестая дверь моей горницы; я нарочно не затворю её, и вы не можете ошибиться. Совѣтую вамъ не оставаться здѣсь послѣ полночи. —

Спорожъ ушелъ, и я продолжалъ молитву, поправляя иногда огонь въ каминѣ; но признаюсь, что я не смѣлъ часто оглядываться. Портреты, казалось мнѣ, оживлялись; когда я пристально смотрѣлъ на одного изъ нихъ, то я воображалъ, что онъ шевелилъ глазами и губами; особенно губернаторъ *Манза* и супруга его, поглядывали на меня весьма сердито, а потомъ другъ на друга, какъ бы сговариваясь о чѣмъ-то. Сильный порывъ вѣтра удвоилъ мой страхъ; вдругъ попрыскались всѣ окна, и громко зазвенѣло оружіе,

висѣвшее на стѣнѣ; шумъ эпомъ показался мнѣ, сверхъ-естественнымъ.

Наконецъ я услышалъ колокольчикъ опшельника, и бросился къ лѣспницѣ; но вѣтеръ задулъ мою свѣчу прежде, нежели я могъ осмотрѣть коридоръ и спатую. Я поспѣшно возвратился въ арсеналъ, чтобы зажечь у огня свой огарокъ; но вообразите, какъ я напугался, увидя, что губернаторъ съ губернаторшей сошли съ потолка картинъ, и преспокойно усѣлись возлѣ камина. — Другъ мой, говорилъ *Манза*, что вы думаете о чрезмѣрной дерзости эшаго Испанца; онъ ночуетъ въ нашемъ замкѣ, зарѣзавъ командора, которому даже не позволилъ исповѣдываться передъ смертью.

«Государь мой,» отвѣчало женское привидѣніе: «я думаю, что эпомъ Испанецъ сподѣлать бытъ наказанъ за свое злодѣйство, и я желаю; чтобы вы бросили ему перчатку.»

Услышавъ эти слова, я опять кинулся искать комнату спорожа; но мнѣ невозможно было найти её въ темнотѣ. Подпора часа бродилъ я по замку въ страхѣ и ужасѣ. Наконецъ, я старался увѣрить себя въ томъ, что уже разсвѣтаетъ, и что пѣтухи пропѣли; чтобы меня тотчасъ избавило отъ всякаго опасенія; ибо всѣмъ извѣстно, что у привидѣній нѣтъ привычки являться, когда пѣтухи пропѣли. — Я особенно старался увѣрить себя, что двѣ особы, сидѣвшія и разговаривавшія у камина, существовали только въ моемъ разспроенномъ воображеніи.

Спѣша опять взойти въ залу, зажечь свѣчу, которую всё еще держалъ въ рукѣ, я взобрался на лѣспницу, и остановился у дверей, чтобы посмотрѣть — сидятъ ли еще страшные мерзвцы у камина; ихъ тамъ небыло. Но я не разглядѣлъ, вошли ли они въ картинныя рамы, и вступя въ залу, увидѣлъ, что графъ *Фулькс* сподѣлать на самой серединѣ.

Онъ держалъ обнаженную шпагу въ рукѣ, и молча, уставилъ ко мнѣ въ грудь оспріе шпаги. Я хотѣлъ убѣжать на лѣспницу; но въ дверяхъ сподѣлать какой-то оруженосецъ, который бросилъ мнѣ въ лицо желѣзную перчатку. Я потерялъ перчатки, схватилъ одну изъ висѣвшихъ шпагъ (это была

именно командорская, копорую я самъ принесъ и повѣсилъ пуда) и кинулся на вооруженнаго мерзвца. Мнѣ казалось, что я его разрубилъ на двое; но въ поже мгновение я почувствовалъ жестокою боль въ сердцѣ, какъ бы опъ горячаго желѣза; кровь моя лилась ручьями по всей залѣ, и я упалъ въ обморокъ.

На другой день, я проснулся въ комнатѣ спорожа. Онъ разказалъ мнѣ, что беспокоясь о моемъ долгомъ отсутствіи, онъ рѣшился самъ пойти за мною, взявъ крестъ и чашу съ святою водою; и нашелъ меня лежащаго безъ чувствъ на полу въ арсеналѣ, но не рапенаго. И такъ я подумалъ, что всевидѣнное мною прошедшей ночи былъ только сонъ. Ни спорожъ, ни опшельникъ не сдѣлали мнѣ ни малѣйшаго вопроса; но присовѣщовали какъ можно скорѣе оставитъ замокъ.—Я возвратился въ Испанію, и прибылъ въ Байонну въ слѣдующую пятницу. Во время ночи, вдругъ разбудилъ меня топъ же самый *Фулькъ Толмбергъ* и грозно успавилъ въ грудь мою конецъ своей шпаги. Я осянилъ себя знаменіемъ креста, и привидѣніе исчезло; но я опять почувствовалъ такую же рану въ сердцѣ. Мнѣ казалось, что я плаваю въ крови; хотѣлъ кричать и звать на помощь; но не могъ произнести ни одного слова. Это ужасное положеніе продолжалось до пѣпуховъ. Тогда я могъ заснуть; но на другой день я сдѣлался опасно боленъ. Съ тѣхъ поръ въ каждую пятницу мнѣ представляется то же видѣніе. Ни какія богоугодныя дѣла не могли меня освободитъ опъ него, и только одна надежда на милосердіе Всевышняго помогаетъ мнѣ сносить мое пятоспное существованіе.

О Б Р Ю Л О В Ъ.

—Дошло до нашего свѣдѣнія, что во многихъ обществахъ Петербурга были слышаны вопросы: «скоро ли придетъ *Брюловъ*, гдѣ теперь *Брюловъ*?» и п. п. Редакція *Х. Г.* щитаесть обязанностію уведомитъ читателей, что Карлъ Павловичъ *Брюловъ* прибылъ въ С. Петербургъ еще въ исходѣ Мая; 25-го

Іюня отправился въ городъ Псковъ, осмотрѣлъ тамъ мѣстность для задуманной имъ новой карпины большаго размѣра и 6-го истекшаго Іюля возвратился въ С. П. бургъ. Императорская Академія Художествъ праздновала вожделѣнное возвращеніе знаменитаго художника въ средѣ своихъ членовъ и угостила поржеспвенника объденнымъ сподомъ. Обсподительства, сопровождавшія праздникъ Русскихъ художниковъ, любопытны; мы постараемся сообщить ихъ нашимъ читателямъ.

Х. Г.

О Б Р У Н И.

—Извѣщаемъ читателей, что въ концѣ Іюня возвратился изъ чужихъ краевъ знаменитый Русскій художникъ, Федоръ Антоновичъ *Бруни*. На выставкѣ мы видимъ превосходные плоды его гениальной кисти. Они только что прибыли въ Петербургъ. Академія Художествъ праздновала возвращеніе г. *Бруни* 10-го истекшаго Іюля; въ средѣ своихъ членовъ и весьма немпогихъ постороннихъ любителей.

Х. Г.

—Всѣмъ и всякому извѣстно, по крайней мѣрѣ должно быть извѣстно, что *Ө. А. Бруни* началъ въ Римѣ большую карпину, изображающую *Моисей*, воздвигшаго мѣдлаго змѣя въ пустынѣ, во спасеніе Израйля. О ней мы будемъ не разъ еще говорить въ нашихъ листкахъ; но одна карпина не могла поглотитъ всѣхъ вдохновеній могучаго таланта; въ Петербургъ вдусть многія конченныя и неконченныя его работы, а именно: Спящая Нимфа, портретъ баронессы *Миллеръ-Закомельской*, чепыре образа для г. *Рахманова*: Христось, Богородица, Благовѣщенье и Христось въ Вертоградѣ, др.

Х. Г.

—Правительство поручило писать при образа (изъ коихъ одинъ запрестольный, а два боковые) около главнаго алтаря въ соборѣ Казанской Божіей Матери *К. П. Брюлову*, *Ө. А. Бруни* и *П. В. Басину*. Они будутъ изображать: взятіе Божіей Матери на Не-

бо, Покровъ и Введеніе во храмъ Пресвя-
тыя Богородицы.

Х. Г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

97.

«*Во Россіи нѣтъ женщины!*» побѣдоносно восклицаетъ г. *Виссаріонъ Бѣлинскій* въ *Телескопѣ*. У Русскихъ нѣтъ спрасиен! восклицаетъ онъ. Назови мнѣ хоть одну, которая-бы одѣлала наше общество живою, огненною краскою, отъ которой бы занимался духъ, замирало сердце, которая опрыскала бы человека отъ земли и забрасывала его на небо или низвергала въ преисподнюю! По именамъ, онъ всё естъ у насъ: но это не спраси, а спрасишки, мекія, ничтожныя, презрѣныя. Не стану спрашивать о томъ, что слишкомъ извѣстно: не буду описывать подробно всей сухости, всей пустоты, всей мертвой безцвѣтности нашихъ нравовъ; скажу одно, въ чемъ заключается все. Лучшій цвѣтъ общественной жизни, ея высочайшая поэзія выражается въ женщинѣ, прекраснѣйшемъ созданіи, коимъ увѣнчался міръ Божій; но *что у насъ женщины?* Признаюсь, я не могъ доселѣ соснавить себѣ идеала женщины Русской: я не знаю элеменшова, изъ которыхъ бы онъ могъ быть соснавленъ. Я и не ищу въ нашемъ обществѣ женщины *Бальзака*, этой дивной поэмы, для созданія коей попребно было двѣнадцать вѣковъ непрерывно возрастающей цивилизаціи, эшаго неоспоримаго міра поэзіи, заключающаго въ себѣ всё опшѣнки нравственнаго образованія, всё шоны и полу-шоны общественной гаммы отъ гризетки до герцогини, отъ богини Разума до Сестры Милосердія, отъ графини *Шабера* до госпожи *Жюль-Деларе*, отъ *Эмили де Фонтенъ* до *Антуанетты де Ланжес!*

«Гдѣ намъ до эпичихъ пышныхъ, великолѣпныхъ диаграммовъ женской природы?» продолжаетъ декламировать г. *Виссаріонъ Бѣлинскій*: «можно-бы удовольствоваться махѣйшимъ бисіемъ жизни, махѣйшею искоркою огня; но жнани своей, не взятой напрокатъ изъ магазина; но огня настѣющаго, не поддѣльнаго, не выписнаго, не слышаго изъ прѣпья, раскрашеннаго красною краскою, какъ огонь театральнѣй!... Да! у насъ нѣтъ женщины; нѣтъ, сппало и любви, пераго, необходимаго условія поэзіи жизни... Наши нравы Суздальской работы, или Кипайской шпалерной живописи, только въ шпалерахъ *Гербо*, съ прическою г. *Нарцисса*. Въ нихъ нѣтъ души, нѣтъ жизненнаго румянца, нѣтъ произвольнаго движенія.»

Вотъ, какъ разглагольспвуютъ въ *Телескопѣ*. Видно, Господь Богъ прогнѣвался на Русь грамотную, алчущую членія, что паслалъ на нее вдругъ чепырѣхъ журналистовъ, мыслящихъ опрокидку, видящихъ всё предметы вверхъ ногами. Справедливость прѣбывала бы причислишь къ нимъ

и издашеля *Телескопа*; но подождемъ еще немного; авось онъ перемѣнитъ пошъ. Къ пущему нашему нещасью, всё эпи чепыре журналиста, въ числѣ которыхъ мы щитаемъ и г. *Виссаріона Бѣлинскаго*, пеймовѣрно прудолобивы. Намахашъ полннжжк *Библиотеки для чтенія*, цѣлую книгу *Телескопа*, для нихъ ничего не спопшъ; но ужъ за то не ищине въ нихъ ни правильнаго хода мыслей, ни посшепеннаго ихъ одной изъ другой развишя, ни логическихъ спрогихъ выводовъ. Иппи на перекоръ всему, что до нихъ было, опровергаешъ льпописи, сомнѣвашся въ подлинности дипломатическихъ актовъ, думаешъ, что люди, прежде ихъ жившіе, ничего не знали: вопш правила, коими они руководспвуются! Но дуньте на ихъ хитроспленную паушину—и она разлепшся.

Какъ! не ужели въ Россіянкахъ кипашъ не спраси, а спрасишки? Не ужели ихъ характеры Суздальской живописи?

Одному изъ пончайшихъ, основательнѣйшихъ нашихъ крипиковъ, и ужѣ навѣрное всѣхъ безспрасишѣйшему, господину *Шевырѣву*... не знаемъ почему!... показались женскіе характеры превосходныхъ повѣстей г. *Павлова* не Русскими.

«Изобразите мнѣ, г. повѣствователь,» совѣтуетъ ему г. *Шевырѣв*: «спу женщину, о которой вы сами говорите, что она опорвелся отъ великолѣпной жизни, отъ родныхъ и поидешъ за вами въ Сибирь, на край свѣта, повсюду, гдѣ только можешъ умереть за васъ.»

Въ Россіи фениксъ жена, не сошпсвующая мужу на край свѣта, чтошбъ съ нимъ умереть, или дѣлшть его походы, его пруды, его лишения, его опасности.

Въ *Кукольниковой* прагедіи характеръ *Екатерини Шуйской*, въ повѣспяхъ *Пушкина*, *Павлова*, *Погодина*, всё женщины—испшнныя Россіянки (1); ихъ характеры выхвачены изъ общества Русскихъ дамъ.

Я нижепоименованный, какъ человекъ пожилой, вмѣспъ съ благомыслящимъ г-мъ *Шевырѣвымъ*

(1) Точно также, какъ въ повѣспи: *Она будетъ щастлива*, недавно напечатанной въ *Телескопѣ*; соч. И. И. Панаева.

«Желаю, чтобы наши писатели изобразили намъ женщину еще выше эпихъ, пошому что къ высокимъ похвалениямъ мы часпо бываемъ способны; но не бываемъ способны къ похвалениямъ ежедневнымъ, обыкновеннымъ, не сопряженнымъ ни съ какимъ говоромъ славы, чуждымъ всякаго подозрѣнія въ тщеславіи, въ приписаніи на публичное мнѣніе; изобразили бы мнѣ во время пышнаго бала, копорый и пылаеть, и гремишь, и блещеть и ждешь женщины... изобразили бы намъ еѣ во время шакого бала въ своей дѣтской, у колыбели, съ младенцемъ у ея груди, въ ту очаровательную полночь, когда все о ней думаешь, все полно ею.»

Г. Виссаріонъ Бѣлинскій и шакихъ женщинъ почитаетъ на св. Руси фениксами. Право, его чудный образъ мыслей на щѣптѣ Россіянокъ заставляетъ меня предполагать, что онъ не обдумалъ хорошо того, что хотѣлъ сказать.

А. Кораблинскій.

20 Іюля 1836.
Село Рыбацкое.

Ш А Р А Д А.

Начало вѣсъ; рѣка второе;

А все есть вещество шакое,

*Которому расходъ былъ пребольшой,
Когда у насъ велся обычай пошь смѣшной,
Чтобъ шарикомъ казался молодой.*

Въ № 81-мъ, помѣщенная загадка значить: *Les Oreilles.*

М О Д Е С.

Il faut prendre les hommes comme ils sont, le temps comme il vient et les modes comme elles veulent s'en arranger, quand elles sont commodes, et s'en arranger encore quand elles ne le sont pas. C'est d'après ce principe qu'il faut abandonner les cheveux en bandeau, coiffure si propre et si agréable pour reprendre les cheveux frisés; la mode le veut comme cela; le bandeau est relégué au front de la modeste ouvrière, et si on le tolère encore un peu sur celui de la femme élégante, c'est le matin, de bonne heure, avec un bonnet bien touffu de garnitures et une grande capote bien serrée sur les joues.

Le choix d'une bonne marchande de modes est pour moitié dans le succès de la toilette d'une femme; car c'est du chapeau que dépend toute la grace de la fi-

gure et de la physionomie. Nos bonnes couturières sont encore indécises sur la forme des manteaux que l'on portera cet hiver; cependant nous pouvons dire d'avance que leur forme variera de deux manières, c'est-à-dire qu'il y en aura de courts et de longs: avec le retour des volans, les manteaux courts devaient nécessairement apparaître; on les fera en velours, en satin broché, sans manches, à double collet, garni de franges ou de dentelle, et sans ceinture. Les manteaux longs, au contraire, seront à manches, à petite pélerine et à coulisse: ces derniers seront les plus généralement portés, le manteau court convenant presque exclusivement aux femmes riches qui ne sortent qu'en voiture.

М О Д Ы.

Надо довольствоваться людьми, каковы они есть, временемъ, каково случается, а модами, приспособляясь къ нимъ, когда онѣ покойны, и приспособляясь къ нимъ же, когда онѣ безпокойны. Въ сльдствіе этаго правила должно оставить гладкіе волосы, прическу столь опрятную и красивую, чтобы приняться за завивые волосы; мода того хочетъ: гладкіе волосы оставлены только для скромнаго лба трудящихся, а если они еще терпимы иногда для щеголеватой дамы, то рано упромъ, съ густо-обширнымъ чепчикомъ, и большимъ капопомъ, плотно прижатымъ къ щекамъ.

Выборъ хорошей модистики ручается въ половину за успѣхъ дамскаго наряда; пошому что отъ шляпы зависить вся прелесть лица и физиономіи. Наши хорошія швен еще въ первшиности о покровѣ плащей для пынѣшней зимы; однако мы можемъ сказать напередъ, что они будутъ двухъ видовъ, ш. е. короткіе и длинны: съ появлениемъ оборокъ, должны были необходимо показаться короткіе плащи; ихъ будутъ дѣлать бархатные, изъ зашканнаго атласа, безъ рукавовъ, съ двойнымъ воротникомъ, обширные бахромоу или кружевомъ, и безъ пояса. Длинны же плащи, напрошивъ, съ рукавами, небольшою пелеринкою и наездержкахъ. Эти послѣдніе будутъ наиболѣе въ употребленіи; короткіе плащи приличны исключительно богатымъ дамамъ, выезжающимъ не иначе, какъ въ каретѣ.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ШВАЛІДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 83.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 14 дня 1856 года.

У Кларисы денегъ мало,
Ты богатъ; иди къ вѣнцу:
И богатство ей приспало,
И рога тебѣ къ лицу.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОНЪ БЫЛЪ ЩАСТЛИВЪ!

Здравствуй, алхимикъ мой! Ты я вижу, какъ второй *Клаудій Фролло*, или *Николай Фламель*, всё продолжаешь искать философскаго камня!—Эти громкія восклицанія, казавшись, пробудили г. *Сен-Лежера*, который, вышедъ изъ глубокаго размышленія, вдругъ поднялъ голову. Занятый химическимъ препаратомъ своимъ, онъ сначала неслыхалъ, ни какъ спрашно спукнула дверь—ни какъ зазвенѣли сплѣткы, сползшія на полу, и которыя шумный госпъ его перебилъ ногами, вбѣжавъ, какъ сумасшедшій, въ мѣрную лабораторію его.—Да пы ни крошечки не перемѣнился, продолжалъ госпъ. Брось, ради Бога, свои перапевническія, фармакопическія и химическія занятія! Въ наши дѣла, другъ мой, жизнь имѣешь еще нѣкоторыя прелести, и потому надобно пользоваться ею, и не погребать себя живо.—Вотъ я, на примѣръ, разсваяясь съ побою, совсѣмъ не думалъ увидѣть тебя черезъ двѣ недѣли, какъ вдругъ одно нечаянное, и со-

вершено романическое, рыцарское, восхитительное происшествіе заставило меня опрометью прискакать сюда опять.— Ну! ну! перестань пожалуста представлять изъ себя театральнаго Ментора, и выслушай безъ гнѣва разсказъ мой.—

Г. *Сен-Лежеръ* не отвѣчалъ, и слушалъ съ удивленіемъ; но улыбаясь опъ удовольствія болшанью стараго друга своего, г. *Лорселя*, школьнаго поварища, служившаго съ нимъ въ одномъ полку, и имѣвшаго всегда ужасныя претензіи на волокитство; онъ слылъ совершеннымъ гарнизоннымъ *Ловеласомъ*. Между тѣмъ оба они съѣли—и *Лорсель* началъ свое повѣствованіе, во время котораго г. *Сен-Лежеръ* безпрестанно поглядывалъ на маленькую горнильную печь свою, въ которой кипѣлъ небольшой плавильный горшокъ.

«Пріѣхавъ въ Лиль,» говорилъ *Лорсель* риторскимъ голосомъ новозбраннаго депутата, который въ первый разъ произноситъ рѣчь передъ собраніемъ: «пріѣхавъ въ Лиль, встрѣтилъ я на балѣ одну премиленькую молодую дамочку, которую уже замѣнилъ

прежде, на праздничномъ обѣдѣ, у жены префекта. Она восхитила меня своею красою, и всѣ наши денди, спагскіе и военные, наперерывъ увивались около неѣ, такъ что я могъ только во весь вечеръ протанцовать съ нею одинъ контрадансъ. Но это не бѣда, потому что на слѣдующемъ балѣ она два раза сряду танцевала со мною, слушала меня съ удовольствіемъ, и даже съ какимъ-то обворожительнымъ замѣшательствомъ потупляла глаза. Само собою разумѣется, что всё это подавало большія надежды;—и, словомъ, съ прешьяго бала, я влюбился по уши—и осмѣлился объясниться. Мнѣ отвѣчали громкимъ смѣхомъ, и потомъ сказали съ кокетскою улыбкою: «Вамъ, кажется, суждены неудачи въ любви; здѣсь пятьдесятъ прекрасныхъ молодыхъ женщинъ, копорыхъ вы можете обожать цѣлую зиму,—между шѣмъ какъ я уѣзжаю завтра изъ города. Я осполбенѣлъ. «Но,» прибавила она: «не жалѣйте о томъ; я не понимаю любви, никогда никого не любила, не вѣрю никакимъ клятвамъ, и всегда смѣялась надъ шѣми, копорые искали мнѣ нравиться. И такъ, сударь, вы видите, что вы должны еще благодарить меня за ваше избавленіе;» и она опять захохотала.

—Но я васъ люблю, сударыня;—я васъ обожаю,—отвѣчалъ я: располагайте мною; приказывайте мнѣ, что вамъ угодно, я почи себя щаспливымъ выполнять всѣ ваши повелѣнія. — Улыбка недоверчивости мелькнула на алыхъ губахъ ея,—а я продолжалъ увѣрять еѣ въ моей безпредѣльной преданности. Наконецъ *Ализа* (такъ зовутъ еѣ) встала съ равнодушнымъ видомъ, и не давъ мнѣ договорить самой лучшей фразы моей, сказала въ полголоса: «Хорошо, сударь, я увижу это въ будущую субботу, въ маскарадѣ оперы. Вы, надѣюсь, пріѣдете въ Парижъ къ этому дню, и будете въ маскарадѣ; но до того я запрещаю вамъ слѣдовать за мною, узнавать, гдѣ я живу, и искать со мною свиданія. Прощайте!»

Я бросился къ полковнику просить отпуска, но онъ опказалъ мнѣ, и справедливо, потому что я только что возвратился изъ Парижа.—Что было дѣлать? Я рѣшился ска-

заться больнымъ, взялъ свидѣтельство доктора, не велѣлъ никого впускать къ себѣ, и въ ту же самую ночь тихонько ускакалъ сюда.

Теперь непременно хочу видѣть, чѣмъ кончился это странное и очаровательное приключеніе.»

—Я совѣтовалъ бы тебѣ немного отдохнуть,—возразилъ г. *Сен-Лежеръ*: да, правду тебѣ сказать, подобныя шалости нейдутъ къ лѣшамъ нашимъ—пдѣлаютъ насъ смѣшными. Тебѣ дурачить эта молодая вѣтреная кокетка, и заведетъ Богъ знаетъ во что!—

«Вотъ-те на! Пить, братъ, меня не проведетъ никакая кокетка, и я совсѣмъ не уснулъ опъ дороги; увѣрю тебя, что я чувствую себя также легкимъ и здоровымъ, какъ въ двадцать лѣтъ. — Теперь бѣгу къ *Гюману* заказать къ вечеру самый щегольской костюмъ; благодаря корсету *Жоссе-невой* работы, шалія у меня поныше, нежели у какого нибудь молоденькаго гусарскаго офицерчика. — Ну, прости до завтраго.— Я пріѣду къ тебѣ завтракать, если впрочемъ послѣ бала...»

Г. *Сен-Лежеръ* усмѣхнулся и пожалъ плечами, когда прежній поварищъ его вышелъ изъ комнаты, и потомъ принялся опять за свои химическіе опыты.

На другой день, прождавъ напрасно *Лорселл*, опъ пошелъ къ нему самъ, и, къ великому удивленію своему, нашелъ этого ловкаго обольстителя въ постелѣ, и всего увязаннаго компресами.

—Это что значить?—сказалъ онъ.

Бѣдный *Лорселл*, вмѣсто отвѣта, рассказалъ ему слѣдующее:

Било при часа упра, и я ужъ опчалвался видѣть *Ализу*, какъ вдругъ какой-то високой человекъ въ доминѣ ударилъ меня сильно по плечу и велѣлъ слѣдовать за собою.—Я повиновался—и провожаемый мой скоро остановился въ коридорѣ у запертой ложи.—Мы постучались,—дверь топчасъ отворилась, и я очутился наединѣ съ предельною *Ализою*.

«Благодарю васъ, что вы сдержали слово ваше,» сказала она. Но мнѣ невозможно долго быть съ вами—и потому позвольте мнѣ скорѣе объяснить вамъ мою просьбу... Скажите мнѣ прежде, могу ли я надеяться, что вы исполните еѣ?»—Я, сударыня, ужъ сказалъ вамъ, что преданность моя...—«Довольно,» прервала *Ализа*, и вырвавъ изъ прекрасной записной книжки своей, обдѣланной черепахою съ золотомъ, листокъ душистой бумаги, она вынула изъ ридикюля маленькую золотую чернильницу—и золотымъ же перушкомъ написала нѣсколько строкъ; потомъ, подавая мнѣ бумагу, сказала съ прелестною улыбкою: подпишите внизу имя ваше...—Сударыня! объясните мнѣ эту шутку...—«А! вы затрудняетесь? Гдѣ-жъ эта преданность, въ которой вы клялись мнѣ?» Я подписалъ, и она, взявъ назадъ бумажку, сказала: «Хорошо, завтра вы получите отъ меня записку, а теперь я желаю вамъ доброй ночи.»—Она подала мнѣ объ руки, которыми я бросился цѣловать съ восхищеніемъ; потомъ пихо закашлялась; черная маска въ доминѣ явилась опять въ ложу, и она ушла съ нею, повторяя: «Завтра, сударь, завтра въ 10 ч. утра вы будете награждены за вашу благородную довѣренность.»

Я бросился за нею—пробѣжалъ сѣни, полкая всѣхъ—и увидѣлъ еѣ тогда только, какъ ужъ она съѣла въ карету. — Я хотѣлъ бѣжать догонять экипажъ, но поскользнулся, покапился по лѣстницѣ и упалъ въ грязный ручей у театральнаго подъезда. Къ счастью еще, что меня не задавили скачущія въ это время кареты, и что подоспѣлъ лакѣй мой, который проворно поднялъ меня;—но я весь разбился и не могу показаться сегодня къ *Ализѣ*. . . Ахъ! если бы ты зналъ, какъ мнѣ шель маскеральный костюмъ мой!—И онъ указалъ на покрытое грязью Персидское платье, которое валялось въ углу комнаты.

Въ эту минуточку камердинеръ подалъ ему письмо отъ *Ализы*, или, лучше сказать, щеголеватую маленькую цыдулочку, написанную прекраснымъ мелкимъ женскимъ почеркомъ, на атласистой розовой бумажкѣ, на-

питанной ароматами.—*Лорселъ* поспѣшно схватилъ еѣ, распечаталъ и просилъ друга прочесть—потому что ушибенный глазъ его былъ завязанъ плапкомъ, и онъ не могъ другимъ хорошо видѣть.

Вотъ содержаніе записки:

«Нѣжная дружба съ малолѣтства соединяетъ меня съ *Целинскою Лорселъ*, которая училась со мною въ одномъ пансіонѣ. Вышедши за мужъ, я не переставала видѣться съ нею, и узнала, что ты не соглашаешься отдать еѣ за г. *Вильфроя*, котораго она любишь.—Желая быть еѣ полезною, я у всѣхъ спрашивала о г. *Вильфроя*, и всѣ сказали мнѣ, что этотъ молодой человекъ по всѣмъ отношеніямъ достоинъ принадлежать вамъ, и что одно только несправедливое предупрежденіе заставило васъ отказать ему. Простите мнѣ, что я употребила хитрость, чтобы получить ваше согласіе; г. *Вильфроя* и дочь ваша у меня, и показала имъ подписанную вами бумагу, но не хотѣла объяснить имъ этой загадки до вашего пріѣзда. Прошу васъ немедленно пожаловать ко мнѣ,—гдѣ мы всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаемъ васъ. Вы увидите, что я также сдержала слово свое, сказавъ вамъ, что вы будете мною довольны.— Я была уверена, что счастье вашей дочери доставитъ вамъ лучшую минуточку въ вашей жизни.

Ализа К.»

—Какъ! у тебя есть дочь—и дочь *невѣста*?—вскричалъ г. *Сен-Лежеръ* съ несказаннымъ удивленіемъ. . . «Ну, да, есть!.. чтожь изъ этого?—Она еще совершенный ребенокъ! Я женился очень молодъ, понерялъ жену послѣ ея первыхъ родовъ—и отдалъ дочь въ пансіонъ къ кормилицѣ... Я бы конечно выдалъ еѣ за эшаго *Вильфроя*—но не теперь—а со временемъ—когда бы она стала немного повзрослѣе.—Она еще дитя—глупенькая школьница.»—*Сен-Лежеръ* улыбался,—а другъ его ворчалъ пихонько сквозь зубы: чортъ возьми эту молодую вѣтреницу; по ея милости я скоро попаду въ дѣдушки!

СЛОВЕСНОСТЬ.

КЛАДБИЩЕ СВ. МИТРОФАНІЯ.

Я давно уже уговорился съ семействомъ добрыхъ моихъ пріятелей *В**** и *М**** ѣхать помолиться св. *Митрофанію*, въ церкви, построенной во имя его между Царскосельскою и Петергофскою дорогами. Мы бы давно исполнили обѣтъ, данный нами Чудотворцу, но дождливое нынѣшнее лѣто и чрезвычайно топкая, кочкаватая дорога пугала насъ.

Наконецъ, въ минувшее Воскресенье, 4-ое Октября, Италіанское теплое утро, въ Октябрѣ не всегда ясное и въ Неаполь, мы наскоро собрались у *М****, живущаго въ Семёновскомъ полку, слѣдственно ближе всѣхъ насъ къ Царскосельской заставѣ. Двѣ кареты, нѣсколько дрожекъ и фаэтоновъ, и нѣсколько лихихъ наѣздниковъ верхомъ, поѣхали на богомолье. Старикъ *С**** и спарушка *П**** съ двумя дочерьми и сыномъ, зачасъ передъ нами, побрели туда пѣшкомъ, изъ усердія къ св. Угоднику. До самаго поворота съ Царскосельскаго шоссе, вправо къ новой деревянной кладбищенской церкви, мы всё боялись, что мы просидимъ въ болотѣ по-горло и спанемъ вытаскивая другъ друга изъ грязи. Особенно наши дамы, въ своихъ щегольскихъ башмачкахъ, на шонкой, какъ почтовый бумага, подошвахъ, раскаявались въ томъ, что не послали прежде осведомиться, есть ли проѣздъ. Но чтоже? къ живѣйшему нашему и другихъ богомольцевъ удовольствію, которые шли туда толпами и безпрепятственно обгоняли насъ въ экипажахъ, мы пашли широкую, высоконасыпанную дорогу, обрыпую глубокимъ каналомъ и обсаженную деревцами; вездѣ крѣпкіе мосты съ перилами и трубы для стока воды. Мы поспѣли къ самому началу литургіи, послѣ которой отслужили молебенъ св. *Митрофанію*. Благотѣпіе церкви, богатые сосуды и ризы, дьяконъ, согласный хоръ пѣвчихъ—удивили насъ. Служба кончилась въ 11 $\frac{1}{2}$ часовъ утра, и мы пошли поклониться гробницѣ знаменитаго мореходца Русскаго, *В. М. Головина*, два раза объѣхавшаго вокругъ свѣта и бывшаго

въ плѣну у Японцевъ; потомъ долго прогуливались по широкому, зелѣнымъ дѣрномъ обкладенному валу, который съ двухъ боковъ кладбища выведенъ изъ земли, вынутой изъ чистаго, также дѣрномъ обширнаго канала, прорытаго для осушенія шонкаго и низменнаго зѣшняго грунта, на которомъ нѣтъ ни травы, ни кустовъ, а только одніе кочки и болото.

Мы званы были завтракать въ Екапертигофъ къ тамошнему постоянному жителю *Ф****. Но, когда настала пора пуда ѣхать, по опять на всѣхъ насъ нашло раздумье: кругомъ объѣзжать далѣко, прямо пуститься—страшно завязнуть въ грязи,—а это очень легко могло случиться съ нашими тяжѣлыми экипажами. Однакожъ пустились на авось—и опять проѣхали сухо и безопасно.

За завтракомъ узнали мы, что на крылосахъ всегда поютъ пѣвчіе *В. Г. Жукова*, что дьяконъ служилъ по его же просьбѣ, что объ эти дороги обрылъ канавами, поднялъ, выстроилъ на нихъ мосты, осушилъ и усыпалъ пескомъ кладбище и площадь, на которой стоитъ церковь, церковный спароста, извѣстный прекрасными своими подвигами на пользу человечества—1-й гильдіи кунецъ *В. Г. Жуковъ*; что онъ издержалъ уже на улучшение и украшеніе кладбища св. *Митрофанія* до 10 т. рублей; что его фабричные работники, числомъ до 250 человекъ, по его приглашенію, въ праздничные дни прудились здѣсь въ потъ лица—изъ усердія къ Священному. На этомъ новомъ и прекрасно устроенномъ кладбищѣ намѣреваются создать каменный храмъ,—и *В. Г. Жуковъ* съ членами Строительной Комиссіи готовы пожертвовать значными суммами. *Такимъ богатымъ удобно войти въ царствіе небесное.*

Жуковъ дѣятельный членъ шести богоугодныхъ заведеній. Мы благословили имя его!

А. Кораблинскій.

5-ое Октября

1856.

С. Петербургъ.

ЦѢННОСТЬ НЕДВИЖИМЫХЪ ИМѢНІЙ ВЪ БИРМИНГАМЪ.

Бирмингамъ, городъ, существующій единственно мануфактурною промышленностію, городъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ бывшій еще частнымъ владѣніемъ, есть одно изъ любопытнѣйшихъ явленій въ мірѣ. Чтобы подать нашимъ читателямъ нѣкоторое понятіе о богатствѣ его жителей, мы выписываемъ изъ одного журнала цѣну недвижимой ихъ собственности.

Цѣна имѣній.

Чис. людей.	Каждый.	Вмѣстѣ.
1	400,000 ф. ст.	400,000 ф. ст. или 10,000,000 р.
2	500,000 —	600,000 — — 15,000,000 —
3	200,000 —	600,000 — — 15,000,000 —
4	150,000 —	600,000 — — 15,000,000 —
5	100,000 —	500,000 — — 12,500,000 —
6	80,000 —	480,000 — — 12,000,000 —
10	50,000 —	500,000 — — 12,500,000 —
20	50,000 —	600,000 — — 15,000,000 —
30	20,000 —	600,000 — — 15,000,000 —
50	15,000 —	750,000 — — 18,750,000 —
70	10,000 —	700,000 — — 17,500,000 —
100	5,000 —	500,000 — — 12,500,000 —
200	2,000 —	400,000 — — 10,000,000 —
400	1,000 —	400,000 — — 10,000,000 —
1500	200 —	300,000 — — 7,500,000 —
2000	250 —	500,000 — — 12,500,000 —
3000	100 —	300,000 — — 7,500,000 —
4000	50 —	200,000 — — 5,000,000 —
5000	25 —	125,000 — — 3,125,000 —
5000	15 —	75,000 — — 1,875,000 —
Имѣніе женщинъ 870,000		— — 21,750,000 —
22,903	10,000,000	— — 250,000,000 —

Но это богатство раздѣлено весьма неравно. Въ Бирмингамѣ щипается до 150,000 жителей; полагая, что владѣльцы опцы семейства, выдепъ, что число людей, не имѣющихъ никакой недвижимой собственности, весьма велико, потому что просируется по крайней мѣрѣ до 50,000. Домовъ въ Бирмингамѣ щипалось въ 1831 году до 30,000; въ томъ числѣ 7,000 приносили по 80 ф. ст. (2,000 р.) дохода; пошлина съ оконъ и дверей составляла въ томъ же году 29,000 ф. ст. (725.000 р.)

ПРЕЛЮБОПЫТНЫЕ ОТРЫВКИ

изъ одиннадцатой части книги:

Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія или бесѣда съ современниками и потомствомъ въ 1834 и 1835 годахъ. *Н. Н. Муравьева. С. П. Б. 1836.*

При напечатаніи 10-ой части моихъ забавъ отдохновенія, я велелъ единственно пѣмъ, чтобы епихъ забавъ было въ сѣмъ 400 списковъ, и нѣсколько изъ сихъ находихось въ общественныхъ книгъ-хранилищахъ, на то время, когда оно придетъ, чтобы ихъ читать, постигаючи заключающіяся въ нихъ истины. Но сіи не согласны съ настоящими общепринятыми понятиями, даже въ самыхъ ученѣйшихъ обществахъ.

Н. Н. Муравьевъ.

1.

Предувѣдомленіе Просвѣщенному Читателю 11-й части Забавъ Отдохновенія.

Издавая 10 часть моихъ забавъ отдохновенія, я принялъ вольность предварить *Просвѣщеннаго* читателя о намѣреніи всѣхъ моихъ изданій, для того особенно, что предполагалъ оную 10 часть послѣднею.

Но годы 1834 и 1835, проведенны мною въ непрерывномъ уединеніи моего сельца *Муравьева - Покровскаго*, безплодны были и въ забавахъ моихъ, для послѣдня пѣхъ разсужденій, которыя прежде служили мнѣ забавами отдохновенія, и которыя напечатаны въ первыхъ ихъ 10 частяхъ. И я вмѣнилъ себя долгомъ моему попомству опдать ихъ въ печать, надѣжнѣйшее хранилище *предацій наукъ* и образованія, еслибы то было и *ошибааго образованаго помышленія*.

Ошибки, сохранившіяся на харпцѣ, не въ *могннхъ* Архивахъ, но среди *любопытствующаго отдѣленія* народа, въ книгѣ изходя изъ рукъ въ руки любящихъ знаніе, предостерегаюпъ *любомудраго* опъ подобной имъ ошибки, а чрезъ то сохраняюпъ его драгоценное время для новыхъ опкрытій, болѣе свободныхъ опъ погрѣшностей, которыя при *разршеніяхъ новыхъ понятій* человека неизбежны.

Мнѣ многіе возкликали, слышавъ мои разсужденія, на примѣръ: о свѣтѣ и теплѣ, о движеніи во вселенной, и многія другія новыя понятія мои,—«*Это* (1) опвлеченность, это Метафизика!»,—забывая, что нѣтъ умозрѣнія безъ опвлеченности, что нѣтъ физики безъ метафизики; ибо и опвлеченность понятій и метафизика, суть ни что иное, какъ указаніе пути, указаніе болѣе или менѣе точное, для дальнѣйшихъ успѣховъ умозрѣнія (2) и знаній физики, или науки естественной.

Многіе находятъ мои изданія скучными для общаго время-провожденія. Но я, самъ забавляясь, никогда не имѣлъ намѣренія забавлять кого либо другаго: и знаю, что изданія мои могутъ поправитъ немногимъ, очень немногимъ, и по не вдругъ, ради особенной новости ихъ предметовъ, пожалуй себѣ, и ради опмѣнно повой ихъ опвлеченности. Вопъ почему забавы моихъ отдохновеній всегда состояли въ бѣсѣдахъ съ моимъ потомствомъ. И издавалъ я ихъ всегда отнюдь не изъ побужденія гестилюбія (котораго я ни гдѣ не ощущалъ); а собственно изъ намѣренія исполнить свой долгъ Русскаго передъ моимъ любезнымъ опечесствомъ, оспавивъ ему во услышаніе внушенное моему помышленію отъ провидѣнія неба для уразумѣнія геловька. Я зналъ, что современные плохо будутъ понимать и содержаніе и цѣль моихъ забавъ: вссму назначено время. Но не было въ моей волѣ, не печатать ихъ.

Ходъ помышленія нашего намъ не покорствуетъ. Хотѣнія, разгеты наши ни какой не ильютъ власти надъ мыслию, воображеніемъ нашимъ, еще меньше надъ выводами, надъ заключе-

(1) Нашъ авторъ не употребляетъ буквы Э.—В.

(2) Нашъ авторъ пишетъ не умозрѣніе, а умазрѣніе; не честодобіе, а чеснилдобіе; не Провидѣніе, а провидѣніе; посмотришь, а не посмотрише; заменъ, а не замънъ; пересудъ, а не пересудовъ; всюда, а не всюду; сердць, а не сердце; пыслыча, а не пыслычи, и пр. и пр.—В.

ніями этихъ мыслей, этого воображенія: или разгеты, или смыслъ.

Человѣкъ наравнѣ съ другими животными одаренъ способностію сохранять свое бытіе, разложавъ его, чтобъ бытіемъ смъ слѣдовать власпи хопъній и воображенію. Хопенія человѣку даются также наравнѣ съ другими животными. Но воображенія, но понятія ему посылаются опдѣльно, и ему одному. Это способы его улучшеній, которыхъ ни какое другое твореніе не имѣетъ. Ихъ по орудія: рѣчь, письмена, печатаніе письменъ, изящныя искусства. Всѣ науки служатъ воображенію человѣка. Случаи, то есть, слѣдствія причинъ неожиданныхъ, невѣдомыхъ, неизкомыхъ, ему служатъ. Естественна ли же, чтобъ оно было, просто, въ волѣ человѣка?

Предпріятіе издавать свои понятія печатію также не въ волѣ человѣка; опъ не можетъ желать, хопѣтъ себѣ скучнаго, непріятнаго; ибо издавать книгу свою печатію, есть дѣло опмѣнно скучное, опмѣнно непріятное, особенно когда самъ сочиписель видитъ несходство своихъ понятій съ понятіями общими, въ текущее время между людьми преобладающими (3). Вопъ доводъ, что и изданіе книги, если не всегда, то нерѣдко дѣлается также по волѣ провидѣнія. Слѣдовательно и изданіе одинадцатой части моихъ забавъ отдохновенія по той же волѣ. И мы просимъ на насъ не гнѣваться. Это не прудно просвѣщенному Чипашелю. Прочихъ же мы просимъ проипи мимо ихъ вниманіемъ наши забавы отдохновенія. Онѣ, конечно, не будутъ опвѣчать ихъ ожиданіямъ.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

(3) И вѣдомо! Хотя бы въ книгѣ Н. Н. Муравьеса были соединены оспроуміе Вольтера съ глубокомысленностію Гердера и пылкостью Байрона: она не была бы принята ласково Редакторомъ Библиотеки для Чителія, за то, что авторъ ея употребляетъ слово: опый.—В.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

98.

Не все о поэзіи, романахъ, повѣстяхъ; не все говорить о слогѣ, не все доказывать *Телескопу*, что *Баратынскій* и *Бенедиктовъ* истинные поэты, что у перваго сердечныя чувства въ элегіяхъ сильнѣе, пламеннѣе, глубже, чѣмъ у *Пушкина*; что стихи его сладки, какъ стихи *Жуковскаго*, текучи, какъ рѣзвѣй ручеекъ, запушавшійся между древесными кореньями, что мысли его ясны, какъ чистое озеро, а грусть, какъ сладоспирасная полу-шнѣя, набрасываемая на землю молодымъ мѣсяцомъ, когда его заволокло облачко сквозное, прозрачное, съ золотою каёмкою.

Прискорбно не только писать, но и глядѣть на то, какъ г. *Бѣлинскій* опшимаемъ шаланшъ у лирика *Б****, за то, что г. *Шевырёвъ* назвалъ его шаланливымъ; не позволяешъ сочинителю повѣстей *Б**** занять мѣсто между пзвѣстными повѣствователями потому только, что г. *Шевырёвъ* посадилъ его на почётное; насмѣхаемъ надъ окпанами, которыя пересажены съ Италіанской почвы на Русскую богатпырскими руками *Жуковскаго* и *Пушкина*, насмѣхаемъ по той причинѣ, что *Шевырёвъ* съ похвалою о нихъ отзывается и самъ переводитъ ими стихи съ Италіанскаго. Прискорбно видѣть такую неприязнь между природными Россіянами, исповѣдывающими одну Вѣру, одного Царя и одно Отечество. Послѣ этаго, мы не въ правѣ требовать безприспираснія отъ чужихъ писателей, которыя не могутъ намъ простить нашихъ побѣдъ, нашего цвѣтущаго состоянія, нашего торжественнаго шествія въ ихъ столицы!

Не менѣе прискорбно видѣть, что въ журналѣ, издаваемомъ бывшимъ профессоромъ старѣйшаго Русскаго университета, — укоряя барона *Брамбеуса* въ нѣкоторыхъ неблагоприспирасностяхъ, въ нѣкоторыхъ соблюденіяхъ приличій, — безпрестанно печатаютъ чудовищныя произведенія юной Французской словесности, да ещё и похваляютъ эшимъ. Возьмемъ на пр. *Бальзакову* повѣсть *Двѣшка съ золотыми глазами*. Чего

нѣтъ шупъ? И разврапный вольнодумецъ-аббашъ, и мать, продавшая дочь свою на посрамленіе, и убійство самое холодно-кровное, ращѣпистое, и кровосмѣшеніе, дьбомъ волосы подымающее.

Для убѣжденія въ справедливости нашего укора, шпшемъ здѣсь портретъ духовной особы (аббата), въ эпош повѣсти выспа-вленный:

«Маркизь опдалъ ребенка старой сестрѣ, дѣвицѣ *де Марсей*, которая очень пеклась о немъ и наняла ему, при помощи ничтожнаго пенсіона, опредѣленнаго ей братомъ, учителю, аббата, у котораго не было ни копѣйки за душою, который измѣрилъ будущее молодаго человека и рѣшился вознаградишь себя на сто тысячъ ливровъ годоваго дохода за своя попеченія о питомцѣ, принякомъ имъ въ свое распорженіе.

По случаю, эпошъ учитель почиталъ себя истиннымъ свлщенникомъ, однимъ изъ пѣхъ духовныхъ лицъ, которыя созданы для того, чтобъ быть кардиналами во Франціи, или играть роль *Борджил* подъ птарою. Онъ въ при года выучилъ ребенка тому, чему въ коллегіи научили бы его въ десять лѣтъ. Потомъ, эпошъ великій человекъ, называвшійся аббатомъ *ди Мароли*, докончилъ воспитаніе своего ученика, заставивъ его изучишь *цивилизацию* подъ всѣми ея видами. Онъ вскормилъ его своєю опытностію; водилъ его иногда за кулисы. Онъ оппималъ у него человѣческія чувства одно по другому; онъ училъ его подшаникѣ залъ, гдѣ она тогда жарилась; онъ перещипалъ ему формы правленія и пробовать, по дружбѣ къ прекрасной, оппавленной, но богатой надеждами папурѣ, замѣнить мать. Ученикъ опвѣчалъ на его попеченія.

Эпошъ достойный человекъ умеръ епископомъ въ 1812 году, съ чувствителю самодовольствія, что оставилъ подъ небомъ дитя, умъ и сердце котораго пакъ хорошо были образованы въ шесшнадцать лѣтъ, что оно могло играть роль человека въ сорокъ лѣтъ. Кто бы подумалъ икашь бронзовое сердце и наспиртованный мозгъ подъ самаго обольспительную наружностію, какую только давали эмю земнаго рая спаринныя живописцы, эши простодушныя художники.»

Господа *Бѣлинскій* и *Надеждинъ*, одинъ передъ другимъ расхваляютъ Парижскую *цивилизацию*. Въ повѣсти *Двѣшка съ золотыми глазами*, выпустилъ *Бальзакъ* на сцену одного *цивилизированнаго* молодаго человека, почти юношу: ибо ему было не болѣе 17-ми лѣтъ.

«Подъ свѣжестію жизни и при чистой и прозрачной водѣ своихъ глазъ, *Ганри* скрывалъ смѣлость льва, хипросилъ обезьяны. Онъ перерѣзывалъ пудю оспиремъ ножа

въ десяти шагахъ; ѣздилъ на лошади такъ, какъ будто хотѣлъ осуществить басню о Центаврѣ; правилъ сю трагическо; былъ донокъ и проворень, какъ шигръ, шихъ и кропюкъ, какъ барашекъ; онъ умѣлъ побѣдить человека изъ предмѣтъя въ ужасной игрѣ l'avanté или на палкахъ; попомъ, онъ игралъ на фортепьянахъ такъ, что могъ бы сдѣлаться арпистомъ, если бы выгаль въ нещастіе, и владѣлъ голосомъ, который ему стоилъ бы пятидесяти тысячъ франковъ въ каждую преть года. Увы! всѣ эти прекрасныя качества и его маленькіе недостатки были помрачены ужаснымъ порокомъ; онъ не вѣрилъ ни во что: ни въ Бога, ни въ человеческое достоинство; прихотливая природа начала его одарять своими дарами; но священникъ все убилъ.....»

Избави насъ, Боже, отъ такой цивилизаціи и отъ такихъ червивыхъ плодовъ юной Французской словесности. Велика Господня милость уже и въ томъ, что эта гнусная повѣсть переведена изъ рукъ вонъ плохо!

А. Кораблинскій.

23 Июля

1836.

Село Рыбацкое.

99.

Въ Одесскомъ альманахѣ 1832 года напечатана ода Человѣкъ, которая приписана *Державину*, а она сочинена *Клушинскимъ* и вся напечатана во второй части Севернаго Меркурія, который издавали *Крыловъ и Клушинъ*.

E N I G M E.

Bien plus souvent encor que vos docteurs célèbres,
Une foule de gens viennent me consulter;
Et le jour et dans les ténèbres,
D'un pas égal je vais sans m'arrêter.
Je parle, et suis sans voix; je vis, et suis sans âme;
Je sers l'amant, je sers sa dame,
Le plaideur et le juge, et la ville et la cour.
Avec mes sœurs rarement je m'accorde,
Je vois rouler mon sort sur la roue et la corde;
Et je marche au gré du tambour.

Въ No 82-мъ, помещенная шарада значить: *Пудра*.

Le temps nous envahit tout: on en fait maintenant les biais de toutes les redingotes d'automne, et on en borde les volans des robes les plus légères, même celles d'organdi. Les petites femmes n'ont pas encore osé aborder les volans; elles s'en tiennent jusqu'à présent aux bouillons ou aux ruches: nous les encourageons dans cette modération, qui leur sied beaucoup mieux que de hautes garnitures, qui leur feraient encore perdre de leur taille. Les corsages des robes les plus habillées se font très descendans sur les épaules, mais couvrant la poitrine et le dos. Nous avons donné une gravure représentant un spencer: il est de forme très simple, et les premiers que l'on portera seront tous ainsi; mais bientôt cette mode donnera lieu à une foule de jolies inventions auxquelles ce vêtement si gracieux donne toute facilité. Il en est de même des épaulettes si larges que l'on fait maintenant; elles facilitent l'application d'une grande variété de garnitures: sur les robes d'été, c'étaient de petites garnitures plissées; sur celles d'hiver, on posera des ruches: seulement ces ornemens excluent tout à fait les pèlerines.

M O D Y.

Бархатъ всё поглощаетъ; на всѣ осенніе капоты дѣлаютъ изъ него полоски; имъ обшиваютъ оборки самыхъ легкихъ плащевъ, даже органди. Дамы небольшого роста не смѣютъ еще доселѣ уприняться за оборки; онѣ довольствуются покуда буфами и рюшами. Мы ихъ одобряемъ: эта умеренность, несравненно для нихъ приличнѣе этихъ широкихъ оборокъ, уменьшающихъ росту. Лицы самыхъ нарядныхъ плащевъ весьма спускаются съ плечъ, но закрываютъ грудь и спину. На одной изъ нашихъ картинокъ былъ видъ спекзера; онъ весьма простаго покроя, и первые, какіе будутъ носить, будутъ всѣ въ такомъ родѣ; но скоро эта мода подастъ поводъ къ тысячѣ новыхъ изобрѣтеній, къ которымъ эта красивая одежда дастъ всѣ способы. Также и перешитіе широкіе эпюлеты облегчаютъ разнообразіе опдѣлокъ: на лѣтнихъ плащяхъ нашивали узенькія оборочки, сложенныя въ складочки; на зимнихъ будутъ рюши: при этихъ опдѣлкахъ пелеринки уже не надѣваются.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 84 и 85.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Октября 17 дня 1856 года.

Тафты, апласы и перкалы,
Алмазы, жемчуги и Кашемирски шали,
Линоны, кружева, батисты, тарламанъ,
Да фуншовъ нѣсколько припомъ бѣлихъ, румянъ,
Въ каретѣ Англійской двухтысячной кашаюхъ,
И модной дамою сей свертокъ величаютъ.

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

МЕЛЬСТРОМЪ (*).

Одно происшествіе въ моей жизни можеть, по испинѣ, назваться чудомъ. Какимъ образомъ поглотившая меня бездна извергла живаго? Какъ я могъ спасись изъ пучины, копорая никогда не щадишь своихъ жертвъ? Испылавъ уже всѣ ужасы смерти, какимъ предопредѣленіемъ я былъ принужденъ жить, чпобъ открытъ людямъ пайны положенія, изъ котораго никто не избавлялся? Я помню всѣ подробности эпого дня, ужа-

(*) *Мельстромъ*, или *Малстрѣмъ*, одинъ изъ величайшихъ водоворотовъ, находится между островами *Веррополи* и *Москеноли*, подъ 67° 40' С. Ш. и 11° 41' З. Д. Шумъ его слышенъ на распояніи многихъ миль, а сила влеченія такова, что суда, проходящія близъ него, всегда бываютъ увлекаемы въ бездну. «Свирѣпость Мельстррома,» говоритъ *Мальте-Брюнъ*: «усиливается иногда стремленіемъ противоположныхъ приливовъ и дѣйствіемъ вѣтровъ. Онъ увлекаетъ корабли, разбиваетъ ихъ о скалы или попопляетъ и, черезъ нѣсколько времени, выбрасываетъ ихъ обломки.

(Прим. Переводчика.)

сы его не изгладились еще въ моемъ воображеніи. Я еще вижу нашъ корабль, спремашійся къ неизбѣжной гибели; слышу слова людей въ предсмертныя ихъ минуны; ихъ физиономіи вртзались въ мою память: я знаю всё, что вокругъ меня происходило. Хочу написать эпи спроки, довольно важныя въ льтописяхъ челоѣчества; хочу написать ихъ. Это нужно!

Никто не можеть представить такихъ очевидныхъ сказаній, какъ я; никто не можеть описать, что такое корабль, вовлеченный въ Мельстромъ; что чувствуешь тогда экипажъ; что дѣлается тогда на палубѣ, и какъ происходитъ это поглощеніе, это кораблекрушеніе при безвѣпріи; это разрушеніе въ пишинѣ, безъ мрака и бури.

—Сегодня пятница, а капитанъ хочеть вышши изъ гавани—и дурно дѣлается.—

Такъ говорилъ на Шотландской шкунѣ, *Молодая Сусанна*, боцманъ *Бреригъ*, сложа руки, облокотясь на коронаду и поднявъ глаза къ небу. Осеннее солнце блѣднымъ свѣтомъ лучей своихъ освѣщало Норвежское

море. Эти лучи освѣщаютъ природу; но не оживляютъ ея.

Молодая Шотландка, блѣднѣе и блѣтѣ Норвежскаго солнца, покоила руку на рукѣ отца своего, спарца, одежда котораго показывала бѣдность, котораго наружность внушала почтеніе, волосы котораго посѣдѣли въ исполненіи всѣхъ добродѣтелей. *Макъ-Редъ* былъ священникъ Пресвитеріанской церкви. Неподалеку отъ этой группы находилась старшая дочь *Макъ-Редъ*, *Елена*, съ черными волосами и чертами лица, исполненными благородства и энтузіазма. Она сидѣла на свѣжкѣ канатовъ и слушала рассказъ служителя *Дональда*, уроженца *Стирлинга* (въ Шотландіи), привязаннаго къ семейству однимъ изъ этихъ сочувствій, которыя существуютъ только въ шотландцахъ, о которой мы говоримъ, и былъ увѣренъ, что онъ любитъ двухъ молодыхъ дѣвицъ по крайней мѣрѣ столько же, сколько и опецъ ихъ г. *Макъ-Редъ*.

Разговоръ продолжался между боцманомъ и г. *Макъ-Редомъ*.

— Да, — говорилъ боцманъ: сегодня пятница. Вотъ какъ лѣниво работаютъ наши матросы. Они право ворочаются какъ черепахи. Мы ничего съ ними не сдѣлаемъ! —

«Какъ вы суевѣрны!» прервала его, вспавая, старшая дочь *Макъ-Редъ*.

— О! я этого не скажу, сударыня. Сегодня пятница, на землѣ это ничего не значить, но когда должно плясать на этихъ голубыхъ волнахъ и дѣйствовать во всякую погоду во время бурь и шпилей, то признаюсь, не пренебрегаю пятницей; припомъ же съ этими людьми можно только тогда дѣйствовать, когда они веселы. Тогда они ловко лезутъ по снастямъ, свистокъ раздается съ пѣсней, всѣ мускулы напрягаются, всѣ сердца бьются надеждой, презираютъ землю, не боятся моря. Но съ экипажемъ, расположеннымъ какъ это, кой чортъ сдѣлаешь? —

«Боцманъ,» закричалъ громовый голосъ: «гдѣ проклятый горецъ *Камбелъ*?»

Это былъ голосъ капитана.

— Онъ спитъ, — отвѣчалъ боцманъ. — *Камбелъ* болѣнъ. —

«Болѣнъ! Мнѣ не надо больныхъ!»

— У него лихорадка, какъ говоритъ лекарь. Нынѣшнюю ночь, капитанъ, онъ опять имѣлъ одно изъ этихъ адскихъ видѣній! —

«Чортъ побери *Камбелла* съ его бреднями!» закричалъ капитанъ съ бранью, такъ громко, чтобъ весь экипажъ зналъ, что капитанъ сердится. «Кто далъ мнѣ этого горнаго моряка, лѣснаго мапроса, который возвращаетъ экипажъ своими видѣніями?»

— Капитанъ, осмѣлюсь почтительно испросить у васъ, отъ имени вашихъ мапросовъ, милости, на которую они очень надеются. —

«А!»

— Они надеются, что мы пустимся въ море только завтра. Никогда, увѣрю васъ, *Молодая Сусанна* не оставяла берега въ пятницу! —

Капитанъ, не дослушавъ конца, повернулся задомъ къ боцману, и разсыпавшись въ ругательствахъ и проклятіяхъ, пришелъ въ такую ярость, что всѣ замолчали и поблѣднѣли. Но работы не пошли успешнѣе, мапросы посмапривали съ печальною невѣрчивостію. Мы поплыли. На шкунѣ царствовало непріятное расположеніе духа; капитанъ расхаживалъ, держа руки за спиною, ища случая или бранясь безъ всякаго случая. Шотландецъ *Камбелъ*, котораго принудили встать, вышелъ изъ каюпы и работалъ, ворча. Вдругъ ему пришло на мысль начать уалль (uall), Шотландскую погребальную пѣсню, этою вой безъ словъ, этою мѣрный вопль, эти непрерывные рыданія, эти продолжительные вздохи, похожіе на забываніе вътровъ въ соборныхъ церквахъ. Старый Шотландскій слуга поднялъ голову и узналъ погребальную пѣсню клана *Камбелей*. *Елена* сдѣлала знакъ удивленія, а маленькая *Спритли* залилась слезами. Мысль о смерти и опечесствѣ пробудилась вмѣстѣ въ ихъ памяти.

Эти предсказанія вскорѣ сбылись. Появился предвѣстникъ бури, забушевалъ про-

пивный намъ въперъ, море расколыхалось— и вскорѣ поднялась буря. Работы производились пихо; подобрали паруса, но все дѣлалось лѣниво, безъ живости, и какъ бы безнадежно. Суевѣріе, одѣвая чернымъ покровомъ будущее, расслабляя душу, уничтожаетъ чувство самосохраненія. Судно дрожало и попрысалось отъ ударенія валовъ, какъ дрожипъ на поспелѣ челоуѣкъ въ лихорадкѣ. Оно пропивилось волнамъ по крѣпости своей постройкѣ, но слѣдовало путемъ, пропивнымъ его направленію. Подъ нимъ, вокругъ его, вдоль люковъ бѣлѣла пѣна и ревѣли валы, копорые били въ него какъ шаранъ въ спѣну. Цѣлую ночь работали надъ помпами. Вода входила въ судно, и мапрсы успѣли только откачать еѣ въ такомъ количествѣ, чтобъ поспавипъ судно въ возможность продолжатъ путь. Но одна изъ мачтъ была сломана, другую должно было срубить.

Осповъ или скелетъ судна продолжалъ свой путь по безднѣ, копорая съ ревомъ несла эшопъ остатокъ корабля, прежде столь легкаго, свѣжаго, крѣпкаго и быспраго. Въ эшомъ гробу, носимомъ бурей, было множество людей, обьяпныхъ опчаяніемъ, копорые по привычкѣ только исполняли свои обязанности. Геройство моряковъ состоиптъ между прочимъ въ томъ, чтобъ повиноваться и работать даже и тогда, когда отъ геройства и прудовъ ожидаюптъ они только смерти.

«Батюшка, еспь ли надежда?» спросилъ слабый голосъ.

— Будемъ вмѣстѣ молипъся, любезный дѣпш, — отвѣчалъ священникъ, копорого грудь была удручена и глаза наполнены слезами.

Молибвы эшаго почтеннаго спарца, шорехъ листовъ библіи, копорые онъ перевѣривалъ, отвѣты двухъ молодыхъ блѣдныхъ дѣвицъ, лежавшихъ въ своихъ койкахъ, при мерцающемъ свѣтѣ лампы, никогда не выдуптъ у меня изъ памяти.

Смерть гремѣла на небѣ и въ безднахъ, смерть осаждала корабль. Капитанъ пилъ ромъ, чтобъ оживипъ не мужество свое, но

надежду; испощенные мапрсы еще работали, и корабль, при искусно-пропзведенной посредствомъ парусовъ поправкѣ, продолжалъ свой ненадежный, колеблющійся ходъ.

«Ну что, *Бреригъ*,» вскричалъ капитанъ, когда прошла эша почъ: «видите, что мы одолѣли бурю. Въперъ упихъ. Вотъ прекрасный день. Вашъ *Калбелъ* предсказатель сумасшедшій, и мы не умремъ отъ пого, что опплыли въ пятницу.»

— Мы черповски измучились! — отвѣчалъ боцманъ.

Калбелъ, копорый проходилъ въ эшо время, пропжно просвиспалъ свою печальную пѣсню.

«Завтракать, ребята!» закричалъ капитанъ: «каждому по стакану грока за пруды! ура!»

Никто не отвѣчалъ на радостное восклицаніе начальника; лица всѣхъ оставались озабоченными и сохраняли оппечатокъ ужаса.

— Корабль имѣетъ болѣе нужды въ мачтахъ, чѣмъ мы въ завтракъ, — пробормоталъ одинъ изъ мапрсовъ.

Между пѣтмъ упренній свѣтъ мало по малу прояснилъ и опкрывалъ на горизонтѣ группы живописныхъ островковъ. Ярость океана упихла. Не было ни одной морщины на поверхности воды; все безмолпвало.

Посреди эшой тишины, что за журчаніе слышится? Что за гулъ, смѣшанный, невнятный, приближающійся поспепенно и похожій на жужжаніе роя пчель? Весь экипажъ бросается на палубу, каждый удерживаетъ дыханіе. Капитанъ оспается неподвижно на лѣспницѣ каюты; боцманъ, подавшись впередъ, выпянувъ шею, согнувшись и устремивъ глаза, слушаептъ съ ужасомъ; его помощникъ, копорый поднялъ руку, чтобъ опдать приказаніе, оспановился, и рука его оспается въ эшомъ положеніи.

Послѣ двухъ-минушнаго безмолвія, послѣ эшаго ожиданія и ужаса, всѣ взоры испрѣ-

пились, всѣ поняли другъ друга. Бодманъ подошелъ къ капитану.

«А!» сказалъ онъ ему: «все кончено: эпо Мельспромъ!»

— Мельспромъ! —

Слово эпо сдѣлалось эхомъ, двадцать, тридцать разъ повпорившимся и пробѣжавшимъ по кораблю; попомъ все умолкло.

«Что эпо такое Мельспромъ?» просто-сердечно спросила маленькая *Спритли*.

Калбелъ опять запынулъ свою погребальную пѣсню.

Одинъ морякъ, съ обнаженною грудью, только что выпившій спаканъ гроку, отвѣчалъ:

— Это смерть! —

«Ну, ребята,» закричалъ капитанъ пронзительнымъ голосомъ: «къ работѣ, чортъ возьми! Новую мачту, новый парусъ! Работайте! работайте!»

Сдѣлался такой шумъ, что нельзя было слышать другъ друга. Корабль тихо подвигался, и солнце сияло. Между шѣмъ моряки, съ удивительною дѣятельностію, дѣлали всѣ нужныя приготовленія, чпобъ поспавить новую мачту, гопповили парусъ, суѣпились и бѣгали шуда и сюда. Одинъ только *Калбелъ* не хотѣлъ работать. *Дональдъ*, напротивъ того, спарался бытъ полезнымъ. Онъ вездѣ являлся, вырывалъ молотъ изъ рукъ плошника, побуждалъ лѣнвыхъ, и спараясь помочь, мѣшалъ работать. Бѣдный спарикъ, видѣвшій бури только на *Логъ-Невисть*, и не знавшій водоворотовъ, кромѣ шѣхъ, которыми усыяны *Твидъ* и *Клидъ*, *Дональдъ* не могъ постигнуть спокойствія *Калбелля*, которому онъ дѣлалъ самые горькіе и самые жестокіе упреки. Въ часъ все было кончено: новая мачта поспавлена, парусъ напаянупъ. Но, увы! напрасно. Парусъ тяжело упалъ и обвился вокругъ мачты, возспановленной съ такими пирудами. Опчаяніе! Шлюбка исчезла въ волнахъ. Уже показались вершины скалъ *Лафодена*. Уже Мельспромъ слышался ближе. Корабль съ каждой минушой приближался къ чудовищу,

которое должно было пожрать его. Глаза всѣхъ устремились на мачту и на парусъ. Мачта не сгибалась, парусъ не дѣйствовалъ. Кто опишетъ выраженіе лицъ, безмолвіе эшихъ людей, напряжение всѣхъ эшихъ воровъ, безнадежность мужеспвеннѣйшихъ, покорность *Провидѣнію* двухъ юныхъ дѣвицъ, горестъ опца, спраданія котораго обращались не къ самому себѣ, а къ дочерямъ. Во время всеобщаго безмолвія, *Нью-Фоундландская* собака капитана, вѣрность которой была удивительна, бѣгала по кораблю, какъ бы желая удалиться отъ ужаснаго зрѣлища, и испускала продолжительные споны, проникавшіе душу. *Макъ-Редъ* молился, дочери его спояли на колѣняхъ.

«Я эпо предвидѣлъ,» сказалъ *Калбелъ*, первый прервавшій молчаніе.

—Что ты предвидѣлъ? —

«Вопъ скалы *Лафодена*! Я ихъ видѣлъ, я ихъ узнаю. Они были направо также, какъ и теперь. Мой сонъ не обманулъ меня. О пляница, несчастный дѣпъ! О проклятый капитанъ!»

—Проклятый капитанъ! —

Военный крикъ *Магаковъ*, вопль кровопролитія *Паликаровъ*, устремляющихся въ бой, не ужаснѣе яроспнаго крика мапрсовъ, которые всѣ вдругъ бросились къ кормѣ; схвативъ несчастнаго капитана и, не смотря на его крики, на мольбы его, на бѣшенство, кинули за бортъ. Собака его видѣла, какъ онъ упалъ, и эпотъ послѣдній другъ топчасъ за нимъ бросился. Она поплыла къ нему, схватила его за воротникъ, подпацила къ кораблю и долго пропивилась печенію, которое его увлекало. Наконецъ, обѣ руки капитана показались изъ подъ воды, схватили собаку, какъ бы хватаясь за послѣднюю надежду спасенія; тогда и онъ и вѣрный поварищъ, его скрылись въ водѣ, и больше уже не появлялись.

Злодѣйство, близкая смерть, безуспѣшность усилій, ни малѣйшей надежды на спасеніе, спремленіе корабля къ его гибели! Какое положеніе! Всѣ работы были брошены. Мапрсы разбрелись. Бодманъ сълъ на

обломокъ мачты, и оспавался недвижимъ, смотря на самоубійство корабля. Одни изъ мапросовъ начали молились, другіе спали плясать; большая же часть опнимали другъ у друга грокъ и водку. Были и такіе опчаянные храбрецы, которые побросались въ воду съ громкими криками. Я замѣпилъ многихъ, которые держась за руки, плясали какъ испущенные. Они хохотали, и попомъ, вдругъ прерывая хохотъ, испускали ужасные стоны. Другіе, пораженные страхомъ и лежавшіе на палубѣ, вставали и предавались дикой радости; они ломали люки и бросали снасти въ волны. Палуба корабля походила на обрачикъ ада. Но природа освѣщалась солнцемъ, которое, казалось, ласкало улыбкой пихія волны и зеленые берега Москена. Корабль скользилъ по морю, какъ спрѣла, не могши ни ослабить своего хода, ни перемѣнить направленія, по которому онъ спремился къ отверстому гробу, въ нѣдра зіяющей пропасти.

«Боцманъ!» вскричалъ его помощникъ: «спобю свидѣльствуюсь, что я ничего не сдѣлалъ капитану.»

Боцманъ улыбнулся, не отвѣчая. Его помощникъ составлялъ себѣ такое точное понятіе о правосудіи небесномъ, какъ о правосудіи земномъ.

«Что-жь, мой бѣдный *Виль*, ты ничего не отвѣчаешь? А... сколько минушь оспаешься намъ жить, скажи мнѣ?...

Боцманъ обернулся къ *Толу*.

—Мой другъ,—сказалъ онъ ему: если должно дать опчетъ въ швоемъ поведеніи, надѣйся на меня. Ты мужественнѣе шѣхъ, которые шамъ пляшуть: Но подберемъ паруса и не спанемъ много говорить. Мы пошчасъ бросимъ якорь; другой міръ передъ нами; бросимъ послѣдній узелъ. *Толу!* мужественный человекъ умираешь въ молчаніи. Проспи, *Толу!* Можешь быть, жить оспаешься только пяшь минушь, не болѣе!—

«Боцманъ, ты увидишь, прущу ли я!—Прощай, кумъ! Но эти двѣ молодья дѣвочки?... Ахъ, не больно ли это сердцу!»

—Молчи же! чорпъ возьми. Проспи мнѣ, Господи, что я клянусь. Я не спану болѣе болшашь!—

Припяжаніе Мельспрома дѣлалось сильнѣе. Самоубійства людей, которые бросались въ воду, одни съ пѣснями, другіе съ воплями, опуспошили корабль. На высотахъ Эльсена показались толпы муштинъ и женщинъ, которые видѣли несчастный корабль, влекомый къ гибели, и скорбѣли, не могши подашъ ему помощь. *Макъ-Редъ* держалъ своихъ дочерей въ объятіяхъ и, глядя на небо, шепталъ что-то. Пшица, бѣлая какъ снѣгъ, съ блестящими и гладкими перьями, поднялась съ высотъ Амбарема, взлетѣла надъ кораблемъ, захлопала крыльями близъ самой палубы и долго слѣдовала по направленію корабля. Шаспливая пшица могла жить, а мы должны были умереть. Съ какой завистью мы на неѣ смотрѣли! Какъ ярко свободная ея участь оппѣняла эту неволю, которую мы влеклись къ смерти!

Вдругъ слухъ нашъ поразился ужаснымъ прескомъ. Онъ, казалось, направлялся опъ Мельспрома: мы слышали спрашный ревъ и вопли предсмертнаго опчаянія, какъ бы ужасное чудовище боролось съ смертію.

Въ самомъ дѣлѣ, кипъ былъ увлеченъ теченіемъ и, попавъ въ средину водоворота, боролся съ непобѣдимую силою, которая его поглощала. Тщетно чудовище ударяло хвостомъ въ кружившіяся вихремъ волны; тщетно извергало изъ ноздрей два столба кипящей воды: огромное чудовище было поглощено, и скрылось.

Такова участь, къ которой, прошивъ нашей воли, часъ опъ часу влеклись мы быспрѣ и быспрѣ. Красота дня, прозрачность неба, блестящая поверхность водъ, дѣлали невѣроятною близость смерти. Неопытный юнгъ, проведеній нѣсколько часовъ въ слезахъ, поднялъ голову и подошелъ къ боцману.

—Нѣтъ,—сказалъ онъ: я этому не вѣрю; это быть не можетъ! Море такъ тихо! Гдѣ же подводный камень? Гдѣ же смерть? Гдѣ же буря? Дѣтскія сказки, которыми вы вѣрите по безразсудности.—

Боцманъ поднялъ голову и горько улыбнулся.

«Къ работѣ!» продолжалъ юнгъ. «Скорѣй! скорѣй!»

— Дѣлай, что хочешь, — сказалъ старый морякъ, съ презрѣніемъ глядя на молодого юнга: черезъ три минуты опъ корабля не останется и прехъ досокъ.

«Эхъ, когда вы всё опчаявались, и когда въпрямъ сломило мачту, я уже зналъ, что мы спасемся.»

— Готовься, другъ мой, обопрѣ слезы; все дѣло въ томъ, чтобъ проглотить нѣсколко соленой воды. Корабль начинаетъ колебаться; показывается мутная вода. Если ты хочешь видѣть человѣка, умирающаго человѣкомъ, останься подлѣ меня. Но молчи и оставь меня въ покоѣ. —

Увы! онъ говорилъ правду. Спремительное влеченіе Мельспрома усиливало быстроту нашего хода. Волны кипѣли около насъ, и корабль перекачивался со стороны на сторону, бывъ движимъ яростнымъ спремленіемъ валовъ.

Какъ изобразить предсмертныя чувства, это бснованное опчаяніе людей, умирающихъ въ полнопѣ всѣхъ силъ. Самый корабль, прыгая къ пропасти, казался оживленнымъ существомъ, внезапно взбѣсившимся. Попомъ, полетѣлъ вдругъ, какъ выброшенная изъ ружья пуля; онъ скользитъ по волнамъ, лепитъ, спремился, падаетъ, кружится, подымается и опять падаетъ. Матросы хватаются за снасти; *Дональдъ* бросается въ бездну; слышатся продолжительные крики опчаянія; боцманъ машетъ шляпою, между тѣмъ какъ корабль кружится, словно игрушка въ рукахъ дитяти.

Я не помню ничего болѣе опъ эпомъ ужасномъ кораблекрушеніи; помню только то мгновеніе, когда одна корма появилась надъ волнами, и когда бездна поглощала свою добычу, таща её въ смертоносныя свои пропасти, и удерживая её съ минутой въ эпомъ вертикальномъ положеніи.

Что до меня касается, то безмолвно, въ опчаяніи и безпамятствѣ лежа на палубѣ

и съ безнадежностью ожидая конца этого зрѣлища, я очнулся нагой и окровавленный на усѣянномъ скалами Геджесскомъ берегу.

Съ прудомъ допачился я до хижинъ, обитаемыхъ рудокопами. Безъ сомнѣнїа, водоборопъ, силою прѣвуположныхъ спремленій, которыя составляютъ механизмъ эпата пагубнаго водокруженія, не поглотилъ, а отбросилъ на далекое разстояние нѣкоторыя изъ обломковъ. Я видѣлъ разбросанные по песку разбиныя доски и оспатки снастей.

Никогда, по словамъ рыбаковъ, принявшихъ о мнѣ попеченіе, Мельспромъ не щадилъ своей жертвы.

Перевелъ *А. Михайловъ.*

СТРАШНЫЕ ДОХОДЫ ОТЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

Доходы съ желѣзной дороги, устроеной изъ Ливерпуля въ Манчестеръ, за первую половину сего года, составляли 109,355 ф. ст., а именно: съ пассажировъ 57,914 ф. ст., за перевозку поваровъ 47,441 ф. ст. и съ каменнаго угля 4,000 ф. ст. Расходы прѣспирались до 69,953 ф. ст., какъ то: на экипажи для пассажировъ 10,202 ф. ст., на транспорты для поваровъ 10,463 ф. ст., на паровыя машины 20,425 ф. ст.; оспальная сумма упопрѣблена на разные другіе расходы. И такъ чистой прибыли получено 39,402 ф. ст. и поному акціонерамъ досталось по 5 ф. ст. дивиденда на акцію, стоившую первоначально 100 ф. ст.; нынѣ же сіа акціи возвысились до 265 ф. ст.

ПАРОХОДЫ МЕЖДУ АНГЛІЕЮ И ОСТЪ-ИНДІЕЮ.

Для устроенія пароходства между Англіею и Остѣ Индіею, чрезъ Египетъ, сдѣланы слѣдующія распоряженія: два паровыхъ судна ходятъ между Мальпою и Александріею; сообщеніе между Александріею и Суецомъ (по Черному морю) приняла на себя Остѣ

Индская Компанія; 3 судна учреждены для рейсовъ между Англіею и Мальшою и 4 судна для перевозки пассажировъ и поваровъ изъ Суеца въ Бомбай и обратно. Весь путь долженъ совершаться въ 52 дня. Издержки для сего предпріянія полагаются въ 200,000 ф. ст. Оно будетъ состоять на иждивеніи частнаго общества, съ пособіемъ отъ Правительсва и Остъ-Индской Компаніи.

ЧИСЛО И БОГАТСТВО ЛАНКАСТЕРСКИХЪ ФАБРИКЪ.

Нынѣ въ Ланкастерѣ находятся 676 хлопчатобумажныхъ фабрикъ, которыя приводятся въ дѣйствіе посредствомъ 714 паровыхъ машинъ, въ 20,302 силы, сверхъ того 233 вододѣйствующихъ машинъ, въ 2,851 силу, такъ что все вообще машины имѣютъ 23,153 силы. На сихъ фабрикахъ работаютъ 1,509 дѣтей и 47,445 человекъ отъ 11 до 18 лѣтъ; присовокупля къ сему взрослыхъ людей, общее число рабочихъ составитъ 122,990 человекъ. Шерстяныхъ фабрикъ 99, которыя приводятся въ дѣйствіе посредствомъ 50 паровыхъ машинъ, въ 747 силъ, и сверхъ того 95 вододѣйствующихъ машинъ, въ 761 силу, такъ что всего употребляется 1,508 силъ. На сихъ фабрикахъ работаютъ 4,575 человекъ. Для пряденія шерсти употреблено шесть заведеній съ семью паровыми машинами въ 123 силы и пятью вододѣйствующими въ 52 силы. На оныхъ занимаютъ 1,976 человекъ. Льняныхъ мельницъ найдется девятнадцать, съ таковымъ же числомъ паровыхъ машинъ въ 550 силъ и 4 водяными мельницами въ 70 силъ; при оныхъ занято 3,566 работниковъ. На 22 шелковыхъ фабрикахъ дѣйствуютъ 24 паровыя машины въ 587 силъ и 3 водяныя мельницы въ 24 силы, рабочихъ 5,382, въ томъ числѣ 3,472 отъ 9 до 18 лѣтнихъ. Все количество паровыхъ и другихъ машинъ, которыя приводятся въ дѣйствіе означенныя 824 фабрики, простирается до 1,154, въ 25,918 силъ, а при нихъ занимается рабочихъ до 137,590 человекъ, въ томъ числѣ 2,578 дѣтей отъ 9 и 11 лѣтъ и 54,013 отъ 11 и 18 лѣтъ.

ПРЕЛЮБОПЫТНЫЯ ОТРЫВКИ

изъ одиннадцатой части книги:

Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія или бесѣда съ современниками и потомствомъ въ 1834 и 1835 годахъ *Н. Н. Муравьева*. С. П. Б. 1836.

2.

О картинѣ г. Брюлова: Последній день города Помпеи.

Возвѣспили намъ, что картина Русскаго художника *Брюлова*, изображающая Последній день города Помпеи, имъ писаная въ Неаполь, такъ сказать, на мѣстѣ происшествія, будетъ всенародно выставлена на показъ, въ С. Петербургской Императорской Академіи Художествъ, которой г. *Брюловъ* воспитанникъ. О картинѣ этой много писано въ Италіи, во Франціи. Наконецъ сила Генія (врожденной нравственности) (1) г. *Брюлова* въ его отечествѣ. Я ее два раза обозрѣвалъ среди величественныхъ палатъ великаго Русскаго Царя (2): и спо разъ горю въ ее видѣть.

Итакъ 3-го Октября ѣду въ Академію Художествъ.

Народъ толпился по лѣстницамъ. Обыкновеннымъ путемъ вхожу въ обширныя залы зданія Академіи, которыя въ послѣдніе годы приняли свое достоинство, какъ бы во срѣтеніе силію русскаго смысла, среди ихъ образовавшагося.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе полна зрительей стужалась около меня. Наконецъ въ великой дали вижу изверженіе Везувія, вижу небесную мрачность и небесныя огни, споль ясно Плиніемъ описанья. Приближаюсь, тѣсноюсь. Мимоходомъ желаю, чпобъ свѣтъ оконъ на правой моей рукѣ померкъ, чпобъ одно только ближайшее къ картинѣ открытымъ оспалось, въ которое бы огонь Неба (злѣвидный, гораздо обширнѣйшій молніи, по сказ. Плиніа) проникъ и освѣтилъ передъ моими глазами прекрасную душу г. *Брюлова*, въ его картинѣ.

(1) Чпю есть Геній?—«Врожденная нравственность!»—освѣчаетъ сочинитель.

(2) Здѣсь слово палаты вмѣсто дворца.

Она въ Академіи имѣетъ лучшее положеніе, нежели прежде, но не наилучшее.

Толпа меня окружаетъ. *На львъ* (3), полная, деблая барыня, по произношенію Французенка, смѣло говоритъ: Il n'y a rien à désirer, monsieur, ce sont comme des vivans! *На правъ, гиновникъ*, высокій, видный, собою довольноный, съ щасливѣйшими бакенбардами, еще смѣлѣе поварищамъ своимъ разказываетъ: «Лучшая часть эпои карпины въ срединѣ. Посмотритъ на епу лежащую, въ желтой одеждѣ женщину. Прелестъ! А волоса какъ опдѣланы!» Если въ Парижѣ оуждали полетъ генія Русскаго художника, то, полагаю, что г. *Брюловъ* охотнѣе бы перенесъ по оужденіе, нежели епу похвалу.

Довольно наслушавшись подобныхъ полковъ, довольно нагрѣвшись въ пѣснопѣ толпы, довольно налюбовавшись, въ заменъ пого, карпиною, я, полный русской мысли, ожидалъ подвига русскихъ журналовъ для необыкновенной карпины г. *Брюлова*, всею душою желая искренне перенести мое удивленіе опъ предмета къ описанію онаго. Но щипетно. И такъ, въ эпои необходимости русской любви опечесства, сажусь, и здѣсь излагаю, какъ понимаю я карпиину г. *Брюлова*, послѣдній день Помпеи.

И удивленіе и толки пересудъ Милана и Парижа для меня передъ карпиною очью совершались. Тамъ полетъ генія, полету вкуса просвѣщенія свойственный; здѣсь даръ неба покорствующій законамъ балетизма, предубѣжденіямъ. Но г. *Брюловъ* русской: умъ его русской. И какую карпиину однимъ *махомъ* сотворилъ г. *Брюловъ*! Въ ней всюда природа, просто, чисто природа! въ ней: и свѣтъ и мракъ, и жизнь и смерть, и сердце и душа челоуѣка въ своемъ величій! Каждая ея часть карпиина особая, карпиина прелестная, и колоритомъ, и изображеніемъ. Г. *Брюлова* пламенная душа любила внимать повѣспво-

(3) Однажды за все объяснимъ нашимъ читателямъ, что мы печатаемъ косыми буквами не ошибочныя и не уродливыя, а новыя, или слишкомъ смѣлыя выраженія. — В.

ваніямъ и Сициліи и Неаполя, чптобъ намъ живо предспавитъ юнаго жениха, въ объятіяхъ своихъ изъ храма уносящаго свою любовницу, невѣсту, гистыйшую супругу, въ ужасахъ природы изнемогающую, и съ нею сердцемъ своимъ умирающаго; чптобъ мы живо увидѣли 100 лѣпняго спарца, уносящаго двумя его сыновьями, со всѣмъ *сгновилмъ радннелмъ*, изъ общаго природы разрушенія. — Чпто читаемъ мы въ писъмахъ Плиніа объ эпои послѣднемъ днѣ Помпеи, то читаемъ и въ карпинѣ г. *Брюлова*, на лицѣ сына и матери. Зритель дивится, что не слышитъ ихъ рѣчей! Такъ ясно, на устахъ ихъ, на взорахъ ихъ, читаетъ онъ содержаніе ихъ разговора! Въ г. Помпеи *открытое колесо* родило прекрасную мысль въ г. *Брюловъ* объ упавшей безъ чувствъ съ колесницы прелестной матери и о ея неописанно красивомъ ребенкѣ. Посмотритъ, какъ отецъ его силится удержатъ двухъ своихъ буйныхъ коней, далеко и быстро увлекающихъ его колесницу, уже съ однимъ колесомъ! Опсюда въ лѣвую сторону, гдѣ и самъ г. *Брюловъ* съ орудіями своего необыкновеннаго искуства, находится множество лицъ, въ которыхъ порывы паренія его *врожденной нравственности* (4), какъ бы опдыхаютъ. Онъ всѣ его обыкновенныя и ниже перваго его полета. Но колоритъ, но смѣлость, но изображенія его, тѣже, также обваражающіе, хотя менѣе величественны. Природа его пупеводителъ; онъ къ ней, какъ будто, вырвался: и его карпиина послѣдняго дня Помпеи, въ Академіи одна, — изображаетъ первый ея день, во дни опчаго Царствованія нашего Государя Николая Павловича, воздоитела прекраснаго и великаго въ нашемъ любезномъ опечесствѣ.

Не знаю, пользовался ли, *могъ ли пользоваться русской г. Брюловъ*, среди Италіи, *пожалуй себѣ, гдѣ хотеть индѣ, внѣ Россіи*, дружескимъ совѣпомъ, не художника, (эпои ему ненадобенъ былъ), но *смысленного, просвѣще-*

(4) Врожденная нравственность то же, что Геній. Можетъ быть возражать *Николаю Назарьеву*, что *Волтеръ, Мирабо, Наполеонъ*, были Геній; но лѣзя ли называть ихъ *врожденными нравственностями*? — В.

ного и образованого любителя и знаатока прекрасной природы, которой бы умѣлъ видѣть, и сославить о предметъ мысль здравую. Етопъ ему нуженъ былъ для картины споль огромной, и споль небывалой. Особливо, когда успремляніе его вниманія къ тысячъ опиошеній его предпріятія, полеть его благородной силы врожденности, послѣ опдѣлки его главныхъ предметовъ на правой рукѣ и въ срединѣ картины, искалъ себѣ, если дозволено сказать, нѣкоторого опдохновения; между тѣмъ, какъ пылокое желаніе г. Брюлова спышило совершить необыкновенное покушеніе его художества, и лвить съипу безпримлрное на полотнѣ изображение одного изъ такихъ происшествій и явленій гнѣвной природы, которая человекъ могутъ представитъ только одинъ разъ въ двѣ тысячи лѣтъ. Не знаю впочность ли г. Брюловъ совѣповался съ повѣспованіемъ Плинія, всѣли его смѣлое и мѣпкое воображеніе прошло оппѣнки мгновенной ночи среди дня, и мгновеннаго освѣщенія среди совершенной шемноты, не знаю чипаломъ оно помышленія и чувства человека среди неизпытанныхъ грозныхъ явленій природы, имъ изображаемыхъ, чувства: ужаса, опчаянія, надежды, преданности Провиденію (5); чувства, одинакія для всѣхъ состояній человека. Но еслибъ онъ въ просшительной поропливости и не успѣлъ все ето обозрѣть, все ето выразить съ желаемаю имъ самимъ впочностию, то и тогда картина его послѣдняго дня Помпеи, останется эпохою въ живописи, опкрывъ новое поприще, до селъ неизвѣстное, етому прекрасному искусству.

3.

Новобрагныя слова, которая соединилъ нашъ авторъ, а для чего, онъ самъ достаточно объяслетъ намъ.

Нарѣчія перемѣняются съ временами, когда съ намѣреніемъ, когда безъ намѣренія. Опъ первого скорѣе можно ожидать улуч-

(5) Въ этой статьѣ нашъ авторъ пишетъ Провиденіе, а въ предисловіи провидѣше. Мы не домыслились по какой причинѣ; но у него вѣрно есть причина.—К.

шенія; могутъ явитъя возвышенныя способности, высокія знанія, опмѣнное достоинство души, которая и слова и рѣчь обрабатываютъ себѣ сообразно; случайность можетъ родить проповное. Все въ мірѣ улучшается и неиначе, какъ опъ попытокъ; нарѣчіе, языкъ не изълпы изъ сего правила природы. Надобно пыпаться, надобно дѣлать ошибки пыпаясь, чпобъ, наконецъ, получить успѣхъ. Не пыпаясь, останемся на помѣ же мѣспѣ. Нѣтъ улучшенія безъ движенія. Смыслъ, жизнь, движеніе. Нѣтъ силъ, нѣтъ смысла. И пакъ надобно пыпаться, чпобъ доказать смыслъ, и спать лучше. Сіи по супъ основанія, изъ которыхъ вывожу слѣдующія изрѣченія.

Мужескія.

Широко-думный
Смѣло-сердый
Высоко-думный
Ясно-зорый
Быспро-окій
Тупо-думный
Дѣтско-сердый
Медо-глаголевый
Высоко-гласный
Умно-рѣчивый
Душе-смѣлый
Сердце-кропкій
Красно-дѣй
Душе-одолей
Прелестно-смѣлый
Мило-побѣдный
Муже-буй
Мрачно-думный
Дико-спраспный
Звѣро-любивый
Вѣпро-душный
Мрако-любивый
Радо-сердый
Чисто-сердый
Мило-душный
Сердце-щедрый

Женскія.

Чиспо-думная.
Кропко-сердая.
Высоко-думная.
Мило-зорая.
Кропко-зорая.
Слабо-думная.
Дѣтско-сердая.
Медо-глаголевая.
Высоко-гласная.
Прелестно-рѣчивая.
Душе-смѣлая.
Сердце-кропкая.
Красно-дѣя.
Душе-милая.
Прелестно-смѣлая.
Мило-побѣдная.
Жено-буй.
Мрачно-думная.
Дико-спраспная.
Мерзко-любивая.
Вѣпро-сердая.
Скуко-думная.
Радо-сердая.
Чисто-сердая.
Мило-душная.
Сердце-щедрая.

Душе-доблїй Душе-нѣга.
Сердце-привѣтннй Хлѣба-дара.
Доспо-любивый Доспо-любивал.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

100.

Въ Телескопъ было нѣкогда напечатано о Державинѣ:

Была пора: *Екатерины* вѣкъ,
Въ немъ ожила всей древей Руси слава:
Тѣ дни, когда громилъ Царь-градъ *Олегъ*,
И былъ Дунай подь лодкой *Селтослава*;
Рымшикъ, Чесма, Кагульскій бой,
Орлы во градъ *Леонида*,
Возобновленная Таврида,
День *Измаила* роковой:
И въ Прагѣ, кровью запятой,
Москвы опмщенна обида!

Жуковский.

Воцарилась *Екатерина Вторая*, и для Русскаго народа наступила эра новой, лучшей жизни. Ея царствованіе—это эпопея, эпопея гигантская по замыслу, величественная и смѣлая по созданію, обширная и полная по плану, блестящая и великолѣпная по изложенію; эпопея, достойная *Гомера* или *Тасса*! Ея царствованіе—это драма, драма многосложная и запутанная по завязкѣ, живая и быстрая по ходу дѣйствія, неспрая и яркая по разнообразію характеровъ, Греческая трагедія по царственному величію и исполинской силѣ героевъ, созданіе *Шекспира* по оригинальности и самоцвѣтности персонажей, по разнообразности картинъ и ихъ калейдоскопической подвижности; наконецъ, драма, зрѣлище которой испоргнетъ у васъ невольное крики восторга и радости! Съ удивленіемъ и даже съ какою-то недоувѣрчивостію смотримъ мы на это время, которое такъ близко къ намъ, что еще живы нѣкоторые изъ его представителей; которое такъ далеко отъ насъ, что мы не можемъ видѣть его ясно, безъ помощи телескопа исторіи; которое такъ чудно и дивно въ дѣпоисяхъ

міра, что мы готовы почестъ его какимъ-то баснословнымъ вѣкомъ. Тогда въ первый еще разъ, послѣ Царя *Алексія*, проявился духъ Русскій во всей своей богатырской силѣ, во всемъ своемъ удаломъ разгулѣ, и, какъ говорится, *пошелъ писать*. Тогда-то народъ Русскій, наконецъ освоившійся съ формами новой жизни, и почти помирившійся съ ними, какъ бы покорясь приговору судьбы, неизбѣжной и непреоборимой воли *Петра*, вздохнулъ свободно, улыбнулся весело, взглянулъ гордо. Въ то же время раздается съ прона голосъ, говорившій: *Лучше прощу десны виновныхъ, нежели накажу одного невиннаго; мы дуаемъ, и за славу себѣ влѣчимъ сказать, что мы живемъ для нашего народа; сохрани Боже, чтобы какой нибудь народъ былъ щастливѣе Россійскаго; съ Уставомъ о Рангахъ и Дворянскою Грамотою соединилась неприкосновенность правъ благородства; наконецъ, слухъ Руси дѣлется безпреспанными громами побѣдъ и завоеваній. Тогда-то проснулся Русскій умъ, и вопъ заводятся школы, издаются всѣ необходимыя для первоначальнаго обученія книги, переводятся все хорошее со всѣхъ Европейскихъ языковъ; разыгрался Русскій мечъ, и вопъ потрясаются монархіи въ своемъ основаніи, сокрушаются царства, и сливаются съ Русью!..*

Знаете ли, въ чемъ состоялъ опличительный характеръ вѣка *Екатерины II*, этой великой эпохи, этого свѣтлаго момента жизни Русскаго народа? Мнѣ кажется, въ народности. Да, въ народности! ибо тогда Русь, спараясь по прежнему поддѣльвалась подь чужой ладъ, какъ будто на зло самой себѣ, оспавалась Русью.

Вспомните этихъ важныхъ, радушныхъ бояръ, дома которыхъ походили на всемірныя госпитальницы, куда приходилъ званый и незваный, и не кланяясь хлѣбосольному хозяину, садился за столы дубовые, за скаперпи браныя, за яства сахарныя, за питье медовыя; этихъ величавыхъ и гордыхъ вельможъ, которые любили жить на распаху, жилища которыхъ походили на царскія палаты Русскихъ сказокъ; которые имѣли свой шпаль-царедворцевъ, поклонниковъ и

даскапелей; которые умѣли попировать и повеселились по старинному дѣдовскому обычаю, опъ всей Русской души; но умѣли и поспоять за свою *Матушку* и мечемъ и перомъ: не скажете ли вы, что это была жизнь самостоятельная, общество оригинальное? Вспомните этого *Суворова*, который не зналъ войны, но котораго война знала; *Потѣлкина*, который грызъ цогпи на пирахъ и, между шутокъ, рѣшалъ въ умѣ судьбы народовъ; этого *Безбородко*, который, читалъ *Матушкинъ Царицъ* на бѣлыхъ листахъ дипломатическія бумаги своего сочиненія; этого *Державина*, который въ самыхъ опчаянныхъ подражаніяхъ *Горацию*, противъ воли, оспавался *Державинскимъ*, и сполько же походилъ на *Августова* поэта, сколько походила могучая Русская зима на роскошное лѣто Италіи: не скажете ли вы, что каждаго изъ нихъ природа опмила въ особенную форму и, опливши, разбила въ дребезги, эту форму? А можно ли бытъ оригинальнымъ и самостоятельнымъ, не будучи народнымъ? Опъ чего же это было такъ?.... Опъ того; что Великая Жена умѣла сродниться съ духомъ своего народа, что Она высоко уважала народное достоинство, дорожила всѣмъ Русскимъ, до того, что сама писала разные сочиненія на Русскомъ языкѣ, дирижировала журналомъ, и за презрѣніе къ родному языку, казнила подданныхъ ужасною казнію—Телемахиною!..

Да!— Чудно, дивно было это время, но еще чуднѣе и дивнѣе было это общество! Какая смѣсь, пестрота, разнообразіе! Сколько элементовъ разнородныхъ, но связанныхъ, но одушевленныхъ единымъ духомъ! Грубость и упорность, спрасть къ повизнѣ и упорный фанатизмъ къ старинѣ, пиры и побѣды, роскошь и довольство, забавы и Геркулесовскіе подвиги, великіе умы, великіе характеры всѣхъ цвѣтовъ и образовъ и, между ними, *Недоросли*, *Простаковы*, *Тарасы Скотинины* и *Бригадиры*; дворянство, удивляющее Французскій Дворъ своею свѣтскою образованностію, и дворянство, выходявшее съ холопами на разбой! И это общество опразилось въ литературѣ; два поэта, впрочемъ весьма неравные

геніемъ, преимущественно были выражены опно: громозвучныя пѣсни *Державина* были символомъ могущества, славы и счастья Руси; ѣдкія и оспроумныя карикашуры *Фонъ-Визина* были органомъ понятнѣй и образа мыслей образованнѣйшаго класса людей тогдашняго времени.

Державинъ—какое имя!... Да, онъ былъ правъ: только *Навинъ* могло бытъ ему подъ риему! Какъ идетъ къ нему эпортъ полу-Русскій и полу-Татарскій нарядъ, въ которомъ изображаютъ его на портретахъ: дайте ему въ руки лилейный скипетръ *Оберона*, придайте къ этой собольей шубѣ и бобровой шапкѣ длинную сѣдую бороду: и вопъ вамъ Русскій чародѣй, опъ дыханія котораго паютъ снѣга и ледяные покровы рѣкъ и разцвѣпаютъ розы; чуднымъ словамъ котораго повинуется послушная природа и принимаетъ всѣ виды и образы, какихъ ни пожелаемъ онъ! Дивное явленіе! Бѣдный дворянинъ, почти безграмотный, дитя по своимъ понятіямъ; неразгаданная загадка для самаго себя; опкуда получилъ онъ эпортъ вѣщій, пророческій глаголь, потрясающій сердца и воспоргающій души, эпортъ глубокой и обширный взглядъ, обхватывающій природу во всей ея безконечности, какъ обхватываетъ молодой орелъ мощными когтями трепещущую добычу? Или и въ самомъ дѣлѣ онъ повспрѣчалъ на перепутьи какого-нибудь шестикрылаго херувима? Или и въ самомъ дѣлѣ огненное чувство спавишь въ пныя минуты смертнаго, безъ всякихъ со стороны его усилий, паравнѣ съ природою и, послушная, она опкрываетъ ему свои спависвенныя пѣдра, даетъ ему подсмотреть бѣненіе своего сердца и почерпать въ лонѣ источника жизни эту *живую воду*, которая влагаетъ дыхание жизни и въ мрамалъ и въ мраморъ? Или и въ самомъ дѣлѣ огненное чувство даетъ смертному *взорлиця очи* и уничтожаетъ его въ природѣ, а природу уничтожаетъ въ немъ и, ел всемогущій властелинъ, онъ повелѣваетъ ею самовластно, и, вмѣстѣ съ нею, раскидываетъ по свей воли, подобно Пропею, на пылячи явленій, воплощается въ пылячи волшебныхъ образовъ, и пѣ образы называетъ

попомъ своими созданіями? *Державинъ*—это полное выраженіе, живая льпопись, поржеспвенный гимнь, пламенный диэирамбъ въ-ка *Екатерины*, съ его лирическимъ одушевленіемъ, съ его гордостію наспоющимъ и надеждами на будущее, его просвѣщеніемъ и невѣжеспвомъ, его эпикуреизмомъ и жаждою великихъ дѣлъ, его пиршеспвенною праздностію и неиспощимою пракпическою дѣятельностію! Не ищите въ звукахъ его пѣсенъ по смѣлыхъ и поржеспвенныхъ, какъ громъ побѣды, по веселыхъ и шупливыхъ, какъ заспольный говоръ нашихъ предковъ, по нѣжныхъ и сладостныхъ, какъ голось Русскихъ дѣвъ; не ищите въ нихъ тонкаго анализа челоѣка со всѣми изгибами его души и сердца, какъ у *Шекспира*, или сладкой поски по небу и возвышенныхъ мечпаній о святомъ и великомъ жизни, какъ у *Шиллера*, или бѣшеныхъ воплей души пресыщенной и все еще несыпой, какъ у *Байрона*: нѣтъ! — Намъ погда нѣкогда было анапомировать природу челоѣческую, нѣкогда углубляться въ пайны неба и жизни: ибо мы погда были оглушены громомъ побѣды, ослѣплены блескомъ славы, заняты новыми постановленіями и преобразованіями; ибо погда намъ еще нѣкогда было пресыпиться жизнью; мы еще только начали жить и потому любили жизнь; и такъ не ищите ничего этого у *Державина*! Поищите лучше у него поэпической вѣспи о томъ, какъ велика была несравненная, богоподобная *Фелица* Киргизъ-Кайсацкія орды; какъ эпопъ Ангель во плопи разливаль и сѣяль повсюду жизнь и щастіе, и, подобно Богу, пвориль всё изъ ничего; какъ были мудры ея слуги вѣрные, ея совѣтники усердные; какъ герой полуночи, *гудо-богатырь*, бросаль за облака башни, какъ бѣжала пѣма опъ его чела, и пыль опъ его молодецкаго посвисту, какъ подъ его ногами прещали горы и кипѣли бездны, какъ передъ нимъ падали города и рушались царспва; какъ онъ, при громахъ и молніяхъ, при ужасной борьбѣ разъяренныхъ спихій, сокрушилъ швердныи *Измаила*, или перешель черезъ пропасти *Сенъ-Готарда*; какъ жили и были вельможи Рускіе съ своимъ неиспощимымъ хлѣбомъ-

солью, съ своимъ Русскимъ сибарипспвомъ и Русскимъ умомъ; какъ Рускія дѣвы своимъ пламенными взорами и соболиными бровями разяпъ души львовъ и сердца орловъ, какъ блестяпъ ихъ бѣлыя чела золотыми лентами, какъ дышапъ ихъ нѣжныя груди подъ драгими жемчугами, какъ сквозъ ихъ голубыя жилки переливается розовая кровь, а на ланипахъ любовь врѣзала огневыя ямки!

Невозможно исчислить неисчислимыя красопы созданій *Державина*. Онъ разнообразенъ, какъ Руская природа, но всѣ оппичаюпся однимъ общимъ колориспомъ; во всѣхъ воображеніе преобладаетъ надъ чувспвомъ и все представляется въ преувеличенныхъ, гиперболическихъ размѣрахъ. Онъ не взволнуешъ вашей груди сильнымъ чувспвомъ, не выдавитъ слезы изъ вашихъ глазъ, но, какъ орель добычу, схватываетъ васъ внезапно, и неожиданно, и на крылахъ своихъ могучихъ спрофъ, мчитъ прямо къ солнцу и, не давалъ вамъ опомниться, носитъ по безпредѣльнымъ равнинамъ неба; земля исчезаетъ у васъ изъ виду, сердце сжимается опъ како-го-то ярідпаго изумленія, смѣшаннаго со спрахомъ; и вы видите себя какъ бы рину-тыми порывомъ урагана въ неизмѣримый океанъ; волна по увлекаетъ васъ въ бездны, по выбрасываетъ къ небу, и душъ вашей опрадно и привольно въ этой безбрежности. Какъ громка и величественна его пѣснь Богу! Какъ глубоко подсмотрѣль онъ вѣщнее благолѣпіе природы, и какъ вѣрно воспроизвелъ его въ своемъ дивномъ созданіи! И однакожь, онъ прославиль въ немъ одну мудроспъ и могущество Божіе, и только намекнулъ о любви Божіей, о той любви, копорая возвала къ челоѣкамъ: *придите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененни, и азъ упокою вы!* О той любви, копорая съ позорнаго кресапа мученія взывала къ Опцу: *Отге, отпусти мнѣ: не видятъ бо, что творятъ.*

Но не осуждайте его за это: погда было не по время, что нынѣ, погда былъ осьмнадцатый вѣкъ. Припомъ же не забудьте, что умъ *Державина* былъ умъ Рускій, положительный, чуждый миспцизма и пайнспвенности; что его спихіею и поржесп-

юмъ была природа внѣшняя, а господствующимъ чувствомъ патриотизмъ; что въ семь случаевъ онъ былъ только вѣренъ своему безсознательному направленію, и слѣдовательно былъ истиненъ. Какъ спрашна его *Ода на смерть князя Мещерскаго*: кровь спынешь въ жилахъ, волосы, по выраженію *Шекспира*, встають на головѣ, встревоженною рапью, когда въ ухахъ вашихъ раздается вѣщей бой глагола время, когда въ глазахъ мерещится ужасный остовъ смерти съ косою въ рукахъ! Какую энергическою и дикою красотою дышетъ его *Водопадъ*: это пѣснь угрюмаго Сѣвера, пропѣвая сребровласымъ Скальдомъ, во глубинѣ священнаго лѣса, среди мрачной ночи, у пылающаго дуба, зажженнаго молніею, при оглушающемъ ревѣ водопада.

Его Посланія и Сапирь предспавляютъ совсѣмъ другой мѣръ, не менѣе прекрасный и очаровательный. Въ нихъ видна практическая философія ума Русскаго; по сему главное отличительное ихъ свойство есть *народность; народность*, состоящая не въ подборѣ мужицкихъ словъ или насильственной поддѣлкѣ подъ ладъ Русскихъ нашихъ пѣсней и сказокъ; но въ стигѣ ума Русскаго, въ Русскомъ образѣ взгляда на вещи. Въ семъ отношеніи *Державинъ* пароденъ въ высочайшей степени. Какъ смѣшны пѣ, которые величаютъ его Русскимъ *Пиндаромъ*, *Гораціемъ*, *Анакреономъ*; ибо самая эта происвенность показываетъ, что онъ былъ ни то, ни другое, ни третье, но все это вмѣстѣ взятое, и, слѣдовательно, выше всего этого отдѣльно взятаго! Не такъ же ли нелѣпо было бы назвать *Пиндара* или *Анакреона* Греческимъ, или *Горація* Латинскимъ *Державинскимъ*: ибо, если онъ самъ не былъ ни для кого образцомъ, то и для себя не имѣлъ никого образцомъ? Вообще надобно замѣтить, что его невѣжество было причиною его народности, которой впрочемъ онъ не зналъ цѣны; оно спасло его отъ раздражательности, и онъ былъ оригиналенъ и народенъ, самъ не зная того. Обладай онъ всеобъясняющею ученостию *Ломоносова* — и тогда, просни поэтъ! Ибо, чего добраго? Онъ пустился бы, пожалуй въ прагедіи и,

всего вѣрнѣе въ эпопею: его неудачные опыты въ драмѣ доказываютъ справедливость такого предположенія. Но судьба спасла его — и мы имѣемъ въ *Державинѣ* великаго геніальнаго Русскаго поэта, который былъ вѣрнымъ эхомъ жизни Русскаго народа, вѣрнымъ опголоскомъ вѣка *Екатерины II*.

Въ помѣ же *Телескопъ* въ началѣ нынѣшняго года о помѣ же *Державинѣ* писуно:

«Я (*Виссаріонъ Бѣлинскій*) однажды высказалъ, или лучше сказать, повторилъ чужую мысль, что *Державина спасло его невѣжество*: опречаюсь торжественно отъ этой мысли, какъ совершенно ложной. *Державинъ* не былъ ученъ, но находился подъ вліяніемъ современной ему учености, раздѣлялъ вѣрованія и мнѣнія своего времени объ условіяхъ творчества и, на зло своему генію, всю жизнь свою шелъ по ложному пути. По этому, пѣ изъ его изданій, которые противорѣчили современной ему эстетикѣ, отличаются истинною поэзіею. Возьмите, на примѣръ, *Водопадъ*: похоже ли это на оду, диэрамъ, кантапу? Это просто элегія, которая, по своей формѣ и своему духу, только пѣмъ отличается отъ элегій даже крошечныхъ нашихъ поэтиковъ, что запечатлѣна геніемъ *Державина*. И за то, какъ прекрасна и глубока эта элегія! Но возьмите его поржественныя оды: что это такое? Посмотрите, какъ онъ въ нихъ никогда не могъ поддержать до конца своего напряженнаго восторга, какъ онъ въ нихъ въ концѣ каждой изъ нихъ падалъ и, начавши высоко и громко, оканчивалъ ровно ничѣмъ! — И кто спанетъ теперь читать эти поржественныя оды? . . . *Измаилъ*, *Прага*, *Рымникъ*, *Кагулъ* — все эти имена напоминають о дѣйствіяхъ; но по ли онъ, эти великія дѣйствія, чѣмъ были для современниковъ? Мы, юноши нынѣшняго вѣка, мы, бывши младенцами, слышали отъ матерей нашихъ не объ *Измаилѣ*, о *Кагулѣ*; не о *Рымникѣ*, а о двѣнадцатомъ годѣ, о Бородинской битвѣ, о соженіи Москвы, о взятіи Парижа. Эти событія и ближе къ намъ по времени, и по важнѣе прежнихъ въ своей сущности; да и онъ слабѣе уже въ нашемъ воображеніи, заглушаемыя громами Араратскими, Забалканскими, Варшавскими. Но поэзія всѣхъ этихъ великихъ происшествій сама по себѣ такъ несоблѣтна, что ее трудно уловить, увѣковѣчить въ звукахъ. Сверхъ того, мы уже увѣрились теперь, что фактъ или событие сами по себѣ ничего не значатъ: важна идея, выражаемая ими. И такъ, что же значатъ всѣ эти поржественныя оды, какой интересъ могутъ имѣть для потомства все эти громогласныя описанія? Скажутъ: это питаетъ народную гордость, даетъ наслажденіе святому чувству любви къ отечеству. Русскіе бради непреодолимыхъ твердыни и всему свѣту доказали свою храбрость; это подвиги, которые поэзія должна предавать потомству: очень хорошо! но вѣдь храбрость есть неопъемлемое свойство Русскихъ; но вѣдь они доказали ее всегда и вездѣ, какъ только былъ случай; но вѣдь ничтожная-жъ горсть Русскихъ удержала за Россіей Грузію и

ужичпожила всё попытши Персидской арміи; но вѣдь нич-
 пожная же горспъ Русскихъ опбила Арменію и зацнпшла
 ее прошивъ Персіи и Турціи?... Эпи подвиги у насъ
 шакъ часты, шакъ обыкновенны; они составляютъ еже-
 дневную жизнь народа Русскаго... Да! *Державинъ* шедъ
 пупемъ, слишкомъ пѣснымъ: онъ дѣспилъ современности,
 напададъ на инпересы частныя, современные, и рѣдко прѣ-
 бѣгалъ къ инпересамъ общимъ, никогда не спарѣющимъ,
 никогда не измѣняющимъ—къ инпересамъ души и сердца
 человѣческаго! И въ эпюмъ виновапа ученоспъ вѣка, кото-
 рой онъ былъ непричастенъ; но подъ вліяніемъ копорой
 онъ всегда находилъся. Не зная по *Лапыни*, онъ подра-
 жалъ *Горацию*, пошому, что тогда всё подражалъ *Горацию*;
 не достигнувъ духа и возвышенной простоты псалмовъ
Давида, онъ передавалъ ихъ съ прозы на громкіе, напыщен-
 ныя стихи пошому, что всё наши поэты, начиная съ
Ломоносова, дѣдали эпо, не говоря уже о Французахъ. *Го-
 раций* воздвигнулъ себя *палатникъ*, *Державинъ* позже; но
 что у первого было, вѣрояшно, вдохновеніемъ, то у вто-
 рого было подражаніемъ.»

З а к л ю ч е н і е.

Послѣ такихъ кривыхъ полковъ о вели-
 чайшемъ, испинно-народномъ пѣснопѣвцѣ,
 какой же вѣры къ нашимъ крипическимъ
 разборамъ книгъ хопимъ мы опъ чипапел-
 лей? Какого уваженія прѣбуемъ? Не въ пра-
 вѣ ли они презирашъ наши мнѣнія, смѣяшъ-
 ся надъ перебранкою журналистовъ, надъ
 ихъ взаимными укорами въ приспраспій,
 неблагонамѣренности, духъ парпій, невѣ-
 жеспвѣ, дерзоспѣ? Мы, мы сами, копорымъ
 проспачки-журналисты доврѣляютъ дѣлашъ
 книжныя разборы, на себя эпю невзгоду на-
 кликали,

Гдѣ нашелъ г. *Бѣлинскій* поржеспвенныя
 оды у пѣвца *Фелицы*? Ихъ нѣтъ ни одной!
 Ода на взятіе *Измаила* исполнена лириче-
 скихъ порывовъ, *сладкой тоски* о бѣдспвіяхъ
 человѣческаго, мыслей великанскихъ, *Шекспи-
 ровскихъ*; если спихотворенія навзятіе *Варша-
 вы* и на смерть графа *Ф. Г. Орлова* не днѣтрам-
 бы самыя пламенныя, самыя бурныя: то я не
 знаю уже, что назвашъ симъ именемъ! Если
 въ одахъ *Богъ*, *Фелиць*, *Сосѣду*, *На смерть кня-
 зя Мецеракаго*, *На умпренность*, *На щастіе*, *Вель-
 можа*, *Безсмертіе души*, нѣтъ общихъ ин-
 тересовъ, никогда не старѣющихся, никогда не из-
 мпняющихся, интересовъ души и сердца чело-
 вѣческаго: то нѣтъ ихъ ни у *Байрона*, ни у
Шиллера.

Напрасно прѣложеніе псалмовъ приписы-
 вается желанію *Державина* подражать *Ло-
 моносову*: *Державинъ* былъ искренне благоче-
 спивъ. Онъ встрѣпилъ послѣдній свой часъ
 безспрашно; въ жизни былъ честенъ до фа-
 напизма; папріотизмъ его былъ неподдѣль-
 ный, шакже какъ мужеспво, которое не
 одинъ разъ показалъ онъ при упушеніи
Пугачевскаго бунта. Впрочемъ, благочеспіе
 и любовь къ опечеспву общи всѣмъ опече-
 спвеннымъ нашимъ поэтамъ и дѣлаютъ имъ
 величайшую чеспъ. Нѣтъ ни одного изъ
 нихъ, копорый бы не оставилъ или молиш-
 вы или прѣложенія псалма; ни одного, ко-
 порый бы равнодушно услышалъ о побѣ-
 дахъ своихъ соопчицей и не ударилъ бы
 въ спруны лиры. Пока въ поэзіи нашей бу-
 дешъ эпо направленіе, до пѣхъ поръ Русь
 будешъ могуча, цвѣтуща и велика. Пѣспъ
 поэта еспъ выраженіе народнаго чувспва.

А. Кораблинскій.

27 Іюля 1836.

Село Рыбацкое.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДЕНЬ РАЗЛУКИ.

All' mein Sehnen will ich, all' mein Denken
 In des Lethe's stillen Strom versenken,
 Aber meine Liebe nicht!

Schiller.

Nector's Abschied.

Когда въ часъ скорбный распаванья,
 Сказавъ послѣднее проспи,
 Прижалась пы къ моеи груди,
 И мы слились въ одно лобзанье, —
 И, не сводя съ меня своихъ
 Очей безумныхъ и нѣмыхъ,
 Меня пы спраспно обиикала —
 И въ изспуплень умоляла —
 Пробышь съ тобой еще хопь мигъ —
 Безъ слезъ, безъ горькаго ропшанья,
 Спродѣ я мерпваго блѣднѣй,
 И всё мученья и спраданья
 Въ груди пѣснились моеи!
 Сморя въ безумномъ изспупленьѣ

На дѣву сердца моего,
 Я былъ въ нѣмомъ самозабвенъ,
 Не зналъ, не помнилъ ничего!
 Не помнилъ я, какъ я разстался
 И какъ вскочилъ я на коня,
 Лишь помню: крикъ за мной раздался,
 Но былъ уже далеко я!

Живую горести терзаемъ,
 И долго на тебя смогрѣлъ,
 И долго, въпрямь развѣваемъ,
 Плашокъ въ рукѣ швоей бѣлѣлъ;
 Когда-жъ за ближнею горою
 Ты вовсе скрылась отъ меня —
 Слѣпыми опчальнымъ, поскою
 Душа наполнилась моя.
 Рыдалъ я, плакалъ малодушно,
 Къ тебѣ спремилъ свой грустный взоръ;
 Межъ тѣмъ, решивый и послушный,
 Мой конь лезъ во весь опоръ,
 И скоро, пущенный по волю,
 Меня онъ вынесъ въ чисто поле;
 Пошомъ, уже лишенный силъ,
 Свой быстрый бѣгъ остановилъ....

Уже легли ночныя тѣни
 Надъ полусонною землѣй —
 И землю — ночи мирный геній
 Одевъ, какъ ризой, тишиной.
 То было осени порою:
 Оделись мглой вершины горъ —
 И дикой, мрачною красою
 Природа обольщала взоръ;
 Давно умолкнулъ звукъ свирѣли,
 Умолкъ и пахаря напѣвъ,
 Поля и нивы пожелтѣли —
 И листья падали съ деревь;
 И надо мной, въ края чужіе,
 Въ чужіе, дальніе края
 Лезла журавлей семья; —
 Я слышалъ крики ихъ глухіе,
 Ихъ крыльевъ шелестъ слышалъ я!...

И чувство новое, иное
 Владѣло смутною душой, —
 Мое опчальное слѣпое

Смѣнилось тихою поскою.
 Какъ тѣни милыя, мелькали
 Передо мной бывые дни,
 И часто слезы орошали
 Ланиты блѣдныя мои!
 И легче мнѣ, оправдѣй спало,
 Но всё грустилъ я въ тишинѣ,
 И что-то душу волновало,
 И что-то грудь тѣснило мнѣ....

Межъ тѣмъ, поскою неизвѣстной,
 Подобно всаднику, смущенъ, —
 Понуривъ голову, мой конь
 Печально брелъ пропашкой тѣсной....

Ф. Менцовъ.

Августъ 1836.

Ш А Р А Д А.

Начало ружьяди, или сукну вредить;
Второе липера: она меня крушитъ
 Нещастныя судьбы своей воспоминаемъ:
 Ей Ариспархъ грозилъ изъ азбуки изгнаемъ.
 Писатель *цѣлое*; пороки онъ язвилъ,
 Людскія глупости на сцену выводилъ
 И спросилъ въ лицахъ намъ смѣшныхъ изо-
 бразилъ.

L O G O G R I P H E.

Neuf lettres, cher lecteur, composent ma structure;
 J'ai de l'art ma façon, l'être, de la nature.
 Mes trois premières sont une préposition,
 Que présente aisément un peu de réflexion.
 Mes six dernières sont ce que souvent on passe;
 Pauvres comme opulens, parcourent mon espace.
 A mon tout donne-t-on quelques mots de valeur?
 Je suis une richesse, et constate un seigneur.

Въ № 85-мъ, помѣщенная загадка значить: *Horloge.*

M O D E S.

Il y a six mois, on disait: Il n'y a plus de printemps en France; à plus forte raison peut-on dire aujourd'hui. Il n'y a plus d'automne en France. Le mois de septembre ordinairement si riant, si gai, dont le soleil éclaire d'une façon si brillante le feuillage bariolé par les premières atteintes de l'hiver, tout cela manque cette année, et nous en sommes réduits à anticiper sur les plaisirs du *Coin du feu*; toutes les étoffes légères sont abandonnées et les douillettes bien chaudes et bien ouattées apparaissent avec leurs couleurs sombres, les mousselines-laine brunes, grises, noires, giroflée, ponceau rayé de noir, écruées à carreaux cerise; des pous de soie brochés, à petites rayures, à carreaux écossais nuancés de couleurs foncées. Les corsages de ces premières robes d'hiver se font montans, le dos plat et le devant croisé et plissé à plis fermés; lorsque les manches ne sont pas tout à fait larges et retenues seulement du bas par trois petits poignets, on les voit souvent plates depuis le haut jusqu'en bas, ayant à partir de l'épaule, trois bandes froncées, placées à distances comme des volans, et descendant presque jusqu'au coude. Au reste, le chapitre des manches est toujours le plus volumineux de celui des modes, et on en imagine tous les jours de nouvelles, chaque couturière y déploie son talent. Nous en avons vu de charmantes qui étaient dues au ciseau ingénieux et au bon goût si connu de Mme Prévot; la coupe du corsage et la forme des manches étaient une invention nouvelle entièrement de sa composition; les manches surtout ont attiré notre attention; c'étaient des manches courtes plates, recouvertes d'un morceau d'étoffe plus large que la manche et découpé à trois pointes, chaque pointe était fixée sur la manche, et un nœud de rubans remplissait le vide existant entre chacune d'elles. Ces ornemens, les manches et le corsage carré, qu'une très petite pélerine terminait, étaient bordés d'une blonde blanche. La robe était en satin rose, brodée en blanc, la jupe unie, une large ceinture flottante se nouait sur le côté.

Pl. No 28. Robe de mousseline blanche garnie de volans de tulle. — Spencer de velours. — Redingote d'organdie, pardessus de taffetas, écharpe de taffetas garnie de dentelle. — Bonnet et chapeau.

M O Д Ы.

Шесть месяцев тому назад говорили: нѣтъ болѣе весны во Франціи; еще утвердительно можно сказать теперь, что нѣтъ осени. Сентябрь, обыкновенно смѣющійся, веселый, когда солнце освѣщаетъ съ такимъ блескомъ листья, разпещренныя первыми приступами зимы, все это не существуетъ нынѣшній годъ, и мы должны довольствоваться одними удовольствіями каміна; всѣ легкія матеріи ославлены и показываются думеты темныхъ цвѣтовъ, теплые на толстой ватѣ; шерстяныя кисеи темныя, сѣрыя, черныя, гвоздичныя, пунцовыя, полосатыя съ чернымъ, суровыя съ алыми клѣтками, зашканныя *pou-de-soie* мѣлкими полосками, Шотландскими клѣтками, опѣшенными темными цвѣтами. Лифы этихъ зимнихъ платьевъ дѣлаются высокіе, спинка гладкая и передъ крестообразный, сложенный закрытыми складками; если рукава не совсемъ широкіе и прихваченные только снизу прѣмья узенькими обшивками, то часто видны узкіе сверху до низу, на которыхъ, начиная опѣ плеча, нашипы при собранныя полоски, расположенныя въ нѣкоторомъ разстояніи, какъ оборки, и доходящія почти до локтя. Впрочемъ, спать о рукавахъ всегда прѣспраніе, нежели о модахъ, и всякой день выдумываютъ новыя, всякая швея прилагаетъ къ тому всё свое искусство.

Мы видѣли прелестныя рукава, за которые мы обязаны сподоль извѣстному хорошему вкусу г-жи Prévot; покрой лифа и форма рукавовъ совершенно были ея изобрѣтенія; рукава особенно привлекли наше вниманіе: они были плоскіе, короткіе, прикрытые лоскуткомъ матеріи по шире рукава и вырѣзаннымъ прѣмья мысками; каждый мысокъ прикрѣпленъ былъ къ рукаву, а бантъ изъ ленты наполнялъ пустошу между мысками. Эти украшенія рукава, четверугольный лифъ, оканчивавшійся небольшою пелеринкой, всё было обшито бѣлою блондой. Платье было розовое апласное, вышито бѣлымъ шелкомъ, юбка гладкая, длинный поясъ завязанъ былъ на боку.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карш. No 28. Кисейное бѣлое платье съ шюлевыми воланами. — Спенсеръ бархатный. — Рединготъ изъ органди, шафьяное поддѣвальное; шафьяный шарфъ, обшитый кружевомъ. — Чепецъ и шляпа.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 86 и 87.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Ло
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Октября 24. дня 1836 года.

Для того ли солнце грѣеть,
Чтобы правкѣ винушь?
Для того ли сердце любитъ,
Чтобы горе мыкашь?

А. Мерзляковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВАНДИКЪ ВЪ ЧЕРТОГАХЪ БРИНЬОЛИ.

(Повѣсть.)

Лучезарное солнце освѣщило Геную, и Генуа проснулась вмѣстѣ съ солнцемъ, чтобы торжественно сватьбу графа *Бриньоли*. Танцы въ домѣ его кончились, холмъ, передъ водоёмомъ св. *Христофора*, давно опустѣлъ, и галеры дремали на гладкомъ зеркалѣ воды, въ которыхъ отражалась великолѣпная колонада дворца *Дорія*; но шумъ удаляясь отсюда, перешелъ весь на Сень-Лукскую дорогу, и толпы народа, скопившіяся въ окрестностяхъ *Ден-Банки*, двигались къ соборной церкви св. *Лаврентія*, наполняя собою узкія и кривыя улицы, сплывающія это прекрасное готическое зданіе, испещренное снаружи чернымъ и бѣлымъ мраморомъ.

Генуэзскія прелестны, но молодая графиня *Бриньоли* была прелестнѣе Генуэзокъ; ни одна женщина не имѣла такихъ прекрасныхъ черныхъ волосъ, такой ослѣпитель-

ной бѣлизны, такого ангельскаго лица!— Слава о ней гремѣла во всей Италіи, въ то время, когда Италія гордилась красотою женщинъ своихъ,—когда онѣ служили образцомъ для лучшихъ произведеній художества. Графъ *Бриньоли*, бывший въ свойствѣ съ фамиліями *Дураццо* и *Дорій-Турзи*, поспроилъ въ улицѣ *Бальби* великолѣпныя палаты и подарилъ ихъ прекрасной и обожаемой имъ супругѣ.

Церковь св. *Лаврентія* горѣла огнями, и всё знатное дворянство, вышедъ изъ мраморныхъ дворцовъ своихъ, занимало главную паперть и святилище храма; богатые мѣщане помѣстились въ придѣлахъ, а чернь пѣснилась у ограды, у воротъ, при входѣ, и вездѣ, гдѣ только можно было чтонибудь видѣть. Никто не думалъ о святости мѣста и духовнаго обряда въ немъ совершавшагося; никто не думалъ молиться, но умы и глаза всѣхъ заняты были одною графинею *Бриньоли*, которую долго нельзя было разсмотрѣть, потому что она стояла передъ алтаремъ на колѣнахъ. Когда же она вспала, и откинувъ назадъ брачное покрывало,

обернулась къ паперши, тогда раздался громкія похвалы всѣхъ присутствовавшихъ, поднявшіяся къ сводамъ храма вмѣстѣ съ поржественными звуками Грегорианскаго пѣнія, сливаясь съ ними въ общую гармонию. Это происходило 15 Августа.

Въ нѣсколькихъ шагахъ опъ алтаря споялъ молодой человекъ, необыкновенной наружности, съ необыкновенными глазами, въ необыкновенной одеждѣ, по которой нельзя было причислить его ни къ дворянству, ни къ купечеству, ни къ мѣщанамъ: она была изъ чернаго бархата, совершенно особаго покроя и собственннй его выдумки; — блѣдное лицо его опѣнялось легкими черными усиками и маленькою оспроконечною бородою, падавшею на бѣлый опложной воротникъ. Онъ не спановился на колѣна, не чиналъ молитвъ, не садился, но прислонясь къ столбу, смотрѣлъ на прекрасную графиню съ какимъ-то непонятнымъ, таинственнымъ выраженіемъ. Онъ смотрѣлъ на нее безпрестанно, не сводя глазъ, не протаясь съ мѣста, и если какія нибудь сильныя ощущенія и волновали душу его въ эту минупу, то ничто не выходило изъ нее наружу, и онъ походилъ на какой нибудь портретъ во весь ростъ, выпавшій изъ рамы и прыльнувшій къ циластру церкви св. *Лаврентія*. Эпопъ странннй молодой человекъ былъ извѣстннй живописецъ *Антонъ Вандикъ*.

Онъ, казалось, оживился тогда только, когда духовенство, взявъ хоругви, сошло съ ступеней алтаря, и серебряная статуя Богоматери, которую несли четыре матроса съ галеръ *Дорія*, какъ бы плавая въ воздухѣ надъ головами народа, мелькнула надъ полною. По совершеніи бракосочетанія, начался ходъ; молодая графиня шла за духовенствомъ, а за нею слѣдовалъ мужъ ея, гордясь своимъ щастіемъ; надмѣнный и ищеславный, онъ не имѣлъ ни того оспроумія и пронцапельности, ни той поэпической души, которыми природа шакъ щедро награждаетъ Италіанцевъ.

«Всю жизнь мою — за четверть часа жизни этого человека!» сказала *Вандикъ* графу *Пал-*

лавичини, въ ту минупу, какъ *Бриньоли* прошелъ мимо его. Но эти слова, сказанныя тихо, были заглушены громкими гимнами пѣвшихъ, къ которымъ народъ изо всей силы присоединилъ голоса свои. Пламенные взоры молодого художника слѣдовали за графинею, которая мимоходомъ бросала щедрое поданіе въ кружки всѣхъ монастырей, и надѣляла нищихъ милосшынею.

Процессія потянулась къ предмѣстію святаго *Петра-Арены*, и *Вандикъ* присталъ къ благородной толпѣ вельможъ, за нею слѣдовавшихъ.—День склонился къ вечеру, солнце медленно опускалось на прекрасныя воды Лигурійскаго залива, и угасающіе лучи его тихо догорали на высокихъ холмахъ; въ воздухѣ раздавался громкій звонъ колоколовъ и благоухали ароматы цвѣтовъ и распеній; на морѣ развѣвались по вѣтру бѣлые флаги кораблей, съ которыхъ гремѣли залпы пушекъ въ честь новобрачной, между шѣмъ, какъ изъ всего эшаго шума, преска, изъ эшаго смѣшенія звуковъ, голосовъ, благоуханій—тихо всходила къ небу вечерняя пѣснь Богоматери: *Ave Maris stella*, и слезы умленія пекли по лицу *Вандика*. Наконецъ двери палаты *Дорія* опворились для духовенства, и священннй гимнъ раздался надъ самымъ моремъ, подъ великолѣпнымъ периспилемъ замка.—Онъ повпорился на всѣхъ галерахъ, споявшихъ въ приспани, и въ эту минупу казалось, что и небо и земля и воды общимъ великимъ хоромъ молили Царицу небесную о щастіи новобрачной, которая, какъ чистая, блестящая звѣзда, сіяла подъ мраморною колонадою дворца *Дорія*.

Вандикъ вышелъ изъ толпы и удалился въ уединенныя сады, которые возвышались амфиатромъ за палатами *Дорія*, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла статуя гиганта. Тамъ предался онъ размышленію и спалъ обдумывать что ему дѣлать. Онъ спраспно любилъ графиню *Бриньоли*—не свѣпскою, холодною любовью, но пламеннымъ энпузіазмомъ художника, со всею поэпиею прекрасной и благородной души. Онъ любилъ ее два года и видѣлъ какъ расцвѣпалъ эпопъ прелеспннй цвѣтокъ подъ пышными сводами палаты *Турзи*, или въ темныхъ гропахъ

пѣннспыхъ садовъ его, среди шумящихъ водопадовъ, подъ густыми вѣтвями померанцовыхъ деревьевъ. Художникъ не обладалъ богатствомъ Генуэзскихъ вельможъ, которое превосходило богатства многихъ Европейскихъ государей; онъ не имѣлъ ни мраморныхъ черпоговъ, ни галеръ на морь, и потому павль спрасъ свою какъ преспуленіе и открылъ её только одному графу *Паллави-гини*, знатному и великодушному юношѣ, который охотно опдалъ бы всѣ сокровища свои *Вандику*, если бы украшеніе городскихъ палатъ и загороднаго дома его, не разстроило его состоянія.

Шумъ праздника, звонъ колоколовъ, пѣніе и полпа народа, могли на минуту разсѣять *Вандика*; но теперь въ уединенныхъ садахъ *Дорія*, одинъ съ самимъ собою, онъ чувствовалъ всю тяжесть пламенныхъ чувствъ своихъ и на свободѣ предавался опчальною; онъ смотрѣлъ на море, на эту великую, вѣчную поэзію, которая поселяя въ душѣ грусть невыразимую, никогда не упѣшаетъ въ настоящемъ, — смотрѣлъ на гордую Геную; она возсѣдала на высокихъ холмахъ своихъ при послѣднихъ лучахъ догоравашаго солнца; она, прославляя блаженство свое громомъ пушекъ, воздушною гармоніею колоколовъ, пышностію священныхъ обрядовъ или кликами буйнаго веселія — и соединяя благочестіе съ неистовствомъ, на одномъ и томъ же холмѣ, сооружала спростій монастырь иноковъ — и роскошный дворецъ сластолюбиваго вельможи. *Вандикъ* закрылъ глаза и въ неизьяснимой доскѣ ударилъ себя по лбу. Въ эту минуту, легкій вѣтерокъ принесъ къ нему опдаленную мелодію гимновъ, — мелодію, которая, замирая въ пространствѣ, по мѣрѣ опдаленія ея, становилась легче, чище — небеснѣе, и обворожала душу, какъ стихія слова любви, сказанныя устами милой женщины на прекрасномъ языкѣ *Италіи*. *Вандикъ* вскочилъ — и почти въ безпамятствѣ схватилъ шпагу свою, которая висѣла на вѣтвяхъ алая.

Онъ спустился съ пирамидальной горы, но которой расположенъ былъ садъ, прошелъ мостъ, выпроенный надъ улицей опъ самой рѣшетки палатъ, и вошелъ въ гале-

рею, гдѣ онъ оставилъ графа *Паллави-гини*; но галерея была пуста. *Вандикъ* не удостоилъ взгляда своего ни фресковъ *Перино-Вага*, ни статуей *Филиппа Карлоне*, но по пупи, усыпанному цвѣтами, побѣжалъ догонять процессію. Духовенство св. *Лаврентія* давно возвратилось въ соборную церковь; народъ разбрелся по домамъ, и только нѣсколько группъ стояли еще на *Анонсіадской* площади, полкуя о сватбѣ графа *Бриньоли*. Проходя мимо ихъ, *Вандикъ* услышалъ имя молодой графини, и похвалы красотѣ ея, выраженные съ пѣмъ пылкимъ и заразительнымъ восторгомъ, который на югѣ одушевляетъ всѣ разговоры простаго народа, особенно на улицѣ. *Вандикъ* однако-жъ пошелъ далѣе; становилось темно; — онъ робко прокрался въ улицу *Бальби* — и пупъ послѣднее ужасное спѣсненіе сердца чуть не задушило его, когда онъ увидѣлъ передъ собою ярко освѣщенныя палаты *Дураццо*; гдѣ у оконъ, на терассахъ и на балконахъ двухъ воздушныхъ павильоновъ дворца сидѣли прекраснѣйшія женщины Генуи. Внутри и внѣ гремѣла музыка; блестящій балъ заступилъ мѣсто священной церемоніи, и изступленіе танцюющихъ, казалось, потрясло стѣны эпихъ великолѣпныхъ черпоговъ, эпой такъ сказать мраморной горы, какъ будто испещренной прозрачною рѣзбою, бархатомъ, гирляндами изъ цвѣповъ — прекрасными колоннами; внутри которой свѣпились мириады огней — извивались легкія волшебныя лѣспницы и мелькали тысячи воздушныхъ пѣней. *Вандикъ*, прислонясь къ стѣнѣ палатъ герцога *Серры*, стоялъ какъ каменный и исчезалъ въ созерцаніи. Душу его перзала ша глубокая доска, свойственна генію, которую никакой знакъ, никакое слово, никакой языкъ выразить не въ состояніи; доска, которую кажется природа выдумала для избранниковъ своихъ, чптобы наказатъ ихъ за великіе дары, ими опъ неѣ полученные. — Безсмысленная толпа завидуешь имъ — не понимая ихъ спраданій и не зная какой жестокою цѣною заплатили они за свое величіе.

Вандикъ вышелъ изъ пятгостной задумчивости своей, увидя при свѣтѣ факеловъ мо-

лодаго графа *Паллавиани*, который сходилъ съ параднаго крыльца. Онъ подбѣжалъ, схватилъ его за руку и попащивъ съ собою въ маленькую улицу Санъ-Сиро, сказалъ: «Говори мнѣ объ этой женщинѣ... скажи, ты видѣлъ её?»

— Я сейчасъ танцовалъ съ нею,—холодно отвѣчалъ *Паллавиани*.

«Ахъ, дай мнѣ поцѣловатьъ руку твою—она держала ея руку!»

— Художникъ, ты съ ума сошелъ!—

«Я въ опчяніи.»

— Время тебя вылечить.—

«Никогда!»

— Какой вздоръ. Оно вылечило же меня; я лишился не женщины, а двухъ палатъ. Эта потеря важнѣе твоей.—

«О, я отдалъ бы всю улицу Бальби за одинъ поцѣлуйъ этаго ангела!»

— Ну! если бы улица Бальби тебѣ принадлежала, ты бы задумался.—

«Я бы отдалъ жизнь свою!»

— Это легче!... Но скажи, что ты намъ ренъ дѣлаешь? Вѣдь она за мужемъ...—

«Ахъ, да!... О! этотъ проклятый, безсмысленный графъ!... А что онъ дѣлаешь?»

— Играешь ролю мужа какъ пельзя лучше; ходишь за женой по пятамъ, смотришь ей въ глаза, шепчешь на ухо, глядишь поминутно на часы. Словомъ, онъ щасливъ и слѣдовательно съ ума сошелъ.—

«А она?»

— Она танцуетъ—и кажется рада танцовать всю ночь и еще завтра цѣмья супки.—

«Какъ ты думаешь, любитъ она своего...»

— Она танцуетъ, говорю тебѣ; а въ танцахъ молодая женщина любитъ одну себя и занята только нарядомъ и кавалеромъ своимъ.—

«Какая презрительная глупость!—И для этихъ пустыхъ, бездушныхъ существъ, мы помимся безнадежною любовью, — стараемъ въ неушумимомъ огнѣ и губимъ себя и въ здѣшней жизни и въ будущей... И онъ еще увѣряюшь, что умѣютъ любить насъ лучше нашего... Насмѣшка! ужасная насмѣшка!... Любовь жены—одно щеславіе, одно холодное, упонченное кокетство. Любовь маперы—ничто иное, какъ простое побуж-

деніе природы, свойственное всѣмъ живущимъ тварямъ... Что я говорю, безразсудный! Ахъ, я въ горячкѣ! голова моя пылаетъ, въ глазахъ мупшися. Поддержи меня, или я упаду на мостовую!»

— Бѣдный другъ!—

«О, у меня шупъ въ головѣ нестерпимая мысль! она врзалась въ неѣ какъ раскаленное желѣзо, она сжестъ меня какъ горячій уголь... Нынѣ, я не могу потушитьъ этой мучительной мысли—и черезъ два часа...»

— Послушай, поговоримъ о другомъ!.. Видѣлъ ли ты морскую картину *Арауци*, которая получена въ *виллѣ Скомето*?—

«Нѣтъ... Развѣ *Арауци* пишетъ морскія картины?... Черезъ два часа...»

— Ну! не удалась же ему эта картина!—

«Ему ничто не удается.»

— Вотъ несправедливостъ художника! Его *Баталія*, что въ *палатахъ Доріи*, верхъ искусства.—

«Колоритъ его не имѣетъ истины... Слышишь ли? слышишь ли? музыка замолкла, балъ кончился... Пойдемъ скорѣе опять въ улицу Бальби.»

— Это только опдыхъ,—вѣдь не безпреспанно же танцовать!... Балъ продолжится до разсвѣта.—

«Для другихъ—но для неѣ...»

— Для неѣ паѣже, можетъ быть... Какъ вы показали тебѣ фрески *Перино-ди-Вага*? Любишь ли ты кистъ его?—

«Нѣтъ! Это самая пошлая кистъ, и припомъ ужасно груба... Музыка совсѣмъ переспала; конечно—все конечно!»

— О нѣтъ! говорю тебѣ, что сейчасъ опять начнутся танцы... Знаешь ли? у меня есть для тебя подарокъ, *Джорданова Мадона*. Это послѣдняя картина моя.—

«Пойдемъ въ палаты *Дурацо*!...»

— Что ты думаешь о *Джордано*?—

«Маляръ! Ему только расписывать галеры. Береги картину свою для себя! О, Боже! какой ужасный день!... Эти ароматы, эти цвѣты—и море и веселье и любовь—неумодимая, безнадежная любовь!... всё, всё это раскалило для меня этотъ день пламенемъ ада! между тѣмъ какъ для дру-

гихъ оно наполнило его райскими цвѣтами и небесными воспоргами. Пойдемъ въ палаты *Дураццо*, пойдемъ!»

Они вышли на крупую улицу *Сан-Сиро* и сѣли на опломкѣ бѣлаго мрамора, который песали для палаты *Серра*. Въ это время музыка загремѣла снова, но на терассахъ было меньше людей, меньше шуму, меньше движенія.

«Это послѣдній часъ бала и моей жизни!» сказалъ *Вандикъ*, задыхаясь отъ смущенія— и вдругъ вскочилъ съ мѣста.

«Смотри! смотри!» вскричалъ онъ: «вотъ запираюшъ четыре окна!... «Знаешь ли, какаѣ это комнаты?... Такъ я знаю!.. Это спальня... Графъ *Паллавигини*, могу ли я щипать тебя другомъ моимъ?»

—Дружба твоя есть все, что осталось мнѣ отъ прежнихъ сокровищъ моихъ. —

«Ну, такъ слушай! почъ бѣжитъ, этошъ часъ сжигаетъ меня, кровь приступила мнѣ къ сердцу и я сейчасъ умру, если ты мнѣ не поможешь. Иди въ палаты *Дураццо*, и вели сказать графу, что тебѣ надобно переговорить съ нимъ по секрету; вели вызвать его, гдѣ бы онъ ни былъ, въ залъ или въ своемъ кабинетѣ, одѣтый или раздѣтый, все равно. Ты скажешь ему, что врагъ отца его, маркизъ *Джиппино*, ждетъ его у колодца *Лербинской долины*, съ кинжаломъ и шпагою; что *Джиппино* спѣшилъ въ Флоренцію и на нѣсколько минутъ остановился подъ спѣнами Генуи, для того только, чтобъ имѣть съ нимъ смертный поединокъ; но что если графъ откажется отъ него, или попроситъ отсрочки, то онъ всенародно объявитъ его подлцомъ и презрѣннымъ трусомъ. Бѣги, бѣги!... огни гаснуть,—и знатныя женщины Генуи ужъ повели но-вобращую въ спальню ея; бѣги, говорю тебѣ—и не возражай мнѣ ни слова! иди!»

—Иду!—отвѣчалъ хладнокровно *Паллавигини*.

Графъ *Бриньоли* провожалъ нѣсколькихъ короткихъ друзей, оставшихся позже другихъ, когда вошелъ *Паллавигини* и тайноспвенно поманилъ его пальцомъ. Они пошли въ одинъ изъ павильоновъ, обращенныхъ

окнами на улицу, и *Паллавигини*, принявъ на себя важный видъ, сказалъ графу:

—Знакомъ ли вамъ маркизъ *Джиппино*?—

«Нѣтъ,» отвѣчалъ графъ: «но я знаю, что между имъ и отцомъ моимъ существовала непримиримая вражда.»

—Сынъ его ждетъ васъ у колодца *Лербинской долины*, и выбралъ меня къ себѣ въ секунданты; выберите своего, пока еще гости ваши не разъѣхались.—

Графъ *Бриньоли* отъ удивленія не могъ выговорить ни одного слова.

—Кажется, слова *Джиппино*, довольно ясны, графъ?—

«Я не отказываюсь отъ его вызова, только прошу подождать до завтраго.»

—Невозможно; завтра отъ будешь на большой дорогѣ въ Флоренцію—и повсюду разгласитъ о вашемъ отказѣ.—

«... Спиранное время для поединка!... По крайней мѣрѣ я прошу у него одинъ часъ.»

И онъ выходилъ изъ павильона, но *Паллавигини* остановилъ его.

—Часъ!—сказалъ онъ: мнѣ позволено дать вамъ только одну минуту для размышленія... мы ужъ потеряли много времени.—

«Только позвольте обнять жену.»

—Нѣтъ; я даю вамъ только время взять ваше оружіе... Помните, что каждая минута улетаетъ, уноситъ золошой опломкѣ отъ герба вашего.—

«Какое непонятное пиранство! О, я узнаю въ немъ кровь *Джиппиновъ*, о которыхъ отецъ мой столько разъ говаривалъ мнѣ... Вотъ шпага моя, пойдете!»

Онъ возвратился къ друзьямъ своимъ и сказалъ имъ:

«*Сангалло*, пойдете со мною въ церковь утѣшенія.»

—Какъ! ты такъ далеко хочешь идти молиться? и теперь?—сказалъ *Сангалло*.

«Да!» отвѣчалъ холодно графъ. «Что-жь, идете ли ты со мною?»

Сангалло въ половину понявъ въ чемъ состояло дѣло—не сказалъ болѣе ни слова и пошелъ къ лѣспницѣ.

Всѣ прое вышли въ молчаніи на улицу, и скоро пришли къ городской заставѣ, гдѣ дожидался ихъ человекъ, закушанный въ широкій плащъ. — «Это вѣрно нашъ пропивникъ,» сказалъ графъ *Бриньоли*. — Точно, — возразилъ *Паллавигини*. — «Такъ вы знакомы съ *Джиппино*?» — Совсѣмъ нѣтъ; я повспрѣчался съ нимъ въ улицѣ Бальби — онъ спросилъ меня, дворянинъ ли я, — объяснилъ мнѣ свое дѣло, просилъ бытъ его секундантомъ — и я согласился. — «Вы хорошо сдѣлали; по крайней мѣрѣ съ вами нечего бояться обмана.» — Я для того и принялъ его предложеніе. — «Я вамъ благодаренъ за то,» сказалъ *Бриньоли* — и они вышли въ поле.

Вандикъ шелъ впереди — и шагахъ въ двадцати отъ нихъ остановился въ маленькой рощицѣ, которой густая зелень умножала шемному ночи. «И такъ, графъ *Джиппино*,» сказалъ *Бриньоли*: «вы здѣсь намѣрены начать бой вашъ съ благороднымъ домомъ моимъ?» *Вандикъ* не отвѣчалъ и обнажилъ шпагу. — «Предупреждаю васъ, графъ, что я не желаю оставить послѣ себя молодую вдову, и потому намѣренъ храбро защищаться.» При этихъ словахъ *Вандикъ* вздрогнулъ — и не говоря ни слова, бросился на пропивника своего. Сраженіе продолжалось недолго — и *Вандикъ* получилъ сильную рану въ бокъ. Будучи отъ природы слабого сложенія и давно расположенъ къ чахоткѣ, которая впоследствии похитила его въ самомъ цвѣтѣ жизни, онъ упалъ на правую, плавая въ крови своей. «Я пришлю къ вамъ цирюльника,» сказалъ хладнокровно графъ, уходя съ *Сангалло*.

Лишь только они удалились, *Паллавигини* бросился помогать несчастному художнику. «Другъ мой,» говорилъ ему *Вандикъ*: «у меня довольно денегъ, чтобы выкупить и виллу и городскія палаты твои, и такъ я тебѣ дарю ихъ. Но, ради Бога, бѣги за этимъ человекомъ, и сразись съ нимъ. — Ты щаспливъ меня, ты убьешь его, я въ томъ увѣренъ.»

— Но ты исходишь кровью; надобно прежде унять еѣ; успокойся! —

«Пусть течетъ кровь моя; оставь меня умереть. Развѣ не знаешь ты, что эпомъ человекъ съ торжествомъ возвращается те-

перь въ домъ свой. Сколько слезъ радости, сколько пламенныхъ ласкъ ожидаютъ его памъ! О, другъ! для него опворяются врапа рая — для меня кипитъ пучина адская!.. Чпозж ты споишь? бѣги, догони его и убей, пока онъ не вошелъ еще въ спальню!»

— Успокойся, ради Бога успокойся! Завпра мы подумаемъ объ эпомъ, а теперь позволь мнѣ перевязать твою рану. —

«А! ты прусишь!»

— Хорошо! ругай меня теперь! —

«Ну, такъ я самъ побѣгу за нимъ.пусти,пусти меня.»

И онъ лишился чувствъ.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

ИЗЯЦНЫЯ ИСКУСТВА.

Произведенія трехъ изящныхъ искусствъ на выставкѣ Императорской Академіи Художествъ въ 1836 году.

1. По части живописи.

А. Картины.

1. Построеніе ковчега; программа *Васильева*.
2. Тоже; *Варнека*.
3. Тоже; *Молдавскаго*.
4. Испѣленіе хромага Петромъ апостоломъ; *его же*.
5. Тоже; *Варнека*.
6. Тоже; *Васильева*.
7. Табунъ, акварелью; *Штернберга*.
8. Ярмонка въ с. Ичнѣ, акварелью; *его же*.
9. Мѣльница, масляными красками; *его же*.
10. Малороссійскій мужикъ, масляными красками; *его же*.
11. Видъ Парголова, *Эльсона*.
12. Четыре вида Парголова; *Воробьева*.
13. Видъ Полицейскаго моста; *Раковига*.
14. Видъ Екатерининскаго канала; *Фурмана*.
15. Двѣ копіи видовъ Венеціи; *его же*.
16. Два вида, акварелью; *его же*.
17. Пясть Ладожскихъ видовъ, съ напуры; *Фрикке*.
18. Копія съ Рюисдаля; *его же*.
19. Семь морскихъ видовъ; *Гайгазовскаго*.

20. Копія съ Вернепа; *Эльсона*.
21. Копія съ Бергема; *его же*.
22. Копія съ Роберта; *Алакина*.
23. Копія съ Щедрина; *Гильса*.
24. Три вида Парголова; *Фрикке*.
25. Копія съ Щедрина; *Гильса*.
26. Рогнеда и Владиміръ, эскизъ; *Шилова*.
27. Копія съ Роберта; *Газенцера*.
28. Видъ Парголова; *Эльсона*.
29. Лѣспница, съ напуры; *Вольскаго*.
30. Копія съ эстампа; *Солнцева*.
31. Конногвардейскіе бивуаки; *Гинценберга*.
32. Гусарскіе бивуаки; *Петрова*.
33. Тони; *его же*.
34. Охотникъ; программа *его же*.
35. Морской видъ; *его же*.
36. Солдашъ; *Кукевича*.
37. Моисей съ народомъ Израильскимъ въ пустынь; программа *Пробста*.
38. Анпичная геллеря Академіи Художествъ; *Михайлова*.
39. Невѣріе апостола Фомы; *Максимова 1*.
40. Святое семейство; г-жи *Клевецкой*.
41. Сцена изъ романа И. И. Лажечникова: Ледяной домъ; *Скотти*.
42. Перспектива залы съ поршрешами въ Зимнемъ дворцѣ; *Тухаринова*.
43. Пожертвованіе Нижегородцевъ въ 1612 году; *Скотти*.
44. Копія съ Маріи Магдалины.
45. Двѣ Русскія сцены; *Пегенкина*.
46. Перспектива комнапы художника; *Максимова 2*.
47. Подваль; *Плахова*.
48. Двѣ Финляндскія сцены; *его же*.
49. Видъ въ Финляндіи; *его же*.
50. Пожарскій, осаждающій Москву; *Демидова*.
51. Двѣ Русскія сцены; *Плахова*.
52. Сраженіе; *Алексѣва*.
53. Мальчикъ съ гитарою; *его же*.
54. Свѣча, чашка, часть рамы и спола; *Заряно*.
55. Пейзажи; *Хруцкаго*.
56. Перспектива; *Алексѣва*.
57. Копія съ Еспаньолепа; *Борисова*.
58. Плоды; *Григорьева*.
59. Жены Мироносицы; *Раева*.
60. Видъ въ Финляндіи; *Плахова*.

61. Копія съ каршины .Фламандской школы; *Лебѣды*.
62. Корова съ пеленкомъ и лошади; *его же*.
63. Видъ Парголова; *Кухаревскаго*.
64. Три пейзажа; *Круговихина*.
65. Велизарій; *Захарова*.
66. Понорама С. Петербурга, снятая съ Адмиралшейской башни *Раевымъ*—въ чепырехъ видахъ.
67. Копія съ Карла Дольче; г-жи *Констанци де Байе*, изъ Дрездена.
68. Копія съ Боля; *ея же*.
69. Цвѣпы; *Алексѣва*.
70. Цвѣпы; *Августа Сатори*.
71. Аршиллерійскій паркъ, съ видомъ Смольнаго монастыря; *Бориспольца*.
72. Гаданіе въ каршы; *Захарова*.
73. Три эпюда; *Силина*.
74. Внутренность церкви въ Александріи; *К. Ужтомскаго*.
75. Внутренность комнапы на половинѣ Ихъ Высочествъ Великихъ Княженъ; *его же*.
76. Женщина съ плодами.
77. Смерть Авеля, акварелью; программа *Вистеліуса*.
78. Пейзажъ, акварелью; *Кольмана*.
79. Внутренность Русскаго двора.
80. Вспръча Іоанна Цимисхія съ В. К. Святославомъ, акварелью; *Солнцева*.
81. Моисей; *Крылова*.
82. Избіеніе младенцевъ, копія съ Гвидо-Рени; *Федорова*.
83. Копія съ Корреджіевой каршины Рождество Хрисново, называемой: день; *Живаго*.
84. Копія съ Карла Марапа; *Федорова*.
85. Мученіе апостола Пепра, копія съ Гвидо-Рени; *Живаго*.
86. Madona di Foligno, копія съ Рафаэля; *Каневскаго*.
87. Парадъ и молебствіе, по случаю окончанія въ Царствѣ Польскомъ военныхъ дѣйствій въ 1831 году, на Царицыномъ лугу; *Чернецова 1*.
88. Взятіе Божіей Матери на небо, Таціана; копія *Янейко*.
89. Римская сцена; *Плюшара*.
90. Одалиска; *его же*.
91. Двѣ женщины въ національныхъ костюмахъ; *его же*.

92. Психей и Амуръ; *Фросте.*
93. Копія съ карпины Фламандской школы; г-жи *Куртъ.*
94. Геній; *ея же.*
95. Копія съ карпины Фламандской школы; *ея же.*
96. Видъ двора львовъ въ Алгамбръ; *Александръ.*
97. Видъ въ Неаполѣ; *Шанто.*
98. Тивольскіе каскапелли; *его же.*
99. Два пейзажа; *Клары.*
100. Пейзажъ, акварелью; *Грина.*
101. Велизарій; г-жи *Гринъ.*
102. Восемь акварелей; *Гавкинса.*
103. Черкесь; *его же.*
104. Шотландецъ; г-жи *Луизы, Гавкинса.*
105. Морскіе виды, акварелью; *Гоберта.*
106. Нападеніе на обозъ; *Экарта.*
107. Божія Матерь предспашельница, окруженная силами небесными и сонмомъ святыхъ; *Егорова.*
108. Самсонъ, разрушающій храмъ; *Завьялова.*
109. Форпуна и нищій, изъ басни Крылова; *Маркова.*
110. Явленіе Иисуса Христа Маріи Магдалинѣ по воскресеніи; *Иванова.*
111. Три пейзажа; *Лебедева.*
112. Смерть Сократа; *Шалищина.*
113. Семейство Ніобы; *его же.*
114. Гаданіе; *Заболоцкаго.*
115. Перспектива, акварелью, внутренности храма св. Петра; *А. Никитина.*
116. Перспектива внутренности церкви въ Римѣ; *Н. Никитина.*
117. Архангелъ Михаилъ; образъ для Тифлискаго собора; *Басина.*
118. Три картона для карпины, изображающей воздвиженіе мѣднаго змѣя въ пустынь; *Бруни.*
119. Сивилла Тибуртіанская; *Кипренскаго.*
120. Лежащая женщина; *Майкова.*
121. Морской видъ; *Амтріева-Малмонова.*
122. Украинскій поселянинъ, акварелью; *Княгини Голицыной.*
123. Лазарѣи; *Берже.*
124. Коспюмъ, изъ Альбано; *его же.*
125. Форнарина, копія съ Рафаэля; *Яненко.*
126. Дѣвочка съ памбориномъ; *Тыронова.*

127. Видъ Кроншпадта; *Кухаревскаго.*
128. Видъ С. Петербурга: пристань съ Египетскими сѣинксами на Невѣ ночью; знаменитаго нашего художника *Воробьева.*
129. Общій видъ Іерусалима; *его же.*
130. Видъ пристани съ Египетскими сѣинксами днемъ; *его же.*
131. Пещера гроба Господня въ Іерусалимѣ; *его же.*
132. Эскизъ плафона для Академической церкви; *Шебуева.*
133. Наводненіе 7 Ноября 1824 года; *его же.*
134. Парадъ на Царицынскомъ лугу; *Ладюрнера.*
135. Осада Варны; *Зауервейда.*

В. Портреты.

1. Копія съ портрета Государя Императора; *Крюгера.*
2. Портретъ Государя Императора въ ростъ.
3. Портретъ Государя Императора; Берлинскаго художника *Крюгера.*
4. Копія съ того же портрета; *Будкина.*
5. Портретъ Государыни Императрицы въ Русскомъ костюмѣ; Берлинскаго художника *Крюгера.*
6. Портретъ Его Высочества, Великаго Князя Цесаревича Наслѣдника; *Тыронова.*
7. Портретъ Ея Высочества, Великой Княгини Елены Павловны; *Нефа.*
8. Три портрета, рисунки для гравюръ; *Пицалкина.*
9. Старикъ, съ напуры; *Жуковскаго.*
10. Портретъ г. Флюграпа; *Крылова.*
11. Портретъ; *Мерзлякова.*
12. Портретъ Слъпушкина; *его же.*
13. Портреты; *его же.*
14. Портретъ; *Тухаринова.*
15. Портреты: гг. Пименова, Завьялова и Кудинова; *Скотти.*
16. Портретъ брашьевъ Скотти; *его же.*
17. Два портрета; *Янова.*
18. Портретъ; *Быкова.*
19. Портретъ.
20. Портретъ Максимова 2; писалъ *Максимовъ 1.*
21. Портретъ художника Спупина, основателя Арзамасской школы; *Алексѣва.*

22. Портреты двухъ женщинъ, кажется матери художника, супруги г-жи Спуглина и самаго художника; *его же*.

23. Портретъ; *Заряно*.

24. Два портрета; *Хруцкаго*.

25. Два портрета; *Зайцева*.

26. Два портрета; *Борисова*.

27. Портретъ, писанный купеческимъ сыномъ *Лепенковыль*.

28. Пять портретовъ; *Асевича*.

Акварельные портреты, — работы *Фридрица*.

29. Магистра Федора Сидонскаго.

30. Г. Яковлева.

31. Полковника Тарасова.

32. Г. Мейера.

33. Г-жи Мейеръ.

34. Г. Иванова.

35. Миньяпюрный портретъ г-жи Фоминной.

36. Акварели; *Шредера*.

37. Портретъ; *Мокрицаго*.

38. Портретъ архиста Императорскаго Нѣмецкаго Театра Вольбрика; *Грота*.

39. Четыре портрета; *Сысоева*.

40. Портретъ г. Тыронова; *Захарова*.

41. Портретъ г. Капкова; *его же*.

42. Портретъ мальчика, играющаго съ обручемъ; *Орлова*.

43. Портретъ г-жи Демидовой; *его же*.

44. Портретъ Н. И. Депрерадовича; *его же*.

45. Портретъ князя Кочубя; *его же*.

46. Портретъ вверху; *его же*.

47. Портретъ знаменитаго нашего писателя Н. М. Карамзина; *его же*.

48. Портретъ г. Михайлова; *Каширина*.

49. Портретъ самаго художника; *его же*.

50. Три портрета; *Шульца*.

51. Портретъ; *Силина*.

52. Три портрета; *Захарова*.

53. Миньяпюрный портретъ; *Клюквина*.

54. Портретъ; *Михайлова*.

55. Два портрета; *Тухаринова*.

56. Портретъ г. Кашинскаго; *его же*.

57. Два акварельные портрета.

58. Шесть портретовъ, акварелью; *В. Гау*.

59. Шесть портретовъ безъ подписи имени художниковъ.

60. Портретъ брата художника—*Будкина*.

61. Портретъ въ ростъ графа А. Ѳ. Орлова; *Плюшара*.

62. Портретъ г-жи Вернеть; *его же*.

63. Портретъ г-жи Лакроа; *его же*.

64. Портретъ Казенере; *его же*.

65. Портретъ графа Лапрелія; *его же*.

66. Портретъ Сансе; *его же*.

67. Портретъ Римлянки Фортунамы; *его же*.

68. Портретъ г. Гибальда; *его же*.

69. Портретъ г. Муральпа; *его же*.

70. Портретъ г. Монерона; *его же*.

71. Портретъ г-жи Чичериной; *Фросте*.

72. Портретъ г-жи Бонне; *его же*.

73. Портретъ г-жи Круазеть; *его же*.

74. Портретъ дочери художницы; г-жи Куртъ.

75. Портретъ г-жи Опшъ; *ей же*.

76. Два портрета; г-жи Гринъ.

77. Портретъ; *Грина*.

78. Портретъ Пастелью; *его же*.

79. Три портрета; *Гавкинса*.

80. Портретъ леди Софїи Гавкинсъ; г-жи Луизы Гавкинсъ.

81. Портретъ генерала Саблукова; *Гудрига*.

82. Портретъ дамы; *его же*.

83. Три портрета дѣтей; *его же*.

84. Портретъ г. Берда; *его же*.

85. Портреты; *его же*.

86. Портретъ г. Пономарева; *его же*.

87. Портретъ Н. И. Греча; *его же*.

88. Портретъ г. Ленца; *его же*.

89. Портретъ графа Липпы, въ ростъ; *его же*.

90. Портретъ князя Голицына; *Кипренскаго*.

91. Портретъ знаменитаго скульптора Торвальдсена; *его же*.

92. Портретъ художника; *Майкова*.

93. Портретъ; *Васильева*.

94. Восемь миньяпюръ; *Гольтера*.

95. Миньяпюрный портретъ г. Фольбопа; *Рокштулл*.

96. Портретъ г-жи Антонелли; *Антонелли*.

97. Портретъ сына художника; *его же*.

98. Портретъ декоративнаго живописца; *Кондратьева*.

99. Портретъ, акварелью, г-жи Воробьевой; *Вишневецкаго*.

100. Портретъ сына художника, акварелью; *Берже*.

101. Четырнадцать портретовъ, акварелью; *Рейта*.

102. Портретъ г. Амрѣшкова; *Вишневецкаго*.

103. Портретъ г. ген. адъют. А. А. Кавелина; *Тыронова*.

104. Портретъ; *его же*.

105. Портретъ извѣснаго писателя и профессора П. А. Плетнева; *его же*.

106. Портретъ г-жи Плетневой; *его же*.

ПРЕЛЮБОПЫТНЫЕ ОТРЫВКИ

изъ одиннадцатой части книги:

Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновения или бесѣда съ современниками и потомствомъ въ 1834 и 1835 годахъ. *Н. Н. Муравьева*. С. П. Б. 1836.

4.

Мысли.

А. Привыкаешь, прилепляешься къ одному и тому же ходу дѣлъ, состоянію природы, и своей и окружающей, есть предубѣждаешься; ибо ходъ сей, состояніе сей природы, по общему закону самой природы, не могутъ быть вѣчно, всегда одинаковы: они ежеминутно, постепенно измѣняются, и мы сами каждую минуточку не то, что мы были; а привыкли то мы къ прошедшей минутѣ; вотъ и предубѣжденіе наше. Если же понятіе предубѣжденное, то и нездоровое, которое принадлежитъ настоящему, текущему, существующему, или отъ него изходитъ. Это о привычкахъ вообще. Но есть привычки здравыя: привыкнувъ къ жизни, привыкнувъ къ своей супругѣ, къ своимъ дѣтямъ, къ Творцу природы, и къ нѣсколькимъ другимъ предметамъ, симъ подобнымъ, здорово, ибо это во всегдашней природѣ животнаго бытія и понятія (*). Но миліоны

(*) Къ тѣмъ здоровымъ понятіямъ, конечно, принадлежатъ слѣдующія: благо человека нужно его общество, чтобы сіе сохранить, нужно поощреніе о немъ и власть, чтобы удовлетворить сему поощренію; нѣтъ квадрата прелестнѣе квадрата; кругъ всегда круглой; достояніе треугольника отъ его трехъ угловъ; всегда будуща рыбы плавать, а птицы летать; кушать и пить всегда будуща ршомъ; растенію корень необходимъ и проч. и проч. и проч.

другихъ предметовъ не имѣютъ съ симъ никакого сходства, и имѣтъ къ нимъ привычку есть влеченіе общее, то есть, общее со всеми другими людьми, и очевидно не здоровое, ибо имѣтъ привычку къ такимъ предметамъ, кои должны перемѣниться, должны стать въ иной видъ, въ иное положеніе, нежели то, въ которомъ мы ихъ полюбили, возимъ въ нихъ привычку. Слѣдовательно эта привычка наша неудовлетворима, слѣдовательно нездрава; слѣдовательно изпязаясь неудовлетвореніемъ этой нашей привычки, мы только изпязаемся за понятіе нашего *предразсужденія*, понятіе нездоровое, но общее. И такъ, что такое есть (*большую часть*) любезное? это есть бытіе въ порядкѣ общемъ, но нездоровомъ. Слѣдовательно, назвавши предметъ общелюбезнымъ, мы назвали это общелюбіе нездравымъ. Какъ ни странно, какъ ни разительнѣе оно является, но оно истинно, разумѣется, вопреки общей философіи, то есть, философіи *привычекъ, предразсудковъ*.

Б. Для *смысла*, ничего нѣтъ краснорѣчивѣе *смысла*.

Слово конь смысла. А все дѣло во всадникѣ. Но иному дай сего, другому дай того.

Большая часть кидается на слово; ибо надъ нимъ можно *каждому* повладычествовать; а смыслъ и въ споронѣ: видно, со скопомъ легче!

В. Что такое краснорѣчіе? Смѣсь льстивой безсмыслицы словъ, чтобы замечъ легкомысленныхъ согласился съ тѣмъ, чего они не понимаютъ.

Смыслъ коропокъ; краснорѣчіе безконечно: смыслъ понимаетъ смыслъ,—и дѣло кончено. Краснорѣчіе, многорѣчіе; при послѣднемъ не помнишь перваго, и соглашались съ тѣмъ, чего не помнишь: не правдали, что согласился съ тѣмъ, чего не знаешь? Вотъ цѣль краснорѣчія. Вѣдомо, я бы его запрешилъ, какъ запрещаютъ оболщеніе.

Г. Каждой человекъ обладаетъ данною величиною вкуса, — вкуса, имѣющаго два вида: вещественный и невещественный. Если одного болѣе, другаго менѣе,—и обратно.

Первой ему дарованъ наравень съ прочими животными; второй ему одному. И

такъ, человекъ, не имѣя ли сего послѣдняго, не достигнувъ ли до него, утравивъ ли его, остается съ однимъ первымъ: вопш сколю драгоцѣнно для человека образованіе ума!

Д. Исторія Пугачевского бунта, въ 1834 году напечатаная, съ признавательностію будетъ чипана попомствомъ нашимъ. Въ ней заключается новый сборъ доказательствъ о постепенности образованія русскихъ и ихъ природнаго особеннаго смысла. Помпство будетъ видѣть, что *Пугачевъ былъ преступный и опасный смыслъ русскаго* (*), что времена его невѣжественнаго предпріятія, времена изнѣженнаго дѣтства Россіи. Генералъ *Бибиковъ*, начальствуя пропивъ возмущителя въ Казани, *угился по Англійски и жалобно* описывался. *Державинъ*, занимался пемнымъ, не вразумительнымъ словапканствомъ, и ссорился съ людьми дѣльными. Оробѣвшій воинъ *Рейнсдорпъ*, губернапоръ Оренбурга, со всѣми совѣтовался о своемъ дѣлѣ, и что предпринималъ, то исполнялъ сходно съ его смысломъ и духомъ, и имѣлъ заслуженный неуспѣхъ. Но онъ писалъ письма на нѣсколькихъ языкахъ, и по дѣламъ службы. Князя: *Голицынъ*, *Щербатовъ*, и пр. и пр. были одного съ ними оплива. Но *Михельсону* суждено было спасти Россію. Въ епомъ ему подражали *Меллинъ*, *Хорватъ*. Вопш очеркъ образованія Россіи въ 1770 годахъ, начиная опъ С. Петербурга до Оренбурга и Тобольска. Еслибъ *Пугачева Русскій* смыслъ имѣлъ знанія, образованіе, благодравіе, то было бы трудненько съ нимъ управившся и роздѣлаться русскому *языгству*: и сколькобъ бѣдствій нашей любезной Россіи могло приключившся! Но дѣсница милосердаго Провидѣнія держала участь Россіи, и Ею Россія спаслась. Явился нѣкій Геній честолобія, юноша *Михельсонъ*, и воля Неба исполнилась. И *Панинъ* и *Суворовъ* оспались исполнителами въ пупяхъ совершеннаго *Михельсономъ*. Всѣ ссорились между собою, не хотѣли имѣть начальства надъ собою, каждой чувствовалъ свое предъ другимъ прево-

(*) Чрезвычайно ясно и удовлетворительно. Мы должны благодарить автора *Забавъ отдожновенія* за то, что онъ оварилъ для насъ шейныя мѣша въ книгѣ А. С. Пушкина. — В.

сходство, а дѣло оспавалось на долю другихъ. Много было видно *Русскаго смысла*, гоповности къ послѣднимъ жертвамъ для своего любезнаго отечества; но Русская пвердоспъ, *Русская живость постиженія и предпріятія* были удивительно какъ ослаблены *напряженіемъ мысли и паллти перенять наружное иностранное, казистое, блестящее, непостоянное.*

Довольно выписокъ. Мы увѣрены, что доспавили ими много удовольствія нашимъ чипапелямъ и что *Забавы отдожновенія* очень ихъ позабавили. Пускай же они еѣ купяпъ, чипаюпъ, перечипываюпъ и наслаждаюпся. Это конфекпа!

А. Кораблинскій.

26 Августа

1836.

Село Рыбацкое.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

101.

«Что такое Парижская цивилизація? Эши наблюдѣнїя не должны оскорблять никого; мы не имѣли въ виду никого въ особенности, но лишь дѣйствіе, производимое на чипапелей нѣкоторыми изъ новѣйшихъ произведеній; нами руководило грустное, но справедливое и безкорыстное чувствпво. Будущее рѣшипъ, кто правъ и кто виноватъ.»

Современникъ, изд. А. С. Пушкинымъ; кн. II, стр. 217.

Г. *Виссаріонъ Бѣлинскій*, почти споль же часто упоминаемый, какъ баронъ *Брамбеусъ*, напечаталъ въ *Телескопѣ*:

«Лучшій цвѣтъ общественной жизни, ея высочайшая поэзія выражается въ женщинѣ, прекраснѣйшемъ созданіи, коимъ увѣнчался прекрасный міръ Божій. Но что у насъ женщина? Признаюсь, я не могъ доселѣ сопоставить себя идеала женщины Русской: я не знаю элементовъ, изъ которыхъ бы она могъ быть составленъ. Я и не ищю въ нашихъ обществахъ женщины *Бальзака*, этой дивной поэмы, для созданія коей потребно было двѣнадцать вѣковъ непрерывно возрастающей *цивилизации*.»

Не понимая эпаго новоусыновленнаго Русскому языку слова, я объяснилъ себѣ смыслъ его такимъ образомъ: *Цивилизація* государства показываетъ настоящее состояніе онаго по отношенію гражданъ къ религіи, нравствственности, просвѣщенію, промышленности, торговли, земледѣлію; короче, степень благосостоянія и процвѣтанія его по всѣмъ частямъ.

Г. *Бьлинскій* спыдился за своихъ соошественницъ и негодуесть на нихъ за то, что онъ не доспигли спепени *цивиллизаций* Парижанокъ. Онъ даже не смѣесть назвасть Россіянку женщиною и восклицаетъ: *что у насъ за женщины? Перекрашенныя прятки! Суздальская иконная работа! Китайская шпалерная живопись, только въ шляпкахъ Гербо, съ пригѣскою Нарцисса!*

Я не согласенъ съ г. *Бьлинскимъ* и радуясь, что Россіянки, мои соошественницы, далеко отспали отъ Парижанокъ въ современной *Цивиллизации*, а по какимъ *резонансамъ*, пому слѣдуютъ пункты.

Въ No 166-мъ *Свъ. Пчелы* 1836 года, между заграничными новостями, о *Цивиллизации* Парижанокъ сказано:

«20 Июля (8). Вчера, въ восемь часовъ ушра, отправилась изъ Бисептра, къ мѣсту своего назначенія, цѣль преспунниковъ, приговоренныхъ къ кашоржной работѣ. По правиламъ, эта цѣль должна быть отправлена уже въ пять часовъ ушра; но нынѣшній разъ, по большому числу преспунниковъ, заковывали ихъ премея часами додѣе обыкновеннаго. Любопытспвующіе, не ожидавшіе таково замедленія, уже собрались въ большомъ числѣ, въ окрестносплахъ шюрмы, въ два часа ушра; число ихъ можно опредѣлитъ, безъ увеличенія, до 6,000 человекъ. Богатые экипажи, въ которыхъ находились Парижскія модницы, окруженныя франшами верхомъ, оспановились у самыхъ дверей шюрмы, чтобы насладиться ужаснымъ зрѣлищемъ какъ можно ближе. Восемь повозокъ, на которыхъ преспунники сидѣли попарно, спина объ спину, отправились въ путь въ восемь часовъ.»

Вопъ прямо *цивиллизированныя женщины*. Избави насъ, Боже, отъ подобныхъ модницъ! Пускай ужъ Россіянки лучше оспанутся съ *страстишками мелкими, ништожными, прерзлыными* (1) и никогда не дойдутъ до *этихъ пышныхъ, великолпныхъ дивирамбовъ женской природы* (2).

Въ *Телескопѣ* помѣщено было мнѣніе г. *Бальзака* о нравспвенныхъ качествахъ Парижанъ и Парижанокъ, *цивиллизации* коихъ помощникъ издашеля эпого журнала завидуесть.

«Одно изъ самыхъ ужасныхъ зрѣлищъ предспавляетъ Парижскій народъ, народъ, на который спрашно спопрѣшь, худой, желтый, покрытый пятнами. Не похоже ли Парижъ на обширное поле, волнуемое бурео выгоды,

(1) *Телескопъ*, No 1, 1836, стр. 157.

(2) Тамъ же, стр. 158.

подъ кошорою кипишь масса людей, чаще, нежели гдѣ нибудъ подкашиваемыхъ смертью и возраждающихся такою же шолпою; людей, которыхъ искривденныя, искаженныя лица всѣми парами испарютъ умъ, желанія, оправы, копорыми напипанъ мозгъ ихъ; не лица, но маски: маски слабоспи, маски силы, маски бѣдноспи, маски радости, маски лицемѣрствя; всѣ изнуренныя, всѣ заклѣменныя неизгладимою печатью задыхающей жадности. Чего хшпятъ они?—*Золота, или наслажденія*.

«Въ Парижѣ ни одно чувство не пропивится ходу дѣль—и потокъ ихъ принуждаетъ къ борбѣ, которая сокращаетъ спраспи: любовь дѣлается здѣс желаніемъ, ненависеть неудовольспвіемъ; памъ одинъ вѣрный родственникъ—бидеть въ штысячу франковъ; одинъ другъ—*Mont de Piété* (3). Эта общяя беспечность приносипь желаемые плоды; и, въ гостинной, какъ и на улицѣ, никто не лишній, никто особенно не полезенъ: ни глупцы и плушты, ни умные и честные. Тамъ все шерпимо, правительштво, гильошина и холера. Вы всегда здѣс въ пору и никогда не нужны.

«Кпо-жъ владычествуетъ въ эпой спрантъ безъ нравспвенности, безъ вѣры, безъ чувства; но откуда выходяшь я куда спремится всѣ чувства, всѣ вѣры и всѣ нравы? *Золото и наслаждение*.»

Пускай Русскій народъ не *цивиллизированъ*, но его девизъ совѣсть другой: *насушный хлѣбъ, теплая вѣра, трудъ, гестность, семейственная жизнь*. Нѣшь! нѣшь! Онъ не запрягаетъ жены въ какую нибудъ машину (4); онъ самъ запрягается; не привязываетъ къ колесу сына (5), а самъ прилежно работаетъ. Избави насъ Богъ, доживъ до чѣрной години, когда можно будеть примѣнитъ къ Русскому народу то, что говоритъ *Бальзакъ* о Парижской черни.

«Безъ кабаковъ, правительштво не было ли бы испровергаемо каждый вшорникъ? По шастію, по вшорникамъ эполь народъ находится въ какомъ-то безчувспвіи, просыпается отъ своего хмѣлю, оспается безъ кофѣйки и возвращается къ своей работѣ, своему сухому хлѣбу, понуждаемый необходимостью матеріальнаго существованія, кошорое для него сдѣлаось привычкою.»

«Не само ли это движеніе, сдѣлавшееся человекомъ, вощощенное проспранство, Протей *цивиллизации*?» замѣчаетъ, двѣ спранницы ниже, *Бальзакъ*.

Замѣтимъ и мы про себя, что это низшая спупенька Парижскаго народонаселенія.

(3) Домъ, гдѣ принимаются въ залогъ самыя мелкія вещи: поношенныя плашья, шляпы, чепцы, бѣлье, также часы, ложки, чашки, и пр.—*В*.

(4) *Телескопъ*, No 9, 1835, стр. 71.

(5) Тамъ же.

«Честнолюбіе внесишь мысль во *вторую* изъ Парижскихъ сферъ (6)»

Пропускаемъ цѣлую страницу — и спѣшимъ къ существенному.

«У нихъ физическое искаженіе совершается подѣ купомъ выгодъ, подѣ бичемъ честолюбія, которое мучитъ высшіе слои эпаго чудовищнаго общества такъ, какъ искаженіе бѣдняковъ совершается подѣ жестокимъ мялпникомъ матеріальныхъ работъ, безпрестанно пребуемыхъ *аристократическимъ деспотизмомъ* словечка *жогу* (7).»

«И пакъ, чтобы повиноваться этому всеобщему властелину — *удовольствію или золоту* — надобно пожирать время, поронить его, находить въ суткахъ больше двадцати четьрехъ часовъ, испощать свои силы, убивать себя, продавать прирдашь дѣшь за два года боѣзненнаго покоя.»

Цивиллизациа впорага круга Парижанъ не завидна. Русскіе сидѣльцы, Русскіе писцы, дворецкіе, торговцы мелочнымъ поваромъ, управители домовъ Московскихъ и Пепербургскихъ, чиновники 10-го, 12, 13 и 14-го класса, служащіе въ нижнихъ присущствєнныхъ мѣспахъ и полиціи (8), никогда не *напрягаютъ герезъ мѣру свои тѣлесныя и нравственныя силы, одинъ герезъ другаго, не изсушалоу въ себѣ желаній и не бросаюуа стрѣлау въ бездну*. Ссылаюу на опчешъ С. Пепербургской полиціи.

«И вопъ мы дошли до *третьаго* круга эпаго ада, копорый, можешъ бышь, нѣкогда будешъ имѣшь своего *Дамта*;» продолжаешъ *Бальзакъ*: «здѣсь шолпа повѣренныхъ, медиковъ, нотаріусовъ, адвокатовъ, дѣловыхъ людей, банкировъ, опповыхъ торговцевъ, спекулаторовъ, магистратскихъ чиновниковъ (9). Здѣсь больше, чѣмъ гдѣ нибудъ сходился причинъ къ физическому и нравственному разрушенію. Почти всѣ эпи люди проводятъ свою жизнь въ вредныхъ занятіяхъ, въ заразныхъ залахъ аудіенцій, въ маленкихъ душныхъ кабинетахъ; проводятъ свой день, согбенные подѣ тяжестію дѣлъ; вспаюу на зарѣ и принимаютъ свои мѣры, чтобы не дауь себя обокрасъ, чпобъ все выиграуь и ничего не проиграуь, *чтобъ овладѣуь челоукоу или его денгами*

Увлеченные своимъ бурнымъ существованіемъ,

(6) *Бальзакъ*, тамъ же, стр. 79.

(7) Тамъ же, стр. 81.

(8) Въ Пепербургѣ и Москвѣ не отдѣляются такъ рѣзко слои общества одинъ опъ другаго, какъ въ Парижѣ. — К.

(9) Собственно чиновниковъ министерскихъ департаментовъ и канцеларій, высшихъ судебныхъ мѣспъ въ Парижѣ и проч. Переводчикъ не такъ передать намъ слово: magistrat. — К.

они не способны бышь ни мужьями, ни опцами, ни любовниками;» увѣряешъ насъ *Бальзакъ*.

«Выше эшой сферы живешъ мѣръ художниковъ;» говоритъ онъ: «Но и тамъ лица обозначены печально оригинальностью, благородно разрушенныя, но все *разрушенныя, усталыя, съ морщинами*. Понуждаемые потребностію пворить, просиравя дороги фантазін свои выше среднѣй, утомленные пожирокимъ геніемъ, *алкал наслажденій*, Парижскіе художники хоуяшь чрезмѣрными трудами пополнить пустошу, оставленную дѣносію, и напрасно спарокшя помирить свѣшь и славу, деньги и искусство. Сначала мучитъ артиста кредиторъ; опъ нуждъ его рождаюу долги, а долги пребуоуь его ноцей. За работоу, удовольствіе. Акперъ играешъ до полночи, учить упромъ, рещируешъ въ полдень; скульпторъ скорбливается подѣ своєю спашуею; журналистъ еспъ мысль на походѣ, какъ создашь на войнѣ; живописецъ въ славі, обремененъ работоу; живописецъ безъ работоу грызешъ себѣ внутренность, если сознаешъ свой геній. Конкуренціи, соперничество, клевета, осаждоу эпи таланты. Одни, въ опчаланіи, бросаюуся въ бездну порока, другіе умираюу юные и безвѣстные, за то, что скоро просрочили (?) свою будущность. Немногя изъ эпихъ лицъ, первоначально превосходныя, сохраняюу красоту свою. Лицо художника всегда выходоу за обыкновенную орбиту; оно всегда выше или ниже линій, составляющихъ то. что недалекия люди называлоу идеаломъ красоты. Какое могущество разрушаешъ ихъ? Спрашу! Всякая страсть въ Парижѣ объяснешъ двумя словами: *золото и наслаждение*.»

Цивиллизациа втораго, третьаго и четвёртаго круговъ Парижскаго общества ничего не предспавляешъ привлекательнаго; ничего таково, чему бы наше *среднее* сослоніе могло позавидовашъ, чтобы оно переняло пожелало. Наши чиновники, врачи, ученые, профессора, художники, журналисты, секретари, учителя, купцы, — по большой части женаты, имѣюу или свои домики, или казѣнныя чистыя и просторныя помѣщенія, или наѣмныя тёплыя, опрялпныя квартиры, гдѣ ихъ, возвращающихся опъ должности, ожидаюу милыя ихъ подруги и дѣши; куда въ праздникъ приглашаюу они родныхъ, друзей, сослуживцевъ, бѣдныхъ и холоспыхъ земляковъ своихъ кушауь хлѣба-соли, а вечеромъ побесѣдовашъ, попанцовашъ, сыграуь партію въ виспъ, напишъся чаю. И они любяуь золото, и имъ пріятно получиуь чинъ или орденъ, опличиться на выставкѣ, экзаменъ или при опчѣшъ; но эпо не вгоняешъ ихъ въ чахопку, не заспавляешъ бросауься въ Неву, рѣзауься, задушашъ себѣ чадомъ; рѣдкіе изъ

нихъ заглядываютъ въ кондиперскія, почти ни одинъ въ пракиръ и респорацію. Средній кругъ Петербургскаго общества есть щасливѣйшій всѣхъ другихъ: потому, что равно удаленъ отъ нищеты и отъ пышности; отъ высоты, на которой голова кружится, и отъ низости, гдѣ можно задохнуться вредными испареніями.

Намъ осталось еще *пятое* сословіе, *пятый* слой или кругъ Парижскихъ жителей. Тутъ-то должна имѣть свой престоль *цивилизация*, о которой вздыхаетъ *Виссаріонъ г. Бѣлинскій*. Войдемъ же сюда объ руку съ *г. Бальзакомъ*....

«Взглянемъ (10) на большія госпиныя, пространныя и вызолоченныя, на дома съ садами, на людей богатыхъ, праздныхъ, щасливыхъ, въ довольствѣ. *Здѣсь лица испитыя, съгденныя тщеславіемъ, здѣсь ничего дѣйствительнаго*. Искать удовольствія, не значить ли это находить скуку? Свѣтскіе люди рано обобрали природу. Занятые одиѣтъ, ища однихъ наслажденій, они слишкомъ пользовались своими чувствами, какъ ремесленникъ водкою. Удовольствіе похоже на нѣкоторыя лекарственныя вещества: чтобы получать постоянно желаемыя дѣйствія, надобно удвоить приемы—и въ послѣднемъ будетъ заключаться смерть или переходъ въ животное сословіе. Въ высшіе классы прятался передъ богатыми, и ловялъ вкусы ихъ, чтобы дѣлать изъ нихъ пороки и помочь разрабатывать ихъ. Какъ устоять противъ искусныхъ обольщеній, которыя сплещаются въ этой странѣ? И въ Парижѣ есть свои *theriaques*, для которыхъ игра, пиры и женщины составляютъ родъ опиума. И у эпическихъ людей *вы рано видите склонности, а не страсти*, романческія фантазии или *влюблю любовь*. Тамъ царствуютъ *безсиліе; тамъ нѣтъ идей, отъ, какъ и энергія, перешли въ будуарныя гримасы, въ женскія обезьянства.*»

Видите ли, мой почтенный, но немножко предубѣжденный въ пользу Французской *цивилизации*, *г. Бѣлинскій!* что и у Парижанъ спрашки, а не спрасти, что и у нихъ нѣтъ идей и ослабла энергія.

«Однакожь въ Парижѣ есть нѣкоторая часть существъ привилегированныхъ, которыя пользуются энцимъ чрезвычайнымъ движеніемъ фабрикацій, выгодъ, дѣлъ, искусствъ, золота: *это женщины*!» замѣчаетъ *Бальзакъ*: «Хотя бы и у нихъ были тысячи тайныхъ причинъ, которыя въ Парижѣ больше, чѣмъ гдѣ нибудь; вредятъ ихъ физиономіи; но *въ женскомъ мірѣ* встрѣчаются маленькія, щасливыя колоніи, которыя живутъ по Восточному и могутъ сохранять свою красоту; но эти *женщины* рѣдко показываюся на улицѣ пѣшкомъ; онѣ скрыты, какъ рѣд-

кія распеяія, которыя распускаютъ свои лепестки только на нѣсколько часовъ, и которыя составляютъ исключеніе. *Всѣ онѣ оканчиваются тѣмъ, что умираютъ и гармонируютъ съ цѣлостію Парижа.*

Quod erat demonstrandum!»

А. Кораблинскій.

23 Іюля 1836.
Село Рыбацкое.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ (*).

(Отрывокъ изъ сатирической поэмы).

Начнемъ ab ovo: Мой Езерскій
Происходилъ отъ тѣхъ вождей,
Чей въ древни вѣки нарусь дерзкій
Поработилъ брега морей.
Одутьѣ, его начальникъ рода,
Вельми бѣ грозенъ воевода
(Гласилъ Софійскій Хронографъ).
При Ольгѣ, сынъ его Варлаѣ
Пріялъ крещенье въ Царѣградѣ
Съ приданымъ Греческой княжны.
Отъ нихъ два сына рождены,
Якубъ и Дорожей. Въ засадѣ
Убилъ Якубъ, а Дорожей
Родилъ двѣнадцать сыновей.

Ондрей, по прозвищу Езерскій,
Родилъ Ивана да Илью,
И въ Лаврѣ схимился Печерской.
Ошсель фамилію свою
Ведутъ Езерскіе. При Калкѣ
Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свакѣ,
А памъ раздавленъ какъ комаръ
Задами пияжками Ташаръ.
За то на Куляковомъ полѣ
Другой Езерскій, Елизаръ,
Упился кровію Ташаръ,
Между Непрядвою и Дономъ,
Ударя съ пыла въ шаторъ ихъ
Съ дружиной Суздальцевъ своихъ.

(*). Изъ третьей книги *Современника*, издаваемаго знаменитымъ нашимъ писателемъ А. С. Пушкинымъ. Сей журналъ будетъ выходить и въ наступающемъ 1837-мъ году. Подписная цѣна 25 р.; а съ пересылкою 30 рублѣй.

(10) Дѣвушка съ золотыми глазами, соч. *Бальзака*. *Телескопъ*, No 9, стр. 90.

Въ вѣка спаринной нашей славы,
 Какъ и въ худыя времена,
 Крамоль и смуть во дни кровавы
 Блестящъ Езерскихъ имена.
 Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
 На воеводствѣ, и въ отвѣтѣ (*)
 Служили доблестно Царямъ.
 Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ,
 Гордыней славился боярской;
 За споръ то съ тѣмъ онъ, по съ другимъ,
 Съ большимъ безчестьемъ выводимъ
 Бывалъ изъ-за трапезы Царской,
 Но снова шелъ подъ пляжкѣй гнѣвъ
 И умеръ, Сицкихъ *пересвѣз* (**).

Когда отъ думы величавой
 Принялъ Романовъ свой вѣнецъ,
 Какъ подъ опеческой державой
 Русь опдохнула наконецъ,
 А наши вѣроги смирились:
 Тогда Езерскіе явились
 Въ великой силѣ при дворѣ,
 При Императорѣ Петрѣ...
 Но извините: спаться можешь,
 Чишатель, вамъ я досадилъ;
 Вашъ умъ духъ вѣка просвѣшилъ,
 Васъ съездъ дворянская не гложеть,
 И нужды нѣтъ вамъ никакой
 До вашей книги родовой.

Ктобъ ни былъ вашъ родоначальникъ,
 Мстиславъ, князь Курбскій, иль Ермакъ,
 Или Митюшка цѣловальникъ—
 Вамъ все равно. Конечно, пакъ:
 Вы презираете опцами,
 Ихъ славой, честію, правами
 Великодушно и умно;
 Вы опреклись отъ нихъ давно,
 Прямаго просвѣщенья ради,
 Гордись (какъ общей пользы другъ)
 Красою *собственныхъ заслугъ*,
 Звѣздой двоюроднаго дяди
 Иль приглашеніемъ на балъ
 Туда, гдѣ дѣдъ вашъ не бывалъ.

(*) Въ посольствѣ.

(**) *Пересвѣзъ кого*, спаринное выраженіе, значить за-
 мѣнить мѣсто выше.

Я самъ—хоть въ книжкахъ и словесно,
 Собраться надо мной спрунцать —
 Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
 И въ эпозъ мысль демократъ;
 Но каюсъ: новый Ходаковскій (*),
 Люблю отъ бабушки Московской
 Я шолки слушать о роднѣ,
 О полстобрюхой спаринѣ.
 Мнѣ жаль, что нашей славы звукъ
 Уже намъ чужды; что спросишь
 Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers etat,
 Что намъ не въ прокъ пошли науки,
 И что спасибо намъ за то
 Не скажешь, кажется, никпо.

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
 Блѣднѣетъ блескъ и никнешъ духъ;
 Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
 Что о другихъ пропалъ и слухъ,
 Что ихъ поноситъ и Фигляринъ,
 Что Русскій въпреный бояринъ
 Шишаетъ грамоты Царей
 За пыльный сборъ календарей,
 Что въ нашемъ перемѣ забыломъ
 Расстѣтъ пустынная права,
 Что геральдическаго льва
 Демокрапическимъ копытомъ
 Теперь лягаетъ и осель:
 Духъ вѣка вотъ куда зашелъ!

Вотъ почему, архивы роя,
 Я разбираю въ досужный часъ
 Всю родословную героя,
 О комъ зашѣялъ свой рассказъ,
 И здѣсь попомощву заповѣдалъ.
 Езерскій самъ же твердо вѣдалъ,
 Что дѣдъ его, великій мужъ,
 Имѣлъ двѣнадцать тысячъ душъ;
 Изъ нихъ отцу его досталась
 Осьмая часть, и та сподна
 Была давно заложена
 И ежегодно продавалась;

(*) Извѣстный любитель древности, умершій нѣсколько
 лѣтъ тому назадъ.

А самъ оцъ жалованьемъ жилъ.
И регисрапоромъ служилъ.

А. Пушкинъ.

Въ N№о 84 и 85-мъ, помѣщенныя значать: шарада
Моль-еръ, догогрифъ Par-chemin.

М О Д Ъ.

Avec la *douillette du Coin du feu*, il faut un petit bonnet, bien coquet, bien joli, pour embellir la mine un peu maussade que l'on fait en face de ce ciel gris, qui interrompt toutes les parties de campagne projetées depuis si longtemps. Nous conseillons à cet effet les *bonnets d'enfant*; ces bonnets que l'on fait en tul, en mousseline ou en batiste d'Ecosse, sont couverts de petite coulisses extrêmement rapprochées les unes des autres; ils emboitent tout à fait la tête, et sont garnis, tout autour du visage, d'une grosse ruche de dentelle où de tul. Leur nom de *bonnets d'enfant* vient de deux pompons en petite comète de satin de couleur, que l'on place de chaque côté de la tête à la hauteur des tempes, comme on en met aux petits bonnets de baptême. Pour compléter une toilette de *chez soi*, les tabliers de satin noir ou de couleur sont très bien portés, on les borde d'un velours noir, large de deux doigts, la bavette et les poches se garnissent de même. Le velours auquel on fait cette année subir toutes les formes, vient de fournir à une des femmes les plus élégantes de Paris l'idée d'une ravissante garniture dont nous avons surpris le secret chez l'ouvrière chargée de l'exécution. C'est une guirlande de feuilles de vigne en velours vert découpée, et appliquée sur du tul blanc; chaque feuille est entourée d'un *point au crochet* en fil d'or et ce qu'on appelle les *vrilles* est aussi en broderie d'or. On ne peut s'imaginer la beauté de cette garniture avec un dessous de satin blanc. On va faire des mantelets en velours noir, garnis de dentelles noires; quelques-uns seront doublés en satin de couleur, mais les plus distingués sans contredit seront tout noirs. La couleur en faveur du moment est le ponceau et couleur de *grenade* en velours, en fleurs ou en rubans, cette couleur est la plus portée sous les chapeaux.

Les pierres précieuses jouent cet hiver un grand rôle dans les toilettes; on en placera beaucoup dans les cheveux; les *opales* semblent devoir revenir à la mode; nous en connaissons une qui exciterait bien des envies si elle apparaissait au milieu d'un essaim de jolies femmes, elle appartient à Mme Murat, sœur de

Napoléon; elle est connue de tous les amateurs, elle est de la grosseur d'une noix, et la plus légère tache ne vient point en altérer la pureté, on la dit *unique*.

М О Д Ъ.

Съ дульешомъ *du Coin du feu*, надо маленькой чепчикъ, очень щеголеватый, очень красивый, чтобы украсить немного надутое лицо, при видѣ сѣраго неба, прерывающаго вдругъ всѣ давно предположенныя поѣздки за городъ. Мы советуемъ для эшаго *дѣтскіе гелгики*; они дѣлаются изъ шюля, кисеи, или Шотландскаго батиста; они покрыты вздержками весьма въ небольшомъ разстояніи между собою; они совершенно обхватываютъ голову, и обшивы около лица густымъ кружевомъ или тюлевымъ рюшемъ. Названіе *дѣтскихъ гелгиковъ* происходитъ отъ двухъ украшеній въ видѣ маленькой кометы, прикалывающихся надъ висками, какъ на чепчикахъ, которые дѣлаютъ къ креспинамъ. Чтобы дополнить домашній нарядъ, очень приличны черные или цвѣтные апласные передники; ихъ обшиваютъ чернымъ бархатомъ, въ два пальца шириною; нагрудникъ и карманы также отдѣланы. Бархатъ, испытавшій нынѣшній годъ столько измѣненій, подавъ одной изъ щеголеватѣйшихъ Парижскихъ дамъ мысль къ прелесной отдѣлкѣ, которую мы нечаянно увидѣли у швеи, дѣлающей ее. Это гирланда виноградныхъ листьевъ, вырѣзанныхъ изъ зеленого бархата, наложенная на бѣлый шюль; каждый листокъ обведенъ въ шамбуръ золотой ниткой и, что называется, усы сдѣланы также золотомъ. Можно вообразить себѣ красоту эпои накладки на бѣломъ апласѣ. Маншеты будутъ дѣлать черныя бархатныя, обшитыя черными кружевами; иныя будутъ подложены цвѣстнымъ апласомъ; но самыя отличныя конечно будутъ всѣ черныя. Употребительнѣйшіе цвѣта изъ бархата пунцовый и *grenade*, также и для ленты и цвѣтовъ подъ поля.

Драгоценныя каменья будутъ нынѣшней зимою играть значительную роль въ нарядахъ. Они будутъ въ большомъ употребленіи для причесокъ; *опалъ* кажется войдетъ опять въ моду; мы знаемъ одинъ, который возбудилъ бы много зависти, если бы показался въ кругу пригожихъ дамъ; онъ принадлежитъ г-жѣ *Муратъ*, сестрѣ *Наполеона*. Онъ извѣстенъ охотникамъ; величина его съ грецкой орѣхъ, и ни малѣйшее пятно не попрачаешь его чистоту; его называютъ *единственныи*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 88 и 89.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Октября 31 дня 1836 года.

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись!
День веселья, вѣрь, наспанетъ.
Сердце въ будущемъ живешь;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВАНДИКЪ ВЪ ЧЕРТОГАХЪ БРИНЬОЛИ.

(Окончаніе.)

Лучи восходящаго солнца начинали уже загораться на вершинахъ Аппенина, когда *Вандикъ* пришелъ наконецъ въ чувство; первые слова его были: какой я видѣлъ спрашный сонъ.

Испуганные взоры его дико бродили вокругъ; онъ схватилъ руки *Паллавицини* и цѣловалъ ихъ, орошая горькими слезами; — потомъ, указавъ пальцемъ на окровавленный дернъ, печально улыбнулся, и взглянулъ на небо съ тѣмъ глубокимъ выраженіемъ скорби, которое только великая душа можетъ придасть лицу чловѣка въ минушу неизъяснимаго отчаянія.

— Чувствуешь ли ты теперь довольно силы, чтобы возвратиться въ городъ? — спросилъ *Паллавицини*.

«Да; — но что теперь дѣлать въ городѣ? Всё пропало!... Смотри, какъ весело восходитъ это солнце, какъ эта природа радуется!... Во снѣ слышалъ я, какъ пѣлъ жаворонокъ.... Конечно, какалъ нужда природѣ до того, что я несчастливъ? Еслибъ она для каждаго страждущаго существа надѣвала на себя черное покрывало, то ей никогда не должно было бы снимать его... Хорошо, хорошо! одѣвайся въ лазурь и золото, прекрасное небо Италіи; красуйся великолѣпнѣе, оно утѣшительно для горестныхъ сыновъ твоихъ!»

— Я думаю, что мы можемъ возвратиться; — продолжалъ спокойно *Паллавицини*.

«Ты созданъ изъ мрамора, какъ палаты, которыя ты недавно выпроилъ и продалъ... Скажи однакожь, бывалъ ли ты когда нибудь влюбленъ?»

— Спо разъ; но пакъ, какъ ты, никогда.—

«А бывало ли, чтобы ты, которая оказывала тебе любовь свою, выходила за мужа за другого?»

— Конечно. —

«Что же ты делала в таком случае?»

— Улыбалась. —

«Спрашно!... Знаешь ли, что слова твои меня успокаивают? Дай мне схватить твою руку; ты врач мой.»

— Слава Богу! Да ты и впрямь начинаешь, кажешься, выздоравливать. — Ободрился, друг мой! возьми меня под руку, и пойдем прогуливаясь в городъ. Послушай, графиня Бри....

«Не произноси ея имени!»

— Хорошо, хорошо! только послушай меня. Эта женщина прекрасна, очаровательна, не спорю; цвѣтъ ея лица неженъ и прозраченъ, какъ лепестокъ розы; влажные голубые глаза ея, блестятъ какъ струи Генуэзскаго залива, когда играютъ въ нихъ лучи солнца; губы ея походятъ на кораллы, зубы на перлы, шея выпочена, кажется, изъ слоновой кости, и сама любовь извала ея полныя мраморныя плечи... а палия!.. ахъ! какая палия! Я знаю только одну женщину въ свѣтъ, которой спать можеть сравниться съ ея, — и знаешь ли, кто эта женщина? Венера твоего пріятеля *Тиціана*, славнаго художника изъ Венеціи... Что же касается до ума, образованности и душевныхъ качествъ графини твоей, то такъ какъ ты никогда мне не говорилъ о нихъ, то я и полагаю, что ты мало о нихъ заботишься, и потому объѣжаю, въ двадцать четыре часа, найми для тебя другую графиню *Бриньоли*. —

«Молчи! молчи! это невозможно.»

— Невозможно? Увидишь! найду лучше графиню *Бриньоли*! Учись у меня! если-бъ за тебя палаты, которыми опіяли у меня за долги, подарилъ мне другія, гораздо прекраснѣе первыхъ; то я бы тотчасъ переспалъ грустивъ; клянусь въ томъ, какъ истинный знатный дворянинъ! — Bravo! ты улыбнулся! Крепись, другъ, мужайся! пойдеть все хо-

рошо; ну что же ты опять задумался? да оставь своего жаворонка, пусть его поетъ! Не смотри на природу; какое тебе дѣло, что она издѣвается надъ тобою? Поговоримъ лучше благо разумно; право, другъ мой, всѣ графини Италіи не стоить одной капли крови великаго художника! —

«Ну, ну, хорошо! о какой же женщинѣ говорилъ ты?»

— О! слава волшебницѣ, о которой одно слово уже почти излечило тебя! — И такъ другая женщина начинаетъ понемногу закидывать твоё воображеніе? Это большой шагъ къ выздоровленію, любезный *Вандикъ*! —

«Простое любопытство; ничего больше.»

— Понимаю! но любовь артиста, не есть ли въ самомъ дѣлѣ одно изступленное любопытство? Если-бъ Венера изъ дворца *Адрианова* была закопана въ землю футовъ на тысячу, то ты бы, я думаю, въ бѣлый день пошелъ съ лопатою, какъ могильщикъ, чтобы опрыснуть, увидѣшь и обнять её первому. —

«Правда!»

— То-то; вы всѣ художники таковы! — Вами обладаетъ одна чувствительность, и потому непослушество ваше въ любви вошло въ пословицу. Вы составляете изъ любовницъ своихъ картинную галерею, гдѣ учишься своему искусству, и прелестная женщина для васъ прекрасная модель, а не тотъ олицетворенный идеалъ нравственнаго совершенства, который заставляетъ добродѣтельнаго юношу мечтать о небесной и вѣчной любви. — И такъ, любезный артистъ, я берусь доставить тебѣ такую модель, что сама Венера *Афродита* съ зависти накинетъ на себя покрывало и спрячется въ купальнѣ своей. —

«А какъ её зовутъ?»

— Это ты узнаешь завтра, а теперь ложись и спи, чтобы проспавъ свою лихорадку. —

Разговаривая такимъ образомъ, друзья дошли до своего дому, находившагося на Аппонскадской площади. Городъ еще спалъ, и *Пал-*

Лавигини поспѣхъ послалъ за докторомъ, котораго, осмотря рану *Вандика*, сказалъ, что она не опасна, не смотря на сильное испеченіе крови, и, вмѣсто всякаго лекарства, предписалъ только супки совершеннаго спокойствія.

На другой день, въ полдень, явился чело-вѣкъ, въ ливрѣ графа *Бриньоли*—съ письмомъ къ *Вандику*, котораго только что вспалъ и одѣвался съ помощію своего друга. Графъ просилъ художника пріѣхать къ нему.

«Чтобы это значило?» сказалъ *Вандикъ*... «*Бриньоли* не знаетъ меня и никогда не видывалъ.»

— Надобно къ нему съѣздить. Если хочешь, я поѣду съ тобою; ты такъ еще блѣденъ и слабъ.... —

«Конечно, я не поѣду безъ тебя ни за что въ свѣтъ.... Это какая нибудь адская хитрость... вѣрно онъ узналъ, или подозрѣваетъ.....»

— Но я другаго боюсь; ты опять увидишь графиню и.... —

«Увидѣшь! еѣ!... О! никогда! никогда! Меня зоветъ графъ къ себѣ. Я спрошу только его; но еѣ... о нѣтъ, мнѣ я умру опять стыда, ревности, опчаянія!... Поѣдемъ!»

— Успокойся прежде; кровь твоя слишкомъ въ волненіи; подождемъ до вечера. —

«Нѣтъ, нѣтъ, пеперь!»

— Вопъ тебѣ и выздоровленіе! —

«Ошибаешься! ты не знаешь меня, *Паллавигини*; всё кончено, говорю тебѣ; оспалося только воспоминаніе, одно пятоспное чувство, но пробужденіи опъ спрашнаго сна, вопъ всё.—Ну, вдемъ!»

Вандикъ одѣлся великолѣпно; но блескъ одежды не могъ изгладить на лицѣ его слѣдовъ душевнаго волненія и тѣлесной болѣзни. Онъ былъ ужасно блѣденъ и шатался, не смотря на всѣ усилія итти бодро и смѣло. Раненую руку свою прикрылъ онъ вислчимъ рукавомъ кафлана, а другою оперался о перилы, всходя на лѣспницу. *Паллавигини* слѣдовала за нимъ въ молчаніи.

Его ввели въ галерею, куда скоро вошелъ графъ.—Господинъ *Вандикъ*, — сказалъ онъ: извините, что я васъ обезпокоилъ; я не имѣлъ чести знать васъ въ бытность вашу здѣсь въ первый разъ; но лишь услышалъ, что вы опять пріѣхали въ Геную, то поспѣшилъ просить васъ къ себѣ, чтобы предложить вамъ и дружбу мою и домъ мой. Чертоги *Дураццо*, оікрытая гостинница для всѣхъ знаменитыхъ художниковъ; не правда ли, графъ *Паллавигини*?—

Вандикъ поклонился, не опвѣчая ни слова. Онъ былъ съ несказанномъ смущеніи.

— Прошу покорно садиться, господа, — продолжалъ графъ.—Я имѣю до васъ небольшое дѣло, г. *Вандикъ*: претплаго дни я женился, и безъ хвастовства могу сказать, что любимъ пою, которая опдала мнѣ руку свою; но блаженство мое будетъ несовершенно до тѣхъ поръ, пока дружба моя съ вами не заключится залогомъ, доспойнымъ вашего дарованія и моего богатства. Однимъ словомъ, г. *Вандикъ*, я прошу васъ списать портретъ съ жены моей, и если бы я всё положно ваше усыпалъ цехинами, то и тогда не могъ бы довольно заплашить вамъ за ваше одолженіе. —

Вандикъ опять поклонился, и молчаніе его было приписано заспѣчивости молодаго художника, въ присупствіи знашнаго вельможи.

— Когда же графиня можетъ явиться, чтобы вы начали портретъ ея?—

«Когда угодно; я готовъ хопя сегодня,» сказалъ наконецъ *Вандикъ*, задыхаясь.

— Право? О, любезный арписпъ, вы предупреждаете наши желанія! Въ кабинетѣ моемъ найдете и краски и положно; я хочу имѣть портретъ жены моей во весь ростъ, какъ портъ, котораго списали вы съ маркизы *Веллетри*. О, это чудо! но кисть ваша всегда неподражаема!— Да! графъ, что сдѣлалось съ *Лербино*? какъ вы его оставили?—

«Онъ уѣхалъ сегодня поуспру во Флоренцію.»

— Эпопъ рубака былъ подкупленъ *Джиппинилми*; враги мои хопъли умерпвишь меня въ самый день моей свапъбы, и надобно признапъся, что выдумка не глупа. Господа, я прошу васъ подождать минушу здъсь, пока я схожу за женой моей. —

И онъ вышелъ.

Вандикъ и *Паллавигини* нъсколько минушъ смопръли другъ на друга, не говоря ни слова.

— Примешъ ли ты добрый совъпъ, *Вандикъ*? —

«Говори!»

— Уъзжай скоръе опсюда. —

«Можно ли эпо? Чпо скажешъ графъ?»

— Какая тебъ до того нужда? —

«Онъ подумаешъ, чпо я съ ума сошелъ.»

— Черезъ четверть часа, эпо въ самомъ дъль съ побой случился. —

«Я не хочу пропивипъся судьбъ.»

— Но вспомни, чпо ты раненъ, и не можешъ владъпъ кистью. —

«Я буду писашъ лъвою рукою.»

— Ты блъденъ, болънъ, ты почти умираешъ—и умрешъ за рабопою. —

«Тъмъ лучше!»

Вдругъ двери распворились и вошла графиня.

Казалось, чпо она освъпила галерею лучами ослънительной красопы своей. Самъ *Паллавигини* едва удержался; чпобъ не вскрикнушъ опъ удивленя. На ней было черное камчатное плапье, которое еще болъе выставляло необыкновенную бълизну открыпыхъ рукъ ея и шеи. Она поклонилась съ ангельскою улыбкою, и съ несказанною приапностпо оборопилась къ *Вандику*.

«Я щипаю за чеспъ быпъ нъсколько времени предметомъ вашего несравненнаго искупва.»

— Пойдемъ въ рабочую, — сказалъ графъ: г. *Вандикъ* выберешъ краски, палиптры, кисти и полопно.

Всъ вышли за нимъ изъ галерей—и скоро очупились въ опдаленномъ кабинетъ графа.

— Теперь вы у себя, — сказалъ онъ *Вандику*: позволите ли намъ оспапъся?

Вандикъ былъ уже не на земль, и попому не опвъчалъ ни слова; но *Паллавигини*, сжалась надъ нимъ, сказалъ хладнокровно: я знаю его, графъ; ему непременно нужна совершенная свобода, и онъ не любитъ рабопашъ при другихъ. Выйдемъ опсюда. —

Графиня и *Вандикъ* оспаплись одни.

— Я не нахожу ничего лучше порптрета маркизы *Веллетри*, — сказала графиня, чпобы начашъ разговоръ какъ можно простъе и еспешвеннъе.

«Я всъми силами поспараюсь заслужипъ ваше одобрене;» опвъчалъ робко живописецъ.

— Вы уже приобръли его. Я совсъмъ не знаю маркизы *Веллетри*, но, судя по порптрету, она должна быпъ красавица. — Такъ ли она хороша, какъ вы написали еъ? —

«Я никогда не видалъ еъ, сударыня...»

— Какъ?... Да развъ не вы списывали съ неъ эпопъ порптретъ? —

«Ахъ! маркиза?... Извините, сударыня, я пакъ былъ заняпъ соспавленемъ красокъ, чпо не вслушался... да, кажешся, она не дурна.»

— Легко же забываете вы пфхъ, съ кого пишете порптреты!... Ахъ, вы хопите предспавипъ меня сидящую! Нъпъ, нъпъ, я не люблю эпой позици; напишите меня споящую подъ деревомъ, съ цвфпкомъ въ рукъ, и дайте мнф видъ какъ можно веселъе... Нравипся ли вамъ мое плапье? —

«Нъпъ, сударыня.»

— Оно можешъ быпъ слишкомъ пемно? —

«Мнф лучше нравипся то, въ которомъ вы прошлаго году были на балф, во дворцф *Дорйя*.»

— Ахъ! развф и вы памъ были?... Я васъ не видала. —

«Однакожь я имъль чеспъ панцовашъ и говорипъ съ вами... Кажешся, графиня, чпо

вы также легко забываете ваших танцовщицъ, какъ я пѣхъ, съ кого пишу поршреть.»

— Большая разница! у меня было столько кавалеровъ! —

«А я пишу столько поршреть!»

— Вы, кажется, сердитесь, господинъ *Вандикъ*? О! сдѣлайте милость, простите мою глупую шушку! Но если мы будемъ всё говорить, то работа ваша не подвигнется. —

«Поршреть вашъ конченъ, сударыня.»

— Конченъ? Вы забавляетесь на мой щепъ, господинъ *Вандикъ*. . . . —

«Ни мало, сударыня.»

— Но вы еще не начинали его. . . . —

«Ужь годъ какъ онъ оконченъ, и мы можемъ выпши опсюда.»

Вандикъ вспалъ, поклонился графинѣ и подошелъ къ дверямъ.

— Въ самомъ дѣлѣ вы уходите? — сказала графиня.

«Въ самомъ дѣлѣ, сударыня, и прошу васъ позволить мнѣ унести ключъ съ собою, потому что сегодня вечеромъ я принесу сюда поршреть, и сдѣлаю на немъ еще кой-какія небольшія поправки.»

— Чтожь, мнѣ опять припши сюда? —

«Не беспокойтесь, сударыня, поршреть совершенно готовъ; а остальное я кончу безъ васъ, и на это довольно одной минуты.»

— Когда-жь разгадается для меня эта спранная загадка? —

«Завтра.»

— Должна ли я сказать объ этомъ мужу моему? —

«Это въ волѣ вашей.»

— Я не скажу ничего. —

«Вы хорошо сдѣлаете, сударыня.»

Вандикъ съ этимъ словомъ заперъ дверь, положилъ ключъ въ карманъ, и вышелъ на терассу, гдѣ дожидался его графъ *Паллави-гини*.

— Немного же вы работали для первого разу, — сказалъ *Бриньоли*.

«Я приду завтра, графъ, и кончу поршреть;» отвѣчалъ живописецъ.

— Такъ скоро? вы меня удивляете! —

«Я и самъ удивляюсь себѣ, графъ; — и не понимаю откуда взялась у меня сегодня такая легкость и проворство въ рукъ.»

Вандикъ вышелъ съ другомъ своимъ изъ палаты *Бриньоли*, и когда они прошли церковь св. *Карла*, *Паллавигини* вдругъ спросилъ его:

— Ну что, каково швое сердце? —

«Здорово.»

— Совсѣмъ? —

«Нужно только лекарство, о которомъ ты говорилъ.»

— Объ этомъ не беспокойся, я не забуду моего обѣщанія. Что-жь она? . . . —

«Она? въпреная дѣвочка, которая рада, что вырвалась изъ пансіона; легкое и бездушное твореніе; свѣтская женщина, которая, смѣясь, убиваетъ каждымъ словомъ своимъ, и въ два дни замужства успѣла уже приобрести всю опытность сорока-лѣтней кокепки!»

— Я радъ, что ты такъ думаешь; но на долго ли? Смотри, чтобы она опять не околдовала тебя! —

«Нѣтъ, этаго не бойся! Скажи-жь мнѣ имя той, о которой ты столько твердилъ мнѣ.»

— Теперь не скажу; но сегодня вечеромъ ты её увидишь; я даю тебѣ въ томъ честное мое слово. —

«Ну, такъ до вечера! Дождидайся меня въ 7 часовъ у церкви св. *Карла*; мнѣ еще есть дѣло, и я спѣшу кончить его.»

Вандикъ побѣжалъ къ себѣ, и снялъ со стѣны картину, которая висѣла безъ рамы надъ кроватью его, и была завѣшена флеромъ. Это былъ поршреть графини *Бриньоли*, писанный имъ по памяти; превосходное твореніе генія, созданное въ жару испуленной спраспи.

Вандикъ обернулъ картину свою около себя, прикрылъ её широкимъ плащомъ и возвратился въ палаты *Дураццо*.— Не вельвъ о себя доложивъ, онъ скорыми и смѣлыми шагами прошелъ черезъ галерею, опперъ кабинетъ, поставилъ въ раму портретъ, и позвавъ слугу, сказалъ ему: объявите отъ меня графу, что портретъ супруги его готовъ.— Съ этими словами онъ вышелъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ того, *Вандикъ*, спараніемъ друга своего *Паллавигини*, женился на дочери лорда *Рутъена*; но нещастная любовь сдѣлала слишкомъ сильное впечатлѣніе на душу бѣднаго художника, чтобы впослѣдствіи здоровье его опять по- го не пострадало, и онъ умеръ чахоткою, на 41 году отъ рожденія.

Вотъ что слышалъ я однажды въ Генуѣ, въ чертогахъ *Дураццо*, стоя передъ портретомъ графини *Бринголи*, писаннымъ *Вандикомъ*.

Г.

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ

принца *Пюллеръ-Мюскау*.

Жанна, 20 Октября 1826 года.

Я принужденъ былъ остановиться на дорогѣ ночевать, попому что потерялъ половину дня, осматривая два прекрасные парка; но за потерю времени былъ вполне вознагражденъ удовольствіемъ. Первый изъ этихъ парковъ, называемый *Англе-паркъ*, принадлежащій лорду *Брейбруку*, можетъ, по всей справедливости, считаться лучшимъ въ цѣлой Англіи.

Дорога идетъ среди самаго парка, отдѣленнаго отъ неѣ сухимъ каналомъ, котораго берегъ обнесенъ со стороны дороги положенными на крестъ кольями. Эта очень низкая загородка, называемая *Аедъ*, не опни- маетъ вида, но заграждаетъ входъ отпры- ми своими спицами. Прежде всего предспа- вляется глазамъ прекрасный ландшафтъ, среди котораго проведенъ преширокий каналъ, извиляющійся на подобіе рѣки,—но, къ нещастію, онъ не довольно глубокъ, и отъ него вода въ немъ нечиста и покрыта

мохомъ. На противуположномъ берегу его возвышается великолѣпный готическій замокъ, построенный герцогомъ *Суффолкскимъ*, во времена котораго онъ былъ еще огром- нѣе; но, не смотря на то, ничто не можетъ быть живописнѣе и разительнѣе этаго гер- даго зданія съ древними его башнями,—вы- давшимися впередъ пристройками, и высо- кими окнами различной формы.— Хотя мнѣ была дома, но я получилъ позволеніе видѣть внутренность замка, и мнѣ сказали, что иностранцы рѣдко пользуются такимъ снисхожденіемъ.

Меня ввели въ обширный, но очень про- стыя сѣни, гдѣ по сѣнямъ, вмѣсто украше- ція, висѣли огромные оленьи рога, оспапки вѣковъ минувшихъ, вырытые въ окрестно- стяхъ. Мѣбель состояла изъ нѣсколькихъ скамеекъ и стульевъ попорной работы, съ фамильными гербами, ярко раскрашенными. Кое-гдѣ очень старыя картины, но мало;— готическая лампа, посрединѣ большой столъ изъ раковинъ, выполированный только свер- ху, дюжина кожаныхъ пожарныхъ ведеръ, также съ гербами: вотъ всё, что нашель я въ этой огромной и темной залѣ. Пополокъ, соспавленный изъ дерева, былъ когда-то ра- списанъ, но краски давно слиняли, и вообще, съ перваго взгляда, можно было видѣть, что домъ этотъ построенъ не вчера.

Очень высокая дубовая дверь, съ спран- ною и тяжелою рѣзбою, ведетъ въ *ла- радную* или приемную (залу Hall.) огромную комнату, въ которой окна непомѣрной ве- личины сходятъ отъ потолка до самаго пола — и дозволяютъ наслаждаться видомъ садовъ и полей. На противуположной имъ сѣни развѣшены фамильные портреты, большаа часть которыхъ писаны *Вандикомъ*, и путь же возвышается колоссальный мраморный каминъ, надъ которымъ сіяетъ гербъ графа *Суффолка*, вырѣзанный изъ але- бастра и раскрашенный разными красками. Та часть сѣни, гдѣ находится дверь, въ которую мы вошли, покрыта деревянною рѣзбою, очень искусно выработанною, и представляющею человѣческія фигуры по поясъ—какъ на клиросахъ готическихъ цер- квей.— Напротивъ видна другая створчатая

дверь въ споловую, и по споронамъ ея двѣ лѣсницы, ведущія въ верхнее жилье.

Споловая комнапа украшена портретами *Суфолка* и королевы *Елисаветы*; рыжіе волосы, отвращительная бѣлизна лица, коварный взглядъ и спранныя одежда, не даютъ высокаго понятія о характерѣ этой коронованной дѣвы, славной любовными своими похождениями.

Въ верхнемъ этажѣ есть длинная узкая галерея, въ которой хранится много любопытныхъ древностей; тамъ споятъ солнечныя часы, которые, сообщаясь съ флюгеромъ, показываютъ охотникамъ съ которой стороны дуетъ вѣтеръ. Эта галерея служитъ и гостиною, потому что Англичане въ замкахъ своихъ и загородныхъ домахъ посвящаютъ гостямъ одну только комнату, и такимъ образомъ общество всегда сидитъ все вмѣстѣ.

Церковь въ новомъ вкусѣ и построена недавно. Она великолѣпна и хорошей архитектуры. Здѣсь, по недоспаику въ капеланѣ, господинѣ, по примѣру предковъ своихъ, каждое воскресенье въ 9 часовъ собираетъ семейство и слугъ своихъ, и читаетъ вслухъ молитвы, за которыми слѣдуетъ проповѣдь.

Паркъ очень обширенъ и состоитъ изъ разныхъ отдѣленій, чтобы коровы, овцы, лошади и олени имѣли особыя пастбища;—но это портитъ эффектъ въ цѣломъ. Здѣсь есть по крайней мѣрѣ чепыреста или пятьсотъ оленей, которые пасутся все вмѣстѣ и ходятъ маленькими стадами. Они ручныя, и мясо ихъ гораздо мягче и вкуснѣе, нежели мясо дикихъ оленей, живущихъ на свободѣ въ дремучихъ лѣсахъ моего опечесства.

Отдѣлы для зайцевъ и куропапокъ также загорожены, чтобы домашній скотъ не могъ въ нихъ забраться.—По этой же самой причинѣ большая часть Англійскихъ парковъ состоитъ, какъ я уже сказалъ—въ однихъ лугахъ, окруженныхъ клумбами высокихъ деревьевъ, до вѣтвей которыхъ скотъ достать не въ состояніи. Эти обширныя пространства зелени сначала прельщаютъ

глаза, но наконецъ упоминаютъ свою однообразность.—Я нахожу также, что особыя отдѣлы, которые все опгорожены, портятъ пейзажъ; припомъ каждое новопосаженное дерево обнесено загородкою, чтобы защитить его отъ скопины,—и это дѣлаетъ эффектъ очень непріятный.

Два храма и обелискъ, къ которымъ иначе нельзя подойти, какъ пройдя обширную луговину, кажутся очень спранныя посреди этихъ пастбищъ, и я предпочитаю имъ колокольню Вальденской церкви, которая живописно возвышается надъ вершинами древнихъ дубовъ.

Мнѣ также понравился цвѣтникъ и лѣсокъ, гдѣ живутъ фазаны. Первый составляетъ собою овалъ, окруженный густою стѣною изъ вѣчно зеленыхъ деревьевъ: пихса, кедровъ, кипарисовъ, за которыми споятъ высокія деревья. Ручеекъ, вытекающій изъ грота, и каскадъ, орошаютъ зелень, мягкую и гладкую какъ бархатъ, на которой посажены рѣдкія растенія и песпрѣютъ букеты цвѣтовъ, прелесно группированныхъ.

Жилище фазановъ находится почти на полмилю отъ цвѣтника. Это маленькой, пріятной, густой лѣсокъ, составленный изъ разныхъ деревьевъ и окруженный загородкою. Мы шли къ нему по сырому дерну, потому что насыпная дорога начинается только у воротъ, и это изъ экономіи, потому что въ Англии эти дороги споятъ чрезвычайно дорого, и въ большей части парковъ бываетъ только одна, ведущая прямо къ дому, по которой ѣздитъ кареты. Даже пещаныя тропинки для пѣшихъ пересѣкаются у желѣзной рѣшетки, ограничивающей *отдѣльный садъ*.—Англійскія дамы не такъ боялись мочить ноги свои, какъ наши.

Узенькая дорожка привела насъ къ красивой рошцѣ, о которой я говорилъ, и извившись тамъ нѣсколько разъ. Мы остановились наконецъ у обросшей плющемъ двери небольшого строенія, къ которому примыкаетъ домикъ, болѣе скрытый въ густотѣ деревьевъ, въ которомъ живетъ смотритель надъ фазанами.

Когда эпопъ человекъ опворилъ намъ калинку, тогда поразила насъ картина совсѣмъ неожиданная; мы очутились въ маленькой, со всѣхъ сторонъ открытой галерей, копорой колонны были совершенно покрыты Бенгальскими розами. Вправо, между этими колоннами, споялъ огромный ппичникъ, наполненный попугаями,—на лѣвой сторонѣ другой такой же, гдѣ распѣвали канарейки, малиновки и другія маленькія ппички. Передъ нами былъ бархатный лугъ, усаженный вѣчно-зелеными кустами, а за нимъ на небосклонѣ чернѣлся мрачный лѣсъ, гдѣ сквозь узкіе, искусно расположенные проселки, видны были въ перспективѣ опдаленныя селенія или колокольня какой нибудь церкви.

Вдругъ на этой лужайкѣ, по свисту спорожа, окружила насъ шма фазановъ всякаго рода: золотыхъ, серебряныхъ, песпрыхъ; къ нимъ присоединились еще какія-то рѣдкія куры, ручные Американскіе вороны, Африканскіе голуби и множество другихъ ппичъ, копорыя собрались шупъ для корму, и въ пріятной суматохѣ бѣгали и лептали во всѣ стороны. Ихъ движеніе, суеша, ожиданіе, ихъ маленькое жеманство—представляли для насъ сцену совершенно новую и занимательную. Но любопытнѣе всѣхъ былъ одинъ золотой фазанъ, копорый, какъ пеметръ прошедшаго сподшія, гонялся за всѣми курами и подходилъ къ нимъ съ такими спранными ужимками, что мой старикъ Б., глядя на него, помиралъ со смѣху, и хохоталъ такъ громко, что Англійскіе слуги, привыкшіе оказывать господамъ своимъ совершенно рабское почтеніе, не могли надивиться такой неслыханной дерзости. Удивленіе ихъ забавляло меня почти сполько же, сколько кокетство фазана денди.

Больше пяти сощъ золотистыхъ и серебряныхъ фазановъ живутъ шупъ лѣпо и зиму, не имѣя никакого пріюпа опъ холоду,—такъ тепель климатъ въ Англій!—При рожденіи обрѣзываютъ имъ одно крыло, и этаго довольно, чтообъ они не улештали.

Чтообъ тебѣ не наскучилъ повтореніями, я не буду описывать другаго парка, называемаго *Шортъ-Гроволъ*, копорый впрочемъ не представляеть ничего опмѣнно любопытнаго и сверхъ того очень дурно содер-

жился. Паркъ, оранжереи и замокъ, вновь меблированный, все опдано въ наймы за 400 ф. сперлинговъ, что обыкновенно дѣлается здѣсь, когда хозяинъ уѣзжаетъ въ чужіе края. За то въ городѣ Англичане не перпятъ жильцовъ и удивляются нашему обычаю жить въ бель-этажѣ, а все прочее опдавать поспояльцамъ. Они правы,—ничего нѣтъ безпокойнѣе, какъ жить въ своемъ домѣ вмѣстѣ съ чужими. Это мѣшаетъ порядку и совершенному соблюденію чистоты.

Двери главнаго входа въ Шортъ-Гровской замокъ украшены снаружи зеркалами; это мнѣ понравилось, потому что приближаясь къ дому, видишь передъ собою въ перспективѣ поля и рощи, копорыя опсались позади.

Богатство Англійскихъ помѣщиковъ должно всегда удивлять насъ, жителей швердой земли, потому что у насъ эпопъ класъ вообще чрезвычайно бѣденъ, и меньше всѣхъ другихъ пользуется защитою правительства. Здѣсь же, напрошивъ того, все соединяется въ его пользу; для капиталиста очень шрудно пріобрѣсти землю въ совершенное владѣніе (*freehold*), потому что въ Англійи всѣ земли принадлежатъ или богатымъ мѣщанамъ или высшему дворянству, копорое вообще никогда не продаетъ имѣнія своего, но только опдаетъ его на аренду. И такъ, на примѣръ, если какой нибудь знатный господинъ говоритъ, что такое-то мѣстечко принадлежитъ ему, то это значитъ, что оно дѣйствительно есть родовое помѣстье его, копорое онъ опдалъ на извѣстный срокъ въ наемъ. Я объясню это гораздо проспраннѣе ниже—и ты поймешь тогда, какое богатство должна имѣть опъ этаго земля, гдѣ впрочемъ сполько средствъ къ промышленноспи, и согласишься со мною, что нельзя не удивляться Англійской аристокраціи, копорая въ печеніи сполькихъ вѣковъ умѣетъ всѣ учрежденія обращать въ личную пользу свою.

Покупка земель въ совершенное владѣніе сопряжена съ такими трудностями и стоитъ такъ дорого, что посредственный капиталистъ долженъ положить на нее все имѣніе свое, а потому предпочитаетъ онъ аренду, которая гораздо выгоднѣе. — По здышіе аренды совсѣмъ не то, что у насъ. Желаящій дѣлать постройки, нанимаетъ нужное для того пространство земли на 90 лѣтъ, съ обязанностію ежегодно вносить хозяину извѣстную по договору сумму. Если онъ нанимаетъ землю только подъ домъ, то платитъ по 10 гиней съ фута; если больше, то въ такомъ случаѣ платитъ съ десятины.

По заключеніи контракта арендаторъ дѣлаетъ на землѣ своей что хочетъ: разводитъ сады, парки, сѣетъ хлѣбъ, строитъ дома и пр.—Но по истеченіи 90 лѣтъ она возвращается въ руки настоящаго владѣльца, или его наследниковъ, со всѣмъ тѣмъ, что на ней разведено или построено—со времени отдачи ея на аренду. Этого мало. Арендаторъ обязанъ содержать домъ въ совершенномъ порядкѣ и каждые семь лѣтъ расписывать его за-ново масляною краскою, къ чему строго понуждаютъ его земскіе надзиратели. Впрочемъ, во время владѣнія своего землею, можно сдать еѣ другому, но только до положеннаго срока. Такимъ образомъ, здѣсь всѣ загородные дома, мызы, и пр. очень рѣдко принадлежатъ настоящимъ владѣльцамъ ихъ, и хотя обыкновенный арендный контрактъ и возобновляется по истеченіи срока, но тогда уже наемщикъ обязанъ заплатить за новое право свое впрое или вчетверо болѣе прежняго, судя по цѣнѣ, которая возвысилась на землѣ въ продолженіе его владѣнія—или по мѣрѣ улучшения мызы. Мѣста и дома снимаются на аренду и въ городахъ, и большая часть самаго Лондона принадлежитъ некоторымъ вельможамъ—и между прочимъ лорду *Гросвенору*, который, какъ говорятъ, получаетъ болѣе 100,000 ф. стерлинговъ съ городскихъ мѣстъ своихъ, и потому, выключая аристокраціи, почти ни одинъ Лондонскій житель не можетъ сказать, что домъ его дѣйствительно принадлежитъ ему, даже и самый банкиръ *Ротшильдъ*. — Когда кто говоритъ

здѣсь, что покупаетъ или купилъ себѣ домъ, то его спрашиваютъ *на сколько лѣтъ?* Цѣна опредѣляется судя потому, какъ нанимаютъ,—изъ первыхъ рукъ съ ежегодною платою, или изъ вторыхъ и третьихъ, заплатя поспѣхъ сполна всю сумму.—Слѣдствіемъ этого распоряженія будетъ то, что, рано или поздно, большая часть доходовъ средняго класса въ Англіи перейдетъ въ руки аристокраціи ея и—умножитъ еще по сильное вліяніе, которое она и безъ того уже имѣетъ надъ правительствомъ.

T.

НОВОЕ СРЕДСТВО ПРЕДОХРАНЯТЬ СУДА ОТЪ ПОТОПЛЕНІЯ.

Все, что математическое счисленіе, ремесленная ловкость и механическая сила могутъ произвести великаго и превосходнаго, найдете вы въ полномъ совершенствѣ въ Англіи. Тамъ не полагается предѣловъ духу изобрѣтательности, потому что въ эпоху странъ всегда найдется довольно денегъ и предприимчивости, чтобы осуществить каждую новую идею. Чрезвычайно важное для мореходства и вообще для всего человѣчества изобрѣненіе предохранять корабли отъ потопленія, окружая ихъ трубами, наполненными герметически запертымъ въ нихъ воздухомъ,—что поддерживаетъ корабль даже и тогда, когда онъ весь уже наполненъ водою,—введено въ употребленіе на многихъ судахъ Портсмутской гавани, по достаточномъ испытаніи дѣйствительности этого средства. Если мы вспомнимъ, что въ иной годъ погибаетъ отъ 4 до 500 судовъ, то безъ сомнѣнія сознаемъ, что это изобрѣненіе есть одно изъ важнѣйшихъ открытій для морской державы.—Одинъ Баварскій офицеръ, находящійся теперь въ Лондонѣ, открылъ силу, которая, будучи приспособлена къ движенію судовъ и повозокъ, должна превзойти самую силу пара. Англійское Правительство, по видимому, обращаетъ полное вниманіе свое на эту новую мысль и дало уже приказаніе Англійскимъ инженерамъ изслѣдовать ее во всей подробности.

АНГЛІЙСКІЯ ТАМОЖНИ.

Въ послѣднее собраніе Парламента, Нижней Палаты представлено было донесеніе о таможенныхъ сборахъ въ Великобританіи, въ 1834 и 1835 годахъ. Значительное увеличеніе ихъ есть новое доказательство процвѣтанія въ эпоху Государствъ торговли и промышленности.

	1834.	1835.
Англія	447,824,000 р.	490,374,000 р.
Шотландія	46,531,000 —	32,245,000 —
Ирландія	43,928,000 —	50,000,000 —

И того 538,283,000 — 575,619,000 —

Англія имѣетъ семьдесятъ четыре гавани, Шотландія двадцать одну, Ирландія пятнадцать.

ЩАСТЛИВЫЙ РОСТЪ.

Одинъ богатый Англичанинъ, умирая, оспавилъ духовную, которою завѣщалъ все свое имѣніе тому изъ своихъ однофамильцевъ, кто имѣетъ 6 футовъ 4 дюйма росту.

Малорослый же, будь хоть родной братъ покойнику, не получитъ ни желѣзнаго гроша.

ДУЭТЬ ДРУЖБЫ.

Дуэль дружбы разыгрывается хорошо до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ музыкантовъ не возьметъ фальшивой ноты.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУСТВА.

Произведенія трехъ изящныхъ искусствъ, на выставкѣ Императорской Академіи Художествъ въ 1836 году.

1. По части живописи.

В. Гравированныя, литографированныя и шпилькартины.

1. Скорбящая Божія Матерь, съ картины Кокко; гравюра Андрузскаго.

2. Пётръ Первый, съ картины Матвѣева, пробная съ него гравюра.

3. Портретъ И. П. Мартоса; гравюра Афанасьева.

4. Божія Матерь, съ Карла Дольче; гравюра Пиццалкина.

5. Святое Семейство; гравюра Слюжискаго.

6. Копія; гравюра Лактина.

7. Геркулесъ; гравюра Слюжискаго.

8. Копія; гравюра Лактина.

9. Три гравюры; Гальпина.

10. Флора, съ картины Тиціана; гравюра Кислинга.

11. Мадона Рафаэля; гравюра его же.

Г. Гравированныя и литографированныя портреты.

12. Портретъ Его Высочества Великаго князя Константина Николаевича; Уткина.

13. Портретъ Ломоносова; его же.

14. Портретъ А. Н. Оленина; его же.

15. Портретъ С. С. Уварова; его же.

16. Портретъ адмирала Рикорда; его же.

17. Памятникъ Ломоносова; его же.

18. Портретъ В. А. Жуковскаго; его же.

19. Портретъ графа Эссена; Райта.

20. Портретъ княжны Вяземской; его же.

21. Портретъ адмирала Н. С. Мордвинова; его же.

22. Портретъ князя Голицына; его же.

23. Портретъ адмирала графа Гейдена; его же.

24. Портретъ доктора Гаевского; его же.

25. Портретъ генераль-лейтенанта, сенатора А. И. Михайловскаго-Данилевскаго; его же.

Образцовая лошадь; *Чесскаго*.

26. Портретъ Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича; *его же*.

27. Портретъ генералъ - лейтенанта Михаила Михайловскаго-Данилевскаго; *его же*.

28. Портретъ князя Мадамова; *его же*.

29. Портретъ князя Волконскаго; *его же*.

30. Портретъ А. Н. Оленина; *его же*.

31. Портретъ графа Толстаго; *его же*.

32. Портретъ графа Каподистрия; *его же*.

33. Портретъ князя Ливена; *его же*.

34. Портретъ графа Сухтелена; *его же*.

35. Правая сторона Невскаго проспекта; раскрашенная литографія.

36. Лѣвая сторона Невскаго проспекта; раскрашенная литографія.

37. Шипящая шелками картина; г-жи Соколовской.

38. Раскрашенная литографія; г-жи Паглюновской.

39. Литографія съ Крюгера; *Эисена*.

Д. Рисунки.

1. Иоаннъ Евангелистъ, съ Доминикина; рисунокъ *Пиццалкина*.

2. Соренто, съ картины Шовена; рисунокъ *Дешеваго*.

3. Петръ Первый, съ картины Мамбьева; рисунокъ *Андрузскаго*.

4. Пейзажъ; рисунокъ *Капустина*.

5. Эпюдь, съ натуры; *Пиццалкина*.

6. Эпюдь, съ натуры; *Заруднаго*.

7. Марія Магдалина, съ Башпони; *Жуковскаго*.

8. Эпюдь дерево, карандашемъ; *Трухманова*.

9. Унтеръ-офицеръ; *Шрейнциера*.

10. Офицеръ; *его же*.

11. Рисунокъ красками; г-жи *Зацупиной*.

12. Эпюдь чернымъ карандашемъ, со спатуи Германика; *Кашинцова*.

13. Эпюдь съ Аполлона; *Агина*.

14. Св. Семейство, съ Леонарда Давинчи, рисунокъ для гравюры; *Кислинга*.

Е. По части зодчества.

1. Проектъ Императорскаго училища Правовѣденія; *Шурупова*; арх. программа.

2. Тоже; *Пилменова*.

3. Триумфальная арка Типа, писана сепией; *Пуншеля*.

4. Проектъ Императорскаго училища Правовѣденія; арх. программа; *Бенуа*.

5. Тоже; *Шевцова*.

6. Смерть Леонарда Давинчи, барельефъ для дома П. Н. Демидова; *Жака*.

7. Союзъ искусствъ, барельефъ; *его же*.

8. Архитектурный проектъ двухъ госпиталей на желѣзной дорогѣ; *Фоссати*.

9. Проектъ Императорскаго училища Правовѣденія, Академическая программа; *Говорова*.

10. Тоже; *Соловкина*.

11. Тоже; *Банземана*.

12. Евполъ и Геркулесъ, барельефъ; *Щедилова*.

13. Планъ и разрѣзъ Тебиринскаго оспрова; *Дурнова*.

14. Планъ Римскихъ водопроводовъ; *Рихтера*.

15. Реставрація портика Октавиана и храмовъ Юпитера и Юноны; *Д. Ефимова*.

16. Планъ, фасадъ, разрѣзъ и детали пирамиды Цестія; *Дурнова*.

17. Иллюминированный портикъ Октавиана; *Д. Ефимова*.

18. Развалины Карнакскаго храма (сепией); *его же*.

19. Храмъ въ Кардасѣ; *его же*.

20. Форумъ Нервы, иллюминированный; *Дурнова*.

21. Развалины Римскихъ водопроводовъ; *Рихтера.*

22. Реставрація профеевъ въ шѣхъ же развалинахъ; *его же.*

Прим. Изъ арки, на право, расположены были архитектурныя программы гг. Академисповъ и постороннихъ художниковъ (проектъ Императорскаго училища Правовѣденія): *Попова, Песке, Огакова, Мальгина, Пахомова, Беретти, Потолова, Радомскаго, Федорова 1-го, Норева, Голицына, Юнкера, Хилотенка, Коларова, Кошеваго, Войгеля, Бьллева, Неклюдова, Спарро, Безсонова, Мьльникова, Феодоровскаго, Текферта, Вердеревскаго, Турмошева, Штегелана, Логановскаго, Летучаго, Росса и Низовцева.*

23. Вторая реставрація профеевъ Римскихъ водопроводовъ; *Рихтера.*

24. Иллюминированная арка Типа; *Дурнова.*

25. Архитектурный проектъ ярмарки; пансионера *Томаринскаго.*

26. Тоже; панс. *Кудинова.*

27. Башня съ развалинами, рисунокъ; *его же.*

28. Иллюминированный проектъ галлерей; *Эльсона 2-го.*

29. Построеніе ковчега, барельефъ; *Иванова.*

30. Бельведерскій Торсъ, изъ обожженной глины; *его же.*

31. Иоаннъ Креститель, проповѣдывающій въ пустынь, барельефъ; *его же.*

32. Иоаннъ Креститель, проповѣдывающій въ пустынь, барельефъ; *Мануйлова.*

33. Построеніе ковчега, барельефъ; *его же.*

34. Тоже; *А. Терebeneва.*

35. Иоаннъ Креститель, проповѣдывающій въ пустынь; *его же.*

36. Архитектурный проектъ Тюремнаго замка; *Ветлужскаго.*

37. Проектъ воксала и при немъ зданія для морскихъ ваннъ; *Мейера.*

38. Проектъ ванны въ Царскомъ Селѣ; *К. Тона.*

39. Фасадъ Ипатьевскаго монастыря; *его же.*

40. Фасадъ колокольни для Симонова монастыря въ Москвѣ; *его же.*

41. Фасадъ Архіерейскаго дома въ Екапе-ринославѣ; *А. Тона.*

42. Проектъ Полицейскаго дома въ Царскомъ Селѣ; *его же.*

43. Проектъ Семинаріи въ Веропецѣ; *его же.*

44. Тоже въ Иркутскѣ; *его же.*

45. Тоже въ Екаперинославѣ; *его же.*

По части валянія

Ж. Валяніе.

1. Спатуля, изображающая играющаго въ свайку; *Логановскаго.*

2. Голова Венеры, копія; *Климентькова.*

3. Бельведерскій Торсъ, копія; *его же.*

4. Скульптурныя композиціи; *Рамазанова.*

5. Мраморный бюстъ А. Н. Оленина; *его же.*

6. Бюстъ г. Мальгина; *Иванова.*

7. Копія съ спатуи Германика; *Ставасера.*

8. Бельведерскій Торсъ, копія; *его же.*

9. Малая спатуя Императрицы Маріи Феодоровны; *Савельева.*

10. Амуръ, спатуя; *Германа.*

11. Большой бюстъ и при малые; *Жака.*

12. Бюстъ г. Безсонова; *Иванова.*

13. Рисунокъ древней вазы; *Рихтера.*

14. Спатуя играющаго въ бабки; *Павлова.*

Примѣчаніе. Художественная газета общаго говоритъ о семъ произведеніи.

15. Бюстъ В. М. Самойлова; *А. Терebeneва.*

16. Бюстъ книгопродавца Слѣнина; *его же.*

17. Копія съ спатуи Германика; *Иванова.*

18. Борцы, группа, копія; *Мануйлова.*

19. Барельефъ рѣка, изъ сочиненій извѣстнаго скульптора Флакмана; *Жака.*

20. Группа: Императрица Марія и двое Русскихъ прослодюдиновъ; *его же.*

21. Мешапель Диска; *его же.*
22. Группа: с. Маввѣй Евангелистъ съ Ангеломъ, для церкви Академіи Художествъ; *Делюта-Малиновскаго.*
23. Бюстъ К. П. Брюлова; *Витали.*
24. Группа Нимфа и Амуръ (?); *Германа.*

3. Медальное искусство.

1. Апполонъ Бельведерскій; *Реймерса.*
2. Императрица Екашерина Вторая; *его же.*
3. Иоаннъ Креститель, проповѣдывающій въ пустынь, программа изъ воску; *Лютина.*
4. Русскій Сцевола; *его же.*
5. Играющій въ городки; *его же.*
6. Пётръ первый; *Фалька.*
7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. Двадцать шпемпелей съ бронзовыми описками, копіи съ медальоновъ гр. О. П. Толстаго, въ маломъ видѣ; *Клепикова и Лялина.*
27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. Копіи съ анпиковъ, вырѣзанныя на раковинахъ; *Германа.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

102.

Книжные разборы въ Библиотекъ для Чтенія и въ Московскомъ Наблюдателѣ.

Кромъ глубокой учености, обширныхъ свѣдѣній, въ путешествіяхъ по Европѣ, Азии, Африкѣ и Америкѣ почерпнутыхъ и кромѣ знанія почти всѣхъ древнихъ и новыхъ языковъ, О. И. Сеньковский имѣетъ здравыя понятія въ политической экономіи. Это доказываетъ *Критика* журнала, имъ издавнаго. Одна *Исторія Военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ* 13 страницъ, да *Обозрѣніе извѣстнѣйшихъ правилъ и системъ Стратегіи* 17 страницъ, и того 30 страницъ мѣлкаго шрифта. Но это еще не все: разборъ первой изъ этихъ превосход-

ныхъ книгъ, напечатанный въ осьмой книжкѣ, оканчивается слѣдующими словами: *Въ слѣдующей статьѣ, мы приступимъ прямо къ описанію блестящихъ дѣйствій въ Азіатской Турціи.* Слѣдственно, это только начало конца, а не конецъ.—Охотно сознаемся, что эта финансовая система весьма выгодна для редактора *Библиотекъ для Чтенія*; но прибыльна ли для господъ сочинителей?... Это все мы сказали мимоходомъ, также, какъ и замѣчаніе наше о томъ, что книги этого журнала спановятся годъ о годъ и часъ о часъ худощавѣе... Не вѣрите? Перещипайте страницы; мы перещипали!

Наспоящая же цѣль, для которой принялся я за перо, есть желаніе показать и доказать, какая безмѣрная разность между крипикою длиною и дальною.

Въ *Библиотекъ для Чтенія* крипическій разборъ превосходной книги: *Обозрѣніе извѣстнѣйшихъ правилъ и системъ Стратегіи*, расплѣтулся на 17-ми страницяхъ. Въ чемъ же состоитъ этотъ разборъ? На какія доиспытыванія, на какіе недоспапки указалъ въ немъ рецензентъ (1)? Ни на какіе: онъ во всемъ безусловно согласился съ сочинителемъ, все расхвалилъ безъ изъятія. Это бы можно сдѣлать и на полустраницкѣ.

Посмотрите, какая разница между его разборомъ и замѣчаніями на эту же важную книгу помѣщенными въ первой Іюльской книжкѣ *Моск. Наблюдателя*.

«Эта прекрасно составленная книга издана г-мъ *Медеромъ*, профессоромъ Стратегіи и Военной исторіи въ Императорской Военной Академіи. Почтенный издатель самъ говоритъ въ предисловіи своемъ (стр. V), что онъ *желалъ бы, чтобы его попытка возбудила споры и критику.* Ни сколько не думая спорить, или подвергать его книгу крипическому разбору, мы ограничиваемся только немногими замѣчаніями на его главное мнѣніе, съ которыми мы не совсемъ согласны.

Авторъ полагаетъ вообще, что теорія Стратегіи существовать не можетъ и, обозрѣвая достопримѣчательнѣйшія системы, находить, что каждая основана на ка-

(1) Не О. И. Сеньковский: эта статья написана чистымъ, живымъ Русскимъ языкомъ.

комъ нибудь односпроннемъ правилъ и, наконецъ, на страницѣ 178-ой говоритъ: «Принявъ за аксіому, что опредѣлительная теорія Стратегіи невозможна, должно, кажется, намъ признати и невозможность безусловныхъ, постоянныхъ правилъ для военныхъ дѣйствій, ибо съ признаніемъ хоть одного только такого правила, мы бы получили довольно прочное основаніе для вывода многихъ, заключенныхъ отъ него частныхъ правилъ, и могли бы составить опредѣлительную теорію Стратегіи.»—Но это единственное правило, по нашему мнѣнію, хотя неопредѣлительно и неполно развѣрено у Деккера; однакожъ вѣрно угадано въ его предположеніи направлять усилія свои туда, гдѣ отъ нихъ можеть произойти наибольшій вредъ неприятелю. Еще у Клаузевица предположеніе, что главнымъ предметомъ для достиженія цѣли войны должень быть бой въ обширномъ смыслѣ. Автору кажется и то и другое неопредѣлительно; мы думаемъ напропивъ: чтобы исправить всѣ усилія шуда, гдѣ отъ нихъ можеть произойти наибольшій вредъ неприятелю, для эпаго надобно знати, въ чемъ состоятъ его главныя силы, изъ какихъ источниковъ они происходятъ; все эпо, кажется, можеть знати всякой, кто знаетъ статистику и географію; следовательно шайны шуть большой нѣтъ, и нѣтъ неопредѣлительности въ наставленіи; а отсюда и аксіома: все соображенія должны имѣть цѣлью ослаблять или истреблять силу противника и лишати его средствъ къ защитѣ, которую авторъ называетъ неопредѣлительною, объясняется сама собою потому, что кому извѣстно гдѣ кроется зерно непріятельской силы, томъ будетъ знати куда и ударить, основываясь на правилѣ: направлять усилія свои шуда, гдѣ онъ сдѣлають наибольшаго вреда, и имѣти всегда въ виду, что занявшись предметами Второстепенной важности должно не прежде, какъ уничтоживъ силы неприятеля, или овладѣвъ ими въ самомъ ихъ источникѣ. Но чтобы знати вполнѣ, гдѣ существенно кроются источники и шочки опоры непріятельскихъ силъ и пособій, надобно умѣти изъ матеріаловъ, доставляемыхъ статистикой и географіей, опредѣлти спихія каждаго государства; эпи спихія зависятъ отъ состава мѣстности и отъ состава народонаселенія. Есть государства, какъ скажемъ, сплошныя, въ которыхъ спихія нація одна и таже, на примѣръ, Франція; въ ней все народонаселеніе, простирающееся сплошномъ до 34 миліоновъ, состоитъ числомъ изъ однихъ Французовъ, которые хопя и раздѣляются въ сльдствіе образа мнѣній своихъ на партіи; но все эпи партіи одинаково мыслятъ о непріятельскомъ впорженіи, что доказано въ новѣйшія времена неоднократнымъ опытомъ: такое государство, представляя сверхъ того въ отношеніи къ мѣстности одну общую сплошную массу, можеть временно быть занято, но не завоевано, и при войнѣ въ его шдрахъ, бы непрѣменно должень составлять главное: именно надобно истребить его армію, и потомъ не давати собираться новой. Есть государства, которыхъ въ національномъ составѣ имѣють мноо разнородныхъ спихій; такова Австрія; въ войнѣ съ государствами такого рода надобно только принимать въ соображеніе спихія шѣ, которыхъ благопріятны для насъ, враждебны для противни-

ковъ и служатъ къ уничтоженію или поспешенному уменьшенію его силъ. Объяснимъ эпо нѣсколькими примѣрами:

«Турецкая имперія состоитъ изъ слѣдующихъ мѣстныхъ спихій,» продолжаетъ рецензентъ *Моск. Наблюдатель*: «Европейской Турціи и Азіятской Турціи; народонаселеніе Турецкое преобладаетъ въ Азійи, а въ Европейской Турціи не только природныхъ Турокъ, но и Магометанъ вообще гораздо меньше, такъ, что они составляютъ не болѣе седьмой части народонаселенія; осмальные же число жителей состоитъ хопя изъ разныхъ племенъ; но Христіанскихъ, которыхъ, по всей вѣроятности, не могутъ быть расположены къ Туркамъ. Въ эпомъ государствѣ важнѣйшій стратегическій пунктъ есть Азіятскій берегъ Босфора и Дарданелъ. Если высадить шуда достаточную армію, то: 1-е, правительство Турецкое будетъ отрезано отъ главныхъ источниковъ своихъ силъ и пособій; 2-е, оно не будетъ въ состояніи даже перестать ни малѣйшаго распоряженія; 3-е, оно должно будетъ отшпунуть большую часть войскъ своихъ отъ сѣверо-восточной Европейской границы потому что близость неприятеля къ сполничному городу заставитъ его опасаться нечаяннаго нападенія на сполницу; а какъ оно отшпунеть отъ Европейской границы войска свои, то откроетъ намъ свободный путь опять черезъ Балканы; наконецъ 4-е, тоже самое послѣдуетъ съ Азіятской стороны: большая часть Азіятскихъ войскъ направится на высадную армію и откроетъ свободный путь для Кавказскаго корпуса; а между шѣмъ (что въ Турціи часто бываетъ) можеть случиться инсurreкція между Христіанскими жителями. Разумѣется, что самое предпріятіе должно быть ведено съ величайшей шайной и быстротой, и что нельзя всякому поручить его.

Есть, какъ уже сказано, государства, которыхъ не представляютъ въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ такого Стратегическаго пункта, государства, гдѣ спихія силъ, источники пособій уравновѣшены почти на всемъ протяженіи государства; тамъ естественно главное бой. Такова Франція, такова Россія; такою явилась она въ 1812 году. Мысль Наполеона была: наспигнувъ армію, раздавить ее съ шѣми превосходными силами, какія онъ имѣлъ при началѣ похода и, уничтоживъ такимъ образомъ главное препятствіе, захватить нѣсколько разныхъ мѣстъ въ государствѣ, утвердиться въ нихъ, и какъ изъ центровъ дѣйствовать депушими опрдами, не давати нигдѣ собираться новой арміи и окончить умиротвореніе спраны гражданскими мѣрами. Ему не удалось привести въ исполненіе эпой мысли; но шѣмъ не меньше она вѣрна въ своемъ основаніи.

Весь образъ войны должень измѣниться въ самое короткое время, еще при нашихъ глазахъ, отъ двухъ слѣдующихъ причинъ: отъ влхнія желѣзныхъ дорогъ и пароваго механизма, которымъ, по всей вѣроятности, воспользуются при атакѣ крепостей. Отсюда слѣдуетъ, что главное будетъ состоять въ томъ, чтобы овладѣть на извѣстномъ протяженіи непріятельскими желѣзными дорогами и удержати свои за собою; само собою разумѣется, что тогда никому уже не угрозишь, хопя двадцать разъ спанешь

на сообщеніяхъ его. Съ другой стороны, крѣпость поперемятъ свою важность: при пособіи паровой машины, вы устройте спранши, проведете зигзаги, коронуеша гласисъ, заложите мину, прежде, чѣмъ при настоящихъ средствахъ можно успѣшь провести первую парадель и утвердись въ ней.

И такъ, хотя авторъ и справедливо утверждаетъ, что безусловныхъ постоянныхъ правилъ для военныхъ дѣйствій не можетъ существовать; но, кажется, *Деккеръ* и *Клаузевицъ* нашли то одно главное правило, изъ котораго, по его словамъ, можно вывести многія, зависящія отъ него частныя. Оно глѣмъ болѣе, по видимому, безусловно, что основывается на знаніяхъ положительныхъ, доступныхъ каждому: на географіи и спашисникѣ; оно состоитъ 1-ое въ томъ, *чтобы естъ усилія направлять на тотъ предметъ, гдѣ главныя источники непріятельскихъ силъ и пособій, или гдѣ главная точка опоры этихъ силъ*; 2-е въ томъ, *чтобы постоянно имѣть въ виду этотъ главный предметъ и не прежде приступать ко второстепеннымъ, какъ успѣшь уже въ главномъ.»*

Какая умная, вѣжливая, дѣльная крипика! Вызываемъ приверженцевъ редактора *Библиотеки для Чтенія* сравнить шу и другую.

А. Кораблинскій.

12 Августа
1836.
Село Рыбацкое.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУССКІЕ СОЛДАТЫ.

Славны Русскіе солдаты!
Маспера враговъ рубяшь,
Любяшь ружья и булавы
И горьлку любяшь пить!
Были шамъ, гдѣ вѣроятъ коспи
Никогда не заносимъ, —
Мы пожаловали въ гости —
Хоть никто и не просилъ.
Намъ сказалъ Отецъ родимый,
Нашъ Великій Государь:
Насъ не шронь—и мы, вѣспимо,
Ужь не шронемъ; а ударъ,
Такъ и мы ударимъ дружно!
Мы не прогаемъ, зачѣмъ
Было прогашъ насъ? аль нужно?!
Когда въ гости къ намъ,—мы всѣмъ

Рады, пріѣзжай, и водка
Будешь на столѣ про вась,
И хозяйюшка - молодка,
Угоспишь на славу насъ!..

А шо, что пупи бранишься?!

А задѣли за бокъ насъ,

Такъ ужъ просимъ не сердисься,

Мы опшамимъ вамъ какъ разъ.

В. Негорой.

2 Юня 1836 года,
Нижній - Новгородъ.

О М О Н И М Ъ.

Коль хочешь голову пы въ чистотѣ держашъ,
То долженъ для сего меня упошребляшъ,
И я же пѣшуховъ собою украшаю
И паркамъ выводимъ нлпъ жизни пособляю;
Опъ нихъ же въ руки паркъ земныхъ я перейдя,
И нлпъ буквальную у нихъ производя,
Черезъ это пользы пшму всѣмъ смершнымъ
доставляю.

E N I G M E.

Je remplis l'univers de mille objets funèbre.
De larmes, ni de sang je ne peux m'assouvir;
Fils d'un père brillant, je nais dans les ténèbres;
Je viens à la lumière afin de la ravir.
Je naquis de bas lieu, mais j'élève qui m'aime;
Je sais verser le sang, et je sais l'arrêter;
Ami de la fureur, ennemi de moi-même,
Seul je m'attaque, et seul je puis me résister.
Je borne les états, et je les fais accraître;
J'y sers également dans la guerre et la paix.
- Lecteur, travaille à me connaître;
Garde-toi, si tu peux, de me sentir jamais.

M O D E S.

Il faut dire adieu à tout ce qui peut rappeler les beaux jours de l'été; le ciel semble ligué contre tout ce qui est *joies champêtres*; affublons-nous donc du capuchon qui doit nous dérober cette vilaine atmosphère grise et pluvieuse qui nous enveloppe. Rési-

gnons-nous à quitter nos vêtemens légers, nos chaus-sures délicates, et prenons position au coin du feu dans une bonne *gondole* ouatée, de Lesage, cachée les vastes plis d'une robe de chambre de satin de laine et les pieds enfoncés dans des pantoufles de velours fourrés. On n'est pas malheureuse ainsi lorsque le monde nous laisse un petit moment de solitude et que notre bon génie nous a fait tomber sur un volume des *Caractères et portraits de femmes*, par M. *Hippolyte Lucas*; c'est un bon moyen de passer vite son temps, à cette époque de transition où les plaisirs de l'été n'amuse plus, et où ceux de l'hiver n'amuse pas encore; d'ailleurs maintenant la mode veut que les femmes s'occupent. Voyez plutôt ces charmantes nuances de laine qui, glissant dans les doigts de nos plus jolies femmes, vont former ces belles tapisseries dignes de nos féales châtelaines. En général, ce sont, dans ces sortes d'ouvrages, les fonds noirs qui jouissent de la plus grande vogue, c'est même une fureur pour les ameublemens en tapisseries. Les fleurs, les oiseaux, les personnages célèbres qui sont partie en velours découpé et appliqué, partie au *petit point*, se détachent sur des fonds noirs au *gros point*, croisé d'une manière particulière dite *point de marquise*.

Pl. No 29. Manteau de promenade en satin vert applications de velours. — Chapeau de satin orné de clochettes. — Manteau habillé en velours violet avec franges. — Chapeau de velours épinglé orné de plumes. — Manteaux et chapeaux.

М О Д Ы.

Надо проспитаться со всѣмъ, что напоминает о прекрасныхъ льпныхъ дняхъ; небо, кажется, вооружилось прошивъ всѣхъ сельскихъ удовольствій;

и такъ нарядимся въ капишопы, которые скроютъ отъ насъ эту несносную сѣрую и дождливую окружающую насъ атмосферу. Скинемъ съ покорностью наши легкія платья, тонкую обувь, и усядемся у камна на хорошей мягкой *гондолѣ*, прикрытой обширными складками шляфрока изъ шерстянаго апласа, а ноги въ бархатныхъ ва мѣху шуфляхъ. Право, нельзя щипать себя несчастною, если свѣтъ оставитъ насъ на несколько мнущъ въ уединеніи, и когда добрый нашъ геній наставитъ насъ на чтеніе *Характеры и портреты женщинъ*, соч. Ипполита *Lucas*; хороший способъ проводить скоро время, въ эту эпоху переворота, когда льпнія удовольствія уже не забавляютъ, а зимнія еще не настали; сверхъ того мода хочетъ, чтобъ женщины были заняты. Взгляните лучше на эти прелестныя пѣны шерсти, которые, скользя между пальцевъ нашихъ пригожихъ женщинъ, составляютъ прелестныя пѣкани, достойныя древнихъ обшательницъ замковъ. Вообще, для этого рода работъ, предпочтительнѣе употребляютъ черный грунтъ,—такія мѣбели въ удивительномъ ходу. Пшцы, цвѣты, извѣстныя особы, частію вырзанныя изъ бархата и наложенныя, частію же вышитыя *petit point*, отдѣляются на черномъ грунтѣ вышитомъ *gros point*, перекрещеннымъ совсѣмъ особенно, называемымъ *point de marquise*.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карт. No 29. Манто для прогулки зеленое апласное съ бархатнымъ приборомъ.—Апласная шляпка съ колокольчиками.—Нарядное манто изъ фиолетоваго бархата.— Бархатная шляпка съ перьями.—Манто и шляпки,

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду будутъ издаваться и въ наступающемъ 1837 году. Планъ остается прежній, то есть: каждую Среду и Субботу будутъ выходить по листу печатному, а всѣхъ въ годъ 104 листа или номера. Черезъ каждыя 15 дней господа подлинники получаютъ по карпикѣ новѣйшихъ, съ последнею почтою полученныхъ модъ, модныхъ мѣбелей, вещей, экипажей, платьевъ, шляпокъ, чепцовъ, и пр. и пр. Всѣхъ же карпикокъ и нощъ въ годъ 40.

Исправность, съ какою выходили *Новости Литературы* и *Славянинъ* съ 1822-го по 1831-ой годъ, и *Литературныя Прибавленія* въ 1831, 1832, 1833, 1834, 1835 и 1836 годахъ, ручается почтенной Отечественной Публикѣ за вѣрное и своевременное полученіе листковъ сей газеты сапирической, крипической, модъ, театровъ и словесности.— С. П. Б. 1836, Октябра 30 дня.

Издатель, Спасскій Совѣтникъ и кавалеръ А. Воейковъ.

С. Петербургъ. — Въ Типографіи Главнаго Управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій. —

Печатать позволяется: 28 Октябра 1836 года.—Ценсоръ А. Никитенко.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 90 и 91.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, НОЯБРЯ 7 ДНЯ 1836 ГОДА.

Ахъ, прежде красавица
Всѣхъ насъ веселила;
А нынѣ красавица
Вдругъ стала уныла.
Развѣйтесь, развѣйтесь вы,
Дѣвически кудри!
Поблѣкни, поблѣкни ты:
Дѣвическа прелеснь!

А. Мерзляковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ *ЕКАТЕРИ- НЫ* II ВЪ ТАВРИДУ.

(Продолженіе.)

Въ эпоху день Императрица, слѣдуя принятому Ею обыкновенію, котораго никогда не перемѣняла, давала аудіенцію духовенству, чиновникамъ, купечеству и дворянству города, которое вечеромъ было приглашено на великолѣпный балъ, по окончаніи котораго Государыня возвратилась на свою галеру.

Рѣка дѣлалась шире, но плаваніе наше спавнилось часъ опъ часу труднѣе, потому что вѣтеръ, по слишкомъ слабый, по проливный, или оспанавливалъ насъ на мѣли, или прибывалъ къ оспровамъ, такъ что мы бывали иногда принуждены цѣлыя сутки сповать на якорѣ.

Не смотря на то, видъ эгихъ неизвѣстныхъ береговъ, удовольствіе проѣзжашъ эту процвѣтающую область, недавно еще населенную дикими Запорожцами, которые, занимаясь одними разбоями, пренебрегали земледѣіемъ и промышленностію; спокойное и пріятное расположеніе галеръ нашихъ, чпение, занимательные и веселые разговоры— всё это сокращало для насъ время, и превращало почти въ наслажденіе легкія неудобности нашего путешествія.

Сама Императрица казалась довольною и Собою и нами—и говорила, что окончаніе плаванія нашего было бы для Нея очень непріятно, и Она бы постаралась продлить его, если-бъ не боялась заспавить ждаль себя Австрійскаго Императора, который уже пріѣхалъ тогда въ Херсонъ для свиданія съ Нею.

Принцъ *Дѣ-Линъ*, который былъ двадцатью годами спарѣе меня, безпрестанно изумлялъ меня живостію воображенія свое-

го и необыкновенною молодостью ума. — Проснувшись поутру, онъ потчасъ спускалъ въ легкую перегородку, отдѣлявшую кроватъ мою отъ его, и будилъ меня, чтобы скорѣе сказать мнѣ экспромптъ свой, или спѣть пѣсню, имъ сочиненную. Послѣ этого егеръ его приносилъ мнѣ отъ него письмо на четырехъ или шести страницахъ, въ которомъ глубокомысліе, дурачество, полиплика, волюнтарство, военные анекдоты и философскія эпиграммы составляли самую остроумную, смѣшную и оригинальную смѣсь. Принцъ пребралъ скорого отвѣта — и получалъ его немедленно; слѣдовательно никакая переписка не могла быть вѣрнѣе и дѣлательнѣе этой спранный ежедневной переписки между Австрійскимъ генераломъ и посломъ Французскаго Двора, лежавшихъ на одной галерѣ одинъ возлѣ другаго и слѣдовавшихъ за Владычицею Сѣвера, которая плыла по водамъ Борисеена, черезъ землю казаковъ, чтобы посѣтить подданныхъ своихъ — дикихъ Ташаръ!

Дни и вечера наши пролетали въ безпрестанныхъ и всегда разнообразныхъ удовольствіяхъ. Мы слушали занимательные рассказы Императрицы; — немного печальныя, но остроумныя разсужденія г. *Фицъ-Герберта*; смѣялись проказамъ оберъ-шпалмейстера, или забавлялись неисчислимою веселостию *Кобенцля*, который заставлялъ насъ предсавлять съ нимъ *Пословицы* (онъ былъ на это большой масперъ) въ спальнѣ Императрицы.

Однако-жъ подводные камни и трудности продолжали увеличиваться — и безпокойство Государыни могло бы, можетъ быть, превратиться въ неудовольствіе и пасмурность, если бы мы не получили вдругъ извѣстія, что Императоръ, на другой день по пріѣздѣ своемъ въ Херсонъ, отправился опшуда посѣбно въ Кайдакъ, отъ котораго мы были только въ шести миляхъ.

Онъ намѣревался было выѣхать на встрѣчу Императрицыной галеры; но князь *Потемкинъ*, который прежде его пріѣхалъ въ Кайдакъ, далъ заранѣе знать о томъ Государынѣ. Она потчасъ сошла съ галеры, оставя на ней почти всѣхъ насъ, съла по-

сѣбно въ карепу и поскакала на встрѣчу *Иосифу*, котораго зашла у развалившейся хижины одного бѣднаго казака. Они остановились шуть на нѣсколько часовъ, и потомъ поѣхали вмѣстѣ въ Кайдакъ; куда на другой день поутру, 19 Мая, приплыли и мы.

Императрица такъ поронилась, что не взяла съ Собою ни одного служивела, и потому въ часъ обѣда сдѣлалась порядочная суматоха: кухни не было — и не знали, какъ и чѣмъ накормить двухъ великихъ Государей. Наконецъ, князь *Потемкинъ*, генералъ-аншефъ *Браницкій* и принцъ *Нассау*, котораго онъ привезъ въ своей каретѣ, сосприяли имъ кое-какъ сами плохой обѣдъ, на которомъ очень веселился; но который не меньше того былъ такъ дурень, какъ только можетъ быть обѣдъ изготовленный благодарными и знатными поварами. Мы пробыли въ Кайдакъ весь день (19 Мая), ожидая не цѣлаго флота, потому что часть его оспалась на мѣли; но судовъ, на которыхъ ѣхали слуги наши съ вещами, необходимыми для дороги.

20 расположились лагеремъ, въ двухъ миляхъ отъ города, на томъ мѣстѣ, гдѣ Императрица назначила поспроить Екатерिनославль. Поутру мы отслушали обѣдно въ Императорской палаткѣ, и Ихъ Величества, въ присутствіи архіерея, положили первый камень соборной церкви будущаго города, котораго мѣстоположеніе чрезвычайно пріятно. Онъ стоить на горѣ, съ которой видны длинныя извороты Борисеена, и острова, покрытые лѣсомъ, которые онъ образуетъ шуть въ своемъ теченіи.

Послѣ того мы отправилась обѣдать въ загородный домъ губернатора, поспроенный на берегу рѣки, проптивъ извѣстныхъ пороговъ ея, которые нѣкогда казались такъ спрашны, что это мѣсто долго щипалось совершенно неудобнымъ для торговли.

Въ самомъ дѣлѣ, шуть Днѣпръ во всю ширину свою загроможденъ длинною цѣпью камней, изъ которыхъ одни равны съ водою, другіе очень высоки; съ нихъ вода упадаетъ каскадами, разбиваясь и клубясь съ такою

силою и шумомъ, что мы едва могли слышать другъ друга.

Съ перваго взгляда казалось невозможнымъ, чтобы самый легонькій челнокъ, управляемый опважными гребцами, могъ преодолѣть эту ужасную пучину; однако-жь большая лодка и одно довольно огромное судно, сплывшія неподалеку отсюда, получили повелѣніе переплыть пороги;—князь *Потемкинъ*, принцъ *Нассау* и я хопѣли было также перѣхатъ, но Императрица строго запретила намъ рисковать собою.

Суда, съ биспроптою спрѣлы, благополучно перелетѣли черезъ ужасные пороги, но, смотря на ихъ сильное движеніе, можно было думать, что они въ ту же минуту или разобьются о камни, или будутъ залиты и поглощены волнами, особенно лодка, которая безпрестанно исчезала изъ виду.

Намъ однакожь сказали, что въ то время, когда прибываетъ вода, перѣздъ черезъ пороги дѣлается гораздо легче, особливо при помощи спарыхъ искусныхъ Запорожцевъ, привыкшихъ къ этому трудному плаванію, и князь *Потемкинъ* такъ полагался на обѣщаніе ихъ и опытность, что вознамѣрился спустить до Херсона всѣ галеры, на которыхъ мы прѣехали изъ Кіева въ Каѣдакъ.

Оставя Екатеринославль, вѣхали мы въ такъ называемыя въ Россіи *степи*, то есть уединенные и необозримые дуга, совершенно лишенные тѣни; по гдѣ изрѣдка порчатъ голые холмы, у подошвы которыхъ журчатъ едва примѣтный ручеекъ; по нимъ проѣзжаешь иногда по семи и осьми верстѣ, не встрѣтивъ ни одного человѣка, не видавъ ни хижины, ни даже кустика!

Пещаныя пустыни Африки унылы — но пустыни Азіи не такъ голы и печальны; онѣ покрыты зеленью и оживлены многочисленными стадами овецъ и табунами лошадей, которыхъ пускаютъ круглый годъ бродить по волѣ въ эгихъ безмолвныхъ и уединенныхъ лугахъ.

Въ первую минуту эптогъ необъялпный, зеленѣющая даль, на которой ни что не останавливаетъ зрѣнія, дѣлаетъ на васъ впечатлѣніе, совершенно подобное тому, которое производитъ видъ океана. Онъ

также возвышаетъ мысли и располагаетъ душу къ глубокому размышленію; но чѣмъ болѣе вы подвигаетесь впередъ, тѣмъ болѣе упомняетесь единообразіемъ и ощущаете непреодолимое уныніе, которое наконецъ превращается въ несносную скуку, когда вокругъ васъ и передъ вами вы не видите ничего, кромѣ этой вѣчной зелени, эгихъ безконечныхъ луговъ, которые нигдѣ не имѣютъ предѣловъ.

Единообразіе прерывается только курганами, которые встрѣчаются очень часто, и, кажется, насыпаны руками человѣческими; но мнѣніе о нихъ различно; иные принимаютъ ихъ за древнія гробницы, другіе же утверждаютъ, что эти насыпи были сдѣланы Скиѣами и Татарами, для того, чтобы съ нихъ видѣть непріятеля и предупредить печальныя нападенія; однако-жь справедливость перваго предположенія давно уже доказана.

Все пространство земли въ Европѣ, отъ рѣки Буга до Азова; въ Азіи, отъ Кавказскихъ горъ до Китайской границы, есть одинъ неизмѣримый океанъ зелени.

Та часть степей, чрезъ которую мы проѣзжали, и гдѣ просвѣщеніе ищетъ распространить побѣды свои и промышленность, походила на наплнутое гладкое полотно, на которомъ живописецъ, начиная писать большую картину, набросилъ кое-гдѣ легкіе очерки селеній, рощицъ и вспаханыхъ полей; но работа его подвигается медленно, и, слѣдовательно, холстина по крайней мѣрѣ еще сто лѣтъ будетъ представлять одну дикую и обнаженную пустыню.

Наканунъ прѣзда нашего въ Херсонъ, мы перѣехали по мосту чрезъ рѣчку *Каленку*, которая нѣкогда была рубежемъ между казаками и Нагайскими Татарами.

Можетъ быть, эта скучная степь, проспирающаяся на 400 верстѣ, увеличила пріятное удивленіе, которое произвелъ надъ нами видъ Херсона; однакожь я думаю, что и безъ того онъ имѣлъ бы на насъ одинакое дѣйствіе, потому что ни въ какомъ случаѣ мы не могли бы воздержаться отъ справедливаго воспора, смотря на это новое пыльное созданіе, возникшее изъ ничто-

жества, какъ бы могуществомъ волшебства. Крѣпость была почти кончена; казармы для 24,000 человекъ выстроены,—равно какъ и адмиралтейство со всеми его принадлежностями, арсеналъ, заключающій въ себѣ 600 орудій; два военныхъ корабля и фрегатъ, готовые къ спуску; сверхъ того вездѣ, съ непоспориимою скоростію возвышались прекрасныя общественныя зданія, великолѣпныя храмы, благородной и изящной архитектуры; однимъ словомъ, цѣлый уже торговый городъ, содержащій 2,000 домовъ, лавки, наполненныя товарами, вывезенными изъ Греціи, Константинополя, Франціи—и до 200 купеческихъ кораблей, которые приходили или спояли въ пристани!

Прибавьте ко всему этому дѣятельность осьмнадцати тысячъ работниковъ,—блещущій видъ войска, пребываніе въ городѣ Двора, иностранныхъ министровъ, консуловъ разныхъ націй, путешественниковъ—и вы поймете, что такое зрѣлище, въ землѣ, которую Россія обладаетъ только со времени мира, заключеннаго ею при *Кайнарджи*, которую она только за три года передъ тѣмъ освободила отъ сосѣдства съ Тапарами, должно было льстить словолюбю Императрицы; возбуждѣніе удивленія во всѣхъ тѣхъ, которые имѣли щастіе слѣдовать за нею—и оправданіе искреннихъ ихъ похвалъ дѣятельности и необыкновеннымъ дарованіямъ князя *Потемкина*.

Надобно признаться однакожъ, что за первую минутою восторга, слѣдовало размышленіе, которое нѣсколько его охладило; разсмотрѣвъ Херсонъ поближе и въ подробностяхъ, мы замѣтили, что положеніе его очень невыгодно; купеческіе корабли могутъ подниматься вверхъ по Днѣпру только выгруженные, а военные, которые тамъ строились, должны спускаться по рѣкѣ съ помощію камелей.

Сверхъ того, нигдѣ не было набережной, ни магазиновъ для складки товаровъ; присутственныя мѣста, еще не совершенно организованныя, рѣшали дѣла медленно и затруднялись въ производствѣ ихъ; наконецъ, вредныя испаренія болотъ и оспро-

вовъ, покрытыхъ проспникомъ, которыми окруженъ городъ, дѣлали воздухъ его нездоровымъ и часто смертоноснымъ для жителей. Я не скрываю отъ князя *Потемкина* всѣхъ неудобствъ этихъ, о которыхъ по большой части слышалъ я отъ иностранныхъ купцовъ, жившихъ въ Херсонѣ. Онъ самъ зналъ и чувствовалъ ихъ, и, чтобы пособить имъ, предполагалъ открыть придорожную версту ниже купеческую пристань—учредить на ней порядочный карантинъ и консульское начальство; сдѣлать набережныя, выстроить магазины и, наконецъ, осушить ближайшія болота.

Суммы для всего этого были выпрошены и отчасти выданы; но осушеніе болотъ казалось мнѣ невозможнымъ; тѣмъ больше потому, что тогда надобно было бы истребить проспникъ, который одинъ служилъ для топки и крыши всѣхъ почти домовъ въ землѣ, гдѣ, на 400 верстъ въ окружности, нѣтъ совершенно никакого лѣсу.

Первые дни пребыванія нашего въ Херсонъ посвящены были на осмотръ города—на парадныя аудіенціи, большіе обѣды на 120 кувертовъ, а вечера на балы и концерты. Однажды Императрица пригласила насъ съ собою обѣдать въ загородный дворецъ свой, въ 4 миляхъ отъ Херсона; на другой день, мы въ присутствіи Ея видѣли спускъ 80-ти пушечнаго корабля, другаго 66 пушечнаго и одного фрегата; а на слѣдующій день былъ данъ при Дворѣ парадный балъ во дворцѣ, построенномъ Ею съ удивительнымъ вкусомъ и прочностію.

Императрица намѣревалась ѣхать въ *Кинбурнъ*, столицей пропавъ самаго Очакова; но внезапное появленіе тамъ Оптоманской эскадры, состоявшей изъ 4 кораблей и десяти фрегатъ, которая остановилась въ Лиманѣ подъ Очаковымъ, заставила *Екатерину* отложить это путешествіе, и мы наконецъ оставили Крымъ, послѣдуя за державными предводителями нашего каравана.

Но прежде, нежели оставимъ мы Херсонъ, надобно сказать нѣсколько словъ о лѣвѣспіи, полученномъ нами касательно важныхъ

дѣлъ, которыя въ это время производились въ Константинополь. — Неожиданное появленіе Турецкой эскадры въ устьѣ Борисвена, и прибытіе въ Очаковъ нѣсколькихъ офицеровъ Французской службы, произвело во всѣхъ министрахъ *Екатерины* и въ цѣломъ Дворѣ Ея не только неудовольствіе, но даже совершенное негодованіе.

«Возможно ли, говорили они, что именно въ то самое время, когда мы только что заключили дружественный союзъ съ Франціею, и Императрица, дозволивъ Французскому министру слѣдовать сюда за нею — осыпаетъ его милостіями, изъявляя къ нему довѣренность, — Французскіе инженеры явно помогаютъ непріятелю, надзирая за его работами, орудіями и кораблями, и такимъ образомъ дѣйствуютъ съ нимъ за одно противъ Россіи!»

Самъ князь *Потемкинъ* нѣсколько разъ говорилъ мнѣ съ жаромъ и неудовольствіемъ объ этомъ мнимомъ вѣроломствѣ Франціи, и припомъ упрекалъ меня въ моемъ излишнемъ опасеніи, которое, по словамъ его, принудило Турокъ взять непріязненные мѣры, и могло опять возбудить войну.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СВѣдѣнія, собранныя въ Англіи въ 1835 году.

Г. *Симонъ* издалъ книгу подъ симъ заглавіемъ. Она не можетъ назваться ни списоческимъ обзореніемъ Англіи, ни даже пугевыми записками. Это простой рассказъ челоѣка, возврапившагося изъ путешествія, который бесѣдуетъ съ друзьями, и говоритъ о всемъ, что видѣлъ и что слышалъ. Слогъ г. *Симона* не цѣлпишетъ и не возвышенъ, но дышетъ истиною и безприсрашпемъ. Авторъ нечувствительнѣо влечетъ васъ за собою, и воображеніе слѣдуетъ за повѣствованіемъ его такъ легко и свободно, какъ лодка по теченію тихой рѣчки. — Сверхъ того, г. *Симонъ* не пренебрегаетъ пѣмъ,

что другимъ путешественникамъ кажется недостойнымъ ихъ вниманія, и рассказываетъ, что спомпъ въ Англіи обѣдъ, и какой обѣдъ; сколько родовъ пива пьютъ Англичане, какъ варятъ его, и въ чемъ состоитъ должность каждаго слуги въ практирѣ, отъ мальчика, прислуживающаго въ комнатахъ, до послѣдняго поваренка; однимъ словомъ, въ книгѣ его видѣнъ наблюдательный умъ любопытнаго путешественника, замѣчающаго все, что встрѣчается ему на пути, и спрашиваетъ по очереди, ученаго и конюха, помѣщика и его кухарку. Можетъ быть слишкомъ мелочныя подробности придають нѣкоторымъ главамъ книги что-то похожее на болтовню; но мы спѣшимъ прибавить, что всѣ эти подробности такъ занимательны, что читатель отъ всего сердца прощаетъ автору его словоохотливость. Припомъ онъ даетъ обо всемъ понятія почныя, и дѣлаетъ любопытныя сравненія настоящаго съ прошедшимъ. Такимъ образомъ, говоря на примѣръ о нынѣшнемъ превосходствѣ Англическихъ дорогъ, онъ сообщаетъ намъ, что въ 1746 году онъ были въ такомъ худомъ положеніи, что герцогъ *Солмерсетскій*, намѣреваясь ѣхать въ Лондонъ и боясь завязнуть гдѣ нибудь въ грязи, принужденъ былъ выслать на большую дорогу кресельнъ изъ Петворскаго помѣстья своего (въ *Суссексъ*) вооруженныхъ фонарями, пѣшными и лопапами. Въ другомъ мѣстѣ, г. *Симонъ* говоритъ, что употребленіе землянаго угля, столь обыкновенное теперь во всей Англіи, введено было тамъ съ чрезвычайною трудностію, и что по словамъ *Стова*, въ 1598 году Лондонскія красавицы ни за что въ свѣтъ не согласились бы войти въ комнату, наполненную землянымъ углемъ; королева же *Елисавета* строго запретила топить имъ камеру парламента, боясь, *чтобы депутаты графствъ не заняли во время засѣданія.* — Публичныя кареты также очень долго не заводились въ Лондонъ, и въ 1635 году король и государственный совѣтъ, въ поржеспивенномъ собраніи — въ такъ называемой *Звѣздной комнатѣ*, рѣшили: что наемные экипажи, *умножая грязь на дорогахъ сына и соломъ,*

наносили пѣмъ чувствительный вредъ пользѣ государственной.

Г. *Симонъ* особенно обратилъ вниманіе наше на то, что онъ говоритъ объ Англійскихъ учебныхъ заведенияхъ, въ большей части изъ которыхъ сохраняются еще прежнія обычаи, и между прочими такъ называемый *Ваджизмъ* (или *Вагизмъ*), древнее установленіе, перешедшее по преданію, и по которому каждый студентъ имѣетъ подѣленіемъ своимъ одного изъ младшихъ соучениковъ своихъ—находящагося у него въ совершенной зависимости.

Авторъ упоминаетъ также о странномъ обыкновеніи учениковъ *Итонской* коллегіи, которые въ теченіе цѣлой недѣли передъ Троицынымъ днемъ, собираютъ съ прохожихъ деньги, для того, чтобы этою суммою содержать въ университетѣ лучшаго ученика школы ихъ. Сверхъ того описываетъ онъ обрядъ, установленный для принятія въ докторъ, который кажется вовсе не принадлежать къ нынѣшнимъ временамъ. — Впрочемъ извѣстно въ какомъ упадкѣ теперь высокое просвѣщеніе у соседей нашихъ. Докторъ *Бейбегъ* утверждаетъ, что число молодыхъ людей, посвящающихъ себя высшимъ наукамъ, уменьшилось въ теченіи одного столѣтія отъ тысячи на десять! и что недавно еще въ цѣлой Англійи никто не былъ въ состояніи понимать *Лапласову* систему, кромѣ... двухъ женщинъ. Прискорбно думаетъ, что между Англичанами распространяются нынѣ одни только ложнопольные знанія. Если вся Европа будетъ разумѣть усовершенствованіе ума человеческого (*progrès*) такъ, какъ разумѣетъ его Англія, то намъ черезъ нѣсколько вѣковъ придется можемъ быть роптать на чрезмѣрное просвѣщеніе наше.

Но если умозрительныя науки въ Англійи съ часу на часъ болѣе и болѣе упадаютъ, то ежедневныя листки, которые читаютъ господствующія справки нынѣшней эпохи, приобретаютъ тамъ съ каждымъ днемъ большую силу и могущество. Число журналовъ, выходящихъ въ Лондонѣ, гораздо меньше Парижскаго; но вліяніе ихъ на умы гораздо важнѣе, нежели во Франціи.

Сверхъ того либературныя *обозрѣнія* (*revues*) и другія подобныя повости, покупаются тамъ высшею аристократіею, которая не переняла еще Французскаго обычая, читать книги по часамъ, какъ фіакры, и если она не любитъ наукъ и художествъ, то по крайнѣй мѣрѣ щипаетъ долгомъ своихъ ободранъ ихъ.

Второй томъ книги г. С. Ж. *Симона* посвященъ исключительно промышленности. Авторъ говоритъ о главныхъ Англійскихъ фабрикахъ, и объясняетъ ихъ пышнее усовершенствованіе. Нельзя безъ какого-то внушенія содроганія читать его описаніе *Манчестерскихъ* мануфактуръ, въ которыхъ помощь человѣческая съ каждымъ днемъ становится менѣе пужною. Дѣйствительно, всё то, что дѣлается теперь посредствомъ паровыхъ машинъ, изумляетъ воображеніе; мысль пугается, предсавляя, что мертвое вещество получило отъ человѣка родъ какого-то таинственнаго разумія, какую-то душу, которая управляетъ этими ужасными колоссами и вливаетъ движеніе и жизнь во всѣ ихъ составы, жилы, мускулы!—Пугается, при видѣ машины, которая движется, дѣйствуетъ сама собою, и надзираетъ за собственными сохраненіемъ вѣрнѣе и съ болѣею предусмотрительностію, нежели самый человѣкъ! — Кто, при первомъ взглядѣ на всѣ чудеса, совершенныя въ этой изобрѣтательной землѣ, не скажетъ, что она имѣетъ право надѣяться на всѣ блага міра, что въ ней протекаетъ баснословный *Шактоль*?—и что тамъ наконецъ разрѣшилась великая задача народнаго благосостоянія, до того еще нигдѣ не разгаданная?

Г.

ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ МАРОКСКОЙ ИМПЕРІИ.

Народонаселеніе Марокка состоитъ изъ четырехъ совершенно различныхъ племенъ: *Амазирговъ*, *Маавровъ*, *Арабовъ* и *Жидовъ*. Амазирги или Мазирги прямые потомки древнѣйшихъ обитателей Сѣверной Африки;

имя этого народа встрѣчается у Греческихъ и Римскихъ историковъ, и ихъ главный колыба, Береберы и Зеллуги, живутъ въ Магрибъ-Эль-Акса. Жидаы, по большей части, приходятъ изъ Европы, какъ продолженіе великой эмиграціи, совершившейся въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ вѣкахъ. По извѣстію г. *Граберга*, воптъ въ какой соразмѣрности входятъ эти различныя племена въ главное народонаселеніе Марокской имперіи:

<i>Жители.</i>	
Амазирги-Береберы.	2,300,000.
Амазирги-Зеллуги.	1,450,000.
Мавры.	3,550,000.
Арабы, чистаго племени. . .	740,000.
Жидаы	340,000.
Негры	120,000.
Христіане	300.
Ренегаты.	200.

И того. . . 8,500,500.

Славный географъ *Балби*, въ своей «Сокращенной географіи» уменьшилъ это количество до 6,000,000; но мы думаемъ, что г. *Граберъ* правъ. Почва Марокской имперіи чрезвычайно плодородна, и можетъ доставлять этому числу жителей всегда вѣрное пропитаніе. Когда, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, императоръ Марокскій разрешилъ вывозъ зерноваго хлѣба, то однѣ только долины Дар-эль-Бенда доставили грузъ на 253 корабля оптъ 150 до 700 тоннъ. Если бы Марокская имперія, заключающая въ себѣ не менѣе 130-ти квадратныхъ миль поверхности, находилась подъ управленіемъ не столь жестокимъ, она могла бы снабжать хлѣбомъ большую часть Европы. Въ 1831 году вошло въ гавани Магриба и вышло изъ нихъ 9,700 тоннъ; итогъ привозовъ въ это же самое время возвышался до 4,000,000, а итогъ вывозовъ до 3,000,000 франковъ. Теперешній доходъ Марокскаго владычества состоитъ изъ 2,600,000 піастровъ, и думаютъ, что его

расходы не превышаютъ 990,000 фр. Военныя силы этой имперіи составляютъ оптъ 15-ти до 16,000 человекъ регулярнаго войска, между которыми находились оптъ 7 до 8,000 Негровъ; но это число можетъ увеличиваться чрезвычайными наборами и нерегулярною Бедуинскою конницею. Армія Сиди-Могаммеда въ 1789 году состояла изъ 32-хъ тысячъ человекъ, а морскія его силы изъ 10 фрегатовъ, 4 бригавъ, 14 шонеровъ и 19-ти шлюповъ, всего же изъ 6,000 неустрашимыхъ моряковъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ морскіе разбои стали съ живостію преслѣдоваться Европейскими государствами, эти силы были значительно уменьшены, и недавно состояли только изъ 3 бригавъ, вооруженныхъ 40 пушками и 13 шлюпами. Эпоптъ флотъ находился въ устьяхъ главныхъ рѣкъ имперіи.

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ

принца Пюклеръ-Мюскау.

Брисполь, 20 Декабря 1828 года.

Милая Юлія!

Я надѣюсь, что ты слѣдуешь за мною по ландкартѣ, безъ чего письма мои не могутъ быть тебѣ совершенно понятны; конечно, читая ихъ, ты не раздѣляешь со мною того наслажденія, которое доставляетъ мнѣ видъ здѣшнихъ живописныхъ замковъ и садовъ,—но по крайней мѣрѣ я спараюсь, какъ можно вѣрнѣе описывать ихъ,—слѣдовательно ты можешь имѣть о нихъ нѣкоторое понятіе. Сегодня былъ я опять въ великолѣпномъ замкѣ, о которомъ говорилъ тебѣ, и на эпоптъ разъ проводникомъ моимъ была молодая дѣвушка,—которой свѣжестъ представляла пріятную противоположность съ ужасною темницею цареубійцы — *Мартина* и мрачными подземельями замка, въ которыхъ мы сошли вмѣстѣ по небольшой лѣспницѣ. Послѣ того я осмотрѣлъ церковь съ прекрасными дверьми ея въ древнемъ Саксонскомъ вкусѣ и того же стиля огромною купелью, украшенною оппичною рѣзбою. Въ этой церкви погребенъ *Мар-*

тинъ; тебѣ извѣстно, что онъ былъ одинъ изъ судей, приговорившихъ *Карла I* къ смерти, и болѣе 40 лѣтъ провелъ въ пюррьмъ *Чепетовскаго* замка, гдѣ, какъ увѣряюшъ, всегдашняя веселость не совсѣмъ оставила его. Впрочемъ, по происшествіи первыхъ лѣтъ, заключеніе его было постепенно облегчаемо—и ему даже, спустя нѣсколько времени, отвели покойную и теплую комнату, потому что король *Карль II* не былъ ни жестокъ, ни мстительнъ. Дѣвушка показывала мнѣ при чудана, изъ которыхъ одинъ, чрезвычайно низкій, заспавалъ меня содрогнувшись. «Здѣсь,» сказала она мнѣ: «сидѣлъ сначала *Мартинъ*, пока онъ былъ еще злымъ человѣкомъ; когда онъ спалъ немного добрѣе, его перевели въ другой этажъ; а когда совсѣмъ исправился и сдѣлался набоженъ, тогда ему дозволили жить вверху—и дали чистую комнату, съ большимъ окномъ, изъ котораго прекрасный видъ въ поле.»

Въ два часа я выѣхалъ въ почтовой каретѣ, которая была такъ полна, что, не смотря на проливной дождь, я принужденъ былъ сѣсть съ кучеромъ на козлы; но и это незавидное мѣсто дали мнѣ съ большимъ трудомъ.— Мы проѣхали черезъ рѣку по прекрасному мосту, съ котораго очень хорошо было смотрѣть на древній замокъ, стоящій на вершинѣ утеса, перпендикулярно возвышающагося надъ рѣкою Ваею, что дѣлаетъ зданіе это опмѣнно живописнымъ. Потомъ долго видѣли вдали, на противоположномъ берегу, *Пирсфильдскій* паркъ и каменные скалы, служащія ему спѣною.— Я сказалъ проводнику дилижанса, который сидѣлъ на козлахъ и везъ насъ, что владѣлецъ этаго прекраснаго парка безъ сомнѣнія долженъ быть очень щастливъ. «Совсѣмъ нѣтъ,» отвѣчалъ онъ: «бѣднякъ въ долгу какъ въ шелку; у него куча дѣшей, и онъ очень желаетъ продать за хорошую цѣну *Пирсфильдское* помѣстье свое. Прошлаго году нашелся было купецъ, богатый негоціантъ изъ Ливерпуля, который хотѣлъ подарить энопъ замокъ сыну своему. Дѣло было почти слажено, но передъ самымъ совершеніемъ купчей, сынъ его женился на какой-то актрисѣ, и старикъ такъ

разсердился на него, что поспѣшъ отказался отъ покупки.» Это происшествіе можетъ служить текстомъ для многихъ моральныхъ разсужденій!

Между тѣмъ погода становилась часъ отъ часу хуже, и обрапилась наконецъ въ совершенную бурю, и хопя вѣтеръ дулъ намъ въ спину, но все-таки очень непріятно было переѣзжать каналъ въ это ужасное время. Карета, четыре лошади, люди и пожитки, все бросили коѣ-какъ въ лодку, гдѣ была такая пѣснопа, что мы съ трудомъ могли пошевеливаться; мѣсто возлѣ лошадей чрезвычайно опасно, потому что они, боясь парусовъ, особливо когда вспрѣчаются другое судно—бьются и бросаются во все стороны. Одинъ изъ пассажировъ упалъ имъ подъ ноги, вмѣстѣ съ ящикомъ, на которомъ сидѣлъ, — но къ щастью, добрыя живописныя только попомтали его, не сдѣлавъ ему большаго вреда,—что однакожь легко могло случиться.— Лодка наша шла совершенно бокомъ, и волны, плеская черезъ нее, обливали насъ съ ногъ до головы, — когда же мы доплыли до берега, то долго не могли найши гдѣ причалить. Наконецъ, вышли на сухую землю, то есть на ужасную грязь, въ которой чуть-чуть не потонули,—и я, къ великому моему сожалѣнію, потерялъ путь одинъ томъ *Байроновыхъ* сочиненій. Говорятъ, что при переправѣ черезъ Ливерпульскій каналъ не рѣдко случаются несчастія, потому что въ немъ много подводныхъ камней, и путешествіе часто сопровождается бурями. Недавно погибъ тамъ корабль со всѣми пассажирами. Очупясь на берегу, мы пошли пѣшкомъ къ пракширу по набережной, изъ подосапаго мрамора, краснаго съ бѣлымъ. Потомъ, отдохнувъ въ пракширѣ, сѣли въ другую почтовую карету, въ которой было до 20 человѣкъ, — отправились въ *Бристоль*, городъ извѣстный своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ; но сегодня я видѣлъ только его блестящіе фонари и ярко освещенныя лавки,

КАРЛО.

(Нѣмецкое народное преданіе.)

Однажды бушевала буря и какой-то карло, въ дождь и вѣтеръ, пришелъ въ маленькую деревушку Баллингень. Онъ подходилъ къ каждому дому, стучался въ дверь, просился, чѣмъ его пустили; но никто не хотѣлъ надъ нимъ сжалиться, а во многихъ мѣстахъ ему отказывали и еще злобно смѣялись надъ нимъ. Въ концѣ деревни жилъ пребѣдный старичекъ-паспухъ съ своею женою. Вотъ карло, котораго во всей деревнѣ никто не пустилъ къ себѣ, пришелъ къ ихъ маленькой хижинѣ и, дрожа отъ сырости, постучался въ дверь. Паспухъ тотчасъ ввелъ его въ свою бѣдную лачужку, и предложилъ ему все, что у него было. Спарушка принесла хлѣба, молока, сыру. Карло спалъ ѣсть, и сказалъ имъ: я не привыкъ къ такимъ простымъ кушаньямъ, но я все таки благодарю васъ. Теперь я отдохнулъ и мнѣ пора идти.—«Какъ!» вскричала спарушка: «ночью, въ такую погоду! Нѣтъ, это пустое! Оставайтесь у насъ. Мы какънибудь приготовимъ вамъ постель.» Карло усмѣхнулся и потрясъ головою.—У меня есть дѣло въ другомъ мѣстѣ,—сказалъ онъ: мнѣ нельзя здѣсь долше оставаться. Завтра вы кой-что узнаете обо мнѣ.—Онъ ушелъ. На другой день поутру была ужаснѣйшая буря, градъ, проливной дождь, громъ: быспрый попокъ съ прескомъ бѣжалъ на деревню; онъ влекъ съ собою огромныя скалы и вырываетъ деревья. Скоро дома, люди, животныя, все было поглощено. Волны уже неслись къ хижинѣ паспуха, и онъ съ женою, стоя у дверей, дрожалъ отъ страха и смотрѣлъ, какъ онѣ приближались къ его дому. Вдругъ посреди попока они увидѣли огромную скалу; на ней стоялъ карло; онъ плылъ и управлялъ ею такъ, что отворачивалъ губительныя волны отъ хижины своихъ вчерашнихъ хозяевъ. Потомъ вдругъ онъ спалъ роспи; росъ, росъ, спалъ великаномъ, и исчезъ въ воздухъ; а паспухъ и его жена, стоя на колѣняхъ, молились: они благодарили Бога, что онъ спасъ ихъ отъ смерти.

Съ Нѣм. П. Смирновъ.

Москва. Сентября 30-е.

ВОДЯНОЙ (WASSERMANN) и КРЕСТЬЯНИНЪ.

(Нѣмецкое народное преданіе.)

Водяной съ виду совершенно какъ обыкновенный человекъ; только та разница, что когда онъ раскроетъ ротъ, видны бывають зеленые зубы. Онъ обыкновенно носитъ на головѣ зеленую шляпу. Онъ является иногда молоденькимъ дѣвушкамъ, когда онѣ близко подходятъ къ рѣкѣ, и бросаетъ въ нихъ лешами.

Говорятъ, что когда-то одинъ водяной дружно жилъ съ однимъ крестьяниномъ изъ сосѣдней деревни. Иногда онъ ходилъ къ нему въ гости, и однажды пригласилъ его къ себѣ. Они вмѣстѣ пошли въ воду, и тамъ водяной показалъ крестьянину свой великолѣпный дворецъ и залы, разукрашенные золотомъ съ величайшею роскошью. Потомъ онъ ввелъ его въ маленькую комнатку, гдѣ стояло множество разнаго рода кубышекъ, дномъ вверхъ. «А это что такое?» спросилъ крестьянинъ.—Это души утопленниковъ,—отвѣчалъ водяной: я сперегу ихъ, чѣмъ онѣ не разлѣтѣлись.—Крестьянинъ ни сказалъ ему ни слова въ отвѣтъ и пошелъ спокойно домой; но участь этихъ душъ превожила его, не давала ему покоя, и онъ рѣшился освободить ихъ. Вотъ однажды онъ какъ-то узналъ, что воднаго не будетъ дома. Онъ пошелъ къ рѣкѣ и опустился въ воду на прежнемъ мѣстѣ; ему пощастливилось найсти дворецъ, пройти въ залы и добраться до маленькой комнатки. Тутъ онъ открылъ всѣ кубышки—и запертыя души всѣ разлѣтѣлись.

Съ Нѣм. П. Смирновъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

103.

Книжный и Разговорный языкъ.

Издатель одного журнала объявляетъ свое благоволеніе профессору Сеньковскому, за его ревностное спараніе о введеніи въ Русскую литературу *Разговорнаго языка* вмѣсто *Книжнаго*. Это объявленіе такъ чудно, что мы надѣемся угодить многочислен-

НЫМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ (1) НАШИХЪ ЛИСПКОВЪ ПОЛНОЮ ВЫПИСКОЮ ЗДѢСЬ ОНАГО.

..... «Противоположное мнѣніе проповѣдуется *Библиотекою для Чителѣ*, или лучше барономъ *Брамбеусомъ* (2), которъй, какъ новый Атласъ, одинъ держитъ на раменахъ своихъ всю громаду этого подстаго, огромнаго журнала (3). Весьма известна ненависть барона къ *силь* и *оньль*, обнаруженная имъ еще до изданія *Библиотеки*. Конечно, эта неумѣренная горячность, этогъ кресповый походъ противъ невинныхъ мѣспоимѣній, это вѣчное одно и то же, наконецъ перешло черезъ край, наскучило, надобно, не смотря на оспроуміе (!!!) и веселость (!!!) барона. Но, осуждая припорность повтора про одно и то же, я щипаю долгомъ опдашь справедливость основной мысли г. *Брамбеуса*, изъ которой происходитъ его ожесоченіе противъ *силь* и *оньль*, и которую онъ недавно высказалъ самъ весьма ясно и опредѣленно. Г. *Брамбеусъ* хочетъ освободить Русскій языкъ изъ шпаккаго плѣна *книжнаго*, хочѣтъ спряхнуть съ него всю школьную семинарскую пыль, хочѣтъ, чпобъ у насъ писали какъ говорятъ, а не надуться, не уродуя себя умышленно, не выпѣйствуя какъ Уранги въ школахъ; коротко сказать, хочѣтъ, чпобъ языкъ *Писменнѣй* не разицался опъ языка *Разговорнаго*. Мысль прекрасная, желаніе умное, хопя и высказывается г. *Брамбеусомъ*, можетъ быть такъ, въ шупку, для мисификаціи!—Мнѣ нѣтъ, впрочемъ, дѣла до его намѣренія, въ чемъ бы оно ни соспоало; я принимаю слова барона въ проспортъ сердца, за выраженіе его искренняго взгляда на вещь, за серьезное пребываніе реформы въ пользу Русской словесности. Въ эпонтъ опношеніи, я совершенно согласенъ съ нимъ въ идеѣ, только опнѣ не вижу никакихъ средствъ, никакой возможности къ ея исполненію. Выгъ правы, г. баронъ, чпю пишашъ надб, какъ говорашъ; но многѣ-ль у насъ такъ говорашъ? Говорашъ такъ, чпобъ съ ихъ словъ можно было прямо набирашъ печатную спраницу, безъ полиціи корректора? Вы сами, г. баронъ, позволите спросить, какъ вы пишеште? Положимъ, чпю вы пишеште, какъ сами говорите; но такъ ли вы говорите, какъ говорашъ? Въ ли владѣюнъ такимъ прекраснымъ, такимъ свободнымъ, и вмѣстѣ такимъ правильнымъ разговоромъ, какъ вы? Если и еспъ такіе фениксы на Руси, то всѣ ли они имѣюнъ подобное вамъ мужество и храбрость, печаташь свой разговоръ, какъ онъ еспъ? — Увы! воспианные въ

(1) *Литературнѣя Прибавленія* получаютъ въ каждой кондиперской, въ каждомъ пракирѣ, въ каждой гостиницѣ и находятся во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, исключая магазинъ Александра Филиповича *Смирдина*, гдѣ также не имѣется ни *Современника*, ни *Московского Наблюдателя*. — В.

(2) О. И. *Сенъковскій* самъ въ Юльскій книжкѣ опкрылъ, чпю это, онъ—баронъ *Брамбеусъ*, чпю *Морозовъ* и А. *Бѣлкинъ*—онъ же! — В.

(3) Которъй видимо худѣетъ; можетъ быть, съ глазу, а можетъ быть, чпю и опъ нестерпимо пляжей руки *Феофилакта Косикина*. Непоздоровился опъ *адакихъ* похвалъ. — В.

глубокомъ уваженіи къ печати и печатному, мы до сихъ поръ щипаемъ книгу чѣмъ-то параднымъ, не смѣемъ являться въ ней на *распашку*, въ *халатъ*, *туфляхъ* и *колякъ*, какъ въ *дѣлаете*! Не вините эпой *горюности* (4), г. баронъ; она еспъ натуральное слѣдствие чувства весьма почтеннаго, слѣдствие уваженія къ высокому званію *липератора* (5), сопровождаемаго печальнымъ сознаніемъ несоответственности нашего *разговорнаго* языка эпому высокому званію. Да, милосливый государь! будь нашъ *разговорнѣй* языкъ образованъ, установленъ, освященъ единогласнымъ упопрѣбленіемъ (6), какъ бы охотно послѣдовали въ вашему примѣру, пѣмъ болѣе, чпю онъ такъ проспъ, такъ легко! А теперъ—знаете ли вы, какъ полкуютъ даже объ васъ самихъ, объ вашемъ *липературномъ* поитѣ (7). Конечно, вы

(4) Это не *горюность*, не жеманство, а чувство приличія. Опъ чего краснѣтъ невинная дѣвица? Не ужели это *горюность*? — К.

(5) И уваженія къ Публикѣ! Безъ него *Липераторъ* слѣдаешъ *Наръжнѣмъ* или *Поль-де-Кокомъ*, актеръ—паяцомъ, живописецъ—маляромъ. На театрѣ спанушь представляшь одни бабеты. — К.

(6) Въ Москвѣ, за подѣлка передъ симъ, славились своимъ краснорѣчіемъ: князь *Потемкинъ*, графъ З. Г. *Чернышевъ*, князь П. В. *Лопухинъ*, генералы Н. П. и М. П. *Архаровы*, И. И. и Ю. И. *Поливановы*. Они пѣщили разсказами гостей своихъ, въ онѣй золотой вѣкъ хлѣбосошства, такъ, чпю ихъ заслушивались. Профессоры *Чеботаревъ*, *Политковский*, *Страховъ*, *Сохацкій* щегольски и широко говорили по Русски. — Г. сочинитель немножко опоздалъ съ своими благими совѣтами. — К.

(7) А. Въ *Литературнѣя Прибавленія* было печатано *дѣтъ сотни образчиковъ тона О. И. Сенъковского* (баронъ *Брамбеусъ* — это онъ!). Мы гоповимъ на закуску *Отечественной Публикѣ третью сотенку*, а между пѣмъ не мѣшаепъ и здѣсь угостить еѣ выписками нѣжностей, проннесенныхъ симъ оспроумнымъ писателемъ въ образованной бесѣдѣ.

«Въ одной книжкѣ *Б. для Чит.*, въ опдѣленіи *Иностранной словесности* еспъ спашья, очень забавная и занимательная: *Амброзіанскія ноги*. Въ ней двое пріяшелей, *Скотоводъ* и *Нортъ* разговариваюнъ о переселеніи душъ, и *Скотоводъ* сказавъ, чпю прежде, чѣмъ сдѣлался *Скотоводомъ*, онъ былъ львомъ, очень мило началъ разсказывать исторію своей жизни.

Нортъ. Скажи, пожалуй, правда ли, чпю левъ предпочитаетъ челоѣчье мясо всякому другому и, опвѣдавъ его однажды, обыкновенно дѣлаешъ анпропофагомъ (людоѣдомъ)?

Скотоводъ. Онъ можетъ дѣлался и не дѣлался анпропофагомъ, потому чпю я не знаю, чпю такое анпропофагъ (людоѣдъ, питающійся челоѣческимъ мясомъ). Чпю касается до предпочтенія, оказываемаго имъ челоѣческому мясу, то это зависитъ опъ его качествъ и доброты. Я, напримѣръ, никогда не могъ

увлекаете среднюю нашу публику; но послушайте, ка-

без принужденія съестъ старой бабы, какъ бы она жирна ни была, не говоря уже о старикахъ. A la longue, предпочиталъ я серну даже самой молоденькой и мягкой дьвущкѣ.

Какое поше?

Б. Въ другой книжкѣ *Б. для Чт.*, по поводу выхода въ свѣтъ сорока одной повѣсти лучшихъ иностранныхъ писателей, изд. *Николаемъ Надеждинымъ*, пишете:

«Означенный г. *Надеждинъ*, пробывъ, какъ самъ извѣщаетъ, четыре мѣсяца среди Европейской образованности, объѣхавъ съ своимъ наблюдательнымъ окомъ Францію, Германію, Италію и прочая, и прочая,— объѣхавъ землю, море и небо, изучивъ на-мѣстѣ всѣ достопримѣчательности *онихъ*, понявъ духъ времени, возвратился въ Москву, обобравъ всѣ книжки прошедшихъ годовъ своего *Телескопа*, — такъ, кажется, если мы не ошибаемся, зовуть Московскій журналъ, издаваемый означеннымъ г. *Надеждинымъ*, — и вопль явился цѣлые двѣнадцать помовъ спарыхъ повѣстей, подъ замѣчательнымъ названіемъ: *Сорокъ одна повѣсть самыхъ лучшихъ иностранныхъ писателей* въ самомъ дурномъ Русскомъ переводѣ, и прочая, и прочая. *Zalavie*, какъ вы изволите видѣть, очень длинно.

Что прикажете сказать объ эпосѣ переводѣ? Редакцизмъ и безвкусіе дышатъ въ немъ всюю своей прелестью; школьный слогъ, исцѣщенный *силми*, *онгли*, *означенными* и *вышеозначенными*, является въ полномъ блескѣ и величіи; дѣйствующія лица хорошаго общества говорятъ такъ, какъ пошло семинарныя *Демосены* и люди безъ всякаго чувства подлинной изящности Русскаго языка въ соспояніи писать на бумагѣ, забывши, что Русскій языкъ и хорошее общество есть на свѣтѣ. Мы были пронупы усиліями и панишвенными изворотами, среди которыхъ мысли *лучшихъ иностранныхъ писателей* просятъ, по Русски, здраваго смысла, какъ милосыни, Христа ради. Быть можетъ, есть въ нашемъ языкѣ переводы съ *лучшихъ иностранныхъ писателей* столько же безобразные, какъ эпосъ, но безобразнѣе — навѣрное нѣтъ ни одного. Охота же *означенному* г. *Надеждину* такъ коверкать вышеупомянутыхъ лучшихъ писателей! О бѣдные лучшие писатели! для того ли спарались вы говорить какъ можно милѣе и изящнѣе на своихъ *диалектахъ*, чтобы блестящій, свѣтскій языкъ вашъ, легкій и пахучій, какъ воздухъ будауровъ, былъ превращенъ *означеннымъ* г. *Надеждинымъ* въ самый грубый и неуклюжій глаголъ Русскаго повѣстчика, поднимющагося на кудрявый слогъ? *Perge umanità, dove si perde!* Мы говоримъ по Италіански для того, что *означенный* г. *Надеждинъ*, послѣ своего четырехмѣсячнаго путешествія по разнымъ частямъ свѣта, иначе и не изъясняется, какъ на *силь* диалектѣ, такъ, что на

кой ужасъ возбуждаете вы въ высшихъ (8) слояхъ общества! *Какой тонъ! Что это такое?* говорятъ даже тѣ, которые чипали васъ съ шайнымъ наслажденіемъ. Да припомъте позволите и по замѣнить: въ самомъ ли дѣлѣ вы сами пишете почъ въ почъ, какъ говорите? Ужели и въ разговорѣ вашемъ, который долженъ быть такъ легокъ, такъ быспрь, шорчить безпреспанно это проклятое *долженствовали* (9), которое попадаетъ на каждой страницѣ вашихъ прекрасныхъ спашей (10), и которое неоспоримо принадлежитъ къ одному словарю съ отверженными *силми* и *онгли*? — Чпоже это значить? Это значить, что вы сами, взявшись за перо, невольно прибѣгаете къ книжнымъ формамъ, невольно берете клинья изъ школьной граматики, чтобы сколошить фразу для печати! — И такъ, позволите мнѣ, со всѣмъ должнымъ къ вамъ уваженіемъ, опасаться при сказанной уже мысли, что система реформы, проповѣдуемая вами, очень хороша; но что ее нѣтъ возможности приложить къ нашей дилпературѣ во всей обширности и спросности, какъ вы сами по доказываете своимъ примѣромъ. Слава вамъ, что вы гоните *си* и *онге*; пусть они сдадутся въ архивъ вмѣстѣ съ *поше* и *сше*! Но будьше-же безприсраспны; раздѣлайтесь также и съ *долженствовали*; приучите нашъ слухъ къ любимому вашему слову *надуть*; однимъ словомъ, покажите примѣръ благороднаго, все выражающаго и никого не оскорбляющаго разговора въ печати, да покажите примѣръ благороднаго, все выражающаго и никого не оскорбляющаго разговора въ печати, да покажите не въ журнальныхъ спашейкахъ, не въ фантасмическихъ похощеніяхъ, не въ эпой пуспой болповнѣ о всякой вслчинѣ, которая есть насущный хлѣбъ журналовъ, а въ чемъ нибудъ подѣльнѣе, поважнѣе, посерьознѣе! — Тогда мы не спанемъ чипать кришкы, помѣщаемыхъ на васъ въ *Наблюдатель*, и пожалуй, укротимъ справедливое негодованіе, прошивъ васъ изъясняемое.»

примѣръ, слово *vendette*, мщеніе, онъ уже и не переводить по Русски; но пишете прямо Русскими буквами — *вендетта*.

Какое поше? Не эпосъ ли поше такъ пѣлилъ, очаровалъ, прельстилъ, восхитилъ г. сочинителя сей спашей? А что? Вишь можетъ спашейся! — К.

(8) Почему знаете это г. сочинитель? По слуху? Но словица очень основательно говорите: не всякому слуху вѣрь. — К.

(9) И одно ли узорное слово *долженствовали* безприсраспно употребляетъ баронъ *Браибургъ*? У барона стще-не вы: «Она имѣла двое дѣтей.» — «Полно *этихъ дуррачествъ*! Надежало бы сказать: «довольно этихъ дуррачествъ.» Слово *полно* можетъ быть употреблено съ неокончательнымъ наклоніемъ глагола, на примѣръ: *полно врать!*

Свѣ. Пчела, No 183, 1836.

(10) Желательно бы знать, какія спашей О. И. *Сеньковскаго* называетъ г. сочинитель прекрасными? — К.

Примѣчаніе. Все это неподобно: и великодушіе барона *Браибейса*, который изъ пламенной любви къ опечесиву желаешь добра Русской литературѣ, убѣждаетъ насъ бросить *Книжный* языкъ, а писать *Разговорный*, и высокое, огненное краснорѣчіе, съ коимъ г. сочинитель осыпаетъ его похвалами, сравниваетъ съ *Дециемъ*, *Курциемъ*, *Буарозомъ*. Жаль только, что они опоздали *тридцатью тремя годами*. Споры объ этомъ предметѣ происходили въ 1803 году; потомъ бывши выбранъ былъ *Московский Меркурій*, издаваемый Пепромъ Ивановичемъ *Макаровымъ*, рано похищеннымъ у насъ смертнью.

Изъ дружбы къ вамъ, господа, я вамъ шепну на ушко: *Карамзинъ* началъ писать *Разговорнымъ* языкомъ; онъ истинный преобразователь языка Русскаго; ему подобаешь честь и слава!

А. Кораблинскій.

Августа 15-ое
1836.
Село Рыбацкое.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЩАСТЛИВЕЦЪ.

Кто близко-смерти не встрѣчалъ,
Кто бивши съ рокомъ не извѣдалъ,
Кто хлѣбъ съ слезами не ѣдалъ
И чашу скорби не опивалъ;
Надъ чьей щасливой головой
Ни разу бури не шумѣли,
Кто никогда во пѣть ночной
Своей спрадальческой постели
Слезой горючей не кропилъ,
Кто не былъ въ мѣрѣ сиротою, —
Тотъ не молился Богу силъ
Со всею дѣтской простотою,
Невинной; кроткою душой,
Молившой Господу доступной,
Съ любовью чистой, неподкупной
И съ вѣрой пеплой и святой.

И топъ съ привѣтомъ упѣшенья
Къ одру спрадальца не придетъ,
И топъ бальзама исцѣленья
На язвы брата не прольетъ;
Онъ безпріютнаго скипальца
Въ свой домъ радушно не введетъ,

И повѣсть грустную спрадальца
Душою чорствой не пойметъ...

Но кто извѣдалъ жизни горе,
Кто заглянулъ въ лицо бѣдамъ,

И чья ладья въ жижейскомъ морѣ
Носилась долго по волнамъ,

Подъ ризой мрака и ненастья,
Кто кубокъ скорби выпилъ самъ, —

Тотъ хлѣбъ и слѣзы соучастья
Раздѣлитъ съ нащимъ пополамъ,

Къ одру недуга и мученья
Въ пюрью сырую бѣдняка

Придетъ онъ съ словомъ упѣшенья;
И жерпву злобы и гоненья

Не отпюлкнетъ его рука.

М. Делидовъ.

1836. Сѣвскъ.

Ш А Р А Д А.

Дорога, практъ и я, почпи одно и тожь:

Бываю водной, желѣзный и дощаный,
Бревенчатый, гранипный и пещаный;
Лежу чрезъ лѣсъ, рѣку, чрезъ попи, черезъ рожь,

Бываю я широкій,

И какъ пропинка узкій тожь,
Съ горы и нагору, корошкій и далѣкій.

Я, то есть *первый* слогъ—и это вишь не ложь.
Второй есть гласная; а смыслъ *конца* похожь
На смыслъ начала такъ, что ужъ нельзя быть ближе,

Но благороднѣе и выше саномъ онъ,

И можетъ быть употреблень
Для важныхъ случаевъ и важныхъ лишь персонъ.

Проживши въ Лондонъ и побывавъ въ Парижъ,
Въ Женевъ, Угличъ, Неаполь, Несвижъ,

Про *цѣлое* мое вамъ можно говорить,
Что щасливо его изволили свершить.

L O G O G R I P H E.

Sans recourir à la parole,
Sans employer ni crayons ni pinceaux,
J'offre de l'un à l'autre pôle,
Par un charme inconnu, les plus frappans tableaux.
Oui, lecteur, je peins do votre âme

Les mouvemens impétueux ;
 Par moi l'indifférent s'enflamme,
 Le poltron devient belliqueux ;
 J'inspirai l'orgueilleux satire,
 Qui défia le dieu des vers ;
 Par le prestige d'une lyre ;
 A l'amour j'ouvris les enfers.
 Dans l'Olympe, mortels, je portai vos hommages,
 Ici bas j'adoucis vos mœurs les plus sauvages.
 Comment ne pas avoir un peu de vanité ?
 Dans mes sept pieds une divinité
 Ne dédaigne point de paraître ;
 Deux signes de mon art se font aussi connaître.
 Au dernier de mes pieds ajoutez un accent,
 Puis retranchez mon cœur, ô Dieu! quel changement!
 Je marque d'un être frivole
 La plus frivole qualité,
 Qui de tout temps fut son idole,
 Excusez ma sincérité.

Въ NN^o 88 и 89-мъ, помѣщенныя значашъ: омонимъ *Гребель*, загадка *Аcier*.

К Р И Т И К А.

Замѣчанія на спашью—Выспавка Художественныхъ произведеній, *напечатанную въ Октябрьской книжкѣ Библиотеки для Чтенія, въ отдѣленіи: Литературная Лѣтопись.*

Начнемъ съ того, что мы недоумѣваемъ почему спашья о картинахъ, архитектурныхъ чертежахъ, изваяніяхъ и гравюрахъ зашла въ *Литературную Лѣтопись* (1)? Въ Библиотекѣ для Чт. есть отдѣленіе *Наукъ и Художествъ*, Туда она естественна принадлежала.

«Объжавъ дважды безконечныя залы Академіи Художествъ, открывшя только вчера (18 Сентября), и эпопѣ длинный рядъ картинъ, спашуй и другихъ предметовъ искусства, изготовленныхъ нашими художниками;» говоритъ *О. Ш. Сеньковский*: «мы были удивлены и числомъ дарованій и ихъ силою, хотя, кромѣ *Воробьева* и *Кипречскаго*, никто изъ «ПРОСЛАВЛЕННЫХЪ» не в спавилъ своихъ прудовъ.»

(1) Спашья же о засѣданіи Академіи наукъ въ *Слѣсь*, а не въ отдѣленіи, которое называется *Науки*.—К.

Какъ никто? А *Егоровъ*, *Шебуевъ*, *Бруни*, *Басинъ*, *Ивановъ*, *Уткинъ*, *Марковъ*, *Делути-Малиновскій*, *К. Тонъ* и *А. Тонъ* развѣ не прославленные? Развѣ г. *Сеньковский* не чипаль печашной росписи 525-пи художественныхъ произведеній нынѣшней выспавки?

Пускай же онъ повѣришь *Свѣ. Пгелль*, которая говоритъ:

1. Въ залѣ *Рафаэля*, картина *Егорова*: Божія Матерь Предстательница, опличается чистотою рисунка и правильностью сочиненія; но она не оставяетъ по себѣ разительнаго впечатлѣнія. Почему? Объ эпопѣ скажемъ послѣ.

2. *Марковъ* занялъ сюжешъ для своей картины у *Крылова* и представилъ фортуна, надѣляющую нищаго золотомъ. Киса бѣдника уже прорвалась, золото лепишь на землю, а онъ все еще недоволенъ. Баснописецъ *Крыловъ* смотришь издали и насмѣшливо улыбаешся. Далѣе спашуй *Наполеона*. Фигура фортуны легка и воздушна; въ лицѣ нищаго воспоргъ и жажда корыспи выражены удачно. Мы почишаемъ эпо произведеніе однимъ изъ лучшихъ на нынѣшней выспавкѣ.

3. Середину *Рафаэлевой* залы занимаешъ большая картина *Иванова*. Художникъ представилъ картину Спасителя, являющагося Магдалинѣ, послѣ своего воскресенія. Голова Магдалины написана кисью мастера. Видно, что эпо женщина проплакала дни и ночи; прелестное лицо ея искажено внутреннимъ спраданіемъ; но не до безобразія; молишельные взоры, съ выраженіемъ надежды, успремлены къ источнику радости и милоспи, къ Спасителю Марія Магдалина прислана изъ Италіи.

Припчаніе. Г. *Сеньковский* находишь эпо картину пвореніемъ испинно великаго таланта; но для того, чтобы хвалишь, не надобно нарушашъ ни правилъ грамашики, ни правилъ синтаксиса; а онъ нарушилъ его, написавъ:

«Эпо дивное лицо женщины, *изломанное* спраспями и *воспламененное* огнемъ раскаянія, эпо слеза, которая капилъ изъ горящаго, заплаканнаго глаза, все, все заслуживашъ величайшей похвалы.»

Тупъ спребуешся падежъ винишельный: величайшую похвалу. Еслибъ здѣсь шло дѣло

о повѣспи г-на *Рахманнаго*, или объ изданіи стихопвореній г. *Тимофьева*: по надлежало бы написать: не заслуживаетъ и мельчайшей похвалы.

Возвращаюсь къ *Свв. Пгелль*.

4. Картоны г-на *Бруни*, изъ картины, представляющей Воздвиженіе мѣднаго змія въ пустынѣ, скромны и просты, и не привлекаютъ полны яркостью красокъ. Это эскизы; передъ ними оспанавливаются только тѣ, которые понимаютъ дѣло. Прискорбно видѣть, какое большое число посѣщителей проходитъ мимо; эти же посѣщители усердно оспанавливаются передъ каждымъ портретомъ, и передъ каждою живописною игрушкою. Но Богъ съ ними, съ этими посѣщителями! Картоны даютъ высокое понятіе о картинѣ г. *Бруни*. Дайте намъ скорѣй это произведеніе; пусть наша Академія увѣнчается другимъ вѣнцомъ. Здѣсь остановимся на минуточку и приведемъ мнѣніе г. *Сеньковского* о Сивиллѣ и Торвальдсенѣ, кисти нашего пламеннаго *Кипренскаго*.

Вопь оно:

«Говоришь ли здѣсь о двухъ портретахъ г. *Кипренскаго*? Это скорѣе два tableaux de genre, двѣ картины частнаго рода. Вы спросите — какого же частнаго рода? Мы скажемъ — *гнилаго* рода;» отвѣчаетъ, не заикаясь, авторъ статьи *Б. для Чтенія*.

Примѣчаніе. Какое граціозное, комфортабельное, fashionable слово щастливо употребилъ почтенный редакторъ *Б. для Чт.*, говоря о нѣжной, радужней кисти Русскаго *Тиціана*! Его бы намъ проспакать не выдумать и въ вѣкъ! Но послушаемъ, что еще скажетъ намъ почтенный оцѣнщикъ выставки 1836 года:

«Представлять на новой картинѣ старую картину — не значить ли это писать въ частномъ родѣ, въ которомъ почти никто не пишетъ? Намъ такой родъ вовсе не нравился. Въ литературѣ давно рѣшено дѣло *Чаттертоновъ* и *Мекферсоновъ*, которые также поддѣлывали старинную наружность. Поддѣлка вездѣ называется поддѣлкою, на бумагѣ и на полотнѣ (2). Весь родъ чедовѣскій въ томъ согласенъ, что поддѣлка есть вещь недостойная первокласнаго таланта: а г. *Кипренскій* — талантъ первокласный (3)! Г. *Кипренскій* вздумалъ лишать время непре-

ложныхъ правъ его; напрасное усиліе; время возьметъ свое и изъ новой старой картины сдѣлаетъ двойнѣ старую. Какая мнѣ надобность до того,» продолжаетъ г. *Сеньковский*: «что г. *Кипренскій* пренекусно поддѣлался на эпому портретѣ подъ кусокъ стараго *Тиціанова* полотна! Я знаю, что это не *Тиціанъ* и не спану судить какъ о памятникѣ *Тиціанова* вѣка: я вижу, что пусть не время сдѣлало изъ батиста парусину, но самъ художникъ, что не два столѣтія закопчили и исцарапали небо, но капризь живописца, и упрекаю того, кто эпому причиною. Напишіте портретъ почно такъ, какъ написалъ бы *Тиціанъ* теперь, сегодня! Тогда только покажете вы настоящее искусство. И при томъ, сообразно ли съ цѣлью, съ существомъ портрета, переносить въ него историческую живопись? Выходить, что это не портретъ и не исторія, а такъ — *нѣтъ въ своемъ родѣ*. Мы отдаемъ полную справедливость отличному дарованію г. *Кипренскаго*;» продолжаетъ авторъ сей статьи: «конечно, оба эти портрета обнаруживаютъ руку художника, отличнаго художника, но, любя свыше всего еспественность, не хотимъ одобрять никакихъ напѣжекъ; никому не совѣтуемъ подражать эпому роду, и предоставляемъ всѣмъ и каждому судить о портретахъ князя *Г**** и *Торвальдсена* по своему вкусу и разумію. На портретѣ *Торвальдсена* мы еще готовы, согласиться, потому что въ немъ менѣе поддѣлки: онъ прекрасенъ, тѣмъ болѣе, что, говорясь, схожъ чрезвычайно; но другой!...»

Примѣчаніе I. Авторъ сказалъ сперва, что эпому роду живописи никуда не годится и что онъ никому не совѣтуетъ писать портреты въ эпому родѣ, подъ конецъ соглашается, что портретъ *Торвальдсена* прекрасенъ и съ подлинникомъ своимъ сходенъ чрезвычайно. Гдѣ-жь логика? Гдѣ основательность?

Примѣчаніе II. Наговоря столько несообразностей, авторъ восклицаетъ: *Не станемъ говорить о другомъ* (портретѣ) *ли хорошо, ли дурно*... Не поздно ли?

Объ эпихъ же самыхъ картинахъ *Кипренскаго* въ *Свв. Пгелль* напечатано мнѣніе, совершенно противоположное тому, которое помѣщено въ *Библіотекъ для Чтенія* и которое мы привели выше:

«Скромные картоны *Бруни* виолтъ возлѣ Сивиллы и Торвальдсена, *Кипренскаго*, знакомыхъ намъ по прошедшей выставкѣ. Пусть зависеть и недоброжелательство освистываютъ великаго художника; пусть крикуны, непонимающіе искусства, упрекаютъ его за то, что онъ приобрѣлъ честную славу; пусть себѣ кричатъ, сколько угодно: *Кипренскій* все-таки оспанелся *Кипренскимъ*; передъ его Сивиллою все-таки будущъ оспанавливаться съ изумленіемъ; на его Торвальдсена все-таки будущъ сморѣть съ воспоргомъ, какъ на идеаль воспорженнаго художника.»

(2) Не понимаемъ, о чемъ намекаетъ почтенный г. редакторъ. — *К.*

(3) Рѣшиительно не знаемъ, чего требуетъ, о чемъ хлопочетъ авторъ сей статьи. Мы видѣли картины

Кипренскаго еще не читавъ ее, потомъ нѣсколько разъ разсмащивали со всѣхъ сторонъ прочитавъ ее. — *К.*

Мы не прибавимъ къ этому ни одного слова: ясно, безприспартно, убѣдительно!

О Семействѣ Ниобы, въ *Б. для Чт.* сказано:

«Г. *Шалишинъ* беретъ себѣ краски съ палитры *Кипренскаго*, который разорвется на карминъ, крѣпко любя couleur de cerise.»

Для чего бы не сказаць по Русски: *вишневый цвѣтъ, цвѣтъ вишенъ?*

Въ *Библиотекъ для Чтенія* напечатано:

«*Чернецовъ* трактовалъ пошъ самый предметъ.»

Для чего бы не напечатать: *Чернецовъ писалъ, или живописалъ*, избралъ пошъ же самый предметъ?

«Прежде всего преклоните колѣни передъ четырьмя видами Максима Никифоровича *Воробьева!*» говоритъ г. *Сеньковский*: «Чудо! Мы госповы утверждашь, что никогда г. *Воробьевъ* не производилъ ничего лучше вида Иерусалима.»

Пустая фраза, бипая и перебиная.

«Тутъ—четыре мастерскія произведенія, но видъ Иерусалима выше всѣхъ похвадь. Какъ превосходно схваченъ характеръ края, воздуха, неба! Какъ это шедло, прозрачно, далеко, какъ *Иудейски-вѣрно!*»

Жидовская правда, Жидовская вѣрность употребляется у насъ въ насмѣшку.

«Этотъ пейзажъ...»

Для чего же не *видопись?* Випъ г. *Сеньковский* выдавалъ это словцо за такое, которое вполне выражаетъ идею *пейзажа, ландшафта, сельского вида.*

«Этотъ пейзажъ дѣйствительно переноситъ васъ въ знойную Палестину. А Набережная Академи! Перспектива, воздухъ, вода, общій эффектъ, все выполнено какъ *нельзя искусство. Умно и ловко! Превосходно освѣщенныя, и огромныя сѣньки кажутся еще огромныя, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ, хотя спроегая соразмѣрность соблюдена вездѣ.»*

Какой наборъ эшпешевовъ, копорые можно приставить и къ карпинамъ, и къ гравюрамъ, и къ портретамъ, и къ видописамъ.

«*Внутренность* Иерусалимскаго храма не уступаютъ доспоинствами своими двумъ предыдущимъ карпинамъ, но виды внутренности зданій принадлежатъ собственно къ роду болѣе легкому.»

Это почему?

«Мы беремъ видъ Иерусалима!... Если г. *Воробьевъ* ошдаспъ намъ его.»

Вопъ еще доказательство справедливости нами сказаннаго; разверните спр. 60-ую *Лит. Лѣтописи:*

«*Портретная живопись.* Здѣсь рѣшительно царствуетъ молодой *Плюшаръ*. Ему принадлежатъ вѣнецъ, и на этой выставкѣ онъ не имѣетъ соперника. Мы не говоримъ, чтобы тутъ не было весьма хорошихъ портретовъ, писанныхъ другими художниками; но *Плюшаръ* такъ далеко оставилъ всѣхъ позади себя, что мы объ немъ только и говоримъ. Его люди все живы и говорятъ.»

До сихъ поръ изрядно, всякой порядочный человекъ сказалъ бы также; но послушайте далѣе:

«Они изгибаются въ лицахъ, мигаютъ и дѣлаютъ свои привычныя гримасы при видѣ своихъ знакомцевъ; они шевелятся въ рамкахъ и, еслибъ не были привязаны сзади веревками, я утѣренъ, все они разошлись бы по своимъ домамъ.»

Этого не услышите ни отъ кого, кромѣ автора *Фантастическихъ путешествій и Записокъ Домоваго.*

«Есть тамъ одна *Ипаліанка, Онората.*»

Ипаліанка... правда! *Онората*... неправда. Этимъ именемъ чеспвуютъ старинныхъ дворянонь хорошаго поведенія на оспровѣ Мальтѣ. *Плюшарова* *Ипаліанка* прядетъ, *Мальтійскія* дворянки не прядутъ. Такъ въ другой книгѣ онъ назвалъ *берендейки* шапками, погда, какъ это были португеи съ ружейными папронами въ *Спрѣлецкихъ* полкахъ. Ссылаюсь на извѣстныхъ знапоковъ Русскихъ древностей г. *Буткова, Руссова, П. М. Строева, Устрялова.* Объявля торжественно, что все переводимыя имъ спашья, ошносящіяся къ *Магомепанскому Воспоку, представленны или гитателямъ совершенно въ новолѣ родѣ, г. Сеньковский* нагромоздилъ ошибки на ошибки, промахи на промахи, въ шѣхъ, кои уже напечатаны. А именно: онъ заспавляетъ *Абада* I-го взоипи на пресполь семь лѣтъ спустя послѣ его смерти. Онъ превратилъ *Юсуфа - Ибнъ - Тесифрина* изъ государей въ проспы генералы. Въ вознагражденіе за то, онъ приписалъ ему взятіе присупомъ *Севиллы*; погда, какъ она завоевана однимъ изъ его полководцевъ.

Онъ сокращаетъ годы царствования *Абадитовъ*, изъ 65-ти въ 48, а нѣсколько пониже въ 43 года. Кажется, довольно. Если же выпишавъ всѣ погрѣшности г. *Сеньковского* въ сочиненіяхъ его объ Азіи: то выдепъ книга споль же полсная, какъ Январская *Библиотеки для Чтенія* 1834-го года.

«Г. *Лебедевъ*, еще ученикъ во время послѣдней выспавки, правда, ученикъ опличный, въ нынѣшнюю явился уже мастеромъ своего дѣла. Его при дѣсныя вида *Италіи* оплчно хороши, даже прекрасны; но болѣе всѣхъ прекрасенъ средній. Когда вы остановишесь передъ эними према *пейзажами*, посмотрише на дѣсь, покрывающій гору на средней каршинкѣ, и скажише искренно — *есть ли лѣсъ лучше этого на свѣтѣ.*»

Скажемъ искренно, что сельскіе виды арписпа *Лебедева* очаровательны; но за чѣмъ же спавишь слово *пейзажъ*, когда самъ авторъ эпои спавиши усыновишь слово *видописъ*, и за чѣмъ хвалишь не просподушно, а выраженіемъ напянушымъ, жеманнымъ?

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

M O D E S.

Un article tout nouveau aussi, ce sont les châles carrés en vrai crêpe de Chine rouge corail, rouge cerise ou rouge grenade, richement brodés au *crochet* pour les tiges et nervures et au *passé* pour les fleurs et le feuillage, le tout en grosse soie torse noir. On voit d'autres châles aussi également carrés, mais moins amples à fond noir et brodés en guirlandes ou bouquets *jardinières* de couleurs nuancées. Nous signalons comme un objet charmant et de la dernière élégance les petits fichus *paysanne* en satin noir garni de dentelles noires; on portera aussi cet hiver des bonnets noirs, non en tulle avec des rubans de couleur, ce qui était devenu si commun, mais en satin ou velours noir avec des nervures d'or et une grosse ruche de blonde noire tout autour. Les femmes blondes et fraîches seront ravissantes avec ces petits bonnets qui rappellent les coiffures suisses. Beaucoup de mantelets de soirées vont se faire avec des capuchons, on en mettra même aux manteaux de promenades; mais ce *capuchon* est si artistement fait qu'il produit l'effet d'un second collet

en descendant en pointe sur la poitrine. On portera beaucoup de robes de l'Inde avec les belles broderies *de Nancy* pour aller au bal cet hiver; celles qui n'auront pas de volans seront ornées de nœuds de rubans relevant la jupe sur le côté et même de bouquets de fleurs; car on a mis de côté l'espèce de préjugé qui n'admettait de fleurs artificielles qu'avec les étoffes de soie ou le crêpe: de même que l'on portait du velours pendant la canicule, on portera des fleurs avec de la mousseline, et certes l'innovation est moins étrange.

М О Д Ы.

Еще новая отрасль нарядовъ, это четверугольные плашки изъ настольщаго Китайскаго крепа краснаго коральковаго цвѣта, алаго или гренадоваго, богато вышишые, жилки и въпви крючкомъ, а листья и цвѣты въ проборъ; всё это вышишио толстымъ, сученымъ, чернымъ шелкомъ. Видны также другіе плашки; они не такъ велики, съ чернымъ грунтомъ, вышишые гирландами или букетами *jardinières* всѣхъ цвѣтовъ. Мы укажемъ, какъ на прелестную и весьма щеголеватую вещь, маленькія косыночки *à la paysanne* изъ чернаго атласа, обшитыя черными кружевами; нынѣшней зимою также будутъ носить черныя чепцы, не изъ шюля съ цвѣтными лентами, что сдѣлалось такъ обыкновенно, но изъ чернаго атласа, или бархата, съ золотыми жилками и густымъ чернымъ рюшемъ вокругъ. Бѣлокуроія свѣжія дамы будутъ прелестны въ энихъ маленькихъ чепчикахъ, напоминающихъ Швейцарскіе уборы. Вечернихъ манпильй много будутъ дѣлать съ капишономъ. Плаци для прогулокъ будутъ дѣлать также съ ними; но капишонъ этомъ такъ искусно сдѣланъ, что имѣетъ видъ вшораго ворошника, спущеннаго на грудь мыскомъ. Плашья изъ Индѣйской кисеи, съ прекраснымъ шипшемъ *Нанси*, будутъ въ большомъ употребленіи нынѣшней зимою для баловъ; нѣкошорыя изъ нихъ, безъ оборокъ, будутъ отдѣлываться баншами изъ лентъ, приподнимая юбку съ одной стороны, и даже букетами цвѣтовъ; нынѣ оплжили въ сторону предразсудокъ, не дозволявшій употребленія поддѣльныхъ цвѣтовъ иначе, какъ съ шелковыми матеріями или крепомъ: какъ носили бархатъ въ каникулы, такъ будутъ носить цвѣты съ кисеёй, и конечно эшо нововведеніе не такъ спранно, какъ первое.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 92 и 93.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, НОЯБРЯ 14 ДНЯ 1836 ГОДА.

Что нашъ больной?—Сегодня приобщался,
Лѣкарства больше не беретъ,
И Докторъ отказался. —
Ну, славу Богу! есть надежда, не умретъ.

А. Измайловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ШВЕЙЦАРІИ.

Спрасть къ путешествіямъ сдѣлалась съ нѣкотораго времени до того общею, что всякой, получившій болѣе или менѣе оплченное воспитаніе, щипаетъ необходимымъ отвѣчать утвердительно на слѣдующій вопросъ: вы конечно были въ Швейцаріи?

Нынѣ просвѣщенный человекъ обязанъ хотя разъ въ жизни объѣхать всю Европу; но главный предметъ модныхъ путешествій, — есть Швейцарія.

Ничего нѣтъ любопытнѣе, какъ видѣти отправленіе пароходовъ на Женевскомъ озерѣ, —туда собираются толпами люди всѣхъ частей свѣта, чтобы послѣ разсѣяться по живописнымъ долинамъ этой поэтической земли. Они являютъ на пристань въ смѣшной одеждѣ пѣшихъ спранниковъ, съ копомкою за плечами, съ паспущимъ посохомъ въ рукѣ, и съ видомъ гордымъ и самоувереннымъ, какъ молодые конскрипты, которые нѣкогда отправлялись на завоеваніе вселенной. — Между пассажирами болѣе всего

Англичанъ; родясь пупешеспвенниками, они, по праву побѣды, или занятія, населяютъ собою въ Швейцаріи цѣлыя колоніи, и, недовольствуясь Индіею, присвоиваютъ себѣ каждый годъ какой нибудь изъ Гельветическихъ кантоновъ.

Богатые лорды ѣздятъ пакъ покойно, какъ будто бы они ни на минуту не оставляли домовъ своихъ. Они сидятъ въ прекрасной каретѣ, погружаясь въ мягкія подушки — и въ сопровожденіи другихъ экипажей, наполненныхъ слугами и всякими по потребностямъ, скачутъ по большимъ дорогамъ съ невѣроятною скоростью. Впереди ѣдетъ управитель, завѣдывающій пупевыми издержками. — Онъ заготовляетъ лошадей, кварпиры и заботится объ удовольствіяхъ своего господина, который самъ не хочетъ думать ни о чемъ, и планируетъ довольно дорого, чтобы другіе о всемъ думали за него. — Когда на пупи встрѣчается какой нибудь любопытный предметъ, управитель кричитъ во все горло: вопъ водопадъ N... N... вопъ гротъ M... церковь святаго V... гробница A... и пр. — тогда, если милордъ расположенъ немного обезпокоиться, то онъ выставляетъ голову

изъ окна, именно въ ту минуу, когда карепа проскакала мимо, и ужь невозможно ничего видѣль. Но это не бѣда; милордъ опускается опячь на подушки и снова предается безчувствию,—или засыпаетъ крепкимъ сномъ. Иногда на спанціяхъ, гдѣ случается долго ждачь лошадей, скука и врожденный ему инстинктъ пыпливости, заспавляютъ его спросишь имя селенія, гдѣ онъ оспановился; ему сказываютъ его на выворопъ, и онъ очень доволенъ, хопя совсѣмъ не слышалъ его!

Въ городахъ онъ оспанавливается обыкновенно въ лучшихъ практирахъ, занимается множествомъ богато убранныхъ комнатъ, и никуда не выходитъ изъ нихъ.—Привычка сидѣль дома, и ничего не дѣлать, такъ сильна въ знапныхъ Англичанахъ, что въ чужой земль они не имють сообщенія ни съ кѣмъ, и поручаютъ управителямъ своимъ заботиться о всемъ помъ, что касается до прѣзда или опъзда ихъ.

За чѣмъ же люди эти путешествують по Швейцаріи? Не лучше ли было бы для нихъ проѣхать разъ двадцать взадь и впередъ, по гладкимъ Англійскимъ дорогамъ? Это совершенно имѣло бы для нихъ одну и ту же выгоду.

Но другіе Англичане путешествуютъ гораздо скромнѣе, и слѣдовательно съ большею пользою, оказывая вездѣ самое похвальное любопытство, и не оставая безъ замѣчанія ни одного маленькаго городка, ни одной развалившейся хижины, ни спараго куряпника!—Они разсмаприваютъ все; споятъ по часамъ надъ каждымъ грязнымъ ручьемъ,—спрашиваютъ имя всякаго камышка, лежащаго на дорогѣ, и тщательнo записываютъ его въ альбомъ своемъ, въ который заглядываютъ поминушно для освѣженія памяти; особенно же спаратются они затверживать имена бѣдныхъ деревушекъ, черезъ которые проѣзжаютъ и которые составляютъ главную, или, лучше сказать, единственную цѣль ихъ путешествія. Не смотря однакожь на всѣ мелочныя замѣчанія этихъ обстоятельныхъ наблюдателей, вѣрность топографическихъ свѣдѣній ихъ час-

по бываетъ подвержена сомнѣнію, потому что имъ попадаются иногда неперпѣливые проводники, которые, наскуча безпрестанными ихъ вопросами, называютъ города и селенія на удачу; путешественникъ тщетно ищеть ихъ на дорожной своей ландкартѣ, и рѣшается наконецъ открыть альбомъ свой,—эпотъ альбомъ—драгоценный плодъ труда и безконечныхъ изысканій, и записываетъ въ немъ имя, совсѣмъ не принадлежащее мѣспу, которымъ проводнику угодно было назвать его!

Дѣйствительно, что дѣлать во время скучнаго переѣзда озеромъ, если не хочешь ограничить себя пошлыми фразами: *сегодня прекрасная погода*;—или, *кажется къ вечеру будетъ гроза*, и пому подобное, которые составляютъ въ эпомъ случаѣ языкъ всемірный? Удивляясь про себя волнамъ озера, или прекраснымъ видамъ береговъ его, наконецъ надоѣспъ, и захочешь сообщить кому нибудь свое восхищеніе. Возль путешественника сидитъ словоохотливый поварищъ! *«Какая гудная земля!»* восклицаетъ онъ. И сосѣдъ его, молодой, неопытный школьникъ, съ цвѣтущимъ лицомъ, съ новыми и свѣжими ощущеніями, безъ памяти радуется, что можетъ говорить съ кѣмъ нибудь о помъ, что видѣль онъ, что видитъ или чего не видалъ еще; но что въ неперпѣнии своемъ онъ уже обнимаетъ воображеніемъ. Онъ нашелъ душу, которая понимаетъ его; душу, которой онъ отдаетъ дѣвственнoсть первыхъ своихъ впечатлѣній—и, въ пылу энтузіазма, схватя незнакомца за руку, говоритъ: *«Ахъ! м. г., какая живописная, поэпическая природа!»*

—Да! я, напримѣръ, ничего не видывалъ прекраснѣе эпой долины.—

«Вы правы. Я хотѣль бы провести въ ней всю жизнь свою!»

Будьте разговорчивы—и вы заслужите довѣренность и дружбу эпого молодаго Нѣнца, который каждый годъ ѣздитъ въ Швейцарію для того, что въ похвальной поспѣшности своей онъ каждый разъ забываетъ осмотрѣль памъ что нибудь любопытное.

Два года тому назадъ, онъ прижды сряду былъ на *Силлонтъ*.

Однажды онъ позабылъ про лавръ *Изоли-Беллы*, на которомъ *Наполеонъ* начерпиль слово: *Побѣда*. Прошлаго году ояпъ ѣздилъ въ Ферней, гдѣ ему не показали любимой скамейки *Вольтера*, и если вамъ черезъ нѣсколько лѣтъ случится бытъ въ Швейцаріи, то вы навѣрное воспрѣнете памъ эшаго неупомимаго и ревностнаго путешественника, и узнаете его потчасъ по двумъ обыкновеннымъ выраженіямъ его: *Какъ мило! Какое обворожительное великолѣпіе!* — Эпи два восклицанія онъ употребляетъ безъ разбору—при видѣ *Монблана*—и какой нибудь пастушей хижины въ *Интерлакенъ*.

Но не вся Швейцарія равно подвержена мелочнымъ наблюденіямъ классическихъ путешественниковъ, и еспъ нѣкоторыя мѣста, прославленныя великими событіями, которыя пользуются исключительно безсмертнымъ ихъ удивленіемъ. Замки *Ферней*, *Шильонъ* и часовня *Вильгельма Телла* привлекаютъ каждый годъ несчетныя толпы посѣтителей; однакожь они такъ наглядѣлись на прость *Вольтера*, что *Ферней* начинаютъ уже выходить изъ моды.

Есть люди, которые прѣзжаютъ въ Швейцарію единственно для того, чтобы взглянуть на *Монтрѣ*, *Кларанъ*, утесы *Мельери*, и другія мѣста, прославленныя въ *Новой Элоизѣ*, и скажутъ вамъ, что нигдѣ нельзя такъ вполне наслаждаться твореніями Женеваго философа, какъ на лонѣ природы, которую онъ описалъ волшебнымъ перомъ своимъ.—Теперь въ модѣ пренебрегаютъ *Копетскимъ* замкомъ; за то, съ тѣхъ поръ, какъ *Байронъ* издалъ прекрасную поему, подъ названіемъ *Шильонскій Узникъ*, каждый путешественникъ поставляетъ священнымъ долгомъ провести нѣсколько часовъ въ древней пюрѣмъ *Шильонскаго* замка, о которомъ прежде никто не заботился. Самые же ревностные поклонники *Байронова* гения, въ подражаніе ему, просиживаютъ памъ цѣлую ночь, въ бесѣдѣ съ огромною чашею пуншу, въ которой почерпаютъ они такое щасливое вдохновеніе, что при выходѣ изъ пем-

ницы, вырѣзываютъ имя свое, возлѣ имени великаго поэта.

Всего же чаще воспрѣчаются вамъ путешественники, спранспвующіе по Швейцаріи подъ магическимъ вліаніемъ *Общаго проводника* (*Guide des voyageurs*). Эша книга не выходитъ у нихъ изъ рукъ, и они щипаютъ за пресупленіе въ чемъ нибудь опступить опъ ея правилъ.—Погружаясь на каждой спраницѣ въ глубокое размышленіе, они впередъ заговоряютъ для себя впечатлѣнія, наспроиваютъ душу свою къ воспоргамъ, и опмѣчаютъ карандашемъ имена мѣстъ, гдѣ имъ предписано чему нибудь особенно удивляться.—Взгляните на классическую почность дорожнаго костюма ихъ! Блуза, длинныя кожаные шпиблеты, котомка, ничто не выступаетъ изъ общей формы—и даже самыя вещи, которыя они берутъ съ собою, строго согласуются съ поспановленіемъ.—Любитель живописныхъ видовъ никогда не забываетъ запасисъ огромнымъ телескопомъ, если онъ путешествуетъ въ большомъ обществѣ; если же одинъ, то непременно беретъ съ собою карманную подзорную трубку.

Какъ осмѣлишься подойти къ Альпійскимъ горамъ, не имѣя принятаго костюма?—или по крайней мѣрѣ проси съ желѣзнымъ концомъ, на которой вырѣзано великое имя *Шамуни*, *Гриндельвальдена*, или *Юнефрау*?—или хопя пояса, съ привѣшеннымъ къ нему кувшиномъ пилигрима? Если нѣтъ у васъ ничего эшаго, то совѣтую сидѣть въ прапирѣ, и не выходить на горныя пропинки, потому что онѣ существуютъ не для васъ, и вы недостойны видѣть ни большаго и малаго *Ионаса*, ни чудной куполообразной вершины *Гулѣ*, и сверхъ того можете возбудить благородное негодованіе во всѣхъ спраспныхъ и неуспрашимыхъ ходокахъ по горамъ, которымъ каждое путешествие ихъ спопитъ потоковъ попу.

Надобно бытъ очень дурно организовану, чтобы не имѣть щасливыхъ вдохновеній посреди великихъ карпинъ природы! И потому необходимо должно брать съ собою записную книжку. Недавно попался мнѣ

въ руки одинъ изъ эпихъ альбомовъ, и я, по щегольскому переизлему его, пошчасъ узналъ, что онъ принадлежитъ задумчивому молодому челоуку, путешествовавшему вмѣстѣ со мною, который повѣрялъ ему всѣ тайныя свои впечатлѣнія. И такъ, думалъ я: здѣсь хранятся мысли нещасливца, котораго вѣроятно какая нибудь ужасная душевная поско заставила покинуть опечесство, — я узнаю наконецъ пайну злополучной судьбы его, и прочту, можетъ быть, спрашныя проклятія или горькую насмѣшку надъ коварствомъ свѣпа и злобою людей! — Я открылъ поспѣшно книгу, въ которой каждая страница означена была числомъ мѣсяца и часомъ дня; глаза мои основались на первой:

6.—8 часовъ утра.—Выпилъ чашку кофе съ медомъ и масломъ. — Желудокъ мой сварилъ эпо хорошо.

11 часовъ. Порядочно позавтракалъ за общимъ столомъ.—Пищевареніе было изрядно.

5 часовъ. Обѣдалъ съ большимъ апепитомъ. Немного гулялъ.—Ночь спалъ прекрасно.

Всѣ прочіе листы альбома были одинаково содержанія.

Всего любопытнѣе видѣть путешествующія семейства. Вы встрѣчаете огромныя повозки на большихъ колесахъ, наполненныя, загроможденныя вещами, необходимыми, когда ѣдешь съ пяпью или шестью малолѣтними дѣтьми. — Родители эпихъ слабыхъ созданий привозятъ съ собою въ Швейцарію всѣ привычки домашней жизни, всѣ ссоры и непріятности, происходящія обыкновенно передъ каминомъ во внупреннихъ комнапахъ.

Всѣ выѣзды ихъ ограничиваются прогулкою за городъ; но любопытство, свойственное другимъ путешественникамъ, никогда не заставляетъ ихъ пренебрегать опасностію и ѣздить по труднымъ и узкимъ дорогамъ, никогда не увлекаетъ ихъ въ дикія, уединенныя долины, — гдѣ нѣтъ никакихъ удобностей для мирной семейной жизни. Кочующія колоніи эпихъ пріѣзжаютъ ежедневно изъ южныхъ провинцій Франціи,

смѣжныхъ съ Швейцаріею — и эпо можетъ назваться посѣщеніемъ сосѣдей — проспымъ дружескимъ свиданіемъ.

Только я очень сожалѣю о васъ, если случай сведетъ васъ съ ними въ пракпирѣ, за общимъ столомъ; — вы, вмѣсто спокойствія, нужнаго для пищеваренія послѣ сытнаго обѣда, принуждены будете слышать шумъ и споръ, которые повпоряются ими въ каждомъ пракпирѣ безъ исключенія.

— Какъ! по чепыре франка съ персоны за эпотъ дурной обѣдъ? Да эпо безсовѣстно! Я съѣла только крыло цыпленка, и никакъ не намѣрена плапипь такъ дорого. — У насъ цыпляпа чрезвычайно дешева, такъ невозможно, чтобы здѣсь были они дороже. — Сверхъ того дѣти не плапипь ничего. —

Если, наскучивъ эпимъ споромъ, вы сдѣлаете какое нибудь возраженіе, по вамъ на скажутъ за то грубости, но не во впоромъ, а прешьемъ лицъ — и продолжая адресоваться къ пракпирщику.

Если бъ еще мы съѣли чепверть того — что съѣлъ эпотъ господинъ, которому конечно не начпо жаловаться, потому что онъ, слава Богу, не даромъ заплапиль свои деньги . . . но эпихъ бѣдныя ягняпки что скушали? Немного супу . . . воптъ и всё шуптъ!

Дѣло всегда однакожь кончится плапемъ; но такія сцены чрезвычайно непріятны, и, надобно признапья, что Швейцарскіе пракпирщики одарены необыкновеннымъ перпѣніемъ.

Другой, не менѣе несносный классъ путешественниковъ, составляютъ Нѣмецкіе студенты, которые почитаютъ необходимостію видѣть Швейцарію; взгляните, съ какимъ нахальствомъ располагаются они во всѣхъ залахъ пракпира, и повелѣваютъ памъ какъ дома! Они всегда умѣютъ достать все, что имъ нужно; по есптъ, доброе вино и хорошій курительный пабакъ, и горе вамъ, если вы не охотники до Тирольскихъ пѣсень, потому что, ни мало не заботясь о васъ, они оглушатъ васъ безпрестаннымъ своимъ: *Jolen*. Между эпими молодыми студентами особенно опличаются искаатели

любовныхъ походовъ, школьники, полные надеждъ и тщеславія, которые прочитали въ какомъ нибудь глупомъ романѣ, что жители нѣкоторыхъ кантоновъ Швейцаріи оказываютъ чужестранцамъ такое же гостепріимство, какъ дикіе Арабы, и что въ Италіи сподипъ только поднять голову, чтобы потчасъ какая нибудь прекрасная графиня махнула вамъ съ балкона платкомъ, и пригласила васъ въ будуаръ свой.

Я лучше люблю сумазбродство Англичанъ; по крайней мѣрѣ оно оригинальнѣе.

Одинъ изъ нихъ пріѣхалъ въ Швейцарію только за тѣмъ, чтобы поѣхать зимой клубники; другой, какой-то знашый лордъ, — нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вздумалъ сдѣлать опытъ, за который заплашилъ жизнию. Онъ пустилъ лодку между скалъ, возвышающихся надъ Рейнскимъ водопадомъ; лодка какимъ-то нечаяннымъ случаемъ выплыла и показалась на поверхности воды; тогда лордъ съѣлъ съ слугою своимъ въ другой чолнъ, и смѣло бросился въ клубящіяся волны, которые поглотили и его и несчастнаго слугу. — Долго искали тѣлъ ихъ и обломковъ челнока, — но ничего не отыскалось, — и они пропали безъ вѣсти.

Впрочемъ Швейцарія теперь очень измѣнилась; всё въ ней на Французскую спать; въ Группи гуляютъ молодыя модницы, напѣвая послѣдній романсъ дѣвицы *Шюже*; молодые Французы, зараженные поддѣльнымъ энтузіазмомъ, споятъ въ живописномъ положеніи на краю ужасной пропасти и вдохновеннымъ голосомъ читаютъ *Бельвильскую дѣву*, *Поль-де-Кока*; въ Виль-Невъ и другихъ мѣстахъ ѣздятъ Парижскіе omnibusы, и въ горахъ раздается труба проводника. Наконецъ, вы проѣзжаете Симплонъ, спѣшите въ спрану мелодіи — и чтожь? въ Миланѣ вспрѣчаютъ васъ несносные ручные органы (*orgues de Barbarie*)! Вы зажимаете уши, и скорѣе бѣжите въ шеапръ *Скалы*, гдѣ съ неперпнѣемъ ждете, чтобы поднялся занавѣсъ. — Вотъ поднялся онъ и — вамъ поютъ первый актъ *Цалты* и второй изъ *Фенеллы* (*la muette de Portici*)! Проклиная путешеспвія и наскучивъ находилъ

вездѣ одно и то же, наконецъ рѣшаешесь вы возвратиться домой — и переѣзжаете опять Альпы; но, увы! на паромѣ *Сесто-Календе* ждете васъ слѣпой нищей съ разбитою скрышкою — и безъ милосердія пирашишь васъ пѣсней: *Andalouse au teint brun!* (смутная Андалузска).

Теперь скажите мнѣ, для чего намъ, Французамъ, выѣзжать изъ Парижа?

Т. С. В.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ *ЕКАТЕРИНЫ* II ВЪ ТАВРИДУ.

(Продолженіе.)

Въ Каневѣ я видѣлъ короля, лишившагося власпи своей, но окруженнаго всѣмъ великолѣпѣемъ, всею пышностью великихъ государей; — въ Херсонѣ же, напропивъ того, увидѣлъ могущественнаго монарха, проспаго въ образѣ жизни, скромнаго въ поступкахъ, любезнаго въ обхожденіи; монарха, который не перпѣлъ эпикета, дозволялъ говорить при себѣ обо всемъ и самъ заводилъ разговоръ о всѣхъ возможныхъ предметахъ, желая блистать только обширными своими познаніями, тонкимъ и просвѣщеннымъ умомъ и рѣдкою основательностію въ сужденіяхъ.

Когда, въ бытность нашу въ Кайдакѣ, Императрица представила меня *Иосифу*, тогда онъ сказалъ ей: Здѣсь я только графъ *Фалькенштейнъ*, и потому мнѣ слѣдуетъ просить В. В., представить меня послу короля Французскаго.

Императоръ пріѣхалъ въ Россію въ простой дорожной коляскѣ, въ сопровожденіи одного только генерала и двухъ камердинеровъ. Строгое инкогнито, подъ которымъ онъ скрывалъ себя, было для него не только покойно, но и выгодно; потому что давало ему возможность — всё видѣть, всё слышать, и всё узнавать въ подробности. — Онъ настоятельно преоблавалъ, чтобы его нигдѣ не принимали какъ монарха, а обходились съ нимъ, какъ съ обыкновеннымъ путешеспвенникомъ.

Каждое утро приходилъ онъ къ Императрицѣ въ шопъ часъ, когда она вспавала, вмѣшивался въ толпу придворныхъ, и вмѣстѣ съ нами ожидалъ ея выхода. Попомъ, въ печеніе дня, осматривалъ пѣшкомъ окрестности города, или мѣспечка, гдѣ мы оспанавливались. Я былъ такъ щасливъ, что заслужилъ его благоволеніе, и мы часто гуляли съ нимъ вдвоемъ за-проспо и рука въ руку.

При насъ пріѣхалъ въ Херсонъ Неаполитанскій посланникъ, г. *Галло*, какъ будто изъявилъ Императрицѣ дружеское расположеніе Государя своего; но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы осмотрѣть Херсонскія заведенія и вычислить, какія выгоды могъ имѣть Неаполитанскій Дворъ опъ вновь заключеннаго имъ съ Россіею торговаго договора.

29 Мая выѣхали мы изъ Херсона и опсправились въ *Кизикерманъ*, лежащій на правомъ берегу Днѣпра, въ 75 верспахъ къ сѣверовостоку опъ Херсона. Городокъ опомъ, принадлежавшій прежде Нагайскимъ Татарамъ, соспоишь пеперь подъ Россійскою Державою; онъ основанъ Греками и въ древности назывался *Ольвіополемъ*; Россіяне прозвали его *Вьловежельмъ*, а нопомъ *Бериславельмъ*, Татары же *Кизикерманельмъ*, что на ихъ языкѣ значить *Градъ дѣвъ*; онъ попеременно былъ добычею Казаръ, Печенеговъ и Татаръ Крымскихъ.

Солениспыя болопа и окаменѣлости, находящіяся въ долинахъ, его окружающихъ, заспавляютъ думать, что вся эпа земля была покрыта водою.

Тупъ переѣхали мы Борисеентъ, и Императрица, вышедъ на берегъ, была вспрѣчена толпою Татаръ, изъ самыхъ знапныхъ семействъ. Они пришли изъявить Ей свою преданность и служить конвоемъ. Продолжая пупъ нашъ къ Перекопу, мы въѣхали въ такъ называемую великую Нагайскую степь, и на всемъ эпомъ неизмѣримомъ проспранствѣ луговъ, лишенныхъ совершенно деревьевъ, видѣли только одинъ памятникъ спудовъ человѣческихъ—древній мостъ, построенный изъ бѣлаго камня, на маленькой рѣчкѣ, называемой *Каленгакъ*.

Татары, подобно Арабамъ, раздѣлялись на разные поколѣнія или *Орды*; одни населили Крымскіе города, другія всегда кочевали въ степяхъ, пася шамъ многочисленныя стада свои.

По завоеваніи *Екатериною* земель ихъ, большая часть эпихъ кочующихъ племенъ вышла изъ опечесова и переселилась на Кубань. Однакожь мы видѣли небольшое число тѣхъ, которые оспались. Шапры ихъ, лошади и спада, между копорыми было нѣсколько верблюдовъ, оживляли нѣкопорымъ образомъ эпу голую и печальную степь.

Сверхъ того, князь *Потемкинъ*, который хотѣлъ безпрестанно сражаться съ прудностями, и копорый, желая разнообразить великія картины, представляемыя имъ Государынѣ, находилъ средспва оживопворять для нее самыя мерпвыя пуспныни,—приготовилъ къ пріѣзду ея прекрасныя и великолѣпно убранныя палатки и 50 эскадроновъ Донскихъ казаковъ, копорые вдругъ высыпали на долину и окружили лагерь.

Азіатская и живописная ихъ одежда, проворство и ловкость движеній, быстрота лошадей ихъ, длинныя ихъ копья, дикіе крики, скачка, всё эпо забавляло насъ и сокращало для насъ время въ эпой скучной степи, гдѣ безъ того часы наши пекли бы конечно очень медленно.

Здѣсь Императрица, которая было передъ тѣмъ прогнѣвалась на меня, и долго не говорила со мною, сдѣлалась ко мнѣ по прежнему милоспива, и я узналъ наконецъ причину Ея неудовольспвія. Нѣкопорые изъ придворныхъ, по благорасположенію ихъ ко мнѣ, увѣрили Ее, что я, желая оспавить Дворъ ея, и какъ можно скорѣе возвратиться во Францію, хотѣлъ воспользоваться оппускомъ, присланнымъ мнѣ г. *Монморельмъ*.

Когда мы опсправлялись изъ Кизикермана, Ея Величество, садясь въ дорожную карету, сказала мнѣ поспѣшно, и не хопя даже выслушать отвѣта моего: «для чего вы принуждаете себя, графъ? Если вы боитесь скуки въ эпихъ пуспныхъ, то кто-жь мѣшаетъ вамъ возвратиться въ Парижъ, гдѣ ожидаетъ васъ сполько удовольспвій?»

Легко можно представить себя, съ какимъ неперпнїемъ искалъ я случая получить изъясненїе на эти неожиданныя и непонятныя для меня слова,—и потому лишь только Императрица расположилась въ лагерь, и мы могли Ее видѣть, я подошелъ и просилъ Ея Величество сказать мнѣ, что значила шупка Ея, которой смыслъ былъ для меня совершенною загадкою.

«Это была не шупка,» отвѣчала она: «но повторенїе того, что я говорила вамъ нѣсколько разъ: то есть, что ваши Парижскія дамы вѣроятно очень сожалѣютъ, что вы должны проѣхать 6,000 верстъ дикою степью, въ скучномъ обществѣ Русской Царицы; и потому узнавъ, что вы просили опуски, и не смотря на то, что Мнѣ прискорбно расстаться съ вами, Я послѣшила дать вамъ въ этомъ отношенїи полную свободу.»

Я съ жаромъ изъяснилъ Императрицѣ, какъ прискорбно было для меня такое мнѣнїе Ея обо мнѣ и о чувствахъ моихъ къ Ней. — Государыня! — сказала я: это доказываетъ мнѣ, что Вы считаете меня слѣпымъ, неблагодарнымъ, безразсуднымъ; однимъ словомъ, человѣкомъ безъ души, безъ понятїя и безъ вкуса. Смѣю прибавить еще, что я съ крайнимъ сожалѣнїемъ вижу шупъ оспапокъ прежняго вашего предубѣжденїя противъ Французовъ, которые такъ искренно удивляются великому генію Вашего Величества, и съ этой стороны, Я могу назваться достойнымъ и вѣрнымъ представителемъ націи моей у Двора Вашего. Вѣрьте, Государыня, что по возвращенїи Вашемъ въ Петербургъ, я съ истинною горестїю оставлю на нѣкоторое время Россїю; но, чтобы заставить меня уѣхать прежде, Ваше Величество должно выслать меня. —

«О! эшаго Мнѣ никакъ не хочется!» отвѣчала она засмѣявшись: «и вы знаете, что Я желала бы никогда не расставаться съ вами.—Признаюсь, Мнѣ было немного досадно на васъ, за посѣщенїе, которое недавно сдѣлали Мнѣ бородастые Турки, остроумные

ученики ваши; но теперь досада Моя прошла совершенно.»

И Она тотчасъ начала говорить со мною о предложенїяхъ, которыя намѣрена была сдѣлать Порть: «Изъ снисхожденїя Моего къ ней,» сказала она: «король вашъ увидитъ, что я искренно желаю мира и не такъ жадна къ завоеванїямъ, какъ онъ думаетъ.» Съ этой минутой она спала со мною опять весела и привѣтлива.

Вечеромъ, когда Императрица отпустила отъ себя Дворъ свой, Австрїйскій Императоръ взялъ меня подъ руку, и мы, вышедъ изъ лагеря, довольно долго прогуливались по этой необозримой долинѣ, которой, казалось, не было нигдѣ предѣловъ.

Вокругъ насъ паслось нѣсколько верблюдовъ и бродили Татарскїе паспужи.—Спранное путешествованїе! сказалъ *Иосифъ*, посмопрѣвъ около себя;—кто бы подумалъ прежде, что когда нибудь я, съ *Екатериною* и министрами Франціи и Англїи, буду кочевать въ степяхъ Татари!... Это совершенно новая страница для исторїи! —

«А мнѣ такъ кажется,» отвѣчалъ я: «что это страница изъ *тысячи и одной ноги*, что я называюсь *Джиафаромъ*, и прогуливаюсь съ калфомъ *Арунъ-Алрашидомъ*, по обыкновенїю его, переодѣтымъ въ простое платье.»

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ нашего разговора, вдругъ Императоръ остановился и, проширая глаза, сказалъ: смотрите, смотрите туда!... Я право не знаю, сонъ ли всё это, или то, что вы сей часъ сказали о *тысячи и одной ноги*, обманываетъ мое воображенїе... Смотрите! смотрите! —

Я взглянулъ—и предметъ, его поразившїй, также произвелъ во мнѣ несказанное удивленїе. Въ двухъ шагахъ шагахъ отъ насъ, высокой, огромной величины шаперъ, двигался самъ собою по луку и направлялся въ нашу сторону.

Не смотря на вышину густой травы, мы оба изо всей силы пуснулись бѣжать, чтобы разсмопрѣть поближе это спранное явленїе. Скоро шаперъ остановился, и изъ

него вышло человекъ тридцать Калмыковъ. Это была Калмыцкая *кибитка!*

Императоръ хотѣлъ, чтобы я вошелъ въ нее, и върочно далъ, смѣясь, какой нибудь знакъ Калмыкамъ, потому что они бросились за мною, проворно закрыли отперсіе кибитки, и я оспался памъ ихъ плѣнникомъ.

Тогда объяснилось для меня чудное спроеніе этихъ подвижныхъ палатокъ; вопъ оно: сперва дѣлають изъ брусевъ родъ рѣшетника, скрѣпляютъ его винтами и составляютъ такимъ образомъ круглую загородку, въ 4 фута вышиною, на которую кладутъ сверху деревянный обручъ, служащій вмѣсто карниза; потомъ обиваютъ его полными войлоками, раздѣляя ихъ между собою небольшими деревянными обручами, и, наконецъ, на всё это накидываютъ верблюжью кожу, которая виситъ до земли, и которой полы поднимаются съ той стороны, откуда на ту минуту не дуетъ вѣтеръ, или не печетъ солнце. Внутри кибитки, одѣяло, изъ такого же войлока, служивъ вмѣсто дивановъ и постелей, и на верху ея оставляется отперсіе для дыма. Въ каждой кибиткѣ помѣщается безъ нужды до тридцати человекъ; сюда же ноچуютъ вокругъ кибитки.

Когда Калмыки перемѣняютъ совсѣмъ мѣсто, тогда они снимають покрывку и войлоки, вынимають винты, разбирають брусъ и складываютъ всё на шельгу; если же намѣреваются только перейти на близкую пасиву, то не разбирають кибитки, но собираются въ ней всё на одинъ край, и, поднявъ рѣшетникъ, плнутъ въ одну сторону, и такимъ образомъ передвигаются на другіе луга вмѣстѣ съ легкимъ домомъ своимъ.

Это самое поразило насъ сначала, и мы не знали, что думать, когда увидѣли вдругъ огромный шаперъ, который безъ помощи людей и лошадей, казалось, двигался самъ собою.

Послѣ маленькой прогулки на нѣсколько сажень распоянія, Калмыки выпустили меня изъ кибитки, и я возвратился къ Импе-

ратору, который очень смѣлся моему приключенію и захопѣлъ самъ войти въ кибитку. Осмотря её, онъ согласился со мною, что это подвижное жилище очень покойно для людей, къ нему привыкшихъ, и во всякое время года можетъ защищать ихъ отъ непогоды.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ВАШИНГТОНЪ, СРАВНЕННЫЙ СЪ ИСУСОМЪ НАВИНОМЪ.

Въ то время, когда побѣды *Вашингтона* прославили его имя во всей Европѣ, *Франклинъ* обѣдалъ однажды съ однимъ Англійскимъ и другимъ Французскимъ дипломатами. За столомъ возгданы были послѣдними слѣдующіе посты. Англичаниномъ: «Англія—солнце, коего лучи освѣщаютъ и оплодотворяють самыя отдаленнѣйшія точки земнаго шара!» Французомъ: Франція—луна; которой крохоткіе и благотворные лучи опрада для земли.» Послѣ такихъ возгдсовъ, *Франклинъ* приподнялся съ мѣста и съ обыкновенною своею простотою сказалъ: «Георгъ *Вашингтонъ* — *Навинъ*, который и лунѣ и солнцу повелѣлъ остано-
вись.»

РАБОЛѢПСТВО НАПОЛЕОНУ.

Вопъ особенный родъ приверженности къ *Наполеону*. Одинъ царедворецъ времени Имперіи разговаривалъ однажды съ дамами, которыя никакъ не хотѣли раздѣлиться съ нимъ его энтузіазма къ *Бонапарту*. «Милостивыя государыни!»—вскричалъ онъ въ досадѣ: «довѣренность моя къ Императору такъ велика, что ежели бы его величеству угодно было назвать меня негодлемъ, я конечно рѣшился бы сначала почтительно ему прошиворѣчить; но еслибъ и въ другой разъ сказалъ онъ: ты негодяй и негодяй величайшій! — Честною клянусь вамъ, что я бы повѣрилъ ему всѣмъ сердцемъ!»

ТЯЖБА МЕЖДУ СЛѢПЫМИ.

Въ 1831 году въ Парижѣ былъ забавный процессъ между слѣпыми. Клевета посылала раздоръ въ оркестръ кофейнаго дома Слѣпыхъ, въ Пале-Рояль. Всѣ музыканты и музыкантши, его составляющіе, были попребованы въ судъ, или какъ испцы, или какъ свидѣтели. Одинъ изъ эпихъ безокихъ виртуозовъ, въ обществѣ своихъ, не болѣе его видящихъ поварищей, имѣлъ неоспороженность похвалиться тѣмъ, что одна изъ первыхъ пѣвицъ общеспа наградила его любовь взаимною благосклонностію. Хваспунъ не примѣнилъ, что мужъ пѣвицы, также слѣпецъ, находился путь же. Сей послѣдній обратился съ жестокимъ упрекомъ къ женѣ своей, которая клялась всѣми святыми въ своей невинности и наспаивала, чтобы ея сожигель принесть въ судъ жалобу на клеветника, марающего честь ея. Обвиняемый, человекъ женатый, получивъ повелѣніе отъ президента изложить причины, заставлявшія его взводить на честную женщину такую ложь, отвѣчалъ смѣясь: «я говорилъ правду!» Негодование, возбужденное симъ утвержденіемъ въ слушающихъ, еще болѣе увеличилось, когда молодая женщина, услышавъ это, упала въ обморокъ въ сильныхъ конвульсіяхъ. Г. *Клаво*, адвокатъ ея, сказалъ тогда судьямъ, что сія дама получила отличное воспитаніе и сама сочиняетъ книги, которыя диктуетъ своему секретарю. Просительница, опамповавшись, начала съ жаромъ опровергать публичное обвиненіе, коего была предметомъ. Тогда обвиненный сказалъ: «Сударыня! я прошу у васъ прощенія. Теперь, вслушавшись въ вашъ голосъ, я узналъ, что сказалъ неправду. Безъ сомнѣнія, я счелъ васъ за другую изъ нашихъ пріятельницъ.. Это ошибка въ имени и—только!» Не смотря на важность судища, все собраніе захохотало. Но г. дѣ *Шарансей*, органъ министерства, потребовалъ, чтобы обвиненіе, столь дерзкое и столь искусно поддержанное, было судимо по всей строгости. Безглазый *Ловеласъ* приговоренъ заплачивать 50 фр. штрафа и 100 фр. за безчестье, пропо-

ри и убытки. Жена его, которая служила ему жохаемъ, дожидаясь его при выходѣ изъ залы, повела домой и, можетъ быть, выцарапала бы ему глаза отъ ревности, еслибъ измѣнникъ не былъ слѣпъ.

Съ Франц. *А. Беклелишевъ.*

Москва.
1836.

ЧУДНЫЯ ВИДѢНІЯ РАЗСТРОЕННАГО ВООБРАЖЕНІЯ.

Знаменитый врачъ *Аберкромби* рассказываетъ, что онъ лечилъ отъ горячки одну даму, которой, какъ на яву, ясно представлялось цѣлое общество дамъ и мужчинъ, сидящихъ въ ея спальнѣ и угощаемыхъ однимъ изъ ея служиведей. Это видѣніе продолжалось нѣсколько дней сряду, въ большей или меньшей степени, и замѣнилось потомъ явленіемъ замковъ или церквей, имѣвшихъ для больной такъ много прелестей и пакой изящной архитектуры, что она готова была почестъ ихъ сооруженными изъ хриспала. Съ самага начала сихъ явленій она была убѣждена, что это слѣдствіе ея болѣзненнаго состоянія, и потому наслаждалась ими и утѣшала другихъ описаніемъ подробностей и превращеній въ видимой ея картинѣ. Тотъ же медикъ упоминаетъ объ одномъ мужчинѣ, также своемъ паціентѣ, который, сидя однажды въ сумерки въ своей споловой комнатѣ, увидѣлъ очень ясно входящую въ опворенныя двери какую-то даму, закупанную въ плащъ; она подошла къ нему на нѣсколько шаговъ и—остановилась. Онъ зналъ, что это былъ обманъ воображенія; наблюдалъ явленіе нѣсколько минутъ съ удовольствіемъ и замѣнилъ припомъ, что сквозъ споявшую предъ нимъ фигуру онъ могъ видѣть дверь и всѣ находившіеся за нею предметы. Наконецъ, онъ подался немного впередъ—и привидѣніе исчезло.

Съ Нѣм. П. *Смирновъ.*

Москва.

ИЕЗУИТАМЪ ОБЯЗАНА ФРАНЦІЯ РАЗВЕДЕНІЕМЪ ИНДѢЕКЪ.

Оспроумные люди, до сихъ поръ еще приписывающіе Іезуитамъ разведеніе во Франціи Индѣйскихъ пѣтуховъ, въ большее доказательство этого мнѣнія ссылаются на то, что эти птицы во многихъ Французскихъ провинціяхъ и до сихъ поръ зовутся ихъ именемъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть мѣста, гдѣ друзья и пріятели взаимно приглашаютъ другъ друга слѣдующимъ образомъ: «*прошу отвѣдать вѣсть со мною жирно-откормленнаго Іезуита.*» — «*Сдѣлайте одолженіе, отръжьте мнѣ еще кусочекъ Іезуита.*»

СИЛА ПРИВЫЧКИ НАДЪ ЛЮДЬМИ ПУСТОГОЛОВЫМИ.

Гаулитъ, авторъ умно-написанной книги: *Жизнь Наполеона*, рассказываетъ слѣдующій примѣръ могущества и силы привычки надъ людьми пустоголовыми. Во время ужаснаго опустошенія великой Французской арміи отъ Москвы, каждый бивакъ окруженъ былъ трупамъ. Люди всѣхъ націй, всѣхъ сословій и всякаго возраста — министры, генералы, комисіонеры, всѣ безъ различія были перемѣшаны другъ съ другомъ. Между ними весьма замѣчательную фигуру представлялъ одинъ древній, сполбовой дворянинъ — жалкая руина блистательныхъ дней Двора *Людвика XV*. Съ первымъ разсвѣтомъ дня, эполтъ шестидесятилѣтній генералъ чинно помѣщался на первомъ попавшемся ему въ глаза сучкѣ дерева и, съ заботливою живостью, занимался своимъ пуалетомъ. Среди ужасныхъ завываній зимней вьюги, онъ завывалъ и пудрилъ себѣ голову, какъ будто на зло спихивалъ и угрожающему бѣдствию. Фигура его превосходительства была, конечно, весьма имперерна; только едва ли многіе изъ присутствовавшихъ забавлялись ею тогда отъ полноты сердца.

Съ Франц. А. *Беклемішевъ*.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

104.

Забавы Виссаріона господина Бѣлинскаго.

Въ покойномъ *Московскомъ Телеграфѣ* Н. А. *Полевой* писалъ разнаго рода стихотворенія, пародировавъ въ нихъ по *Жуковскаго*, по *Вяземскаго*, по *Дельвига*, по *Баратынскаго*. Но какъ-то г. *Полевой* плохо достигалъ своей цѣли: карикатуры его были просто картинками, иногда очень порядочными, шуточки выходили изъ подъ его пера свинцовыми сенпенціями, оспроты его никого не кололи.

Спусти нѣсколько лѣтъ послѣ этой неудачной операціи, нѣкто г. *Эрипидинъ* вздумалъ подражать ему. Успѣлъ ли онъ, или нѣтъ, благосклонная Публика увидитъ изъ слѣдующей статьи, которой слѣдовало бы явиться въ свѣтъ 1-го Августа 1835-го, а она прибыла къ намъ изъ Москвы 26 Августа 1836 года.

С Т Е П Ъ.

Есть пѣсня у меня старинная,
Я вамъ спою теперь ее:

Какъ хороша ты, степь пустынная,
Жизнь привольное мое!

Какъ надъ тобою, безграничною,
Раскинулся небесный сводъ,
А по небу, спезей привычною,
Свѣпило вѣчное идець!

Былъ въ городахъ я и измучился:
Нѣтъ, не жизнь тамъ для меня!
Я скоро по тебѣ соскучился —
И осѣдалъ себѣ коня!

Къ тебѣ бѣжалъ я: здѣсь мнѣ весело,
Здѣсь я одинъ, здѣсь воленъ я,
Здѣсь вижу я, какъ небо свѣсило
Со всѣхъ сторонъ свои края!

Тебя, привольемъ благодатною,
Поймешь ли жизнь городскою,
И обоймешь ли, необъятною,
Своею пѣсною душою?

Какъ сладко пѣсно заунывную,
Въ сѣпи, подъ вечеръ замянушь,
Задыхая въ звуки персидские
И въ нихъ исчезнушь, попоношь!..

Мени поминиъ печаль глубокая:
 Съ побой я подѣлю ее,
 Раздолье ны мое широкое,
 Мое приводное житиѣ!

К. Эврипидинъ.

ОРЕЛЪ И ПОЭТЪ (*).

Видалъ ли ты, когда орѣлъ,
 Взмахнувъ широкими крылами,
 Далече оставляешь долъ
 И плаваешь подъ небесами?
 Онъ смотритъ на свѣтло дня,
 Онъ сознаетъ довольно мочи,
 Чтوبъ свѣтъ безсмертнаго огня
 Принять на блестящія очи!

Такъ и поэтъ, когда мечтаетъ,
 Къ нему слѣдствъ, его обнимутъ
 И высоко его поднимаютъ
 Надъ міромъ дольней суеты,
 И загорится взоръ поэта
 Огнемъ божественнаго свѣта:
 Тогда-то, въ эпошъ часъ святой,
 Творишь онъ силой вдохловенья;
 Опшуда сноситъ онъ съ собой
 Свои чудесныя видѣнья!

К. Эврипидинъ.

Г Р О З А (1).

(Питиическая шушка!!!)

Примъ. Издат. Л. П. Р. И.

Туча небо обшянула
 Черной мрака плененой;
 Тихо: молнiя сверкнула
 Надъ равниной водяной;
 Выпръ завылъ и поднялъ воды,
 Встали дикiе валы,

(*) Стишки написаны гладехонько, изряднехонько; намъ сказать это можно; а г-ну *Бѣлинскому*, которъй не находить ни размашистой гениальной киспи, ни лучезарнаго дарованiя у поэта *Бенедиктова*, невозможно. Развѣ въ насмѣшку.... тогда все объяснися для насъ.—К.

(1) Стихи, кромѣ послѣдняго, очень хороши; есть даже прекрасныя; но мысли стары, какъ мiръ. Многіе отечественныя пѣснопѣвцы высказали ихъ гораздо сильнѣе, короче и живописнѣе г-на *Эврипидина*.—К.

Дѣти грозной непогоды,
 Подъ покровомъ сизою мглы.
 Буря! поскорѣ въ море
 Я спущу мою ладью,
 Поплыву, съ волнами споря,
 И весломъ ихъ разобью.
 Подхватилъ ладью холодный,
 На хребетъ свой принялъ валъ,
 И далеко онъ, свободный,
 Въ море легкую помчалъ.
 Сильно на морѣ упругомъ
 Выпръ качаетъ легкiй чолнъ,
 И несутся другъ за другомъ
 Волны пучъ и пучи волнъ (2).
 Море бьется, море спонетъ,
 Валъ девятый недалеко,
 Недалекъ! челнокъ мой понетъ!
 Пусть же спонетъ мой челнокъ!
 Сладко, съ гордою улыбой,
 При наплѣвѣ гробовомъ,
 Скрытись подъ волною зыбой
 И засѣсть на днѣ морскомъ.

К. Эврипидинъ.

Примѣчанiе г. Бѣлинскаго.

—«Наши предчувствiя не обманули насъ, а наши предсказанiя не обманули Публику: г. *Эврипидинъ* быспро идетъ впередъ! Чтпашемли могутъ видѣть изъ эпихъ прехъ стихопворенiй всю силу, гибкость и разнообразiе его *могучаго таланта* (3). Желая испробовать себя во всѣхъ родахъ, онъ не забылъ и классическаго. И такъ, желаемъ нашему поэту не успѣха, потому что въ успѣхѣ мы не сомнѣваемся, а перпѣнiя, потому что классическiй родъ очень тяжелый и скучный. Смотря по роду и духу своихъ стихопворенiй, г. *Эврипидинъ* будетъ подписываться подъ ними разными именами, но съ удержанiемъ имени и *Эврипидина*, потому что, не смотря на все разнообразiе его таланта (4), главный его элементъ есть драматическiй; а соб-

(2) Живописный эпихъ.—К.

(3) Г-нъ *Бѣлинскiй* самъ пописываетъ, самъ почиываетъ и самъ себя похваливаетъ.—К.

(4) Послушайте, во всемъ должна быть мѣра.—К.

спивенное его имя останетса до времени тайною для нашей Публики, какъ оспавалось долгое время тайною для Англійской публики имя *Вальтеръ-Скотта* (1). Но изви-ните! заговорившись, мы и забыли было о главномъ: на насъ лежитъ пріятная обя-занность обрадовать Публику радостнымъ извѣстіемъ, что г. *Эрипидинъ* издаетъ пол-ное собраніе своихъ стихотвореній. Любез-ный поэтъ, извѣщая насъ особеннымъ пись-момъ о своемъ благомъ намѣреніи, со всею тонкостью и *деликатностію* (2), свойствен-ною истинному паланту, очень ловко даетъ намъ спороною знать, что — «онъ надѣется на нашу благосклонность и дорожитъ на-шимъ мнѣніемъ гораздо болѣе, нежели мнѣ-ніемъ всѣхъ криптиковъ.» — Вотъ, что отвѣча-ли мы г. *Эрипидину*: «Не безпокойтесь, любез-ный поэтъ, на счетъ нашего опзыва о вашихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ: мы спанемъ за васъ горою, *мы надѣнемъ на васъ лавровый вѣнокъ безсмертія* (3), во что бы по ни спало, Мы докажемъ, какъ $2+2=4$, что вы первый вносите въ Русскую поэзію и мысль и идею, что до васъ, въ Русской поэзіи, былъ вѣкъ маперіализма и изящныхъ формъ, что самъ *Пушкинъ* былъ когда-то примѣчателенъ только пѣмъ, что первый началъ писать гладкими стихами, и когда являетесь вы, г. *Эрипидинъ*, и съ гладкимъ стихомъ на бу-магѣ, и съ глубокою мыслию въ очахъ, и съ чувствомъ цѣломудрія на чель, теперь *Пуш-кинъ* долженъ занялъ мѣсто въ ряду забы-тыхъ стихотворцевъ. Если же, сверхъ всякаго чаянія, намъ скажутъ, что мы судимъ слишкомъ дѣпски, что ваши сти-хотворенія немного надупы, немного на ходулькахъ, что въ нихъ видно не вдох-

новеніе, а одно умѣніе, пріобрѣшенное на-выкомъ, нанизывать звонкія рифмы на глад-кіе стихи безъ мысли и безъ чувства, что, однимъ словомъ, ваши прелестныя стихи-творенія, г. *Эрипидинъ*, суть ни больше, ни меньше, какъ стихотворныя игрушки, год-ныя лишь для забавы и свѣтскихъ людей; по такимъ крикунамъ мы отвѣтимъ и корот-ко и ясно, что они люди движенія, люди безпокойные, которымъ не сидится на од-номъ мѣстѣ. Повѣрьте, любезный поэтъ, что такой *свѣтскій* отвѣтъ заставитъ за-молчать всѣхъ крикуновъ, и вѣнецъ безсмер-тія останетса за вами.» — —

*

Видите ли, что мы разгадали г. *Бльин-скаго*; но каково же должно быть другимъ, которые принимали все подобное въ этой спатѣ за наличную монету, за чистое зо-лото?

We recommend strenuously this work to all who love to laugh. (*Monthly Review.*)

А. Кораблинскій.

27 Августа 1836.

Село Рыбацкое.

Въ NNо 90 и 91-мъ, помѣщенныя значатъ: шарада *Пут-е-шествоіе*, логогрифъ. . . .

НОВАЯ КНИГА.

Книжка-малютка,

на дняхъ вступила въ продажу.

Сочинитель ея, скрывшій свое имя подъ анаграммою *Теодора Инока*, очень извѣстенъ замысловапымъ водѣвіями и оспроумными куплетами. Эта миленькая, уютная книжеч-ка вѣрно понравится малюпкамъ; она же съ хорошенькими картинками. И какая де-шевая: всего 1 р. 50 копѣекъ! Фунтъ кон-фектъ продается дороже. Её можно найти у книгопродавца *Ив. Оед. Бородина* и у *Ив. Т. Лисенкова*.

Въ ней семь главъ. Въ I-й доказываея примѣромъ, что любопытство не ведетъ къ добру; во II-й, что гнѣвъ великій по-

(1) *Эрипидинъ-Бюргеровъ*, котораго никто не знаетъ, и *Вальтеръ-Скоттъ*, знаменитый въ пятни часпяхъ мі-ра: у насъ шупитъ не любятъ! Это сказано въ шушку.—К.

(2) Это что за слово: книжное или разговорное? Въ Петербургѣ употребляютъ его въ разговорѣ одни *барышни*, а въ печати не найдете даже у барона *Брам-беуса*.—К.

(3) Почему же г-ну *Эрипидину* и не позабавиться?—К.

рокъ; въ III-ей Ложь и наказаніе; въ IV-й Упрямство и лицемеріе; въ V-й Мстительность и памятозлобіе; въ VI-й Раскаяніе по дороге къ исправленію; а въ VII и послѣдней За Богомъ молива, за Царемъ служба не пропадаютъ.

Мы не можемъ удержаться, чѣмъ не написать предисловія. Авторъ разговариваетъ въ немъ съ своими малюпками-чипапелами:

«Вы знаете дѣдушку *Ириня*, любезныя дѣти?» спрашиваетъ онъ у нихъ: «того самого добраго, милаго старичка, который рассказываетъ вамъ такія славныя сказочки и даритъ вамъ хорошенккія книжки.

«Когда я была маленькой, какъ вы, дѣдушка *Ириня* любилъ меня чрезвычайно: онъ часто сажалъ меня къ себѣ на колѣни, выслушивалъ мой урокъ и, когда я его твердо зналъ, онъ вмѣсто госпоинца дарилъ меня книжкою, или рассказывалъ какую нибудь исторію.

«Ахъ, еслибъ вы знали, какъ мнѣ весело было его слушать! Его сказки были для меня слаще конфетъ, забавнѣй игрушекъ, которыми дарилъ меня маменька, и веселѣй всѣхъ игръ моихъ поварихей.

«Я по цѣлымъ часамъ слушалъ и заслушивался умныхъ рѣчей дѣдушки *Ириня*.

«Когда дѣдушка бывалъ занятъ дѣлами и не могъ раздѣлится со мною времени, я не игралъ въ лошадки, не швырялъ мячикомъ, не прыгалъ черезъ веревочку, какъ дѣлали мои братья и сестры; а садился въ уголокъ одинъ, подалше отъ всѣхъ, чѣмъ мнѣ никто не мѣшалъ, и читалъ прилжно подаренныя мнѣ книжки. Вы не можете себѣ вообразить, какое это мнѣ доставляло удовольствіе. Я видѣлъ изъ нихъ, какъ всякое дурное дѣло рано или поздно обнаруживается и бываетъ наказано; какъ всякое доброе чувство для насъ самихъ пріятно и какъ оно награждается. Я хлопоталъ о томъ, чѣмъ сердце мое было добро; я старался подавить въ себѣ всякое дурное чувство и, когда хотѣлъ что нибудь сдѣлать неприличное или несправедливое: то всегда приводилъ себѣ на память сказки добраго дѣдушки *Ириня* и, образумившись, оставлялъ свое намѣреніе.

«Теперь я спалъ большой и, если я веселъ и доволенъ, такъ этимъ обязанъ тому, что больше любилъ книжки, чѣмъ игры, и больше занимался моимъ сердцемъ, чѣмъ объектами, которыми мнѣ покупали папенька и маменька.

«Глядя на васъ, милые друзья мои, я всегда вспоминаю про свое дѣтство, и люблю васъ также, какъ меня любилъ когда-то добрый дѣдушка *Ириня*.

«Сказочки его заронились у меня въ памяти.

«Не хотите ли послушать?»

«Скорѣй! Берите скамейки и пабуренны. Подвигайтесь ко мнѣ! Ближе, ближе! Тѣснѣй кружокъ! Дружите вмѣстѣ! И—чуръ слушать внимательно!»

«Знаете ли, добрые друзья мои, что всѣ добродѣтели-сестры, а всѣ пороки—братья между собою?»

«Эпо сказалъ одинъ очень умный и добрый человекъ, именно *Лафонтенъ*, который васъ любилъ отъ души и написалъ для васъ множество прекрасныхъ басенъ.

«Басни эти и намъ, большимъ, пригодны.

«А я сравню порокъ съ лѣстницею, на которую вы влезли, не смотря на запрещеніе наставника: вамъ любо на верхней ступенькѣ; но каково-то будетъ сходить внизъ.

«Что шагъ: по новая опасность: и спрашно; и высоко.

«Что ступенька: по новое раскаяніе. Вы поропитесь сойти внизъ и боитесь, чѣмъ васъ не увидали; ползете, мучитесь, скользите, спускаетесь и, наконецъ, падаете и расшибаетесь объ камни.

«Такъ и порокъ: малѣйшій поступокъ ведетъ за собою другой, болѣе значительный, и постепенно, какъ ступеньки лѣстницы, доводитъ отъ простой шалости до самого спрашнаго пресупленія.

«Вотъ послушайте, я расскажу вамъ повѣсть про несчастнаго *Серѣжу*!» говоритъ авторъ. Но мы предоставляемъ эпо удовольствіе самимъ маленькимъ чипапеламъ, для коихъ эта книжечка написана.

П. Смирновъ.

К Р И Т И К А.

Замѣчанія на спашью—Выставка Художественныхъ произведеній, *напечатанную въ Октябрьской книжкѣ Библиотеки для Чтенія, въ отдѣленіи: Литературная Лѣтопись.*

(Окончаніе.)

Еще нѣсколько словъ объ Ипаліанкѣ, г. *Плюшара*. Мы согласны съ г. *Сеньковскимъ*, что—«она самая красивая изъ всѣхъ;»—но право, не замѣтили, классическія ли черты лица ея, обжигаетъ ли взоръ ея, Греческій ли у неѣ носъ, удивительнъ ли ротъ. Мы замѣтили только, что онъ наклепалъ на эту милочку, будто она *рѣшительно улыбнулась и покраснѣла, когда г. Брюловъ остановился передъ нею*. Онъ не могъ эпого видѣть, попому, что тогда онъ разсказалъ бы намъ это просто, а не изысканными выраженіями, которыя нанизалъ онъ для прикрытія своей хитрой выдумки.

Смыслъ эпой фразы ясенъ. А того, что ниже сего написано полспраницы о портретахъ опличнаго художника *Тыронова*, мы рѣшительно не опгадываемъ. Сперва, кажется, будто авторъ спашьи о *Выставкѣ* ихъ похвалилъ намѣренъ, потомъ, поневоля думается, что онъ дѣлаетъ ему спрожайшій выговоръ; при самомъ же концѣ опять объявляетъ ему свое учительское благоволеніе. Прошу прислушашь!

«Послѣ портретовъ *Евгенія Плюшара*, при портрета *Тыронова* всего болѣе насъ поразили. Со времени серебряныхъ пуговиць графа Ш***, работы *Кипренскаго*, лучшихъ пуговиць, и щипательнѣ вычищенныхъ, не бывало еще въ продажѣ.»

Какова шупочка!

«Серебряныя эполены подлинно серебряны,» замѣчаетъ редакторъ *Б. для Чт.*: «шупъ нѣтъ никакого обмана; или, лучше сказать, обманъ шупъ совершенный. Эпи, и многія другія подробности, сподъ превосходно опдѣланныя, показываютъ, что г. *Тыроновъ* одаренъ чрезвычайно зоркимъ глазомъ, что онъ *видитъ вѣрно, что онъ съ перваго взгляду видитъ на предметахъ именно то, что прежде всего видно...*»

Опять за волосы припянушая эпиграмма, и, что всего хуже, незаслуженная г. *Тыроновымъ*.

«Дѣло, клянусь вамъ эними пуговицами, весьма трудное, даръ необыкновенно рѣдкій! Такимъ образомъ г. *Тыроновъ* прекрасно примѣшилъ, что мепалъ въ первый мо-

ментъ являенся глазу швердымъ; онъ и написалъ его швердымъ, и *металлъ* самъ собою вышелъ блестящій, совершенно *металлическій*.»

Металлическій металлъ... дѣпекая игра словъ, неумѣстная въ такомъ случаѣ, гдѣ авторъ хвалитъ, порицаетъ и поучаетъ, сообразно съ вѣчными законами природы и искусства.

«Теперь опашенся ему шолько примѣтншъ,» совѣтуетъ спрогій критикъ г. *Тыронова*: «что лицо, тѣло, прежде всего представляются зрѣнію мягкимъ, и лица на его портретахъ непременно будутъ мягки.»

Огромивъ такимъ образомъ молодого, еще робкаго; но шаманливаго художника, критикъ смягчаетъ понъ:

«Несправедливо было бы однакожь эпого почтеннаго купца, на одномъ изъ портретовъ г. *Тыронова*, причислать къ совершенно *твердымъ тѣламъ*.»

Велика милость г-на критика *Б. для Ч.*—Да эпотъ купецъ совсѣмъ оживошворенъ волшебною кистью артиста. Онъ хочетъ выступитъ изъ рамы. Ссылаемся на всѣхъ посѣщавшихъ нынѣшнюю выставку художественныхъ произведеній.

«Съ *Тыроновымъ* мы еще не прощаемся, и встрѣшимся съ нимъ даде, шамъ, гдѣ онъ явился *полнымъ* художникомъ.»

Благодаримъ за честь, а какую идею выражаетъ здѣсь эпитетъ *полный*, не понимаемъ.

«О, Русское искусство далеко опередило Русскую литературу!» восклицаетъ почтенный авторъ спашьи *Выставка Художественныхъ произведеній*.

Давно уже знаемъ, что ему хочется прослыть создателемъ Русскаго языка, хочется, чтобы съ него начиналась эпоха Русской литературы, какъ Турецкое лѣтосчисленіе опъ бѣгства *Магометова*; но знаемъ пакже, что эпо дѣло несбыточное, что онъ напрасно далъ волю своимъ замысламъ и шпроспоръ мечпамъ. Впрочемъ, онъ самъ виноватъ. За чѣмъ не родился онъ прежде *Ломоносова, Карамзина, Жуковскаго*? Тогда бы онъ сдѣлалъ прежде ихъ по, что они сдѣлали. Но *совершилось!* Времени никакая сила не можетъ попятитъ.

Теперь приступимъ къ доказательствамъ несправедливости вывода г-на критика.

Знаменитые, великіе художники у насъ, какъ и вездѣ, очень рѣдки; число ихъ весь-

ма ограничено. *Баженовъ, Кокориновъ, Старовъ, Боровиковскій, Мартосъ, Шебуевъ, Егоровъ, Воробьевъ, Кипречскій, Брюловъ, Карлъ Тонъ* и Александръ Тонъ... и только! *Басинъ, Бруни, Ивановъ* (молодой), *Лебедевъ, Тыроновъ, Пилеменовъ, Гайвазовскій* подають великія надежды... и только! А развѣ *Бенедиктовъ, Теплковъ, А. Н. Муравьевъ, Кольцовъ, Гоголь, Панаевъ* (молодой), *Павловъ, Краевскій, Невъровъ, баронъ Медель, Кукольникъ, полковникъ Ушаковъ, С. М. Строевъ, Даль, Глаголевъ, Срезневскій, Спигиревъ, Никитенко, Максимовичъ, Шевыревъ, Погодинъ*, не подають прекрасныхъ надеждъ? Они уже опичаспи ихъ исполнили.

Оспается пропивоппоставивъ славныхъ писателей славнымъ живописцамъ, зодчимъ и ваятелямъ. Наименуемъ только: *Кантемира, Ломоносова, Фонъ-Визина, Державина, Карамзина, Крылова, Дмитріева, Жуковскаго, Пушкина, Лажсѣникова, О. Н. Глинку, Грета, Данилевскаго, И. И. Козлова, Д. В. Давыдова, Мерзлякова*—и равновсїе возстановишся.

Замѣшивъ всѣ погрѣшности разбираемой нами спашьи, происходящїя опъ незнанїя самыхъ первыхъ началъ изящныхъ искусствъ (1), промахи, имѣющіе испочникомъ самонадвѣянность и насмѣшливый тонъ, неприличный сему роду сочиненїя, признаемъ, что окончанїе спашьи весьма хорошо, весьма кспашпи. Правда высказана смѣло, но не дерзко.

Оно намъ такъ нравится, что мы его цѣликомъ перепечатываемъ въ нашихъ лиспкахъ. Не смотря на 2,592-хъ подписчиковъ на журналъ *А. Ф. Смирдина*, существующей въ Россїи особенная каста любителей чпенїя, которые не подписываются на него и не читають его, а подписываются на *Современникъ* и предпочитаютъ его *Библиотекъ*. Для сей-то избранной тысячи громыхъ любителей отечественной литературы мы это дѣлаемъ.

«Божѣ пяпи сопъ произведенїя выставлено въ залахъ Академіи,» говоритъ профессоръ *Сенковский* въ заключенїи своей спашьи: «божѣ спа мы здѣсь опичили какъ ма-

(1) Прочитайте ниже, авторъ спашьи самъ навико сонается въ своей неопытности.—В.

сперскїя, какъ прекрасныя, или весьма хорошия, которые не обезобразятъ никакой спшны, никакой госпоиной. О многихъ мы еще забыли; иныхъ даже не видѣли. Слѣдственно есть дарованїя на Руси, есть много дарованїй, и мы можемъ радоваться опъ чистаго сердца.

Все это очень хорошо! *Выставка* блестяща; наши молодые художники съ честью исполнили долгъ къ Публикѣ. Публика ожидала опъ нихъ любви къ искусствамъ,—и они представили ей любовь; Публика ожидала трудолюбїя,—они представили трудолюбїе; она ожидала палантовъ,—они представили и паланты, они вспрїиспиди се своими успѣхами, привѣществовали доказательствами своихъ дарованїй, угоспили, насыпили ея за зрѣлищемъ изящныхъ трудовъ своихъ: теперь начинается роль Публики и патриотизма. Теперь Публика обязана исполнить *своей* долгъ къ этимъ молодымъ людямъ. Они бѣдны, она богата. Мало смѣтрѣть на картины, надо покупать ихъ. Выставка—ихъ праздникъ, праздникъ ихъ будущности; не одинъ изъ нихъ, быть можетъ, лишалъ себя необходимаго, ложился спать безъ ужина, сберегалъ издержки своего завтрака для того, чтобы купить холостна и красокъ, чтобы принять вась съ честью въ этотъ день, и выставивъ вамъ картину, которую вы теперь наслаждаетесь, не спрашивая даже о хозяинѣ. Пожертвуйте же разъ въ три года пятью спами рублей на его праздникъ, и купите эту картину. Пожертвуйте даже тысячею, если тысяча не составляетъ для вась щепту. По неопытности нашей въ дѣлѣ, мы боимся обидѣть художника предложенїемъ ему на выставкѣ уступитъ намъ плодъ своей кисти. Ложная учивость! Предложите только: увидите, какъ онъ будетъ вамъ благодаренъ. Эти ничтожныя деньги, которые при первомъ случаѣ проиграете вы въ карты, или бросите въ какой-нибудь магазинъ на бесполезныя игрушки, поощряя его къ труду, доставивъ ему средства заниматься своимъ дѣломъ, дадутъ возможность совершенствоваться свой палантъ, который составивъ, быть-можетъ, украшенїе лѣтописей нашей славы. Подумайте объ этомъ и купите что-нибудь изъ патриотизма. Въ Англїи на плохихъ выставкахъ *Національной галереи*, увидите вы привѣщенные къ картинамъ значки, которые предваряють подходящихъ посѣщителей, что эти произведенїя уже проданы; къ концу *Выставки* почти все раскуплено: картины, картинки, картиночки, какъ бы плохи онѣ ни были; и человекъ, пользующійся извѣстнымъ соспоянїемъ, не считаешь себя а perfect gentleman, совершенно порядочнымъ человекомъ, если послѣ закрытїя залъ *Національной галереи* не висипи у него въ госпоиной чего-нибудь изъ послѣдней *Выставки* и его прїиспиди не видятъ доказательства, что онъ также заботится о поддержанїи искусствъ въ опечесствѣ. Вотъ какъ тамъ люди съ деньгами понимаютъ патриотизмъ! Мы можемъ, не краснѣя, подражать Англичанамъ въ этомъ благородномъ обыкновенїи. И, Боже мой! развѣ мы не видали, какъ Русскіе богачи наши покупали половину *Парижской Выставки* и грузились ея соромъ изъ за какой-нибудь спашейки въ *L'Artiste*, гдѣ ихъ называли *просвѣщенными покровителями искусствъ*? Почему-жъ бы не явились сполько же щедрыми и къ нашимъ художни-

камь? Если дѣло спало за похвальною спашейкою, у насъ есть *Художественная газета*, и въ честь щедрому покупателю писнуть шамъ такую спашейку, что либо для ней и въ конецъ разориться.

Покупайте шолько картинь: спашьи будутъ!»

Г. *Сеньковский* кончилъ—и мы, не имѣя привычки придирапья къ мелочамъ, хотя бы и могли упрекнуть его въ неприличной выходкѣ проптивъ *Художественной газеты*, бросаемъ перо. Dixi.

А. Кораблинскій.

Октябръ 18-ое
1836.
Село Рыбацков.

MODES.

La réouverture des Italiens a déjà donné l'essor à de nouvelles toilettes, peu à la vérité, mais assez cependant pour qu'un œil aussi exercé que le nôtre en ait saisi le bon et le mauvais côté. Nous dirons donc que les bandeaux semblent tout à fait abandonnés, excepté sous certains bonnets dits à la vieille dont les deux côtés très descendans et bien touffus de garnitures ne pourraient comporter de longs tirebouchons: voilà le seul cas où les bandeaux soient tolérés, et il est hors de doute que cet hiver on ne verra pas une de ces coiffures aux femmes qui se coiffent en cheveux.

Les robes habillées, d'étoffe épaisse, se feront presque toutes ouvertes devant, avec de riches jupes en dessous qui seront garnies de volans de blonde ou de gros bouillons à crevés. Nous avons vu dans ce genre une robe de velours épinglé, d'un rose très pâle, le corsage juste, très décolleté des épaules, à pointe et le plus possible busqué; les manches larges du haut, serrées un peu au dessus du coude par un poignet, sur lequel était attaché en dedans du bras un nœud dont les deux bouts pendans retombaient presque jusqu'au poignet, le reste de la manche était tout à fait juste. La jupe ouverte devant avait les deux montans repliés de chaque côté, formait revers; ces revers qui prenaient de la ceinture, allaient en s'élargissant jusqu'en bas, ils étaient doublés de satin blanc. La jupe de dessous était de même en satin blanc, avec un très gros bouillon d'étoffe pareille sur l'ourlet du bas. Le haut du corsage était garni d'une blonde qui des-

cendait en pointe jusqu'au bas du corsage avec trois nœuds; pour coiffure, des cheveux à la Sévigné ornés d'une grosse rose blanche placée au dessus de l'oreille du côté gauche, deux rangs de grosses perles formant diadème au dessus du front.

Pl. No 30. Modes de Paris 1 Novembre 1836.

М О Д Ы.

Открытие Италіанскаго театра подало поводъ къ появленію новыхъ нарядовъ, конечно не весьма многихъ, но довольно однако, чпобъ такіе привычные глаза, какъ наши, увидѣли хорошую и дурную сторону. И такъ мы скажемъ, что гладкіе волосы, какъ кажется, совершенно оставлены, исключая подъ нѣкоторыми чепчиками, называемыми *a la vieille*; ихъ спущенные боки и густыя оборки никакъ не согласуются съ длинными доконами: вошъ единственный случай, гдѣ гладкіе волосы терпимы, и нѣтъ сомнѣнія, что ни на одной изъ дамъ причесывающихся въ волосахъ не будетъ видно подобной прически.

Нарядныя платья, изъ полстыхъ матерій, всѣ почти будутъ дѣлаться спереди открыты, съ богатыми нижними юбками, обширными блондами или широкими буфами съ прорѣзами. Мы видѣли въ этомъ родѣ платье изъ булавчатого бархата, блѣдно рововаго цвѣта, лиць гладкой, весьма низкой на плечахъ, съ мыскомъ и сколько возможно болѣе костей; рукава вверху широкіе, схваченные немного повыше докша обшивкой, на которой спаружи руки бантъ съ концами, висящими почти до кисти; остальной рукавъ былъ въ обпьяжку. Юбка спереди открытая, поды заворочены на верхъ въ видѣ отворотовъ; эти отвороты, начиная отъ пояса, шли къ низу расширяясь, и подложены были бѣлымъ апласомъ: нижняя юбка также была бѣлая апласная, съ широкой буфой внизу на рубцѣ. Верхъ лифа опдѣланъ былъ блондою, спускавшеюся мыскомъ до низу лифа, съ премя бантами; волосы сдѣланы *a la Sévigné*; большая бѣлая роза пришпиlena надъ ухомъ съ лѣвой стороны; два ряда крупныхъ бусъ составляли діадему надъ лбомъ.

(Продолженіе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карш. No 30. Парижскія моды 20 Октябръ (1-ое Ноября новаго стила) 1836-го года.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 94 и 95.

Цѣна годовому изданію -
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ; въ
С. П. бургѣ 30, съ до,
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, НОЯБРЯ 21 ДНЯ 1836 ГОДА.

Въ собраніе пришелъ смотрѣть людей Клеонъ:
Поспоронись же, другъ Дамонъ!

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИ- НЫ II ВЪ ТАВРИДУ.

(Продолженіе.)

На другой день пріѣхали мы въ *Перекопъ*; продолжаетъ *Сегюръ*: такъ называется узкой перешеекъ, отдѣляющій Черное море отъ Азовскаго; на немъ выстроена квадратная каменная крѣпость, съ предмѣстіемъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ хижинъ — и проведена стѣна и ровъ, которые идутъ отъ одного моря до другаго. — Перекопъ служилъ воротами или ключемъ къ полуострову Крымскому, которому нынѣ царствующая Императрица возвратила древнее его имя Тавриды.

Крымскій полу-островъ окруженъ съ востока Азовскимъ моремъ, съ юга и запада Чернымъ, а къ сѣверу граничитъ съ дикими пустынями древней Скиѣи. Онъ простирается въ длину отъ 51 до 52, а въ широту отъ 44 до 46 градусоѣ.

Плоская часть полу-острова, въ бытность мою на немъ, не смотря на плодородіе земли, была населена не больше Нагайскихъ

степей. Соленыя озера, пересѣкающія сѣверную полосу его, доставляли жителямъ главную отрасль торговли; по пучнымъ и пространнымъ пажитямъ бродили многочисленныя стада, а по дорогамъ кое гдѣ пестрѣлись деревушки и выказывалась изрѣдка пахатная земля, которую только что начинали обрабатывать.

Но южная или гористая часть Крыма, отдѣляющаяся отъ первой рѣкою Салгиромъ, представляетъ разительную противоположность. Здѣсь воздухъ чистъ, небо ясно, природа щедра, и горы, изъ которыхъ иные имѣютъ до 800 ф. вышины, горды и величественны.

Долины, лежащія между горами, покрыты плодovitыми деревьями и прекрасными цвѣтами. Ихъ орошаютъ свѣпые ручейки, шумящія водопады и обсыпаютъ густыя лавровыя рощи, — гдѣ около пней вьется виноградъ. По сторонамъ дорогъ красивые загородные дома, окруженные садами, представляютъ глазамъ путешественника разнообразныя и заманчивыя картины.

Климатъ, по орологіямъ горъ, равняется климату Неаполя и Венеціи; но къ ст-

веру, въ плоской части, гдѣ никакое возвышеніе не останавливаетъ вѣтровъ, которые дуютъ отъ Балійскаго моря до Чернаго, пробѣгая пространство на 3,200 верстъ, спужа бывасть зимой также велика, какъ у Сѣвернаго полюса, и самое успье Борисѣена иногда замерзаесть. И такъ, до самыхъ горъ въ еще въ климатъ Россіи; но въ нѣсколько часовъ, переноситесь вдругъ подъ пламенное небо Италіи—и ощущаете весь зной ея.

Берега Крыма представляютъ мореплавателямъ хорошія пристани и безопасныя рейды.—Судя по пространству ея, различности произведеній и средствамъ къ оборонѣ, даннымъ ему природою,—я нахожу очень естественнымъ, что обладаніе имъ въ теченіи многихъ вѣковъ было предметомъ споровъ между столькими народами.

Древнѣйшіе обитатели Крыма, которыхъ имя дошло до насъ, были: *Кимиріане*, или *Кимеры*, отъ которыхъ *Босфоръ* получилъ свое названіе.

Послѣ того двинулись *Скивы*. Они заняли долины, но не могли завоевать горъ, на которыхъ укрѣпились Кимиріане, называвшіеся *Таврами*, отъ чего и весь полуостровъ именовался *Таврическиимъ*.

Наконецъ торговля завлекла туда Грековъ, и за 600 лѣтъ до Р. Х. Милезіане основали на восточныхъ берегахъ *Пантикапейскую колонію*, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь города *Керчь* и *Феодосія*.

Понтійскіе *Геракліиды* построили на западномъ берегу древній *Херсонъ* или *Апаторію*, а къ сѣверо-востоку, на Босфорѣ и у самаго успья Кубани, *Митиленскіе* Греки основали особое царство, процвѣтавшее при *Спартакѣ*, который былъ союзникомъ Аѳинянъ и выгналъ изъ полуострова Скивовъ. За 400 лѣтъ до Р. Х. *Тавры*, оставшіеся на полуостровѣ, такъ усилились, что разбили Грековъ и вытѣснили ихъ изъ большей части владѣній своихъ; но за 1,200 лѣтъ предъ Р. Х. славный *Митридатъ*, царь Понтійскій, выгналъ Тавровъ и завоевалъ всю Тавриду.

Побѣжденный Римлянами, — *Митридатъ* оставилъ развалины престола своего слабо-

му *Фарнасу*, который не былъ въ состояніи ни пропитьясь сильнымъ непріателемъ, ни управлять народомъ своимъ, ни удержатъ за собою владѣній, которые возвратили ему Римляне, явившіеся тогда въ первый разъ въ Тавриду.

Скоро варвары, по имени *Алане*, завладѣли Тавридою и совершенно выгнали изъ неѣ *Тавровъ*.

Во второмъ столѣтіи по Р. Х. вся земля эта завоевана была *Готвами* (Готами), покоренными въ свою очередь *Унграми*, или *Гуннами*, которые довершили разореніе Босфорскаго царства.

Въ VII столѣтіи, *Хозары*, или *Козары*, выгнали Грековъ;—въ 640 году Греческій Императоръ *Феофили* присоединилъ къ державѣ своей *Херсонисъ* и всѣ колоніи и города Греческіе, которыхъ остатки находились въ Тавриду; но они однакожь обязаны были платитъ дань Козарамъ.

Въ послѣдствіи времени варварскія племена *Колановъ*, *Пегенеговъ* и *Половцевъ* попеременно дѣлали набѣги на Херсонисъ и опустошали его; наконецъ въ XIII столѣтіи Таттары овладѣли всею Тавридою и назвали еѣ *Крымомъ*, то есть *Крѣпостью*. Кочующія племена ихъ занимали всю великую степь, между тѣмъ, какъ *Мингли - Герей*, предводительствуя неподвижными ордami, положилъ основаніе царства *Крымскихъ Хановъ*, которыхъ столицею былъ *Старкиль*, или старая крѣпость.

Тѣ изъ Готавовъ и Грековъ, которые остались въ Крыму, сдѣлались данниками Татаръ, и вмѣстѣ съ Венеціанами производили важную торговлю; но скоро Генуэзцы, покровительствуемые Греческимъ Императоромъ *Михаиломъ Палеологомъ*, захватили еѣ въ свои руки, и по кровопролитномъ сраженіи съ Татарами—избавили себя отъ плашежа имъ подаши.

Города: *Кафа*, *Судакъ* и *Балаклава* были средоточіемъ торговли и складкою несчетныхъ сокровищъ ихъ. *Кафа* или *Феодосія* долго славилась на Востокъ многолюдствомъ своимъ и промышленностію; но въ исходѣ

XIII вѣка—Татары, давно уже ослабленные внутренними безпорядками, вдругъ соединились, и съ помощію Турокъ, уничтожили Генуэзское владычество.

Скоро овладѣли они опять всемъ Крымомъ, и шамъ, какъ и повсюду, причинили страшное опустошеніе; истребили торговлю, промышленность, и погрузили эту несчастную страну въ мракъ, ужаснѣйшій даже того, который покрывалъ её во времена Скивовъ и Тавровъ.

Въ 1478-мъ *Магометъ II* возвелъ на ханской престолю *Мингли-Герей*, потомка *Чингисханова*.—Ханы этого поколѣнія хотя въ существенности и были независимы, но остались однакожь въ подданствѣ Турецкаго Султана.

Деятнадцатый ханъ Крымскій *Селимъ-Герей* прославился мужествомъ; онъ поразилъ Австрійцевъ, Россіянъ и Поляковъ и спасъ знамя *Магометова*.—Янычары хотѣли было возвести его на Турецкой престолъ, но онъ великодушно отъ того отказался.

Въ 1736-мъ Русскіе, подъ предводительствомъ фельдмаршала *Миниха*, въ первый разъ вошли въ Крымъ и опустошили его.

Въ 1757-мъ *Алимъ-Герей*, ненавидимый подданными, былъ свергнутъ съ престола Нагайцами, которые избрали на его мѣсто *Крыль-Герей*, одареннаго высокими добродѣтелями и рѣдкими способностями ума.

Въ 1764-мъ *Крыль-Герей* вывелъ 50,000 Татаръ противъ Русскихъ и опустошилъ всю Новую-Сербію;—но былъ оправленъ въ Бендерахъ въроломнымъ врачомъ своимъ.

Въ 1771 мѣ Россійское войско, подъ начальствомъ князя *Долгорукаго*,—возложило ханское достоинство на *Сагиль-Герей*, который уступилъ Императрицѣ *Керъ* и *Килбурнъ*; но Турки возстановили опять свергнушаго хана.

Послѣ многихъ сраженій, братъ *Сагиба*, съ помощію Русскихъ войскъ, овладѣлъ всемъ полу-островомъ, который однакожь съ того времени сдѣлался жертвою безпрестанныхъ междоусобій.

Въ 1779 году Россійскія войска вышли изъ Крыма, и ханъ долженъ былъ ходатайствовать у Порты утвержденія своего на престолѣ.

Между тѣмъ внутрення возмущенія не прекращались, и Россійскіе корабли блокировали ханскія крѣпости; наконецъ *Сагиль-Герей* рѣшился сойти съ престола и отдати *Екатеринѣ II* Крымъ, Кубань и островъ *Таманъ*, на что Опоманская Порта, оспавленная Франціею и Австріею, принуждена была согласиться.

Такимъ образомъ рушилось владычество хановъ Крымскихъ въ лицѣ послѣдняго потомка *Чингисханова*; Россія сдѣлалась обладательницею Чернаго моря,—и гордый взоръ ея могъ, такъ сказать, парить издъ столицею Опоманской имперіи. Но это важное событіе не произвело тогда большаго впечатлѣнія на Европу.

Наконецъ, поржествующая *Екатерина* вступила въ древнюю Тавриду, и возсѣла на престолъ покоренныхъ ею Татаръ, которыхъ дерзкіе предки преобладали некогда отъ Князей Россійскихъ послѣдней дани и унижительнаго повинненія Золотой орды.

30 Іюня проѣхали мы славныя *Перекопскія линіи*, которые однакожь, не смотря на глубину рововъ своихъ и пользу, которой отъ нихъ ожидали,—никогда не могли остановить движеній непріятельскихъ—и теперь служатъ только предметомъ для любопытства путешественниковъ.—Мы осмотрѣли также такъ называемую *Золотую* крѣпость, которая защищаетъ ихъ.

Вышедъ отсюда, увидѣли мы довольно многочисленный отрядъ Татаръ, богато одѣтыхъ и прекрасно вооруженныхъ, которые шли на встрѣчу Императрицѣ, чтобы составить для неѣ почетную гвардію. *Екатерина*, слѣдуя внушеніямъ благородной и великой души Своей, хотѣла, чтобы во все время путешествія Ея по Крыму, окружали её одни Татары—бывшіе всегда непримиримыми врагами Христіанъ и такъ недавно еще поко-

ренные Ею!—Но такая необыкновенная доверенность Ея удалась Ей, какъ удается вообще всё то, что смѣло и прекрасно.

Мы спокойно продолжали путешествованіе наше подъ охраненіемъ честныхъ и вѣрныхъ сыновъ *Магомета*, и остановились на ночь въ мѣстѣ, называемомъ *Айбаръ*, гдѣ для насъ разбитъ былъ лагерь, а для Императрицы построены довольно красивый домикъ. *Г. Фицъ-Гербертъ* и мы отвели одну изъ тѣхъ Татарскихъ палатокъ, о которыхъ я говорилъ.—Русскіе не могли надивиться, нѣжной дружбѣ которая соединяла министровъ Англии и Франціи, не смотря на всегдашнее соперничество ихъ націи и совершенно разную цѣль ихъ политическихъ дѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ мы были съ *Фицъ-Гербертомъ* неразлучны, и каждый изъ насъ ревностно защищалъ другаго, если слышалъ о немъ чтонибудь невыгодное.

Такая тѣсная и необыкновенная связь наша чрезвычайно забавляла Императрицу, — и Она, для оригинальности, хотѣла, чтобы мы спали подъ одною палаткою и писали депеши свои на одномъ столѣ; — разумѣется, каждый совершенно въ противномъ смыслѣ.

31-го перѣхавъ *Салгиръ*, оставивши мы наконецъ дикія пустыни, и — достигнувъ цѣпи горъ, радовались, находя въ долинахъ пшеницыя рощи, обработанныя поля, чистыя домики и трудолюбивыхъ, дѣяпельныхъ поселянъ; однимъ словомъ, всё движеніе, всю жизнь, о которой почти позабыли, блуждая столько времени по уединеннымъ степямъ Татаріи.

Къ вечеру достигли мы *Бахчисарая*, и весь дворъ помѣстился въ древнемъ дворцѣ ханскомъ.

Городъ *Бахчисарай* лежитъ при рѣкѣ *Шурукъ*, въ узкой равнинѣ, или, лучше сказать, въ тѣсномъ ущельѣ горъ.—Основанный Татарами въ XVI вѣкѣ, онъ довольно плохо выстроены и дома его расположены по скалу высокыхъ горъ, его окружающихъ; онъ давитъ ихъ со всѣхъ сторонъ и, кажется, всякую минушу готовы упасть и сокрушить ихъ своими громадами.—Я не думаю,

чтобы путешественникъ могъ видѣть гдѣнибудь картину спранныхъ и любопытныхъ эпохъ.

Подъѣздъ къ Бахчисараю не всегда безопасенъ, и это испытала Императрица, въ ту самую минушу, когда, завидѣвъ издали Бахчисарайскіе минареты, Она спѣшила къ цѣли своей, мысленно наслаждаясь удовольствіемъ возсѣсть на престолѣ Мусульманскій, завоеванный Ея оружіемъ.

Въ Бахчисарай спускаются по чрезвычайно крупному косоугору, окруженному по споронамъ высокими скалами.—Карета Императрицы была огромна, и запряжена лошадьми горячими и упрямыми, которыхъ, почувствовавъ на себѣ необыкновенную тяжесть, вдругъ бросились съ горы и помчались мимо скалъ съ такою ужасною быстротою, что мы ежеминутно ожидали, что карета разсыплется въ дребезги.

Усилія Татаръ остановить лошадей были тщетны, и всѣ дрожали отъ страха; *Екатерина* одна (какъ сказывалъ мнѣ послѣ Австрійскій Императоръ) не показала никакого смущенія и сохранила совершенное присутствіе духа. Наконецъ опасность миновалась: карета, какимъ-то непостижимымъ чудомъ, невредимо скапнулась съ вышины утесовъ невредимо; но при въѣздѣ въ улицу, неизвѣстно отъ чего, лошади вдругъ спали и не хотѣли итти далѣе; нѣкоторые изъ нихъ упали; — и тогда карета, получивъ сильный толчекъ, перѣехала черезъ нихъ, и на этотъ разъ конечно бы опрокинулась, если-бъ не подоспѣли Татарскіе всадники и не удержали еѣ всею своею силою.

Бахчисарай, опустошенный войною, содержитъ еще до 9,000 жителей, большею частію Магометанъ.—*Екатерина* не хотѣла снѣнять ихъ ни въ торговлѣ, ни въ вѣрѣ, и оставила имъ всѣ древніе ихъ обычаи; слѣдовательно, мы могли вообразить себѣ, что пріѣхали въ какой-нибудь Турецкій или Персидскій городъ, но съ пою разницею; что могли свободно осматривать въ немъ всё, что хотѣли, не боясь отъ Мусульманъ тѣхъ непріятностей, которыми Христіане

обыкновенно подвергаются отъ нихъ на Воспокъ.

Въ первыя минуты пребыванія нашего въ Бакчисараѣ всего болѣе удивляли меня флегматическая спѣсь и притворное или истинное равнодушіе Татарскіхъ и Турецкихъ купцовъ. Старые и молодые, Татары и Турки, всѣ сидя спокойно у воротъ домовъ своихъ, или во внутренности открытыхъ лавокъ, не показывали намъ ни удивленія, ни любопытства, ни даже досады; однимъ словомъ—не обращали на насъ никакого вниманія, и когда Императрица, окруженная блестящею свитою, проезжала по улицамъ, то это великолѣпное и новое для нихъ зрѣлище, по видимому, не производило на нихъ никакого впечатлѣнія; никто не пошевелился и не посмотрѣлъ въ нашу сторону. — Иные даже сидѣли оборотясь къ намъ спиною.

Мрачные фанатики эти, воображая себя гораздо умнѣе и превосходнѣе во всемъ Христіанъ, называютъ насъ *собаками* и *невтриними*, и сохраняютъ глупую гордость свою даже и тогда, когда бывають побѣждены. — Въ такомъ случаѣ они никогда не сознаются въ собственной ошибкѣ или незнаніи, но всю вину складываютъ на *предопредѣленіе*.

Намъ сказали, что ханскій дворецъ, занимаемый нами, выстроены по образцу Царградскаго серала и представляетъ его въ миниатюрѣ. Онъ стоитъ у самой рѣки, на которой Татары сдѣлали набережную и маленькій каменный мостъ, по которому вы въѣзжаете на обширный дворъ, гдѣ на лѣво возвышается главная ханская мечеть — и потомъ идутъ конюшни; а на право представляется дворецъ серала. — Онъ въ одинъ этажъ, имѣетъ много отдѣльныхъ строеній неравной вышины, и окруженъ садомъ, раздѣленнымъ на четыре перасы.

Вкругъ мечети простирается кладбище, на которомъ погребены ханы, духовныя особы и *мурзы* или вельможи. Вообще на Воспокъ, всѣ мѣста, посвященныя праху умершихъ, омиѣнно живописны и оплещаются разнообразіемъ памятниковъ и красотою деревьевъ, ихъ осѣняющихъ.

Ихъ Императорскія Величества занимали прежнія ханскія комнаты, а *Фицъ-Гербертъ*, *Кобенцль*, принцъ *де-Линъ* и я половицу, гдѣ жила Султанши, и которая окнами была обращена въ садъ — красивый, но окруженный превысокою стѣною!

Въ каждой комнатѣ всю мебель составлялъ круглый, широкій и покойный диванъ, а посреди ея былъ большой четверугольный бассейнъ съ трубками, изъ которыхъ безпрестанно били фонтаны свѣжей воды и наполняли воздухъ пріятною влагою.

Слабый свѣтъ дня едва освѣщаль покойсквозь расписанныя стекла оконъ; даже и тогда, какъ они были отворены, лучъ солнца съ трудомъ могъ проникать въ нихъ черезъ сплещіяся въпви розъ, ясиновъ, гранатовыхъ и померанцовыхъ деревьевъ, которыя закрывали ихъ своею зеленью и служили имъ вмѣсто спавней.

Однажды, упомянутый зноеть, и лежа на диванѣ моемъ, я наслаждался ароматами цвѣтовъ, свѣжестью прохлады и тихимъ журчаніемъ воды, и предавшись всей нѣгѣ Воспока — дремалъ и мечталъ, какъ наполщій Азіатскій паша: вдругъ увидѣлъ передъ собою маленькаго старичка въ длинной одеждѣ, съ длиною сѣдою бородою и въ красной скуфейкѣ на обрипой головѣ.

Униженный видъ его, смиренная поспуль и низкій Воспочный поклонъ — довершали мое заблужденіе, и мнѣ показалось, что я и въ самомъ дѣлѣ былъ какой нибудь султанны, къ которому пришелъ *ага* или *бостанжи*, и ожидалъ священной воли его.

Это былъ невольникъ, который, говоря кое какъ на Франкскомъ языкѣ, по еспь на дурномъ Испаліанскомъ, сказалъ мнѣ, что онъ служилъ садовникомъ у хана, и потому я взялъ его себѣ въ проводники. Мы осмолпрѣли съ нимъ внутренность этаго Азіатскаго дворца, въ которомъ такъ много переходовъ и такъ мало правильности, что описать его почти невозможно.

Побѣжденные Мусульмане не смѣли ни въ чемъ опказать намъ, и попому мы свободно вошли въ мечеть, во время молитвы, и

увидѣли зрѣлище, прискорбное для людей просвѣщенныхъ. Тридцать или сорокъ испуганныхъ дервишей вертѣлись на одномъ мѣстѣ съ быстротою волчка или юлы и кричали *Алла-гу, Алла-гу, Алла-гу*, съ такимъ страшнымъ усиліемъ легкихъ, что наконецъ упали грудью на земь, изнуренные усталостію и почти безъ дыханія.

Нѣтъ земли, гдѣ бы люди, еще не просвѣщенные свѣтомъ истинной Вѣры, не почитали мнимыхъ боговъ своихъ какими-то несправедливыми, причудливыми и кровавыми тиранами, которыхъ, по ихъ мнѣнію, иначе нельзя было умилосердивить, какъ совершая въ честь ихъ странные обряды, налагая на себя безразсудные объемы, и, что всего ужаснѣе, проливая, на олшаряхъ ихъ, кровь человѣческую, какъ жершву для нихъ самую пріятную и достойную ихъ величія!

За четверть мили отъ города, на высокой горѣ, есть предмѣстье, исключительно населенное *Караибскими* Жидами, которые щитаются въ числѣ древнѣйшихъ обитателей полу-острова и одни изъ всѣхъ прочихъ единоутрцевъ своихъ довольствуются книгами Моисея, не признавая *Талмуда*.

Пять верстъ далѣе, стоитъ другая удивительная и чрезвычайно высокая гора, называемая *Гіанъ-Кермень*, и имѣющая видъ конуса. Камень, ея образующій, содержитъ при ряда глубокихъ пещеръ.

Окружности Бахчисарая усажены красивыми загородными домами, которые принадлежали некогда Татарскимъ князьямъ и женамъ ихъ.

Императрица пробыла въ Бахчисарай только пять дней, въ которые была чрезвычайно весела. — Удовольствіе блистало во всѣхъ чертахъ Ея, и Она, съ гордостію Царицы, съ радостію женщины и Христіанки, наслаждалась щастіемъ видѣть Себя на престолѣ древнихъ покорителей Россіи, которые недавно еще нападали на Ея владѣнія, прелятспвовали торговль и заставляли Её сомнѣваться въ прочности новыхъ Ея завоеваній.

И мы почти не меньше Ея наслаждались новостію предметовъ, насъ окружавшихъ, и имѣя возможность всё видѣть, воспользовались случаемъ, чпобъ осмошрѣть во всѣхъ подробностяхъ его одинъ изъ эшихъ славныхъ *Гаремовъ*, въ которыхъ, во всякой другой Магометанской землѣ, никакой Христіанинъ войши не можетъ.

Въ первое время послѣ своего покоренія, Татары многочисленными полдами убѣгали изъ Крыма; но кропкое и челоѣколюбивое правленіе *Екатерины*—Ея милосердіе и снисходительность — скоро обезоружила ненависть эшихъ дикихъ Мусульманъ и возбуждали въ нихъ такую довѣренность, что чрезъ нѣсколько времени, не только 50,000 изъ нихъ рѣшились остаться въ опечествѣ, но даже нѣкоторые изъ выходцевъ просили дозволенія воропиться опять; но получали его однакожь съ прудностію, потому что правительспво не надѣялось имѣть въ нихъ когда нибудь хорошихъ землепашцевъ.

Оставя Бахчисарай, мы ѣхали по пріятнымъ долинамъ и черезъ рѣку *Кабарту*, которой берега, равно какъ и всѣ мѣста ея орошаемая, такъ живописны, что ихъ можно назвать предестнымъ садомъ. Къ обѣду пріѣхали мы въ *Инкерманъ*, названный Греками *Феодорю*, а Татарами *Ахтіаромъ*. — Тутъ высокія горы, идущія полукружіемъ, образуютъ широкій заливъ, у котораго стоятъ древній Херсонъ и городъ Эвпапорія. — Этимъ славный портъ Таврическаго Херсониса, переименованный впоследствии *Гераклеотическимъ*, получилъ отъ *Екатерины II* названіе *Севастополя*.

Видъ эсихъ классическихъ береговъ Тавриды, некогда посвященныхъ Діанѣ и Геркулесу, оживилъ въ памяти нашей всю баснословную Грецію, и также историческія воспоминанія о древнихъ обладателяхъ Босфора и подвигахъ *Митридата*, царя *Понтійскаго*.

Когда Ихъ Императорскія Величества изволили сидѣть за столомъ; во время котораго раздавались гармоническія звуки музыки,—вдругъ отворилась дверь на балконъ,

и глазамъ нашимъ представилось совершенно волшебное и очаровательное зрѣлище.— За линією Тапарскихъ всадниковъ, которая топчась раздвинулась, открылся обширный и глубокій заливъ, на 12 верстъ распояннй въ длину, на 4 въ окружности, и на этомъ великолѣпномъ рейдѣ, оканчивающемся моремъ, громаносный Россійскій флотъ, построенный, снаряженный, вооруженный въ два года, споялъ въ боевомъ порядкѣ пропывъ комнаты, въ которой мы обѣдали съ Императрицею!

Онъ привѣтствовалъ Государыню пальбою изо всѣхъ пушекъ своихъ, и громъ ихъ, попрысая воздухъ, казался, возвѣщалъ Понпу Эвксинскому, что новая Владычица его могла въ нѣсколько часовъ сжечь его флагъ и поставитъ знамя свое на спѣнахъ Царяграда.

Мы поплыли по заливу. Императрица осматривала флотъ свой и удивлялась выгодному положенію рейда, который природа, казалось, успроила нарочно для того, чтобы она могла быть прекраснѣйшею гаванью въ цѣломъ мѣрѣ.

Проплывъ мди двѣ, мы пристали къ берегу у подошвы горы, на которой возвышается амфитеатромъ новый *Севастополь*, основанный *Екатериною*. Нѣсколько магазиновъ, адмиралпейство, городскія укрѣпленія, 400 спроившихся зданій, множество работниковъ, сильный гарнизонъ, два гошпишала, верфь для починки судовъ, пристань для торговли и карантинъ,—все это придавало уже раждающемуся городу нѣчто великое и чрезвычайно разшпельное. Я не могу понять, какимъ образомъ князь *Потемкинъ*, за 3,000 верстъ отъ столицы, и въ области, споль недавно еще присоединенной, могъ въ два года создать городъ, снарядитъ флотъ, построитъ крѣпости и собрать сполько жителей!—Человѣкъ этотъ былъ чудо дѣятельности.

Корабли, спущенные при насъ въ Херсонъ и Таганрогъ, должны были скоро присти, между тѣмъ какъ эскадра изъ 25 военныхъ судовъ спояла на рейдѣ, въ полномъ снарядѣ, ожидая сполько повелѣнй Импера-

трицы, чтобы по Ея мановенію лептѣть на всѣхъ парусахъ въ море.

Екатерина хотѣла знать мысли мои на щепъ новыхъ Ея учреждений касательно флота—«Государыня!» отвѣчалъ я: «Вы изгладили горестное воспоминаніе Прупскаго мира; обратили хищныхъ Запорожцевъ въ полезныхъ и вѣрныхъ подданныхъ и довершили на Югѣ то, что *Петръ великій* началъ на Сѣверѣ; теперь оспается сполько Вашему Величеству побѣдитъ природу, населитъ завоеванныя Вами области—и дикія, печальныя степи, по которымъ мы проѣзжали.»

Дѣйствительно *Екатерина* могла спокійно наслаждаться славою Своею, не предпринимая новыхъ завоеваній;—часто неожиданная измѣна щастія распроиваетъ самыя благоразумныя распоряженія и помрачаетъ блескъ прежнихъ побѣдъ одною непредвидимою неудачею.

Нещастія *Лудовика XIV* въ его спароспи, униженіе *Карла XII*, крипическое положеніе *Петра великаго* при Прутѣ и наконецъ истребленіе *Наполеоновой* арміи—вопъ великіе уроки, которые судьба въ каждый вѣкъ даетъ генію;—но геній, сплишкомъ много полагаель на собственныя силы и щастіе, никогда не хочеть внимать имъ!

Въроянно и *Екатерина* думала то же, и спомому не хотѣла распроспранять завоеваній Своихъ, не спомря на внушенія миниспровъ Своихъ и придворныхъ, которые наперерывъ спарались льспитъ Ея честную любію.

Теодора, выпроенная на ушесиспой скаль, основана, какъ сказываютъ, *Дорасіемъ*, полководцемъ *Митридатомъ*. Всплѣдствіи времени достпалась она въ удѣль Греческому Императору, *Константину Палеологу*, а въ исходѣ XV спольтія опдана Турками Тапарамъ.

Къ сѣверу, между Севастопольскимъ портомъ и Перекопскою линією, спуществовала древняя *Эпаторія*, названная Тапарами *Козловомъ*.

Утесистыя горы, которыя въ величественной оградѣ своей заключають Севастопольскій проливъ, назывались отъ Грековъ *Ктенусолы*; — онѣ изрыты глубокими пещерами, по справедливости достойными любопытства путешественниковъ.

Въ этихъ мрачныхъ и пространныхъ пещерахъ нѣкогда укрывались свирѣпыя *Тавры*—и какъ хищныя птицы—бросались оплуда на волны Чернаго моря, на которомъ производили ужасныя грабительства. Впослѣдствіи же находили тамъ убѣжище Греки, изгнанные изъ отечества, и Христиане, гонимые за вѣру.

Мы видѣли развалины часовенъ и оспавкн жерпвенниковъ; больше же всего поражены мы были лѣстницею, въ 50 сажень, проведенною во внутренности утеса.

На милое разстоянія къ юго-западу отъ Севастополя, предстали намъ развалины древняго *Херсона*, или, лучше сказать, огромныя кучи камня, которыя нѣкогда составляли прекрасныя и великолѣпныя зданія. Херсонъ, построенный за 60 лѣтъ до Р. Х. и почитавшійся однимъ изъ лучшихъ городовъ Босфорскаго царства, былъ вѣроятно свидѣтелемъ кровавыхъ торжествъ несчастнаго *Митридата*, и жестокопей, помрачившихъ славу его.

Константинъ великій въ 322 году избавилъ Херсонъ отъ всѣхъ подапей, и онъ, сдѣлавшись независимымъ, по торговлѣ и чрезмѣрному богатству своему, господствовалъ надъ всѣми городами южной части полуострова.

Далѣе, въ концѣ мыса, на отвѣсной скалѣ, которая сползла надъ грозными волнами вѣчно-бурнаго моря,—воображеніе ищетъ храма, посвященнаго *Дианѣ Тавригеской*.

Ифигенія, *Орестъ* и *Пилладъ*, казалось, выходили къ намъ изъ таинственнаго мрака времени, и украшали преданія варварскихъ вѣковъ своихъ прекрасными цвѣтами баснословія.

Греки называли это мѣсто *Парвеніономъ* и утверждали, что путь нѣкогда сполз

капище *Богини-Дѣвы*. Но теперь существуетъ тамъ *монастырь св. Георгія*, возлѣ котораго прорублена въ камень узкая пропінка, ведущая съ вершины утеса до двери уединенной кельи-пещеры, построенной на краю насыпи, которая, выдавшись впередъ и опдѣляясь отъ скалы на 15 сажень, виситъ совершенно надъ самымъ моремъ.

Путь выстроено и еще нѣсколько келій и церковь въ глубокой пещерѣ каменной горы. Она освѣщена только двумя узкими окнами, и свѣтомъ, проходящимъ въ нее тогда, какъ отворяются двери.

Въ окрестностяхъ этого мѣста, обильнаго поэтическими воспоминаніями, и гдѣ все насроиваетъ воображеніе къ мечтамъ и возвышаетъ душу,—Императрица пожаловала принцу *дѣ Линъ* прекрасную и живописную дачу, и конечно не могла выбрать подарка приличнѣе и соотвѣтственнѣе характеру этого милаго и блестящаго *Линя*, котораго храбрость имѣла въ себѣ что-то баснословное и романическое.

Принцъ *Нассау* и я вздумали пройтись вдоль берега къ югу — и видѣли такъ называемую пристань *Силволовъ*. — Здѣсь, равно какъ и около всѣхъ портовъ *Херсониса Гераклеотигескаго*, есть множество пещеръ, заключающихъ кельи, часовни и древнія надгробія съ Греческими надписями.

Но видъ этихъ мрачныхъ пещеръ, дикихъ утесовъ и страшныхъ пропастей, наполняетъ душу уныніемъ и приводитъ въ содроганіе.—Здѣсь конечно любили собираться кровожадные *Тавры*, и находили наслажденія, достойныя ихъ самихъ и *добраго* царя ихъ *Тоаса!!!*

Мрачныя мысли наши не могли разсѣяться даже и тогда, когда мы вѣхали въ *Баллавлу*, въ древности называвшуюся *Силволономъ*. Въ бытность нашу тамъ, она имѣла довольно значительную торговлю и населена была Греками, Армянами и Жидами, пользовавшимися совершенною свободою, которую сохраняли они даже и во времена *Татарскаго* владычества во всемъ, что касалось до нравовъ ихъ, вѣры и обычаявъ.

По примѣру всѣхъ древнихъ Греческихъ и Азіатскихъ городовъ, улицы въ Балаклаву узки, дома низенькіе и мостовая состоить изъ разноцвѣтнаго камня.

Но дѣятели и трудолюбивые жители, стараясь украсить какъ нибудь печальный городъ свой, развели по оплогоспямъ высокихъ горъ, его окружающихъ, множество маленькихъ садовъ, которые возвышаются перассамаи и представляють очень пріятную карпину.

Присоединясь опять къ Двору, мы вышли изъ Севастополя и возвратились въ Бахчисарай черезъ Альму; но по этой дорогѣ не видали ничего примѣчательнаго, кромѣ высокой горы, называемой *Біакліакуба* (?) которая сверху до низу изрыта пещерами.— Въ тѣ времена, когда насилие и жестокость царствовали на землѣ, несчастныя жертвы ихъ только въ нѣдрахъ ея находили себѣ убѣжище и безопасность.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

НАПОЛЕОНЪ И РИМСКІЙ КОРОЛЬ.

(Изъ записокъ Констанъ).

Наполеонъ спрашно любилъ своего сына; когда встрѣчался съ нимъ, то обыкновенно всякій разъ бралъ его на руки, поднималъ вверхъ, потомъ опускалъ внизъ, шупилъ и забавлялся съ нимъ очень много. Часто подносилъ онъ его къ зеркалу, дѣлалъ передъ нимъ разныя гримасы и шѣмъ до крайности смѣшилъ младенца. Во время завтрака малютка сидѣлъ у него на колѣняхъ, погружалъ пальцы свои въ соусъ, давалъ ему ихъ облизывать и пачкалъ ему лицо. Гувернантка его, г-жа *Монтескю*, была энцимъ недовольна; *Наполеонъ* смѣялся, а дитя, находившій въ такихъ забавахъ удовольствіе, пребывалъ, чшобъ отецъ повперялъ ихъ. Эти минуны родительской нѣжности были самыя благопріятныя для придворныхъ милостей и разныхъ просьбъ: послѣднія принимались тогда благосклонно—и почти всегда были удовлетворены.

Въ избыткѣ своей нѣжности, Императоръ казался иногда малодушнѣе своего сына. Сынъ былъ только четырехъ мѣсяцевъ, когда отецъ началъ надѣвать на него свою прехъугольную шляпу. Ребенокъ обыкновенно плакалъ; Императоръ, обнявъ и цѣлуя его, говаривалъ: «*Какъ государь! Вы плачете! Король, король плачетъ! О! какъ это дурно!*» — Король Римскій былъ одного года, когда я однажды въ Трианонѣ увидѣлъ Императора вмѣстѣ съ нимъ, на перасѣ передъ дворцомъ. Онъ повѣсилъ ему черезъ плечо порпуею съ шпагою и надѣлъ на голову шляпу; потомъ отступилъ назадъ нѣсколько шаговъ и пропхнувъ къ нему руки, манилъ къ себѣ. Малютка шелъ къ нему, переваливаясь съ стороны на сторону. Однажды Римскій король пришелъ въ Государственный Совѣтъ предъ окончаніемъ засѣданія. Не обращая никакого вниманія, онъ бросился къ опцу на руки. Императоръ сказалъ ему: «Государь! Вы не поклонились энцимъ господамъ.» Ребенокъ обернулся и кивнулъ присутствовавшимъ очень привѣпливо головкой. Когда онъ хотѣлъ пошпнить своего опца: то бѣжалъ обыкновенно впередъ своей гувернантки, и г-жа *Монтескю* перяла его изъ виду, «Отворише!» кричалъ онъ камердинеру, споявшему у кабинета. «Я хочу къ папинкѣ!» Камердинеръ отвѣчалъ: я не могу отворить.— «Да вѣдь я маленькой король!»—Нѣтъ, государь, я не отворю!—И подобный споръ всегда продолжался до прибытія госпожи *Монтескю*, которая вводила короля къ Императору.

Къ ежедневной молитвѣ дитяши гувернантка прибавляла слѣдующія слова: «Господи! внуши папинкѣ заключить миръ для блага Франціи.»—Однажды Императоръ услышалъ эту молитву, когда сынъ его ложился спать. Онъ обнялъ его, не сказалъ ни слова, улыбнулся, и значительнѣе, но привѣпливо, взглянулъ на госпожу *Монтескю*.

Вотъ еще одинъ анекдотъ, разсказанный мнѣ самимъ *Наполеономъ*; онъ чрезвычайно смѣшилъ его: «Ты конечно, *Констанъ*, не догадаешься;» сказалъ онъ мнѣ: «какой награды требовалъ мой сынъ опъ своей гувернант-

ки, за то, что хорошо велъ себя? Позвольте мнѣ, сказалъ онъ ей, погулять немножко по грязи.»

Съ Франц: А. Беклемищевъ.

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ.

На стѣнѣ моей виситъ рисунокъ, снимокъ съ славной картины *Гвидо*, изображающей любовь, человѣческій черепъ и розы. Меня всегда поражала эта картина: соединеніе предметовъ, по видимому споль несомнѣнныхъ, возбуждало во мнѣ безконечные ряды размышленій.

День уже клонился къ вечеру; городской шумъ умолкалъ, сливаясь съ послѣднимъ пропѣжнымъ гуломъ колокола; темнота разлилась по моей уединенной кельѣ; глаза невольно устремились на картину *Гвидову*; сумракъ претворялъ ее въ различные, перемѣняющіеся призраки, которые то являлись, то исчезали.

Прошло нѣсколько мгновеній—и мнѣ показалось, что изображенія рисунка опъ стѣны отдѣлились—и келья моя разлилась въ безконечное пространство, свѣтлое, безпредметное, безцвѣтное.

Въ сладкомъ снѣ *Киваридъ* покоился у меня въ объятіяхъ; русые, душистые его локоны касались лица моего; прекрасные уста улыбаются; огненные розы вились вокругъ насъ и непримѣнно сливались съ его огненными ланитами; небрежно рука сына *Кипридина* покоилась на лирѣ—и опъ спрунъ ея неслись въ воздухъ неопредѣленные волшебные звуки.

Пламень кипѣлъ по жиламъ моимъ, огненные розы сжигали сердце, глава тихо клонилась..... Вдругъ порывисто звукули спруны, потухли розы; взглядываю на *Кивариду*—онъ будто силится раскрыть глаза свои—и вдругъ на ихъ мѣстѣ являюся ужасныя впадины; лицо его—безобразный черепъ,—на обнаженныхъ челюстяхъ, казалось, еще не исчезла улыбка....

Я затрепеталъ.... снова тихо забряцали спруны, и снова загорѣлись розы, и снова

лицо *Кивариды* имъ уподобилось..... Еще мгновение—та же перемѣна, потъ же ужас!

И казалось мнѣ, пропекли безчисленныя мириады вѣковъ—и *Киваридъ* ежемгновенно по являлся въ образъ хладнаго скелета, по расцвѣпалъ съ пламенными розами... Мало по малу я привыкъ къ сему явленію; хладъ скелета похищалъ излишній огонь изъ ланитъ *Киваридовыхъ*; пламень розъ сына *Кипридина* разливалъ какую-то прелестъ на безобразномъ черепѣ; претпетъ не попрысалъ болѣе членовъ моихъ; сердце пламенло, но не сжигалось;—я ощущалъ пихую теплому—блаженство, незнакомое смертнымъ—вѣчная любовь согрывала меня!

Спремиясь мечпатель за огненную розоу наслажденій,—жизнь его прикована къ жизни розы,—онъ живетъ и умираетъ вмѣстѣ съ нею: то горитъ бурно, порывисто, то вдругъ хладѣетъ, какъ пепель. Лишь вдохновенный вѣчною любовію не знакомъ ни съ палющимъ огнемъ, ни съ умерщвляющимъ хладомъ: печаль его не различалась съ улыбкою—и простилюдины, по какому-то невольному чувству, жизнь его называютъ живою смертію.

К. В. Одоевскій.

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ

принца *Пюклеръ-Мюскау*.

Бадъ, вечеромъ 21 Декабря 1828 года.

Стараясь по возможности припомнить себя все то, что дѣлаетъ рѣку *Валу* прекраснѣйшею изъ всѣхъ рѣкъ Англій, я нахожу, что особенная прелестъ ея происходитъ опъ правильнаго абриса съ береговъ, которые никогда не теряются въ неопредѣленныхъ линіяхъ, никогда не предпавляютъ незначущей и безхарактерной разнообразности; но вездѣ осынены лѣсомъ, окружены высокими скалами, одушевлены зданіями, и хопя мѣстами украшены зеленою луговъ, но нигдѣ не покрыты обработанными полями, которые полезны, но, правду

сказать, совсѣмъ не живописны. Многочисленные и смѣлые обороты рѣки придаютъ берегамъ ея какой-то родъ движенія, и они, какъ, будто извиваясь и слѣдуя за нею, показываютъ вамъ одинъ и тотъ же предметъ, но безпрестанно въ различныхъ измѣненіяхъ, точно такъ, какъ голосъ человѣческой, копорый обращаясь въ разныя стороны, въ каждой изъ нихъ отдается особливимъ эхомъ и обманываетъ слухъ нашъ. Вотъ почему *садовникъ-пейзажистъ* предпочиншаетъ излучиспыя дороги прямымъ, и эту тайну искусства открыла живопись; но *садовникъ-нестыжа* дѣлаетъ изъ дорогъ ручки корзины, думая, что искусство состоитъ въ подражаніи собственному идеалу, а не въ вѣрномъ изображеніи разнообразныхъ красотъ природы.

На берегахъ рѣки *Vau* встрѣчается мало предметовъ, и всѣ они представляются въ массахъ и не въ большомъ количествѣ, потому что картина должна быть ограничена, чтобы поражать насъ. Природа въ твореніяхъ своихъ слѣдуетъ всегда поспешности, которой дѣйствіе въ цѣломъ мы постигнуть не въ состояніи; слѣдовательно, полная гармонія *всего* для насъ неуловима; но художникъ составляетъ идеалъ изъ одной какой нибудь части этаго общаго дѣйствія, и по немъ образуетъ цѣлое, понятное для человѣка. — Вотъ, я думаю, на чемъ должно основываться искусство садовника-пейзажиста; впрочемъ, сама природа представляетъ часто прекрасные образцы этаго цѣлаго въ частяхъ, въ отдѣльныхъ картинахъ своихъ, и особенно на берегахъ *Vau*, гдѣ каждый поворотъ рѣки доставляетъ, такъ сказать, художнику новое удовольствіе.

Не малымъ украшеніемъ этой рѣки служатъ также и возвышающіяся на берегахъ ея развалины двухъ древнихъ замковъ.

Пословица говоритъ: *никто не слыветъ пророкомъ въ земль своей*—и я нигдѣ еще не чувствовалъ истины ея такъ, какъ въ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, для чего бы казался Англичанамъ опасялыпъ толпами отечество и ѣздить въ чужихъ краяхъ, восхищаться памятниками древности и красотами

природы, когда они имѣютъ все это дома? Я хотѣлъ бы сдѣлать еще одинъ вопросъ: для чего вообще всѣ развалины гораздо сильнѣе говорятъ воображенію, нежели прекраснѣйшія зданія новѣйшей архитектуры? Кажется, будто эти творенія рукъ человеческихъ тогда только доходятъ до истиннаго совершенства своего, когда природа исправила ихъ недоспапки. Человѣкъ же въ свою очередь долженъ опять приняться за работу, если природа слишкомъ ревностно старается изгладить всѣ слѣды прудовъ его. — Такимъ образомъ величественныя развалины, предохраненныя отъ разрушенія, являются благороднѣе и прекраснѣе всѣхъ зданій въ мірѣ.

Бристоль, въ которомъ 100,000 жителей, стоитъ въ низкой и глубокой долинѣ; а надъ нимъ, по кособору, массою возвышается Клифтонъ, и кажется только частію того же самаго города. Легко вообразить себѣ, что такое живописное положеніе должно представлять необыкновенныя картины. Посреди многочисленныхъ кровель стараго города, рѣзко отдѣляются при древнія церкви готической архитектуры, гордые остатки феодальнаго и монашескаго владычества, которые какъ будто сохраняя еще чувство прежняго величія своего, смотрятъ, кажется, съ презрѣніемъ на окружающія ихъ зданія новѣйшихъ временъ. Особенно примѣчательна изъ нихъ такъ называемая *Радклифская* церковь; однако жаль, что мягкій и поздраватый камень, изъ котораго она построена, отъ времени такъ испортился, что всѣ украшенія кажутся отъ того красными. Я вошелъ туда, когда раздавались павъ священные звуки органа и совершалось богослуженіе. Спавъ въ углу, и не нарушая должной благопристойности, я со всѣмъ возможнымъ благоговѣніемъ осматривалъ украдкою внутренность храма; но неперпимость Англиканскаго вѣроисповѣданія не хотѣла мнѣ этаго дозволить, и пасторъ выслалъ ко мнѣ спарую женщину сказать, чтобы я сълъ. Привыкнувъ видѣть, что въ Каполическихъ церквахъ путешественникъ, нимало не отвлекая вѣрующихъ отъ молитвы, свободно и безпрепятственно

осмаприваесть во время литургии всё, что кажется ему достойнымъ примѣчанія, и внутрененно дивился, какъ Англійское благочестіе такъ мало полагается на собственную силу свою, что щитаесть для себя опаснымъ малѣйшее дуновеніе вѣтра. Но эта загадка скоро объяснилась, когда сказали мнѣ, что если бы я съѣлъ, то бы долженъ былъ заплачивать шесть пенсовъ за свое мѣсто. И такъ, вопъ почему сдѣлано мнѣ было это паспортское увѣщаніе! Но такъ какъ я осматрѣлъ всё то, что хотѣлъ видѣть, то и вышелъ изъ церкви, не щитая нужнымъ участвовати въ общей конприбуціи.

Возвращаясь въ пракширъ, я потчасъ пошла за лошадьми, велѣлъ ихъ впречь въ мою почтовую коляску и съѣлъ на козлы, для того, чтобы лучше наслаждаться видами. Прежде всего поѣхалъ я осматрѣть теплыя воды, вблизи которыхъ начинается по берегамъ *Саверны* долина, окруженная скалами, которая очень походитъ на *Плауенскую* долину, близъ Дрездена, съ тѣю однако-жь разницею, что здѣсь утесы выше и рѣка гораздо величественнѣе. Мы встрѣпили тамъ городского мера въ парадной каретѣ, которая богаче экипажей многихъ владѣтельныхъ особъ твердой земли. Она представляла странную противоположность съ дикими и уединенными скалами, между которыми капилась съ такою быстротою.

Неподалеку отъ живописнаго парка лорда *Клиффорда* находится очень имперское помѣстье, называемое *Хижинами* (cottages); въ немъ владѣлецъ его г. *Гарфордъ* хотѣлъ олицетворить идеалъ богатаго и красиваго селенія. Большая и прекрасная равнина посреди лѣсу окружена излучистою дорогою, по сторонамъ которой выстроено девять домиковъ, каждый особой формы и изъ особаго матеріала: одинъ изъ простаго, другой изъ песанаго камня, третій изъ кирпича, или изъ дерева; у каждаго стѣны покрыты снаружи розами, клематисами, полевыми ясминами или гроздами винограда. Всѣ эти отдѣльныя; однакожь соединенныя между собою хижинки имѣютъ каждая свой особенный садикъ и общій водоемъ, находящійся посреди

большой лужайки, окруженной деревьями.— Сады, обнесенныя чистою, красивою рѣшеткою, составляютъ вокругъ всего селенія какъ бы гирланду изъ цвѣтовъ и зелени. Но всего прекраснѣе то, что эта деревенька населена исключительно однѣми бѣдными семействами, которыхъ человеколюбіе помѣщика извлекло изъ нищеты и помѣстило здѣсь безденежно. Нельзя было выбрать ничего приличнѣе для несчастныхъ, какъ это пріятное уединеніе, гдѣ спокойствіе и тишина услаждаютъ душу и заставляютъ забывать о суебахъ и превратности міра.

Я возвратился черезъ городъ *Клифтонъ*, откуда *Бристоль* кажется какъ будто въ ямѣ. Сегодня воскресенье, и потому улицы были оживлены толпами нарядныхъ жипелей, которые всѣ шли къ обѣднѣ. Между множествомъ домовъ поразилъ меня одинъ, весь выкрашенный черною краскою, исключая оконъ, которыхъ напротивъ того было, что совершенно давало ему видъ капафалка. Это больница, сказали мнѣ, и хорошо одѣтый человекъ вызвался быть моимъ проводникомъ.— Я нашелъ внутренность дома веселѣе его наружности. Залы довольно обширны, свѣтлы и вездѣ чрезвычайная чистота и порядокъ; припомъ нѣтъ нигдѣ никакого дурнаго запаха, кромѣ того, который можетъ быть слышенъ изъ аптеки. Зала для операцій отличается удивительною роскошью; тамъ около стѣнъ сдѣланы ванны, откуда вода печетъ въ мраморныя бассейны; такимъ образомъ она всегда подъ рукой хирурга, для скорѣйшаго обмыванія ранъ; большой намоетъ изъ краснаго дерева, съ сафьянными подушками, служитъ для страдалцевъ во время операцій, и я нашелъ, что всё это должно быть очень привлекательно для охотника. Впрочемъ, какъ не полезно и не почтенно званіе хирурга, но все таки оно немного прищупляетъ въ немъ состраданіе и чувствительность,—и операторъ, который ходилъ со мною по больницѣ, не можетъ быть на этомъ щепъ служить исключеніемъ. Въ одной изъ залъ я увидѣлъ женщину, плотно окутанную простынею, и спросилъ чѣмъ больна она.

— Болѣзнь ея неизлечима, — опивчалъ онъ громко: эпо аневризмъ, опъ копорого она умреть какъ скоро лопнетъ жила. — Глубокій вздохъ несчастной доказаль мнѣ, какъ тяжела была для нее эта ужасная вѣспъ — и я раскаялся въ своемъ любопытствѣ. Вошедъ въ мужскую половину, я былъ пораженъ спранною бѣлизною одного больного, копорый совершенно походилъ на гипсовую статую и лежалъ не шевелясь. Мы были еще далеко — и допоръ, на вопросъ мой, опивчалъ, что не знаетъ опъ чего онъ такъ блѣденъ, но поидеть о томъ спросить у него самого. Я было хотѣлъ остановить его, но онъ былъ уже на концѣ галеріи — и черезъ нѣсколько минутъ пришелъ назадъ, говоря со смѣхомъ: о! эпотъ совершенно выздоровѣлъ, попому что умеръ. —

Вечеру возвратился я въ Бадъ въ одной изъ маленькихъ колясокъ, копорыя безпрестанно ѣздятъ сюда изъ Бристоля. Я былъ одинъ и спалъ во всю дорогу; но проснувшись, увидѣлъ вдругъ вдали на голомъ холмѣ ярко освѣщенные черпоги, и мнѣ сказали, что это богадѣльня, основанная однимъ частнымъ человекомъ для 50 вдовъ, живущихъ тамъ въ совершенномъ довольствѣ.

Т.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

105.

Русскіе сто лѣтъ уже знакомы съ Нѣмецкою литературою.

Доказывая, что Русскіе были коротко знакомы съ Нѣмецкою литературою прежде В. А. Жуковского, начавшаго печатать свои стихотворенія въ 1802-мъ году, и назвавъ прагедію *Эмилию Галотти* и сочиненія *Коцебу*, мы позабыли Нѣмецкую драму *Отецъ Семейства*, прекрасно передѣланную Н. Н. Сандуновымъ; прагедію *Безбожный*, въ 1786-мъ году напечатанную; *Эльфриду*, въ 1780; *Жизнь и смерть Ригарда III, короля Англійскаго*, соч. *Шекспира*, напеч. въ 1789; *Катона*, соч. *Аддисона*, перевод. съ Англій-

скаго; *Клавиго*, соч. *Гёте*, въ 1780 году; *Коварство и Любовь* — *Шиллера*, перев. въ 1806; *Разбойниковъ*, также *Шиллера*, пер. Н. Н. Сандуновымъ и напеч. въ 1793; *Эйлалию Мейнау, или Слѣдствіе примиренія*, соч. *Циглера*, нап. въ 1796 году, и весьма многія другія, коихъ всѣхъ не упомяну. Большая часть сихъ прагедій съ успѣхомъ играны на С. Петербургскомъ и Московскомъ театрахъ. Теперь въ помъ же журналъ, въ копоромъ такъ широко доказывали, будпо бы мы до переводчика *Шиллеровой* прагедіи *Юанны д'Аркъ* не имѣли понятія ни объ Англійской, ни о Германской литературѣ, радуемся, что опыскали переводъ *Шекспировой* прагедіи *Смерть Юлія Цесаря*, сдѣланный въ осьмидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, и съ какимъ-то праздничнымъ видомъ напечатали *Предисловіе* Русскаго переводчика. Къ чему же ведетъ эпо *Предисловіе*? Къ львной уликѣ автора въ помъ, что онъ не вѣдаетъ того, о чемъ судить и рѣдить, о чемъ написалъ цѣлыя книжки, практапы, диссертаціи. Прочтите его: вы увидите, что за полвѣка до выхода въ свѣтъ эпой статуи, наши соотечественники умѣли судить о словесности основательно, правильно, дѣльно, и также, какъ нынѣ, судящъ люди основательно ученые, правильно мыслящіе и дѣльно пишущіе. Вотъ *Предисловіе* къ переводу *Юлія Цесаря*:

«При изданіи сего *Шекспирова* творенія почитаю почти за необходимость писать *Предисловіе*. До сего времени (*) еще ни одно изъ сочиненій знаменитаго сего автора не было переведено на языкъ нашъ; слѣдственно и ни одинъ изъ соотечей моихъ, не читавшій *Шекспира* на другихъ языкахъ, не могъ имѣть доспапочнаго о немъ понятія. Вообще сказать можно, что мы весьма незнакомы съ Англійскою литературою. Говорить о причинѣ сего почитаю здѣсь неспашни. Доволенъ буду, еспди вниманіе читателей моихъ не отягощится и пѣмъ, что спану говорю собственно о *Шекспирѣ* и его твореніяхъ. Авторъ сей жилъ въ Англій во время королевы *Елисаветы*, и былъ одинъ изъ пѣхъ великихъ духовъ, коими славятся вѣки. Сочиненія его сушь сочиненія драматическія. Время, сей могущественный испребитель всего того, что подъ солнцемъ находится, не могло еще заппить изящности, и ве-

(*) Т. е. до 1787 года. Съ того времени не только прагедіи *Шекспира*, но прагедіи *Собокла* и *Эврипиды* предложены на Русскій языкъ. — К.

дичія *Шекспировых* твореній. Вся почти Англія согласна въ хвалѣ, приписываемой мужу сему. Пусть спросятъ управявшагося въ чтеніи Англичанина: каковъ *Шекспиръ*? — Безъ всякаго сомнѣнія, будешь онъ отвѣтствовать: *Шекспиръ* великъ! *Шекспиръ* неподражаемъ! Всѣ лучшіе Англійскіе писатели, послѣ *Шекспира* жившіе, съ великимъ тщаніемъ вникали въ красоты его произведеній. *Мильтонъ*, *Юнгъ*, *Томсонъ* и прочіе прославившіеся шворцы, пользовались многими его мыслями, различно ихъ украшая. Немногіе изъ писателей сподру глубоко проникли въ человѣческое естество, какъ *Шекспиръ*; немногіе сподру хорошо знали всѣ тайнѣйшія челоѣка пружины, сокровеннѣйшія его побужденія, опличительностъ каждой спраспы, каждаго пемперамена и каждаго рода жизни, какъ удивительный сей живописецъ. Всѣ великопныя картины его непосредственно натурѣ подражаютъ; всѣ оптѣнки картинъ сихъ въ изумленіе приводятъ внимательнаго разсматривателя. Каждая спепенъ людей, каждый возрастъ; каждая спраспы, каждый характеръ говоритъ у него собственнымъ своимъ языкомъ. Для каждой мысли находить онъ образъ, для каждаго ощущенія выраженіе, для каждаго движенія души наилучшій оборотъ. Живописаніе его сильно и краски о бласпательны, когда хочеть онъ явить сіяніе добродѣтели; киспъ его, весьма льспива, когда изображаетъ онъ кропкое волненіе нѣжнѣйшихъ спраспей; но самая та же киспъ гигантскою представляется, когда описываетъ жестокое волненіе души.

Но и сей великій мужъ, подобно многимъ, не освобожденъ отъ колкихъ укоризнъ нѣкоторыхъ худыхъ криптиковъ своихъ. Знаменитый софистъ, *Вольтеръ*, сидясь доказатъ, что *Шекспиръ* былъ весьма средспвенный авторъ, исполненный многихъ и великихъ недостатковъ. Онъ говорилъ: «*Шекспиръ* писалъ безъ правилъ; творенія его суть трагедія и комедія вмѣстѣ, или прагико-дирико-папушши фарсы безъ плана, безъ связи въ сценахъ, безъ единствъ; несприималъ смѣсь высокаго и низкаго, прогательнаго и смѣшнаго, истинной и ложной оспроты, забавнаго и безсмысленнаго; онъ исполнены такихъ мыслей, которыя доспойны мудреца, и припомъ такого вздора, который только шута достоинъ; онъ исполнены такихъ картинъ, которыя принесли бы честь самому *Гомеру*, и такихъ карикаатуръ, которыхъ бы и самъ *Скарронъ* успѣдился.» Изидишимъ почитаю теперь опровергатъ пространно мнѣнія сіи, уменьшеніе славы *Шекспировой* въ предметѣ имѣвшаго. Скажу только, что всѣ тѣ, которые спарались унизить достоинство его, не могли противъ воли своей не сказать, что въ немъ много и превосходнаго. Челоѣкъ самодлюбивъ; онъ спрашитъ хвалить другихъ людей, дабы, по мнѣнію его, самому симъ не унизиться. *Вольтеръ* лучшими мѣспами въ трагедіяхъ своихъ обязанъ *Шекспиру*; но, не взирая на сіе, сравнивалъ его съ шупомъ, и поспавлялъ ниже *Скаррона*. Изъ сего бы можно было вывести весьма оскорбительное для памяти *Вольтеровой* слѣдспвіе; но я удерживаюсь отъ сего, вспомя, что челоѣка сего нѣтъ уже въ мѣрѣ нашемъ.

Что *Шекспиръ* не держался правилъ театральныхъ, правда. Истинною причиною сему, думаю, было пыльное

его воображеніе, немощнее покорилось никакимъ предписаніямъ. Духъ его парилъ яко орель и не могъ паренія своего измѣрять пою мѣрою, копорю измѣрятьюпъ полетѣ воробья. Не хотѣлъ онъ спблюдатъ такъ называемыхъ единствъ, копорыхъ нынѣшніе наши драматическіе авторы такъ крѣпко придерживаются; не хотѣлъ онъ полагатъ пѣспныхъ предѣловъ воображенію своему: онъ смотрѣлъ только на натуру, не забоясь впрочемъ ни о чемъ. Извѣспно было ему, что мысль челоѣческая мгновенно можетъ перелетатъ отъ запада къ востоку, отъ конца области Моголовой къ предѣламъ Англіи. Геній его, подобно генію натурѣ, обнималъ взоромъ своимъ и солнце и оспомы. Съ равнымъ испуствомъ изображалъ онъ и героя и шупа, умнаго и безумца, *Брута* и башмачника. Драмы его подобны неизмѣрному театру натурѣ, исполнены многообразчія; все же вмѣстѣ спспавляетъ совершенное цѣлое, не пребующее исправленія отъ нынѣшнихъ театральныхъ писателей.

Трагедія, мною переведенная, есть одно изъ превосходныхъ его твореній. Нѣкоторые недовольны тѣмъ, что *Шекспиръ*, назвавъ трагедію сію *Юлиемъ Цесаремъ*, послѣ смерти его продолжаетъ еще два дѣйствія; но неудовольствіе сіе окажется ложнымъ, если съ основательностію будетъ все разспотрѣно. *Цесарь* умерщвленъ въ началѣ преспьяго дѣйспвія; но духъ его живъ еще; онъ одушевляеть *Октавія* и *Антонія*, гонитъ убійцъ *Цесаревыхъ*, и послѣ всѣхъ ихъ погубляетъ. Умерщвленіе *Цесаря* есть содержаніе трагедіи; на умерщвленіи семъ основаны всѣ дѣйспвія. Характеры, въ сей трагедіи изображенные, заслуживаютъ вниманіе читателей. Характеръ *Брутова* есть наилучшій. Французскіе переводчики *Шекспировыхъ* твореній говорятъ объ ономъ такъ: «*Брутъ* есть самый рѣдкій, самый важный и самый занимательный моральный характеръ. *Антоній* сказалъ о *Бруте*: вотъ мужъ! а *Шекспиръ*, изобразившій его намъ, сказалъ могъ: вотъ характеръ! ибо онъ есть дѣйствительно изиднѣйшій изъ всѣхъ характеровъ, когда либо въ драматическихъ сочиненіяхъ изображенныхъ.»

Что касается до перевода моего, то я наиболѣе спарался перевести вѣрно, спарался припомъ избѣжатъ и противныхъ нашему языку выражений. Впрочемъ, пусть разсуждаютъ о семъ могущіе разсуждатъ о семъ справедливо. Мыслей автора моего нигдѣ не переизмѣнялъ я, почитая сіе для переводчика неспозволеннымъ.

Если чтеніе перевода доставитъ Россійскимъ любителямъ литературы достаточное понятіе о *Шекспирѣ*; если оно принесетъ имъ удовольствіе: то переводчикъ будеть награжденъ за трудъ его. Впрочемъ, онъ ириготовился и къ прошивному. Но одно не будеть ли ему ириятнѣе другаго! — Можеть бытъ. — Октябрия 15, 1786.»

Вникнувъ въ смыслъ эпого Предисловія, невольню скажешь: что же новаго опкрываетъ намъ г. авторъ въ безконечной стапѣ, копорой далъ онъ пыльное имя **ЕВРОПЕИЗМЪ** и **НАРОДНОСТЬ**? И какую непробитую ппропу на **Парнассъ** пропопшалъ для насъ г.

Блинскій въ многословной спашь своей, которую наименовалъ: **НИЧТО О НИЧЕМЪ?** Никакой! Ибо важный споръ о языкѣ книжномъ и разговорномъ, споръ, въ которомъ принимали живое, сильное участіе почти всѣ первоклассные опечеспвленные писатели, кончился за 30 лѣтъ назадъ.

А. Кораблинскій.

31 Августа
1836.

Село Рыбацкое.

Н О В А Я К Н И Г А.

Кавалеристъ-дѣвица. Происшествіе въ Россіи. Изд. *Ив. Бушовскій*. 2 части, 1836, С. П. Б. Часть 1-ая (*).

Нашъ литературный 1836 годъ не бѣденъ хорошими произведеніями, къ числу которыхъ безспорно принадлежитъ эта примѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ книга, сочиненія г жи *Дуровой*, которая въ славную и ужасную годину 1812 года отличалась въ рядахъ нашей легкой конницы по въ мундирѣ улана, по подъ доламаномъ гусара. Кому не памятна эпоха опечеспвленной войны по личнымъ воспоминаніямъ, тому конечно извѣстна она въ подробностяхъ изъ книгъ и еще болѣе изъ живыхъ разсказовъ очевидцевъ,—это одна изъ самыхъ замѣчательныхъ минушь нашей исторіи. Всѣ мы слышали объ офицерѣ *Александровѣ*, покрывшемъ себя славою неувядаемою въ битвахъ съ Французами и потомъ явившимся тѣмъ, что онъ былъ,—молодою дѣвицею съ *Георгиевскимъ* крестомъ. Многие даже изъ насъ встрѣчали въ обществѣ эту Амазонку нашего вѣка, но никто не зналъ причинъ, побудившихъ ее къ этому странному поступку; мало кому были извѣстны подробности объ этой необыкновенной дѣвицѣ и о ея дѣлахъ. Теперь, почти двадцать пять лѣтъ спустя, она собрала свои записки, и поручила двоюродному брату своему г. *Бутовскому*, извѣстному переводчику Исторіи Крестовыхъ

походовъ, соф. *Мишо*, издашь ихъ. Вотъ книга пріятно написанная и преисполненная необыкновенной занимательности. Публика знакома уже съ слогомъ и милымъ, непринужденнымъ родомъ разсказа кавалериста-дѣвицы по отрывку, помѣщенному во 2-мъ Но *Современника*. Здѣсь, въ этой прекрасной книгѣ, которую прочтуть съ особеннымъ удовольствіемъ всѣ наши дамы, вы увидите причины, заставившія дѣвицу *Дурову* бросить памбурную иголку и схватить саблю и пистолеты. Первая часть начинается описаніемъ дѣтскихъ лѣтъ сочинительницы, а кончается переводомъ ея изъ гусарскаго полка въ Липовскій уланскій. Мы слышали, что одна молодая Русская дѣвица уже прудился надъ переводомъ на Французскій языкъ записокъ Кавалериста-дѣвицы, которая въ Парижскихъ госпниныхъ конечно надѣлаеть сполько же шума, какъ и во Французскихъ аванпосахъ.

Z. Z. Z.

М O D E S.

Quoique la saison soit déjà bien avancée, les robes de mousseline blanche n'ont point été abandonnées; il est même à présumer que l'on continuera à en porter tout l'hiver, car on pourrait presque dire que, si cette année la Providence a bouleversé les saisons, les hommes ont bouleversé les modes; c'est à ne plus s'y reconnaître. Le velours s'est montré tout l'été, et nous portons maintenant les étoffes de printemps. C'est le siècle des progrès, dit-on... Pour en revenir aux robes blanches, nous en avons vu une en mousseline de l'Inde, garnie d'un volant de demi-hauteur, corsage à draperies croisées et rapportées; ces draperies seulement sur la poitrine; des *gerbés*; manches longues à larges épaulières tout à fait justes au bras; ces épaulières, formées d'une multitude de petits plis arrêtés, marqués et creusés à l'aide de la pointe émoussée d'un poinçon. Ces plis, partant de l'épaulette, sont perpendiculaires au coude; la hauteur de ces épaulières est divisée en trois parties égales, au moyen d'autant de poignets étroits; sur le milieu de chaque poignet, et comme pour l'arrêter, est un bouton passémenté; le reste de la manche est flottant jusqu'à l'endroit où, se rapprochant de la main, elle est encore retenue par trois poignets. Avec cette robe une ceinture de velours noir à longs bouts flottans et descen-

(*) Продается въ Военной Типографіи и у Издателя по 15 руб. обѣ части, и у *Бородина*, въ магазинѣ, бывшемъ *И. В. Слепина*.

дant plus bas que le genou; cette ceinture est fixée du côté gauche de la taille, sans rosettes. A la même réunion où nous vîmes cette robe, il y en avait une en riche étoffe de Lyon, fond vert d'eau, à larges fleurs damassées ou brochées au *coloris*; une robe en popeline brochée, rose, garnie de trois rouleaux de satin, de pareille nuance; les manches courtes jusqu'aux coudes, garnies en haut et en bas de trois rouleaux, et au lieu de manchettes des bandes de satin rose coupées en biais et bordées d'une petite blonde. Cette nouveauté était fort jolie; le corsage plat, presque à la vierge, avec nervures derrière et devant en satin; le haut du corsage bordé d'une petite blonde appliquée sur la peau. Beaucoup de femmes très élégantes viennent de se faire des robes en *drap cachemire noir*. Le corsage de ces robes est très juste; ce sont habituellement des redingotes boutonnées devant, avec de larges boutons de velours, depuis le cou jusqu'au bas de la jupe; un collet carré en velours; les manches larges du haut, avec un poignet venant presque jusqu'au coude, et boutonné sur le côté intérieur du bras avec de larges boutons semblables à ceux de la jupe. Avec cette robe, dont nous garantissons la nouveauté et le bon goût, un chapeau de velours noir, ayant sur le côté un paquet de roses sans feuilles, est d'un très bon effet. Il faut aussi joindre à ce costume une cordelière que l'on noue sur le côté. Comme nous le disions au commencement de cet article, on porte les étoffes de printemps aujourd'hui; c'est pourquoi nous signalerons comme une nouveauté les chapeaux en *moire* orné de *velours épinglé*; la passe se borde tout autour d'un large pli de ce même ruban; les nœuds sont aussi en velours, et souvent même la doublure.

М О Д Ы,

Хотя осень уже оканчивается, но кисейные платья еще не оспавлены; можно предполагать, что их будущь носить въ продолженіи всей зимы. Можно сказать почти, что нынѣшній годъ люди опрокинули моды; шакъ, что ничего не узнаешь. Въ продолженіи всего лѣта видѣнъ былъ бархатъ, а теперь носятъ весеннія матеріи. Это въкъ успѣховъ, говорящъ... Чтobъ возвратиться къ бѣлымъ платьямъ, мы видѣли одно изъ Индѣйской кисей, ошдѣланное не очень широкой оборкой; лиць крестообразными складками; эта драпиров-

ка только спереди, спинка снопомъ; рукава длинные, съ широкими наплечниками, совсѣмъ въ обтяжку около руки. Эти наплечники составлены изъ множества мелкихъ, укрѣпленныхъ складочекъ, означенные и продѣланные помощю припулѣннаго шила. Складки, начиная отъ плеча, идутъ прямо до локтя; ширина наплечниковъ раздѣлена на три равныя части, посредствомъ узенькихъ обшивокъ; въ срединѣ каждой обшивки и какъ будто чтобъ ее придерживать, пришита племѣная пуговка; оспальной рукавъ широкій до пѣхъ поръ, гдѣ, приближаясь къ кисти, онъ схватывается еще прѣмъ обшивками. Съ этимъ платьемъ чернѣй бархатный поясъ съ длинными концами ниже колѣнъ; онъ схваченъ на лѣвой споронѣ пади, безъ розетки. Въ этомъ же собраніи, гдѣ мы видѣли это платье, было другое изъ дорогой Лионской шкани, грунтъ *vert d'eau*, съ крупными камчатными цвѣтами или зашканными цвѣшнымъ; платье изъ розоваго зашканнаго поплина, ошдѣланное прѣмъ апласными руло подѣ цвѣшъ; рукава короткіе до локтя, ошдѣланы прѣмъ руло сверху и внизу, а вмѣсто манжешъ косыя полоски изъ апласа, обшитыя узенькой блондой. Эта новостъ весьма красива; лиць гладкой, почти *à la vierge*, съ апласными жилками сзади и спереди; верхъ лица обшитъ узенькой блондой, приложенной къ шѣлу. Многія изъ щеголихъ дѣлають себѣ платья изъ чернаго кашемироваго сукна. Лиць этихъ платьевъ совсѣмъ въ обтяжку; ихъ дѣлають по большой части рединготами, застегнутыя спереди, съ большими бархатными пуговицами отъ шеи до низу юбки; воротникъ четвероугольный бархатный; рукава сверху широкіе, съ обшивкой почти до локтя и застегнутой на внутренней части руки крупными пуговицами, на подобіе шѣхъ, что на юбкѣ. При этомъ платьѣ, за новостъ и хорошій вкусъ кошораго мы ручаемся, черная бархатная шляпка, съ букетомъ розъ безъ листьевъ, дѣлаеть очень хорошій видъ. Какъ мы говорили въ началѣ этой спашби, теперь носятъ лѣшнія матеріи; для шого мы назовемъ, какъ новостъ, шляпки изъ *moire*, ошдѣланныя булавчатымъ бархатомъ; поле обшивается вокругъ широкой складкой изъ шаккой же ленты; баншы изъ шаккогъ же бархата, часто и подкладка.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 96.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, НОЯБРЯ 28 ДНЯ 1856 ГОДА.

Иссуши горячи слезы
На бѣлой пы груди,
Или сладкими ихъ сдѣлай,
Смѣшавъ со своими...

А. Мерзляковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ *ЕКАТЕРИ- НЫ* II ВЪ ТАВРИДУ.

(Продолженіе.)

Въ Бахчисараѣ прибѣжалъ ко мнѣ принцъ *де Линъ* и, смѣясь, сказалъ мнѣ: знаете ли, чѣмъ занимаюсь теперь знаменитые наши путешественники—державный Императоръ Римлянъ и великая Самодержица Всея Россіи? Я подслушалъ нѣсколько словъ изъ разговора эпихъ славныхъ Вѣнценосцевъ, и, какъ бы вы думали, любезный *Сегюръ*?— Они дружески полковали о прекрасномъ предположеніи своемъ—воскресить Грецію!—

Возвратясь въ Ханскій сераль, мы невольно предавались тамъ поэтическимъ мечтамъ нашего воображенія, которое воспламенялось въ эпихъ роскошныхъ покояхъ, гдѣ все дышало нѣгою и твердило о любви. Въпренность принца *де Линъ*, который въ 50 лѣтъ былъ моложе нежели я въ 30, заведаетъ меня однажды въ непростибельное ду-

рачество, которое, къ счастью, не имѣло послѣдствій; но навлекло однакожь на насъ большую непріятность, послужившую намъ спрогимъ урокомъ для будущаго.

Ничѣмъ никакъ чувствительнаго цѣльза обидѣшь Мусульманъ, какъ домогался видѣть женъ ихъ, которыхъ никакой мущина, кромѣ мужа, не дерзаетъ оскорбить даже самымъ скромнымъ взглядомъ.

Такая ужасная ревность воспламенила любопытство принца, и онъ всячески искалъ случая удовлетворить его.— Какая намъ польза въ томъ, говорилъ онъ, что мы можемъ гулять сколько намъ угодно по эпимъ обширнымъ садамъ, если не смѣемъ рвать прекрасныхъ цвѣтовъ ихъ? Нѣтъ, прежде, нежели я оставлю Тавриду, я хочу—я рѣшился видѣть хопя одну Таварскую женщину безъ покрывала; и увижу её, во чтобы то ни стало! Хопителемъ, любезный графъ, быль участникомъ въ моемъ предпріятіи?—

Я не могъ прошивиться искушенію и опривился съ принцемъ—искалъ любовныхъ приключеній. Долго бродили мы по долинамъ,

не вспрычавъ никого, но вдругъ, у небольшо-го лѣсочка, вблизи уединенной хижины, уви-дѣли прехъ женщинъ, которыя сидѣли у ручья, опустя ноги свои въ свѣплую его влагу.

Мы тихонько пробрались, спаясь за дере-вьями и опасаясь малѣйшаго шума—и остано-вились прямо прошивъ ихъ, за кустомъ, служившимъ намъ ширмами.

Покрывала женщинъ эпихъ лежали возлѣ нихъ на правѣ, слѣдовательно намъ ничто не мѣшало видѣть ихъ. Но ахъ! ни одна изъ нихъ не была ни хороша, ни молода, ни даже миловидна! Это взорвало принца моего, и онъ, забывъ всякую осторожность, закричалъ съ досадою: теперь я не виню Магомета; онъ точно имѣлъ причину пре-бывать, чпобъ онъ прятались!—

Не знаю, услышанъ ли былъ голосъ его, или шумъ листьевъ измѣнилъ намъ, только въ ту самую минузу Татарки вскочили, закричали и бросились бѣжать.

Мы слѣдовали за ними, чпобъ уговорить ихъ быть благоразумнѣе, какъ вдругъ на горѣ явилась полна Татаръ, которые кри-чали еще громче женщинъ и бѣжали намъ на вспрычу, грозя издали саблями и бросая въ насъ камнями.

Такъ какъ мы пришли шуда совсѣмъ не для того, чпобъ драпъся съ ними, то не разсудили за благо ждасть ихъ, но побѣжали во всю прыть—и скоро скрылись отъ нихъ въ густомъ рощи.

Всѣ это конечно было ничего, судя по свѣтскому образу мыслей и нашей снисхо-дительной морали, которая утверждаетъ, что худое дѣло, совершенное безъ свидѣте-лей, почти извинительно. Но цыпкій и не-осторожный принцъ мой эпимъ не удоволь-ствовался.

На другой день, за обѣдомъ, Императри-ца казалась невесела и молчалива, Импера-торъ задумчивъ, и князь *Потемкинъ* спраш-но нахмуренъ, и разсѣянъ еще болѣе обык-новеннаго. Разумѣется, что разговоръ былъ самой пустой, и ежеминутно прерывался.

Вдругъ принцъ *дѣ Линъ*, который никогда не могъ выносить даже и пѣни скуки, же-лая разоблачить пасмурное чело Импера-трицы и оживить все общество, вздумалъ рассказывать о рыцарскомъ нашемъ подви-гѣ и приключеніи, случившемся съ нами на канунъ. Тщепно спарался я остановить его, толкалъ, щипалъ, но ничто не помо-гало, и онъ неуспрашимо продолжалъ свое повѣствованіе.

Ожиданіе его исполнилось и сначала все хохотали; но вдругъ *Екатерина* приняла грозный видъ, и, усpreмивъ на насъ спро-гій и неподвижный взглядъ, сказала громко: «Господа, эта штука совсѣмъ неприлична— и можетъ послужить дурнымъ примѣромъ для другихъ. Вы здѣсь среди народа, поко-реннаго моимъ оружіемъ, и я пребую, чпобъ уважали его законы, нравы, обычаи и даже предразсудки. Еслибъ кто нибудь раз-сказалъ мнѣ объ эпимъ происшествіи, не называя героевъ его, то конечно подозрѣніи мои пали бы не на васъ, а на нѣкоторыхъ изъ пажей моихъ, которые бы строго были наказаны.»

На это не оставалось отвѣчать ничего; слѣдовательно мы оба молчали, и бѣдный принцъ, раскаяваясь въ неосторожномъ бол-товствѣ своемъ, смѣшался до крайности. Скоро однакожь Императрица сжалась надъ нами, и, принявъ веселый видъ, сказала съ улыбкою, что она на дняхъ назначитъ аудіенцію одной Татарской княжнѣ, пле-мянницѣ *Сагиль-Герелъ*, и позволеть намъ спрятасться въ какомъ нибудь уголку залы, чпобы обшуда смотрѣть на нее, не бывъ замѣченными.

Царевна эта была гораздо моложе и луч-ше нашихъ трехъ Татарокъ; но брови ея были спрашно насурмлены, и лицо такъ лоснилось отъ румянъ и бѣлиль, что она совершенно походила на фарфоровую куклу.

Наконецъ спавили мы Бахчисарай, про-спились съ ханскимъ дворцомъ его и гаре-момъ одалисокъ, и поѣхали на берега Саг-гира въ *Ахмедетъ*, главный городъ всей Та-вриды, и названный *Екатериною Силиферопо-*

лемь. Онъ сползъ на гладкой равнинѣ, копорая, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, окружена холмами, осѣненными пирамидальными пополями; а долины, простирающіяся между ними, покрыты пѣнистыми рошицами и припными садами.

Богатые Татары, которые живутъ здѣсь, сплепаютъ въпви прекрасныхъ деревьевъ, на подобіе свода, и въ эпой зеленой корзины помѣщаютъ красивые кіоски. Легкія бесѣдки эпои, раскрашенныя блестящими красками, и какъ бы висящія на воздухѣ, представляютъ глазамъ путешественника неожиданную и очаровательную картину.

Ахметъ была столицею султановъ *Калгасскихъ*, предводительствовавшихъ арміями Крымскихъ хановъ; тамъ также, какъ и во всѣхъ Крымскихъ городахъ, чрезъ которые мы проѣзжали, приготовленъ былъ для Императрицы обширный, покойный и красивый домъ.

Мы пробывли только одинъ день въ Симферополѣ и поѣхали въ *Карассу Базаръ*, который назывался по Гречески *Мавронъ-Кастрономъ* и лежипъ въ долину на берегахъ рѣки *Каразона*. Онъ былъ нѣкогда однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ Тавриды; но мы не видали тамъ ни одной древней развалины, ни одного замѣчательнаго зданія, и могли только удивляться его прекрасному мѣстоположенію. Дома его, какъ вообще всѣ Татарскіе, низки, выстроены неправильно и расположены безъ всякой симпріи. До покоренія Россіянами, Симферополь принадлежалъ также султану *Калгасскому*.

Крымскія горы, которые начинаются только отъ береговъ Салгира, не составляютъ еще до *Карассу-Базара* непрерывной цѣпи и споятъ отдѣльно, но отсюда уже образуется цѣпь и раздѣляется на двое; одна половина ея идетъ къ Бахчисараю, а другая до *Стараго-Крыма*.

Ихъ Величества нашли здѣсь немного предметовъ, достойныхъ любопытства; но неусыпная дѣятельность князя *Потемкина*, и его изобрѣтательный умъ, высками средство вознаградишь недоспапокъ ихъ. Мы

ѣхали по прекрасной широкой дорогѣ, которую сдѣлали солдаты вѣранныхъ ему полковъ, и увидѣли на берегу *Каразона* прелестный Англійскій садъ, посреди котораго возвышался дворецъ Императрицы, построенный въ самомъ щегольскомъ вкусѣ.

Подъ вечеръ, Императрица сошла изъ него въ садъ насладиться свѣжестью пѣнистыхъ деревьевъ, прохладою кристальныхъ водъ его и благоуханіемъ цвѣтовъ. Солнце капилось къ западу, и въ ту минуту, когда послѣдній лучъ его угасалъ во мракѣ алей, и ночная тѣнь начинала спускаться на зелень, — холмы — рисовавшіеся вдаль на пяпмь окружности, вдругъ освѣтились тремя рядами разноцвѣтныхъ огней, и на этомъ пылающемъ горизонтѣ, посреди эпоихъ свѣпныхъ холмовъ, возвышалась величественная пирамидальная гора, украшенная горящимъ вензелемъ Императрицы. Наконецъ, съ вершины ея, взлетѣлъ на воздухъ блестящій фейерверкъ и заключился великолѣпнымъ букетомъ, изъ 300,000 ракетъ, которые съ прескомъ разсыпались по небу.

На другой день послѣ этаго прекраснаго праздника, который развевелилъ немного флегматическихъ Мусульманъ и поколебалъ ихъ гордое равнодушіе, Императрица дѣлала смолръ Русскимъ полкамъ своимъ, и потомъ, по обыкновенію Своему, окруженная опрядомъ Татаръ, возвратилась въ горы, направляя путь Свой въ Судакъ; по дорогѣ къ нему мы проѣхали чрезъ Греческое селеніе *Топли* и Татарскую деревню *Елбузи*.

Судакъ имѣетъ хорошую пристань, и лежипъ въ 45 верстахъ отъ *Карассу-Базара*, на высокой и уединенной скалѣ, въ недалнемъ разстояніи отъ моря. Она окружена съ прехъ споронъ горами и глубокими пропастями, которые пугаютъ воображеніе, но представляютъ мало разнообразности.

Греки называли эпотъ городъ *Сидагисомъ*, Римляне *Солдаю*, а Татары *Судакомъ*. Съ 1204 года по XV вѣкъ онъ былъ совершенно независимымъ, попомъ плапилъ дань Унграмъ и Татарамъ, которыхъ выгнали Турки. — Мы видѣли тамъ развалины нѣсколь-

кихъ башенъ и шрехъ крѣпостей, которыя, по занимаемой ими окружности, свидѣтельствовали о прежнемъ величїи города.

Судакскіе виноградники почитаются лучшими во всемъ полуостровѣ и занимаютъ собою до 5 миль. Гибкія лозы ихъ, переплетаясь съ вѣтвями плодовыхъ деревьевъ, образуютъ обширные сады, насажденные рукою одной природы, и представляютъ прїятную противоположность съ окружающими ихъ горами, шумными водопадами и мрачнымъ лѣсомъ.

Наконецъ прїѣхали мы въ *Старый-Крымъ*, находящійся въ 20 верстахъ отъ Судака и въ такомъ же разстояніи отъ *Теодосіи*.

Старый-Крымъ, извѣстный съ VI столѣтія, сдѣлался въ XIII однимъ изъ славнѣйшихъ городовъ Тавриды. Торговля его упала во время нашествія Татаръ; но, не смотря на то, нѣкоторые изъ хановъ имѣли въ немъ столицу свою.

Греки дали ему названіе *Карги* или *Каргополъ*, Татары *Старый-Крыма*, или старой крѣпости; а Императрица переименовала *Лескополеми*.

Долина, въ которой онъ построена, обширна, окружена горами и представляетъ разнообразныя, любопытныя каршны. Тамъ есть высокая утѣсь, съ котораго можно видѣть Черное, Азовское и Гнилое море, или *Сивашъ*.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ФРИДРИХЪ БАРБАРУССА.

(Нѣмецкое народное преданіе).

Много преданій ходитъ въ народѣ объ этомъ Императорѣ. Говорятъ, онъ не умеръ, но спанетъ жить до самаго свѣтлопроявленія и что послѣ него ужъ не будетъ больше Нѣмецкихъ Императоровъ. Онъ скрывается въ горѣ *Кифгаузенъ* и ждетъ, пока придетъ его часъ. Когда онъ выйдетъ изъ этой горы, по повѣснѣ свой щипъ

на сухое дерево, и дерево вдругъ зазеленѣетъ и наспунитъ лучшія времена. Иногда онъ разговариваетъ съ людьми, которые случайно заходятъ во внутренность горы, а иногда и самъ выходитъ опшуда и является въ разныхъ мѣстахъ. Обыкновенно онъ сидитъ на скамейкѣ, близъ круглаго каменнаго стола и, поддерживая руками голову, спитъ. У него выросла предлинная борода. Одни говорятъ, что она проросла сквозь каменный столъ, а другіе, что она сложилась складками на краю этого стола. Чтобы выпустить ему на свободу, надобно, чтобы бороною его можно было при раза обернуть кругомъ весь столъ, а теперь она обходитъ еще только полтора раза вокругъ.

Въ 1669 году одинъ крестьянинъ везъ хлѣбъ въ *Нордгаузенъ*; какой-то карликъ завелъ его въ эту гору. У него высыпали весь хлѣбъ изъ мѣшковъ и наклали пуда до верху золота и серебра; пущъ онъ видѣлъ Императора, но потъ сидѣлъ неподвиженъ.

Однажды потъ же карликъ завелъ одного пасуха на эту же самую гору; Императоръ спросилъ у него: всѣ ли вѣроны летаютъ выше горъ? — Пасухъ отвѣчаетъ: «Да.» — И такъ, — сказалъ Императоръ: мнѣ надобно еще уснуть лѣтъ на сто.—

Съ Нѣмец. П. *Смирновъ*.

БРИЛІАНТЪ САНСИ.

Англійскіе короли обладаютъ превосходнымъ бриліантомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ: *Санси*. Исторія этого рѣдкаго драгоценнаго камня романтическая. Въ старь бриліантъ сей принадлежалъ *Карлу Сильолу*, послѣднему герцогу Бургундскому, который послѣ его на шляхъ и имѣлъ при себѣ въ сраженіи подъ *Нанси*, гдѣ, какъ извѣстно, былъ разбитъ и потерялъ жлѣзъ (1477). Швейцарскій солдатъ нашелъ его и продалъ Французскому дворянину, по имени *Санси*, въ родѣ котораго сохранился онъ почти цѣлое столѣтіе, именно до того вре-

мени, когда *Генрихъ III*, одного изъ попомковъ сей фамилии, соспоявшаго у него на службѣ въ чинѣ капитана Швейцарскихъ войскъ, отправилъ набирать рекрутъ. Свергнутой съ престола, король лишился всѣхъ средствъ къ содержанию своего войска, и потому занялъ у *Санси* бриліантъ, чпобъ заложить его въ Швейцаріи. *Санси* поручилъ одному изъ своихъ служителей доставить камень въ мѣсто его назначенія. И служитель и бриліантъ пропали безъ вѣсти. Король чрезвычайно огорчился и разгнѣвался на *Санси*, за то, что онъ такую драгоценность легкомысленно ввѣрилъ простому служилелю; но *Санси*, неоднократно испытанной честностью послѣдняго, употреблялъ все средства къ открытію слѣдовъ пропавашаго, и наконецъ узналъ, что въ одномъ лѣсу на него напали разбойники, зарѣзали его и похоронили тамъ же. *Санси* похвально шуда самъ, откопалъ тѣло, велѣлъ вскрыть его и нашелъ бриліантъ въ желудкѣ. Вѣрный слуга проглотилъ его, желая спасти отъ рукъ бандитовъ: съ тѣхъ поръ этоиъ бриліантъ называется—*Санси*.

Съ Нѣм. П. *Смирновъ*.

Москва.

СХОДСТВО МЕЖДУ ДАМАМИ И БОЛЬШИМИ БАРАМИ.

Въ одномъ старинномъ альманахѣ напечатана инструкция, какъ обходиться съ знапными. Между прочими наспавленіями забавно слѣдующее: «кто умѣетъ обходиться съ женщинами, тому знакомо также обхождение съ барамн и князьями. Женщины и вельможи во многомъ сходны между собою: и тѣ и другіе любятъ, чпобъ имъ льстили.»

ГРИБЫ—ЯСТВО БОГОВЪ, ГРИБЫ—УБИЙЦЫ.

Невольно удивляемся странной участи грибовъ: ихъ, по обыкновенію, или черезъ чуръ хвалятъ, или черезъ чуръ поносятъ. *Неронъ* величалъ ихъ мясомъ боговъ, за то какой-то сварливый миссіонеръ далъ имъ прозвание убійць. Въ самомъ дѣлѣ, *Тисерій*, *Клавдій*, жена и дѣппи *Эдрипида*, *Климентъ*

VI, и многія другія знаменитыя особы лишились жизни—отъ грибовъ!

КАЛАМБУРЪ.

Извѣстный и любимый Московскою Публикою комикъ, *В. И. Ж****, игралъ однажды роль *Алима*, слуги въ комедіи: *Школа женщинъ*. Во второмъ явленіи 1-го акта *Арнольбъ*, господинъ его, послѣ крапковременной оплочки, возвращается домой, и безпечный слуга съ радостнымъ видомъ встрѣчаетъ его въ дверяхъ, не снимая шляпы. *Арнольбъ*, раздраженный дерзостью своего лака, въ сердцахъ сшибаетъ съ него шляпу:

Какъ смѣешь ты, дуракъ, быть въ шляпѣ здѣсь?

Вотъ съкопъ, часъ отъ часу глупѣешь!

Къ несчастію, ударъ былъ такъ неловокъ, что вѣспѣ съ шляпою сшибъ огромный, рыжій, гошическій парикъ, который былъ нѣсколько просторенъ для *Ж****. Въ партерѣ раздался смѣхъ; но нашъ герой ни мало не смутился.

«Виноватъ, сударь! *опростоволосился!*» отвѣчалъ онъ, указывая одною рукою на сорванный парикъ, а другою на обнаженную свою голову, и каламбуръ былъ одобренъ громкимъ рукоплесканіемъ.

T.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БЕЗСТРАСТІЕ.

На урну преклонясь съ печалью и мольбой,
Гдѣ шнъ священная окрестъ меня вишаетъ,
Я въ небо уношусь за ней моею душой,
И прелестъ ужъ меня земная не прельщаетъ!

Мой духъ зрнть дольний міръ съ заоблачныхъ
высотъ;

Я прахъ его презрѣлъ въ поскѣ моей глубокой;

Ни славы, ни любви, ни дѣвственныхъ красотъ
Не жажду Зены черноокой.

Мызниковъ.

1835 года.

Могилевъ.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* любитъ всякій нищій,
Подаетъ онъ ему—одежды, денегъ, пищи.

Второй

Даруетъ царствамъ миръ, а гражданамъ покой
Подъ сѣнью законовъ, царской власти.

Предъ нимъ дрожитъ разбой
И умолкаютъ страсти.

Все къ цѣли—мудрый вождь—
Сквозь тьму и смуту, въ бурю, дождь,
Корабль, полки царей, народы руководитъ
И въ гавань мирную между скалами вводитъ.

К Р И Т И К А.

Голосъ Русскаго въ пользу прекрасной картины Чернецова 1-го.

(Сообщено).

Ежедневно посѣщая выставку Художественныхъ произведеній, я могъ убѣдиться въ томъ впечатлѣннн, какое произвела на Публику картина г. *Чернецова*, изображающая Парадъ, бывший на Царицыномъ лугу, при совершеннн благодарственнаго молебствнн о взятнн въ 1831-мъ году Варшавы побѣдоноснымъ Россійскимъ воинствомъ. Публика, не черная, а просвѣщенная, толпилась около этой картины съ неподдѣльнымъ восторгомъ, громогласно хвалила еѣ и, съ чувствомъ народной гордости, радовалась, что въ художникъ *Чернецовъ* 1-й Россія имѣетъ своего *Крюгера*.—Картина эта не кончена: остается еще надъ нею мѣсяца при поработать художнику. Работа эта будетъ трудна, опчѣтнста; еще усилитъ эффектность, дастъ болѣе выпуклости нѣкоторымъ предметамъ, разольетъ болѣе жизни. Вы видите, что и послѣ четырехлѣтняго труда г. *Чернецова*, много еще труда впереди; но то, что уже сдѣлано, достойно уваженнн любителей. Моментъ, избранный художникомъ, очень труденъ для исполненнн. Войска споятъ подъ ружьемъ на Царицыномъ лугу, гдѣ воздвигнута эстрада для молебствнн; Публика, въ благоговѣйномъ молчаннн, кланяется Царю,

ѣдущей изъ Дворца въ парадной золотой каретѣ, вмѣстѣ съ супругою знаменитаго покорителя Варшавы. Мѣрнымъ шагомъ выпускаетъ придворный цугъ. На вспрѣчу Государынн скачетъ въ галопъ Императоръ, окруженный блистательною свитою. Вы согласитесь, что для выраженнн драматической эффектности исполненнн этой задачи очень затруднительно, и тѣмъ болѣе, что тупъ нельзя выйти изъ границъ, предписанныхъ существующими приличннми и обстоятельствами. Если же кто нибудь вздумаетъ упрекать художника въ недостаткѣ эффектности въ краскахъ, то онъ просто обличитъ свое незнаннн, которое пачается противоположеннн сильныхъ свѣтовъ, перемѣшанныхъ часто наудачу въ такихъ картинахъ, передъ которыми, по мнѣнню близорукихъ критиковъ, блѣднѣетъ картина *Чернецова*. Богъ съ ними, съ этими критиками: они берутся судить про все съ пономъ досадной и дерзкой рѣшительности. По неволѣ пожмешь плечами и скажешь вмѣстѣ съ безсмертнымъ поэтомъ:

Вотъ наши спроче цѣнители и судьи!

Повторяю еще: картина *Чернецова* не кончена; но я, какъ Русскій, какъ любитель изящнаго, будь оно Русское, Польское, Французское, Готтенпотское, Манчжурское, долгомъ щитаю сказать передъ лицомъ не только Петербургской Публики, но передъ лицомъ всѣхъ моихъ соотечественниковъ, что имъ не стыдно гордиться этою картиною, на которую, вначалѣ ея осуществленнн на этомъ огромномъ полоннѣ, смотрѣлъ знаменитый *Крюгеръ* съ восторгомъ чистымъ, неподдѣльнымъ, съ восторгомъ художника, умѣющаго сознать прекрасное въ соперникѣ. И про эту-то картину главный директоръ и редакторъ *Библиотеки для Чтеннн* дозволилъ себѣ опозваться, что она совершенно блѣднѣетъ передъ картиною *Ладюрнера*, который избралъ предметъ обыкновеннаго Парада; но совершенно съ другой, несравненно выгоднѣйшей точки зрѣннн, и совсѣмъ въ другой моментъ, полный драматизма, единственнн уже по существу своему. На картинѣ г. *Чернецова* 250 головыхъ,

отличающихся поразительным сходством портретовъ. Архиспъ предположилъ, что ихъ будетъ 300. Картина освѣщена тусклыми лучами Сентябрьскаго Петербургскаго блѣднаго солнца, дивно отражающагося на полупоблѣклыхъ лицахъ Лыняго и Михайловскаго садовъ и проникающихъ сквозь голубовато-перламутровое наше Сѣверное небо. Это освѣщеніе, по мнѣнію знашковыхъ, есть верхъ совершенства, верхъ естественности. Всмотритесь внимательно въ эту картину, еще неконченную и, потому, къ сожалѣнію, выспавленную преждевременно на показъ Публикѣ, въ полнѣ которой есть непривзванные судьи, готовые, не понимая предмета, подвергаемаго сужденію, сыпать свои кривыя замѣчанія на прудъ высокій. Всмотритесь, говорю я, и вы замѣтите необыкновенную эффектность; эффектность, заимствованную не въ напаянутой рѣзкости свѣто-тѣней, пѣвляющей глазъ. непосвященнаго въ высокое дѣло изящнаго художества; но чистою, неподдѣльною простотою, вѣрнымъ сколкомъ съ природы. Эта простота въ особености не могла поправиться тому, кто двухъ строчекъ сряду не напишетъ, не нарумянивъ ихъ; тому, кто жеманство принимаетъ за грацію, холодные антипезы за силу, площадныя фразы за остроуміе и искажаетъ языкъ, чтобы показаться новымъ.

Простота, природа, добродушіе — вотъ условія, по которымъ узнается художникъ призванный и одаренный свыше кистию, умѣющею переносить на холстѣ красоты неподдѣльныя. Вы смотрите, смотрите долго и, какъ бы видите этакъ Образцовый кавалерійскій полкъ, представляющій на второмъ планѣ массу пестроты, необычайно прудной для исполненія и бывшей досель Гордіевымъ узломъ для самыхъ искусныхъ живописцевъ. *Чернецовъ*, размахомъ щастливой кисти, уничтожилъ эту препопу: его гусары, его уланы съ ихъ разношерстными конями, съ ихъ разноцвѣтными вальтрапами, доломанами, меншиками, киверами, флюгерами, — отдѣляются одинъ отъ другаго, живутъ, дышатъ. А эти сѣрыя въ лбкахъ кони задней ширенги и

фланговыхъ гусаръ, раздуваютъ огненные ноздри, рвутъ изъ рукъ поводья и головы, по звуку знакомой имъ военной трубы, понеслись впередъ съ своими всадниками, — рукъ которыхъ они столь послушны. Если бы вся картина была дурна: по довольно бы было эпого одного полка для одержанія надъ соперниками архиспа побѣды, для доспавленія ей славы. Съ противуположной стороны ѣдетъ карета Императрицы. Какой прудный поворотъ и какъ это исполнено! — Карета и цугъ отдѣлились отъ лошади. На шрешемъ планѣ армиллерія. Надобно сдѣлаться самому фронтовымъ армиллериспомъ, чтобы такъ опчестисто изобразить эти огнеспрѣльные снаряды, эту упряжь, это множество офицерскихъ портретовъ. Далѣе расположены въ спройныхъ рядахъ колонны пѣшія и конныя. Все это, какъ вы видите, не шевелится, не колышется, не брякнетъ, не промолвитъ: слышенъ одинъ лишь конскій скокъ, а онъ точно слышенъ. Воть несунся галопомъ шестидесять всадниковъ на рыаныхъ коняхъ. Это Царь съ Наслѣдникомъ и съ Своею свишою. Тутъ жизнь, движеніе, блескъ, величіе! На первомъ планѣ Публика. Въ либретто выспавки, изданномъ Н. В. *Кукольниковъ*, вы найдете имена этихъ зрители Парада, которые всѣ болѣе или менѣе примѣчательны, и всѣ разительны похожи. Давнишній житель Петербурга, я почти всѣхъ ихъ лично знаю. Тутъ вы встрѣтите и вельможъ и чиновниковъ, и ученыхъ и липераторовъ, и журналистовъ и художниковъ, и актеровъ и музыкантовъ, и первокласснымъ кравицъ самыхъ блестящихъ рауповъ столицы, и сильфидъ-танцовщицъ, и щеголей, и купцовъ и мѣщанъ; *Крылова* и *Каратыгина*, *Слѣпушкина* и *Телушкина*, и *Вела*. Но выборъ спрогъ: ищите сами, всмапривайтесь пристально. Желательно бы видѣть также изображенія князя П. А. *Вяземскаго*, *Погодина*, *Шевырева*, Н. М. *Языкова*, *Кукольника* и нѣкоторыхъ другихъ липераторовъ.

Картина *Чернецова* останется навсегда памятникомъ въ исторіи Русскихъ художествъ и пойдетъ въ мнѣніи знашковыхъ всегда на ряду съ превосходнѣйшими произ-

веденіями Русской школы. Когда она будетъ довершена, я буду говорить о ней съ большими подробностями, а теперь предоспаваю почтенному Редактору *Художественной газеты* защитить эту чепырехлѣпный прудъ отъ несправедливаго и приспращнаго приговора людей, не имѣющихъ малѣйшаго понятія о живописи, и отъ неблагонамѣренныхъ толковъ чужеземцевъ, недоброжелательныхъ ко всему числу Русскому.

Любитель-Патріотъ.

М О Д Е С.

Nous avons vu aussi (chose plus étrange) des chapeaux de satin doublés de peluche; en blanc c'est d'un charmant effet. Le manteau court, habillé, en velours violet sera, sans nul doute, le manteau le mieux porté cet hiver; c'est une importation en France du manteau-pelisse des grandes et belles dames de la Russie, et qui, dans ce pays du nord, s'appelle *katzaveika*. On en varie les ornemens à l'infini, soit en fourrures, en velours ou avec des franges; on en verra même qui seront garnis avec de hautes dentelles que l'on portera blanches, avec les manteaux de satin blanc ou de nuance claire. Nous en avons vu un en satin blanc broché et garni de *point* d'Angleterre, préparé pour une mariée et qui était la plus ravissante chose du monde; il était serré au cou par une cordelière de perles blanches, c'était un objet de toilette vraiment royal.

D'après toutes les apparences, le luxe sera porté cet hiver aussi loin que possible, et le voilà qui s'étend à toutes choses. On a imaginé de couvrir les cheminées, consoles, pianos, tables de marbre, enfin tout meuble d'appartement qui présente une surface plate, de housses de *velours plein*, brodées en soie avec écusson armorié et garnitures de franges et torsades en or: c'est seulement sur la partie retombante de la housse que se placent les broderies; la partie qui repose sur le meuble se laisse tout unie, afin d'y pouvoir déposer les objets qui, surtout sur une cheminée, sont indispensables. Cette mode, qui ne pourra être suivie que par les gens de la plus haute classe de la société, est d'une richesse de bien bon goût. Nous savons aus-

si qu'un riche et puissant personnage vient de faire décorer un appartement avec la plus somptueuse magnificence; et que les plafonds et les murs de cet appartement sont entièrement revêtus de mousse, coquillages, branches de coraux, enfin tout ce qui compose la rocaille. N'y aura-t-il pas *péril à la demeure* sous de semblables voûtes?

М О Д Ы.

Мы видѣли также (еще спрашите) апласныя шляпки, подложенныя плюшемъ; бѣлый дѣлаетъ прелестный видъ. Короткій, нарядный плащъ изъ фиолетоваго бархата, будетъ безъ сомнѣнія самымъ употребительнымъ плащомъ нынѣшней зимою; это введено во Францію *manteau-pelisse* прекрасными высокими Россійками; оно называется въ этой Сѣверной землѣ *кацавейка*. Опдѣлки ихъ разнообразны до безконечности: мѣхъ, бархатъ или бахрама. Будущъ также опдѣлывать широкими бѣлыми кружевами бѣлые плащи, пли свѣдлыхъ цвѣтовъ. Мы видѣли одинъ изъ блага зашканныа апласа, опдѣланный Англійскими кружевами, приготовленный для невѣсты; онъ схваченъ былъ около шеи вышымъ шнуркомъ изъ бѣлыхъ бусъ, и, право, годился бы для королевскаго туалета.

По видимому, роскошь дойдетъ нынѣшней зимой до высочайшей степени: она распростирается на всё. Выдумали покрывать каминны, консоли, фортепiano, мраморныя столы, наконецъ всякую мѣбель съ плоской поверхностью чехлами изъ неразрѣзнаго бархата, на кошорыхъ вышиты шелкомъ гербовыя щипы; опдѣланы же они бахрамами и вышыми золотыми шнурками: вышивается только па часъ чехла, кошорая виситъ, лежащая же на мѣбели оспавляется гладкая, чтобъ удобно было ставить разныя вещи, особенно необходимыя для камина. Эта мода, кошорой могутъ слѣдовать только люди высшаго сословія общества, богата въ хорошемъ вкусѣ. Мы знаемъ также, что богатая и знатная особа опдѣлала свой комнаты съ самою великолѣпною пышностью, и что потолоки и стѣны совершенно покрыты мхомъ, раковинами, вѣлками коралловъ, наковецъ всемъ, что соспавляетъ украшеніе гробовъ. Не будетъ ли *опасности для житья* подъ такими сводами?

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 97 и 98.

Цѣна годовому изданію -
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 2 ДНЯ 1836 ГОДА.

Какъ трудно Бибрису со славою ужиться!
Онъ пьетъ, чтобы писать, и пишетъ, чтобы напиться.

Батюшковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ *ЕКАТЕРИ- НЫ* II ВЪ ТАВРИДУ.

(Продолженіе.)

Мы останавливались тамъ не надолго, и, черезъ нѣсколько часовъ по нашемъ отъѣздѣ, увидѣли передъ собою стѣны, или, лучше сказать, развалины знаменитой и несчастливой *Теодосіи*.

Это гармоническое имя носила она въ прекрасные дни славы своей и величія; Татары, пораженные ея великолѣпьемъ, назвали её *Кериль Сталбули* или Крымскимъ Константинополемъ. По разореніи же своемъ, именовалась она *Кафою*; наконецъ *Екатерина* возвратила ей прежнее ея названіе *Теодосіи*; но сомнительно, чтобы городъ сей могъ когда нибудь воскресить древнее свое благосостояніе.

Теодосія, основанная Милезійскими Греками, лежитъ неподалеку отъ моря, на каменистомъ и песчаномъ косогорѣ. Она окружена высокими каменными стѣнами и башнями, которыя, въ бытность нашу тамъ,

начинали уже разрушаться. Мѣстоположеніе ея, опмѣнно выгодное для торговли, поставило ее на ряду съ лучшими городами Востока; въ пристани ея спояло всегда множество иностранныхъ кораблей, которые обогащали её произведеніями Дона, Волги и береговъ Колхиды. Она получала съ Сѣвера мѣха, изъ Россіи золотистыя кожи ея, икру осетровъ, и съ выгодою продавала ихъ въ Греціи и Италіи. — Сверхъ того, она служила для Магометанъ обширнымъ базаромъ для торгу невольницами, которыхъ вывозили съ Кавказа, изъ Грузіи и Черкассіи. Чтожъ касается до ея народонаселенія, то оно чрезвычайно размножилось выходцами изъ Босфорскаго царства, которые спекались въ неё толпами.

Въ первомъ столѣтіи по Р. Х. *Кафа* была разорена Алланами, но; по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Босфоріане поправили развалины ея, скоро опнытые у нихъ Херсонисами.

Въ концѣ XIII столѣтія, Генуэзцы, подъ предводительствомъ *Валда Доріи*, на остаткахъ древней основали новую Кафу, которая скоро пришла въ цвѣтущее состояніе

и прославилась многолюдствомъ своимъ, богатствомъ и торговлею. По словамъ нѣкоторыхъ писателей въ ней считалось до 40,000 домовъ.

Капоники поспановили въ Кафѣ своего епископа, котораго власть простиралась отъ береговъ Волги до Варны въ Булгаріи. Армяне имѣли тамъ также своего архіерея и основали большое духовное училище.

Въ XIV вѣкѣ, Тапары осадили Кафу, но не могли взять её. Папа *Климентъ VI* собралъ армию Крестоносцевъ, чтобы избавить её отъ рукъ невѣрныхъ. — Въ это время были сдѣланы ея укрѣпленія.

По мѣрѣ приближенія Воспочнои имперіи къ упадку, возраспали сила и благосостояніе *Феодосіи*, куда спекались всѣ Греки, искавшіе убѣжища отъ меча *Отоманскаго*. — Наконецъ, 12 лѣтъ спустя по взятіи *Константинополя Магометомъ II*, погибла и она, — и лишилась свободы и богатства своихъ, была уступлена Тапарамъ, которые однакожъ управляли ею крошечко и снисходительно.

Подъ ихъ владычествомъ Кафа примѣпно начала поправляться, и съ помощію оживающей торговли своей, могла со временемъ прийти опять въ нѣкоторое благосостояніе; но XV вѣкѣ былъ для неё гибельнымъ. Съ одной стороны учрежденіе Россіянами Таганрогскаго порта, который доставлялъ купцамъ удобнѣйшій сбытъ товаровъ и новую пристань для мореплавателей; съ другой кровопролитныя междоусобія Тапарскихъ князей, и наконецъ занятіе Крыма Русскими войсками, подъ предводительствомъ к. *Долгорукаго*. — Все это, вмѣстѣ съ покореніемъ Крыма, совершило послѣднее и конечное разореніе Кафы.

При восшествіи *Екатерины II* на престолъ, не существовало даже и пѣни этого нѣкогда славнаго города; — мы же не нашли тамъ и 2,000 жителей. — Нѣкоторые изъ нихъ бродили между печальными развалинами великолѣпныхъ церквей и палатъ, и всюду царствовала пишина опустошенія и глубокое молчаніе смерти.

При видѣ этого плачевнаго зрѣлища, представлявшаго разительную противоположность съ блестящими картинами, которыя до того являлись глазамъ нашимъ почти на каждомъ шагу, *Екатерина* не могла удержатъ слезъ своихъ. — Казалось, будто судьба нарочно хотѣла представить намъ эти горестныя и краснорѣчивыя памятники суебности челоуѣческаго величія и ничтожества земной славы

Чтобы разсѣять впечатлѣніе, произведенное на насъ этими мрачными развалинами и ихъ уединеніемъ, мы вздумали осмотрѣть полу-островъ *Керчь*, который представляетъ долину, пересѣкаемую ручьями, группами деревьевъ и солеными озерами. — Грунтъ, по мѣрѣ приближенія къ Азовскому морю и *Янкольскому* проливу, примѣпно возвышается.

Керчь, во времена Грековъ, называлась *Пантикапеею*, а позже *Босфоромъ*. Она лежитъ у подошвы горы, на берегу пролива, который извѣстенъ былъ въ древности подъ именемъ *Киммеріанскаго*, а нынѣ прозванъ *Янкольскимъ*. Рейда его удобна и безопасна.

Въ *Пантикапее* умеръ, какъ сказываютъ, *Митридатъ*. — Въ 4 верстахъ отъ города, есть нѣсколько холмовъ, и жители, слѣдуя народному преданію, увѣряютъ, что одинъ изъ нихъ заключаетъ въ себѣ прахъ *Великаго царя*; однакожъ почти всѣ историки единогласно утверждаютъ, что сынъ *Митридатовъ*, гнусный *Фарназъ*, — опослалъ пѣло отца своего къ *Поллею*, находившемуся тогда въ Азіи, и что великодушный Римлянинъ, достойный безсмертной славы своей, пролилъ нѣсколько благородныхъ слезъ надъ бранными остатками побѣжденнаго имъ героя и велѣлъ воздать имъ въ *Синопѣ* послѣднюю почестъ, съ великолѣпіемъ, приличнымъ сану и доблестямъ несчастнаго *Митридата*.

Керчь имѣетъ теперь только одну церковь и нѣсколько хижинъ, обитаемыхъ Греческими рыбаками. Мы не видали тамъ ни одной развалины, ни одного обломка колонны, которые бы свидѣтельствовали о

прежнемъ величїи эшаго нѣкогда славнаго города.

Въ пяти верстахъ отъ Керчи, на самомъ изворотѣ полу-острова, спойтъ крѣпость *Яниколь*, окруженная бѣдными хижинами.— Вся промышленность жителей соспойтъ въ ловлѣ осепровъ.— Долгоша полу-острова, отъ Кафы до Яниколя, простирается на 120, а самая большая широта его на 50 верстѣ.

Императрица предполагала ѣхать отсюда вдоль по берегу, и, подымаясь къ сѣверу, осмотрѣть на пути своемъ города: *Арабатъ*, *Мариуполь*, *Таганрогъ*, *Черкасскъ*, главный городъ Донскихъ казаковъ, и наконецъ *Азовъ*; но приближеніе осени, вредныя испаренія морскихъ береговъ и важныя дѣла, пребовавшія скорого присупствія Ея въ столицѣ, заставили Её перемѣнить планъ путешествія своего и заключить его *Еоодосіею*.

Въ по самое время, какъ оспавляли мы печальгья эши развалины, случилось со мной одно довольно странное происшествіе, о которомъ я бы, можетъ быть, долженъ былъ умолчанъ, если-бъ оно не казалось мнѣ въ нѣкоторомъ отношеніи совершенно характериспическою черпою князя *Потемкина*.

Императрица сидѣла уже въ каретѣ, и я опрометью бѣжалъ съ дворцоваго крыльца, чпобъ занять мое мѣсто, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою молодую женщину, одѣшую по Азіатски, — въ которой спанъ, походка, глаза, такъ живо представили мнѣ образъ жены моей, что я осподбенѣлъ и не зналъ чпѣ думать.

Въ первую минушю пришло мнѣ на мысль, что, можетъ быть, графиня *Сегюръ* и въ самомъ дѣлѣ прїѣхала въ Крымъ, чпобъ видѣться со мною; но что отъ меня скрыли прїѣздъ ея, желая сдѣлать мнѣ сюрпризъ нечаянною встрѣчею. — Воображеніе летаетъ быспро, и я былъ въ землѣ чудесъ и волшебства.

Между тѣмъ князь *Потемкинъ* видя, что я споялъ какъ испуканъ, кричалъ мнѣ, что Императрица дожидается; но я неслыхалъ голоса его и, не двигаясь съ мѣста, не сво-

дилъ глазъ съ молодой женщины; наконецъ она удалилась; тогда я пришелъ въ себя и въ коропкихъ словахъ разсказалъ князю о моемъ приключеніи.

«Не ужьли и подлинно сходство такъ велико?» сказалъ онъ.— Чудесное, непоспижимое! — отвѣчалъ я. «Ну чпожъ, *батюшка*,» продолжалъ онъ смѣясь: «человѣкъ, которому принадлежитъ эша *Черкешенка*, съ радостью успунитъ её мнѣ, и лишь только вы прїѣдете въ *Петербургъ*, я вамъ, если хопите, подарю её.»— Благодарю васъ, но я ее не принимаю,—отвѣчалъ я: такое доказательство любви показалось бы, я думаю, графинѣ *Сегюръ* довольно спраннымъ. —

Тутъ мы распались, и я думалъ, что эпо кончено; какъ вдругъ, черезъ нѣсколько времени, князь далъ мнѣ почувствовать, что отказъ мой сильно оскорбилъ его. — Онъ приписывалъ его излишней моей щекотливости, по которой я не хотѣлъ принять отъ него никакого подарка.

«Я докажу вамъ, что вы ошибаетесь,» сказалъ я: «докажу эпо, принявъ отъ васъ всё, чѣмъ вамъ угодно будетъ подарить меня.»

Онъ поймалъ меня на словѣ, и, по взятіи *Очакова*, возвращаясь въ *Петербургъ*, подарилъ мнѣ маленькаго *Калмычка*, котораго звали *Нагуноль*. — Никогда не видывалъ я *Китайской* рожницы смѣшнѣе и оригинальнѣе! — Я занимался имъ нѣсколько времени и выучилъ его чипать; но когда возвращался во *Францію*, графиня *Кобенцль*, — которая всегда очень имъ забавлялась, такъ убѣдительно просила меня успунитъ его ей, что я долженъ былъ согласиться; но у меня цѣлъ еще порспрепъ эшаго маленькаго *Татарина*.

И такъ мы оставили *Кафу*, чпобъ ѣхать прямо въ *Петербургъ*, опять черезъ *Крымскія* степи, *Перекопскій* перешеекъ и *Нагайскую* степь до *Кизикермана*.— Здѣсь *Екатерина II* и *Иосифъ II* наконецъ распрошались, повторяя взаимныя увѣренія въ дружбѣ, которая во время столь долгаго путешествія должна, казалось, сдѣлаться еще тѣснѣе и неразрывнѣе.

Опшуда поѣхали мы въ Кременчугъ, гдѣ Императрица назначила быть опдыху.— Императоръ, при опъѣздѣ своемъ, сказалъ мнѣ, что осмопрѣ Кибуриъ, посѣпивъ Галицію и побывавъ попомъ въ столицѣ своей, опъ намъренъ былъ сдѣлать большія манѣвры, на которыя приглашалъ меня, говоря, что оставя Петербургъ, мнѣ не худо будетъ воспользоваться даннымъ мнѣ опшускомъ.

Въ послѣднюю половину нашего путешествія, когда мы опяпъ возобновили прогулки наши по степямъ, его величество, часто заводя со мною разговоръ о Константинопольскихъ дѣлахъ, довольно опкровенно говорилъ мнѣ и о политическихъ видахъ своихъ и о намъреніяхъ *Екатерины*.

Я щитаю не лишнимъ помъспитъ здѣсь нѣсколько словъ изъ этихъ разговоровъ.

«Ну! вы довольны теперь, я думаю;» сказалъ опъ мнѣ однажды: «Господамъ *Булгакову* и *Герберту* поручено предложить Порту всѣ тѣ условія, которыхъ вы желали;— теперь увѣрены ли вы наконецъ въ возможности скорого мира?»

—Графъ!—опвѣчалъ я: (опъ сердился не на шутку, когда ему говорили ваше величество) мнѣ кажется, что все зависптъ опъ того, какъ Императрица думаетъ опъ этихъ условій, и какимъ образомъ будутъ они предложены;— быпъ можетъ, что Она щитаепъ ихъ только матеріалами для манифеста. Она видѣла теперь, какъ велики силы Ея на морѣ и на сушѣ; слѣдовательно, не боишся никакихъ препятствій къ удовлетворенію оскорбленій, сдѣланныхъ Ей Портою. . . . Всѣ готово. Она грядепъ, если Турки спанупъ продолжатъ упрямиться и кичиться. Часпъ Русской арміи можетъ попчасть осадить Очаковъ и Акерманъ. Объ эти крѣпости не въ состояннн долго держаться, слѣдовательно ихъ взять легко, а между тѣмъ Севастопольскій флотъ сдѣлаепъ высадку между Константинополемъ и Варною, сопровожитъ столицу Опманской имперіи, и даже возметъ, если спрахъ одолѣетъ суевѣрными Мусульманами. Ихъ время прошло!

—Съ другой стороны, Турки, чтобы атаковать Россійскую армію, должны пройпн Бугарію, Бессарабію, Молдавію, Валлахію и Новую Сербію; припомъ пятидесяти тысячъ Русскихъ довольно, чтобы опспановить ихъ на Бугѣ или у Днѣпра;—но еспъ однакожъ одно препятствіе, которое могло бы, можетъ быть, поколебать намъреніе Императрицы, и вамъ извѣстнн лучше моего, до какой степени Она должна его опасаться.—

«Я понимаю васъ,» опвѣчалъ Императоръ: «согласіе мое на покореніе Крыма заставляепъ васъ опасаться, чтобы я опяпъ не былъ союзникомъ Императрицы въ новыхъ Ея предначертаніяхъ. Вы ошибаетесь;—я искренно желаю мира. Завоеваніе Крыма Русскими не могло нанести мнѣ никакого вреда.— Важнымъ послѣдствіемъ его для Россіи было только усмиреніе Турокъ, у которыхъ опяпдо оно всѣ средства къ наступательной войнѣ; но для меня оно имѣло безчисленные выгоды, и главная состояптъ въ томъ, что владѣнн мои теперь безопасны опъ всякаго покушенія Турокъ, которые не посмѣютъ нападать на нихъ, зная, что Русскія войска и Крымскій флотъ Императрицы—попчасть разобьютъ ихъ съ пылу.—Сверхъ того, взятіе Крыма было причиною разрыва между Петербургскимъ и Берлинскимъ Дворами и лишило Императрицу сильнаго союзника.—И пакъ, вопъ что побудило меня тогда заставить Порту уступить Тавриду *Екатеринѣ II*;—но теперь—другое дѣло!—теперь я не потерплю, чтобы Русскіе овладѣли Константинополемъ. . .

«Впрочемъ, если бѣ эта мысль, родившаяся въ пламенномъ воображенн Императрицы, и могла исполниться, по въ такомъ случаѣ Турки малой Азіи, и первыя государствва Европы, соединя силы свои, спарались бы препятствовать Ей удержанъ за собою Константинополь.—Сверхъ того, Ей должно было бы оставить Россію безъ войскъ, удалиться изъ неѣ Самой и перемѣнить столицу Свою.»

—Я согласенъ съ вами,—отвѣчалъ я: что мы можемъ успокоиться на щепъ Константинополь; но признаюсь, что судя по чрезвычайнымъ приготовлениямъ, которыя дѣлаются у насъ въ глазахъ, нельзя быть равнодушнымъ къ другому предпріятію Императрицы, которое гораздо сбыточнѣе перваго; я говорю о намѣреніи Ея распросранить предѣлы Россіи до Днѣстра; если оно удастся, то слѣдствіемъ его непременно должна быть война, чрезвычайно для насъ вредная!

—Но я надѣюсь,—прибавилъ я: что Императоръ Австрійскій, по дальновидности своей и дружбѣ къ королю моему, не оставитъ продолжать мирные переговоры, и приметъ все нужныя мѣры къ тому, чтобы предупредить разрывъ. Миѣ кажется, что король мой имѣетъ все право полагаться на содѣйствіе Его В—ва, потому, что во время покоренія Крыма, онъ склонилъ Турокъ уступить его Россіи, единственно для того только, что имѣлъ въ виду спокойствіе и политическія выгоды родственника и союзника своего.—

«Я сдѣлалъ все, что могъ,» отвѣчалъ *Юсифъ*: «но вы знаете Императрицу; воля Ея непоколебима; она непременно хочетъ, чтобы Турки согласились на все Ея претребованія, и если они оскорбятъ Ее отказомъ, то какъ остановить Ея мщеніе и помѣшать Ей опустить у нихъ нѣсколько городовъ? Войско Ея многочисленно; оно не знаетъ роскоши, не знаетъ усталости, и идетъ, куда поведутъ его.

«Посмотрите на здѣшнюю военную дисциплину.—Какъ эти люди послушны, трудолюбивы! За 800 миль отъ столицы, они дѣлаютъ дороги, строятъ на болотахъ великолѣпные дворцы, разсаживаютъ Англійскіе сады въ пустыняхъ—и все это безъ плапы, безъ ропоша; охотно и весело!

«Императрица, одна изъ всѣхъ Государей Европы, можетъ похвалиться истиннымъ богатствомъ;—Она издерживаетъ много, не должна никому, ассигнаціи Ея имѣютъ цѣну, какую Ей угодно, и если-бъ Ей вздумалось дѣлать деньги изъ кожи, то и они

имѣли бы, я думаю, курсъ свой.—Англія за-
давлена горою бумажекъ своихъ;—Франція призналась публично въ несчастномъ состояніи своихъ финансовъ,—а я съ трудомъ могу справиться съ издержками, которыхъ стоить мнѣ зеведеніе колоній въ Галиціи и построеніе стамъ новыхъ крѣпостей.»

—Эти самыя трудныя обстоятельства,—отвѣчалъ я: должны еще больше заставить васъ спараться, во что бы-то ни стало, ополонить отъ себя разорительную войну.—

Подобные разговоры часто возобновлялись между мною и Императоромъ. Я говорилъ съ нимъ однажды о *Потемкинѣ*. «Смотрите,» сказалъ я: «съ какою легкостью бросаетъ онъ все то, что предпринимаетъ съ жаромъ... Я знаю *Потемкина*, онъ представилъ намъ здѣсь прекрасную волшебную декорацію, по занавѣсъ опустил, и онъ займется теперь другими представленіями; заботы правленія несвойственны его пылкому характеру;—даже самая война, если онъ вздумаетъ начать её, скоро ему наскучитъ, и если-бъ онъ получилъ наконецъ Георгіевскую ленту, то повѣрьте, что также ревностно хлопоталъ бы о заключеніи мира, какъ теперь спарается разорвать его.»

—Загляните внутрь Россіи,—сказалъ мнѣ однажды Императоръ: и вы увидите сколько стамъ истиннаго блеска, истиннаго величія и могущества! Дворянство предано престолу,—его законъ—воля Государыни; Она велитъ—и мигомъ собираются арміи и флоты, летятъ по Ея мановенію, куда угодно Ей послать ихъ. Въ Россіи не знаютъ медлить исполненіемъ воли Монаршей ни на одну минуту.—

Судя по этимъ словамъ Императора и понятію, которое онъ имѣлъ о Россіи, не трудно было отгадать, что онъ не слишкомъ упорно спанетъ прошившись намѣреніямъ *Екатерины* и легко согласится на войну, если Она предложитъ ему избрать изъ двухъ одно: или помогать Ей—или опказаться отъ могущественнаго союза съ Нею.

.....
.....

(Будетъ продолженіе.)

Б У М А Г А.

Есть въ міръ магическое слово, выражающее нѣчто волшебное; есть призъмъ, который вбираетъ въ себя всѣ цвѣта, и раздробляетъ ихъ на безчисленные оплѣтки, — вещество, одаренное чуднымъ свойствомъ выражать мысли наши, завлекать, обманывать, пугать или веселить насъ, и принимать всѣ физическія и моральныя измѣненія. — Догадались ли вы, что я говорю о *бумагѣ*?

Бумага — эта скромная и снисходительная подруга наша въ часы уединенія, услаждаетъ горестъ разлуки, ободряетъ насъ въ уныніи и украшаетъ милыя надежды сердца прелестями ума и блестящими цвѣтами воображенія. — Ей передаемъ мы и пайныя мысли и сокровенныя чувства наши; ей въ долгіе осенніе вечера, молодой, еще неизвѣстный поэтъ, ввѣряетъ пламенныя мечты свои, и, въ тишинѣ ночи, сказываетъ имя, которое, въ толпѣ людей, уста его произнести не смѣютъ. Опъ нее ожидаетъ онъ будущей славы своей и ей обязанъ первыми хвалами свѣта, первую улыбкою любимой женщины.

Бумага имѣетъ непоспимую силу надъ пламенною душою поэта, надъ окриленнымъ воображеніемъ мечтателя!

Но какъ обольстителенъ, какъ краснорѣчивъ, какъ таинствененъ маленькій листокъ бумаги, подъ нѣжною рукою женщины! — Смотрише! первыя слова написаны — но она шепчетъ, не смѣя продолжать далѣе; — сердце ея бьется, она вспааетъ, подходитъ къ двери будуара, запираетъ еѣ; спускаетъ гардину окна, придвигаетъ лампу и дрожитъ опъ малѣйшаго шороха. Ей нужна тишина, нужно уединеніе; самый въперокъ не долженъ коснуться листка, который лежитъ передъ нею! О нѣтъ! дыханіе въперка ласкаетъ всё въ природѣ, но эпомъ бѣлый листокъ не для пощдыхъ стихій міра; онъ неприкосновенъ — онъ предназначенъ для пайныхъ завѣтныхъ словъ, понятныхъ лишь тому, кто одинъ долженъ читать ихъ. Для него это письмо любви; для него языкъ небесныхъ наслажденій, который, въ

кипящихъ выраженіяхъ, изливается изъ сердца, — высказываетъ другому сердцу всѣ неизъяснимые воспорги пламенной и изспуленной спраспи!

Иногда вдохновенный художникъ беретъ листъ бумаги и идетъ бродить съ нимъ за городомъ. Тамъ, сѣвъ на уединенномъ холму, предается онъ какому нибудь очаровательному воспоминанію, которому прелестъ вечера и молчаніе природы сообщаютъ свою тихую меланхолію! Увлекаясь обольстительною мечтою, беретъ онъ изъ портфеля листокъ свой и задумчиво чертитъ какія-то едва означенныя линіи, какой-то неясный образъ того, что наподняетъ всю его душу. О, какъ измѣняется эпомъ проспой, значущій листъ бумаги! Какую цѣну принимаетъ онъ въ глазахъ художника опъ легкаго прикосновенія карандаша его! Прохожіе оспанавливаются, смотрятъ и не понимаютъ, что значатъ эти неопредѣленныя черты, эта безсмысленная фанпазія? — Какая ему до того нужда? Для него имѣетъ она смыслъ неограниченный; для него всѣ воспоминанія сердца, всѣ мечты, вся небесная поэзія любви, таится въ эпомъ легкомъ очеркѣ. — Рука! — одна только рука? и ничего больше? — говоритъ любопытный, радуясь, что могъ разсмотрѣть какую нибудь форму шамъ, гдѣ другіе не-видали ничего. — Да, рука, одна только рука и ничего больше.» — Но для художника, котораго душа водела карандашемъ, эта отдѣльная рука значитъ много, значитъ всё! — для него исполнена она прелести, воспоминаній, — жизни! — Онъ нѣкогда прижималъ еѣ къ сердцу своему, она держала его руку, шептала подъ его пламенными пощлуями, играла волосами его... и щаспливецъ благословляетъ листокъ, который воскресилъ для него минуты блаженства, усладилъ горестъ разлуки и, говоря о прошедшемъ, пробудилъ въ душѣ его всѣ очаровательныя мечты любви и сладкую вѣру въ будущее.

Но говоря о бумагахъ, мы представили только прекрасную сторону ея; теперь повернемъ страничку, украшенную виньетками

и гирландами изъ розъ, или, лучше сказать, взглянемъ на тѣ грубые листы, на которыхъ приказная форма, низкое домогательство, жадная корысть или презрѣнное лицемеріе, налагаютъ тяжелую руку свою.

Иногда бумага, вытягиваясь въ длинный форменный листъ, спонетъ подъ скрыпучимъ перомъ подъячаго, или унижается до подлости подъ смиренными выраженіями пронырливаго интригана.

Иногда покрывается она высокопарными фразами хитраго лицемеря; дышетъ приговорнымъ его безкорыстіемъ, добродѣтелью, любовью къ отечеству—и переходитъ въ кабинетъ какого нибудь сильнаго вельможи, ободряющаго филантропическія намѣренія.

Иногда же принимаетъ она ложныя доказательства на неправедныя и корыстлюбивыя приписанія, злобныя намѣки, гнусную клевету, словомъ всё то, что можетъ нанести разореніе или гибель безпомощной невинности: стыдъ и посрамленіе такой бумаги.

Но не менѣе поспыдна и та бумага, которой нѣжныя и апластисные листочки посвящаются живымъ клятвамъ, обольстительнымъ увѣреніямъ; измѣняютъ дружбѣ, обманываютъ легковѣрную любовь и завлекаютъ невинность въ бездну порока. Эти вѣроломныя, соблазнительныя листки должны бы пылать въ гронилахъ ада—и разливались памъ огненною лавою.

Наконецъ, есть случаи, въ которыхъ бумага принимаетъ особенную силу и могущество, въ которыхъ отъ неѣ зависить жизнь или смерть человѣка и судьба нѣсколькихъ миліоновъ людей.—Въ эпозъ отношеніи имѣетъ она высокое, благородное и прекрасное назначеніе.

Но—вопть является она гордая, щеславная, увѣчанная гербомъ, украшенная магическою подписью, неся съ собою шипла и почести. Восхищенный честолюбецъ принимаетъ ее съ восторгомъ и, въ упоеніи радости своей, онъ готовъ воздвигнуть ей алтари, соорудить храмы и, конечно, не

пробѣняетъ еѣ на всѣ сокровища Вашикана.

Она же награждаетъ блестящіе подвиги война, неусыпные труды государственнаго человѣка и нерѣдко скромныя достоинства добродѣтельнаго и незвѣстнаго гражданина.

Честъ и слава этой бумагъ!

7.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

(Нильецкая легенда.)

Жилъ-былъ рыцарь и вздумалось ему ѣхать поискать себѣ щастія. Не было у него ни друга, ни денегъ; но была у него сестра—красавица. «Прощай, сказалъ онъ ей, прощай, сестра! Ужъ мнѣ не выдашь тебя больше. Я ѣду далѣко, очень далѣко, въ чужія страны. Дай мнѣ свою руку. Прощай, прощай.»

«Запирай крѣпко свой замокъ. Старайся жить одна одинѣхонька. Не пускай никого въ свою горенку. Тебя любитъ Черный рыцарь и ищетъ тебя. Смотри, берегись его; онъ погубилъ не одну молодую дѣвицу. Прощай, прощай.»

И бѣдное дитя плакало. Братъ еще разъ оборотился, взглянулъ на нее и поклонился ей. Когда онъ исчезъ изъ ея глазъ, она пошла въ свою горенку; но ей было нерадо спино; а Черный рыцарь любитъ ее и ищетъ. Прощай, прощай.

Много у него имѣнія и огромень зубчатый его замокъ, и высоки круглыя башни его. И пріѣхалъ онъ повидаться съ молодою дѣвицею-сиротинкою; и пріѣхалъ онъ повидаться съ нею въ полночь, а уѣхалъ домой утромъ, и увезъ онъ ее въ свой крѣпкій замокъ. Прощай, прощай.

Пріѣхали они въ замокъ ночью; и замѣтила она, что много погубилъ онъ дѣвицъ благородныхъ. И налила она сильнаго яду себѣ въ кубокъ и въ кубокъ Чернаго рыцаря, и оба вмѣстѣ умерли. Прощай, прощай.

Похоронили рыцаря въ замкѣ, а молодую дѣвицу зарыли подлѣ фонпана. И лежишь она подъ дѣрномъ; но въ полночь вспаеиъ и гуляеиъ, одѣная въ бѣлое плаиъе, и спонепъ и вздыхаеиъ. Прощай, прощай.

— Воиъ прѣзжаетъ къ этому фонпану ея благородный братъ, и увидѣлъ онъ свою сестру. «Что ты пупъ дѣлаеиъ, моя добрая сестра? Ты вздыхаеиъ. Что у тебя за горестъ?»— Въ полночь оправила я себя ядомъ вмѣстѣ съ Чернымъ рыцаремъ. Прощай, прощай.—

Сказавъ эти слова, она исчезла, какъ об- лачко. Съ тѣхъ поръ уже никто больше не видалъ ее. А братъ еѣ рыцарь пошелъ въ монастырь—и всю жизнь молился о спасеніи души бѣдной сестры своей. Прощай, прощай.

Съ Нѣм. П. Смирновъ.

Москва.

ДОМОВОЙ (KOBOLD).

(Нѣмецкое народное преданіе.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Германіи, во всякомъ семействѣ, у каждаго крестьянина еиъ свой домовый; онъ исправляетъ всякаго рода домашнія работы, какъ наприм.: носить воду, ходитъ за пивомъ, ходитъ лошадей, чиспитъ конюшню. Вездѣ, гдѣ только онъ живеть, скопъ здоровъ, а домъ какъ полная чаша. И теперь еще говорятъ о служанкѣ, которая ловко и проворно работала: ей помогаетъ домовый.

Когда домовый захочетъ поселиться въ какомъ нибудь домѣ, онъ начнетъ пробо- вать хозяевъ. Ночью онъ разбрасаетъ щепы по всему дому, накидаетъ всякой гадости въ горшки съ молокомъ. Если хозяинъ не велитъ выкидать этихъ щепъ и спанетъ пить молоко, какъ оно еиъ, домовый при- ходитъ въ домъ и живеть въ немъ до самой смерти того, кто ему полюбился изъ се- мейства.

Если домовый спалъ помогаетъ служанкѣ, она должна каждый день, въ извѣстное вре-

мя и въ извѣстное мѣсто, спавишь хорошо приготовленное блюдо, а попомъ ей и не объ чемъ больше заботиться. Пусть она ложится рано, вспаеиъ поздно: все ея дѣло будетъ уже навѣрно сдѣлано. Но если она хопъ разъ забудетъ поставитъ кушанье домовому, то не только она не спанетъ все дѣлать, но съ ней на каждомъ шагу будутъ успѣвать неприятности. Она то сожжетъ себѣ пальцы, то перебьетъ шарелки, то уронитъ кушанье; ее ежеминутно будутъ бранить ея хозяева, а въ это время, въ сторонѣ, вслухъ спанетъ смѣяться злой домовый.

Говорятъ, что домовые почно, какъ ма- ленькія дѣти, что у нихъ человѣческое ли- цо и что они носятъ разноцвѣтное платье.

Говорятъ также, что у нѣкоторыхъ до- мовыхъ въ спинѣ спальная полоса, и что еиъ домовые—преспрашныя. Это зависишь отъ рода смерти, какою они умерли; по- тому, что обыкновенно домовыхъ почи- таютъ за души убитыхъ младенцевъ.

Пер. П. Смирновъ.

Москва.

Сентябрь 30.

СЛАВНО ВЕРТЕЛО.

Замѣчательнѣйшее вертело въ цѣломъ мі- рѣ еиъ, безъ сомнѣнія, вертелъ графа Ка- стель-Марія, богатѣйшаго вельможи въ Тре- визо. Это вертело въ одно время можетъ жарить 30 жаркихъ и забавлять зрителей игрою 25 музыкальныхъ пьесъ, изъ коихъ каждая служишь для повара особливимъ ука- запелемъ времени, потребнаго къ надлежа- щей спѣлости каждой домашней птицы и дичины опдѣльно. Такъ, напримѣръ, на 12-й пьесъ пора снимать съ вертела рябчика, на 18-й каплуна, фазана и п. д. Кажется, что въ этомъ вертелѣ соединены неразрывно два изящныя искусства: музыка и гастроно- мія. Распространишь далѣе области сихъ двухъ благороднѣйшихъ спрастей, еиъ дѣ- ло рѣшиительно не человѣческое.

КИТАЙСКІЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ НА ЛОНДОНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, на Лондонскомъ театрѣ Convent-Garden было представлено новое, великолѣпное, историческо-героическое зрѣлище, подъ названіемъ: *Наполеонъ Бонапарте*, капитанъ, генералъ, консуль, императоръ и изгнанникъ. Первая сцена представляетъ героя при осадѣ Тулона; вмѣстѣ съ нимъ является и *Жюно*, который пишетъ на батарее депеши и, когда лопнувшая бомба осыпаетъ его пылью, хладнокровно говоритъ: «кстапи — мнѣ только что понадобился песокъ для засыпки.» Во второй части представляется переходъ черезъ Сенъ-Бернаръ и *Бонапарте* на конѣ, въ томъ положеніи, въ какомъ изобразилъ его *Давидъ* въ прекрасной картинѣ перехода черезъ Альпы. Въ третьей части *Наполеонъ*, уже императоръ, даетъ аудіенцію Австрійскому послу во дворцѣ Шёнбрунскомъ. Сюда вставлено также покушеніе на его жизнь Нѣмецкаго студента *Штанса*. Потомъ слѣдуетъ сцена на Монпросскомъ мосту, въ коей получается извѣстіе о сдачѣ Парижа Союзнымъ войскамъ. Далѣе — достопамятное прощанье съ гвардіей въ Фонпенебло, съ картины *Вернета*. Въ шестой части сонъ *Викторіи* (Побѣды), дѣвы, слѣдующей за *Наполеономъ* во всѣхъ его походахъ; въ этомъ видѣніи развертываются одна за другою картины, сдѣланныя съ Французскихъ гравюръ и представляющія рядъ побѣдъ *Наполеоновыхъ*. Наконецъ въ седьмой и послѣдней части *Наполеонъ* ходитъ, горюетъ, хвораетъ и умираетъ на островѣ св. Елены. Нельзя описать восторга, съ какимъ было принято это представленіе. Актёръ *Вардъ*, игравшій *Наполеона*, былъ вызванъ. Въ шумъ и суматохъ не поняли желанія публики. Показалось, что пребудутъ извѣстной народной пѣсни: «God save the King,» и вопль — завѣса поднялась и актёры выпроились, какъ обыкновенно бываетъ при пѣніи этой пѣсни. Но публика требовала *Варда*, и уже, осыпавъ его шумными рукоплесканіями, дозволила пропѣть: «God save the King.» Маршаль

Бертранъ и вся *Наполеонова* свита соспавляли хоръ. Читай все это, можно сказать, что *Наполеонъ* сдержалъ свое слово: спустилъ, хотя по смерти, на землю Британскую и побѣдилъ непримиримыхъ своихъ враговъ.

Съ Нѣм. П. *Смирновъ*.

Москва.

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ

принца *Пюклеръ-Шюкау*.

Бадъ, 22 Декабря 1828 года.

Съ самаго того дня, какъ я написалъ къ тебѣ объ одномъ достопамятномъ происшествіи, то есть о томъ, что здѣсь наконецъ проглянуло солнце, — я ни разу не пользовался опраднымъ видомъ этого благодѣтельнаго свѣтила. Однакожъ, не смотря на проливные дожди и безпрестанный густой туманъ, вѣжу цѣлый день по этому чудному городу, который, бывъ сначала выстроенъ въ глубинѣ узкаго оврага, въ короткое время покрылъ собою самыя высокія вершины горъ. Великолѣпіе его дворцовъ, садовъ, террасъ, красота улицъ и площадей, образующихъ собою полумѣсяцъ, горы и утесы, его окружающіе, всё это разительное и достойно Англійскаго благосостоянія. Однакожъ, не смотря на природныя и искусственныя красоты Бадъ, онъ нынче вышелъ изъ моды, и большой свѣтъ Лондона предпочитаетъ ему скучный, незначущій и прозаическій *Брайтонъ*; но не думай, чтобы большыя перестали пить Бадскія воды, или, чтобы онъ замолкъ и опустѣлъ; нѣтъ, 40,000 жителей даютъ ему довольно еще движеній и жизни, и ты только не встрѣпишь здѣсь модныхъ щеголихъ и данди. Такъ называемый *Бадскій король*, который съ такою славою и блескомъ опправлялъ свою должность, нынче не значить ничего, и тотъ, кто теперь занимаетъ это мѣсто, вмѣсто того, чтобы, по примѣру своего предшественника, ѣздить въ каретѣ шестеркою, съ кучею лакеевъ — скромнехонько ходитъ по городу пѣшкомъ, и вѣрно не выгналъ бы съ балу герцогиню

Кинбури, за то, что воспую ея не довольно согласовался съ классическою формою.

Древняя церковь аббатствъ, произвела во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Когда я вошелъ въ нее, она была ярко освѣщена, и опъшого внутрення ея украшенія казались еще великолѣднѣе. Я ужъ нѣсколько разъ говорилъ себѣ, что всѣ древнія Англійскія церкви вообще теряютъ опъшого, что въ нихъ спавятъ гробницы въ новѣйшемъ вкусѣ. Но здѣсь ихъ сполько и онѣ разставлены съ такою оригинальною симетріею, что прошивуположность, которую представляютъ онѣ съ древнею простотою и слѣдовательно благородною архитектурою храма, производитъ самое новое и живописное дѣйствіе. Вообрази прекрасную, высокую готическую церковь, съ самыми спрогими пропорціями, освѣщенную тысячами свѣчъ и раздѣленную на двѣ части пурпуровымъ занавѣсомъ! Та половина, гдѣ я находился, была совершенно пуста и во всемъ пространствѣ ея не было ни одного стула, ни одной скамейки и ни одного жерпвенника. Полъ весь соспавленъ изъ мраморныхъ надгробныхъ плитъ, испещренныхъ надписями, по спѣнамъ, до нѣкоторой вышины, гдѣ пропнута горизонтальная линия, разставлены бюсты, статуи, мраморныя доски; однимъ словомъ, памятники всѣхъ родовъ—изъ порфира, гранита, мрамора чернаго или голубаго, что придаетъ храму видъ какого-то музеума, въ которомъ богатый любитель древностей собралъ несчетныя сокровища. Надъ памятниками, подъ горизонтальною линіею, плавалъ яркій свѣтъ, но копорый, возвышаясь, постепенно ослабѣвалъ, пакъ что округленные верхи оконъ оспавались во мракъ. Я былъ шупъ одинъ съ провожатымъ моимъ; за пурпуровою занавѣсью блиспало ослѣпительное сіяніе и раздавались тихіе гимны молящихся, которые неслись отшуда, какъ изъ глубины какого нибудь отдаленнаго и невидимаго свѣтлица.

Многіе примѣчательные люди похоронены въ этомъ храмѣ; между прочимъ извѣстный оспрякъ *Квинъ*; *Гаррикъ* велѣлъ снятъ съ него мраморный бюстъ и украсилъ его

надписью своего сочиненія. На бюстѣ *Валлера* недоспаетъ носа, копорый, говорящъ, *Таконъ II* сбилъ саблею въ сильномъ припадкѣ ханжества, когда онъ послѣ коронаціи своей посѣпилъ эпу церковь.

T.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

106.

Стыдно хвалить самому себя.

Пишутъ изъ Берлина, что оспроумный *Менцель* извипельно осмѣялъ посредственнаго писателя барона *В****, за то, что онъ участвуя въ шестнадцатомъ, исправленномъ и дополненномъ *Conversations Lexikonъ* (поже, что нашъ *Энциклопедическій*, издаваемый *А. А. Плюшаромъ*), вспавдѣ въ него свое ничтожное имя, подѣ именемъ лицерапоровъ знаменитыхъ, и осыпалъ самъ себя похвалами, копорыя самъ восписалъ себѣ.

У насъ ни одинъ писатель на такое самохвальство не опважился. Его бы забрали честные, скромные журналисты, и осыпали бы презрѣніемъ благородномыслящіе, чувствительные къ истинной чести чипапели.

Сколько нравы Русскаго народа чище нравовъ Французскаго: сполько же и литераторы Русскіе смиренномудрѣ Парижскихъ писателей юной словесности.

А. Кораблинскій.

19 Ноября

1836.

С. П. бургъ.

НОВАЯ КНИГА.

Разказы о походахъ 1812-го и 1813-го годовъ прапорища Санктпетербурскаго ополченія Зоптова, С. П. Б. 1836.

Все, что разказывается о незабвенномъ 1812-мъ годѣ—слушается съ жадностью; все, что печатается о великихъ, свѣозарныхъ его событіяхъ—читается съ жадностью. И холодная, но въ стратегическомъ смыслѣ

умная Исторія впорженія въ Россію Французовъ, генераль-маіора *Бутурлина*, и пламенные письма Русскаго офицера, полковника *Ө. Н. Глинки*, и записки Артиллериста, и разсужденія о войнѣ 1812 года полковника *Чуйкевича*, и дѣльныя крипическія замѣчанія на тогдашнія военныя дѣйствія полковника *Окунева*. Совсѣмъ свѣжія, только что изъ подъ типографическаго станка, *Разказы о походахъ 1812-го и 1813-го годовъ прапорицка Санктпетербургскаго ополченія Зотова*, можно прочесть въ часъ досуга съ наслажденіемъ. *Записки перваго ратника Московскаго ополченія, Сергѣя Николаевича Глинки* печатаются—и навѣрное будутъ на подхватъ раскуплены. «Разказъ самаго незначительнаго соповарища великихъ дѣйствователей того времени,» говоритъ г. *Зотовъ*: «конечно не можетъ быть занимательнымъ, ни въ историческомъ, ни въ военномъ, ни даже въ либературномъ отношеніи; но для наблюдателя онъ можетъ служить изображеніемъ великаго духа той эпохи, одушевлявшаго Россію во всѣхъ концахъ, во всѣхъ словіяхъ; и для успарѣвшаго соучастника въ ратномъ дѣлѣ, эпопей разказъ освѣжитъ и омолодитъ все бывое, все славное, все молодецкое. И если молодой усъ расцвѣтающаго воина поднимается съ сожалительною улыбкою при заглавныхъ словахъ: *прапорицкъ и ополченіе, посѣдній вечеранъ вѣрно съ искреннимъ удовольствіемъ прочтетъ нѣсколько страницъ, напоминающихъ ему знаменитыя имена Клястицъ, Полоцка и Березины.*»

Весьма жаль, что эта занимательная для каждаго Россіянина, и въ особенности для любителей легкаго чтенія, книга, испещрена опечатками; жаль, что авторъ ея черезчуръ много разсказываетъ о своихъ волокипствахъ. Приволокнувшись за блѣкурою *Анхенъ*, за румяною *Минхенъ*, за голубокою, спройною *Шарлотхенъ* не мѣшаетъ надосугъ молодому офицеру: былъ молодцу не покорь! Но наполнивъ разказами о ничтожныхъ связяхъ своихъ съ ничтожными дѣвчонками половину книги, освятенную именами 1812-го и 1813-го годовъ: и грѣшно, и не кспати. Авторъ же нашъ очень милый сказочникъ о тогдаш-

ней изспуленной любви къ Опечеству нашихъ соопечественниковъ. — Напримѣръ, онъ разсказываетъ, что въ театрѣ, во время представленія драмы *Любовь къ отечеству*, когда всѣ актёры приносятъ свое имущество на жертву отчизнѣ,—одинъ изъ зрителей до того забылся, что бросилъ на сцену свой бумажникъ, закричавъ: «возьмите, вотъ и мои послднія денги!»

Полна жизни у него картина ужасной ночи, проведенной на пуховикѣ грязи, подъ одѣяломъ осенней ночи, при сладкомъ шумѣ проливнаго дождя, послѣ роскошнаго ужина изъ черствыхъ сухарей и вонючей болопной воды.

Живо и съ огнемъ описаніе перваго сраженія, въ которомъ нашъ авторъ участвовалъ; прочтёмъ его!

«Обозы наши оспались въ Краснополѣ—и мы, вмѣсто обѣда и ужина, закусили черствыми черными сухариками, которые были у солдатъ въ ранцахъ, размачивая ихъ въ озерной водицѣ;» пишетъ г. *Зотовъ*. «Въ довольно грустномъ расположеніи духа, улеглись мы на ночь въ шалашъ, наваливъ на него сверху какъ можно больше вѣшвей съ листьями, чтобы дождь не пропекалъ—и сдѣлавъ внупри шалаша почю такую же подспилку; а какъ природа всегда свое возьметъ, то, повздыхавъ нѣсколько минутъ, заснули и мы. Новая неприятность разбудила насъ часа за два до разсвѣта. Дождь, не переставалъ липъ во все время и образовалъ изъ всего пространства нашихъ бивакъ—озеро,—и вода, подмыла наши шалаши и подспилку. Это было самое тягоспное ощущеніе. Бокъ, на которомъ кто лежалъ свернувшись, очутился въ водѣ и промокъ до пѣла. Лихорадочная дрожь прогнала сонъ,—и помочъ было не чѣмъ. Глубокая пишина окружала лагерь; ни погрѣться, ни обсушиться, ни даже выпши походить и согрѣться ходьбою—невозможно, потому что сверху дождь, а снизу вода до полколѣна. Остапокъ эпоей ночи былъ самый тяжелый изо всего похода. (Въ 1813-мъ году, когда весною шли по Пруссіи, то опъ разлитія рѣкъ по низменнымъ мѣстамъ былъ

одинъ переходъ, что вся колонна шла въ водѣ по колено болѣе мила, — но тогда все это время солдаты и офицеры не переставали смѣяться и шутить. Всѣ знали, что ввечеру и согрѣются, и обсушатся, и плотно поужинаютъ). На разсвѣтъ барабану некого было будить: всѣ давно уже не спали; не нужно было мыться: всѣ были вымыты съ ногъ до головы; бесполезно было думать о завтракѣ: есть было нечего! — Какъ милости Божіей ждали всѣ впоорога барабаннаго боя, чтобъ собираться въ походъ, — но на этотъ разъ и барабанъ намъ измѣнилъ; — ожиданіе было тщетно! Изъ главной квартиры прислано было приказаніе: оставаться на мѣстѣ впредь до распоряженія. Это былъ послѣдній ударъ.

Черезъ часъ судьба улыбнулась мнѣ. Я былъ посланъ въ аррьергардный пикетъ. Это было на большой дорогѣ, гдѣ вмѣсто воды была только грязь — и гдѣ слѣдственно можно было поразгуляться. Помня свою пикетную неудачу въ Краснополѣ, я попребавалъ инспрукціи, — и мнѣ сказали, чтобъ никого безъ спрогаго допроса не пропускать по дорогѣ, донося попчасъ же по командѣ. Съ облегченнымъ сердцемъ опъ ночныхъ спраданій, опсправился я на свой постъ и очень важно началъ уминать грязь по дорогѣ, спуская опспреемъ шпаги воду изъ лужъ въ канаву. Въ этомъ смиренномъ занятіи, коброе меня развлекло и разсѣяло печаль, прошло нѣсколько часовъ. Наспустилъ часъ обѣда — и солдаты принялись дождать послѣдніе опспанки взяпаго ими запаса сухарей. Я раздѣлил ихъ скромную прапезу, — а для сваренія въ желудкѣ, принялся попомъ ушашивать свою дорожку. Не знаю опъ чего, — только этотъ день былъ самымъ должайшимъ въ моей жизни. Поминупно поглядывалъ я на своего серебрянаго *Вальтера*, — спрълки не подвигались впередъ. Вдругъ, около сумерекъ, увидѣлъ я скачущихъ по дорогѣ всадниковъ — и разумѣется опспановилъ ихъ. Это былъ Русскій офицеръ въ сопровожденіи двухъ казаковъ. Онъ былъ очень недоволенъ, и опспановкою, и моими распросами. Вмѣсто того, чтобъ опспвчать мнѣ, онъ самъ спалъ меня рас-

прашивая, кто мнѣ приказалъ опспанавдывать въ аррьергардъ и п. п. — Покуда продолжались наши разговоры, явился и дежурный по цѣпи, который повпорилъ прѣхавшему мои же вопросы. Видя, что опъ насъ даромъ не опдѣлается, онъ объявилъ, что ѣдетъ опъ графа *Витгенштейна* къ генералу, командующему нашею колонною, съ приказаніемъ немедленно выступить — и объявить солдатамъ, чтобъ они готовились завтра къ сраженію. Какъ сумасшедшіе, бросились мы обнимать офицера и казаковъ, — и попчасъ же пропустили, не давши никому знать. Оспавя свой пикетъ, бросился я къ своей дружинѣ, и съ неопписуемымъ восторгомъ объявлялъ всѣмъ слышанную радость. Всѣ опспрепенулись. И дождь, и голодъ, и вода, и безсонница: — все было забыто въ одну минушу. Всѣ поздравляли другъ друга; всѣ засушались, — и прѣжде чѣмъ пришло приказаніе опъ генерала готовиться въ походъ, весь лагерь по моей милости споялъ ужъ подъ ружьемъ. Могло бы мнѣ, правда, и за это достаться, — но въ это время всѣ забыли о подобныхъ упущеніяхъ.

Наконецъ, мы вышли изъ этаго адскаго мѣста, и, съ насупленіемъ темноты, спустились въ пущь. Не вѣдно было ни пѣшь, ни шумѣшь, ни громко говорить, — но мы шопотомъ изъявляли другъ другу свою радость — и, не смотря на грязь и темноту, въ при часа съѣли 15 версптъ. Издали еще видно намъ было на небѣ какое-то зарево — и мы все ближе и ближе къ нему подходили. Наконецъ, въ 9 часовъ вечера, пришли мы къ селу Юревичамъ, гдѣ, на обширнѣйшей равнинѣ, расположенъ былъ на бивакахъ корпусъ генерала *Берга*, соспавлявшій 1-ю линію войскъ графа *Витгенштейна*. — Сколько разъ мы уже сами спояли на бивакахъ и грѣлись у горящихъ коспровъ безъ малѣйшаго вниманія на карпину, нами предспавляемую. Тупъ же величественный видъ этаго благоуспроеннаго корпуса, эта неопозримаая равнина, усѣенная пылающими коспрами, это великольпное зарево, борющееся съ темнотой Оклпбрской ночи, эта многочисленная арпиллерія и кавалерія, этотъ гулъ, шумъ, говоръ, движеніе, жизнь:

все поразило насъ, все объяло наши сердца какимъ-то новымъ чувствомъ, въ которомъ мы сами себѣ не могли опдаться опчета.— Насъ попчасть же размѣспили по шѣмъ полчамъ, съ копорыми мы на другой день должны были дѣйствовать въ сраженіи; армейскіе оберъ-офицеры приняли насъ радушно. Видь, рѣчи, приемы ихъ, рассказы о прошедшихъ битвахъ, оспропы, анекдоты, все было для насъ ново. Съ робоспію и неловкоспію новичковъ обходились мы съ ними и опвѣчали на ихъ распросы. Впрочемъ, все это продолжалось не долго. Всѣ должны были заняться пригопovenіями къ битвѣ. Солдаты спали чистили ружья и аммуницію, — а мы посушась у костровъ, свернулись на голой землѣ, кпо гдѣ пришелся, и сладко уснули. Предстоящее сраженіе всякому изъ насъ мечталось во снѣ, — но для многихъ это былъ послѣдній сонъ въ жизни.

Съ разсвѣтомъ (6-го Окпября) проснулись мы. Упро было пасмурное, — но безъ дожда. Съ молчаливымъ благоговѣніемъ спановились всѣ въ колонны и по командѣ выступали по назначенію. Наша дружина была послѣдняя. Ей было назначено съ Воронежскимъ полкомъ иппи опъ Юрьевичъ влѣво лѣсомъ и прикрывать 24 орудія. Едва выступили передовыя колонны по большой дорогѣ, какъ начались выстрѣлы. Это уже было начало кровопролитнаго дня. Передовые посты непріятельскіе, не ожидая столь сильнаго нападенія, были смяты и быстро отступали, отспрѣливаясь. Покуда мы шли по равнинѣ, мимо насъ поминушно проносились кавалерійскіе опряды, и свои, и непріятельскіе. Это была рекогносцировка, которую наша кавалерія опражала, и мы на все это смотрѣли съ любопытствомъ, не принимая никакого участія, и не воображая даже, что около насъ происходитъ уже начало сраженія. Вскорѣ вступили мы въ лѣсъ. Грязь была по колѣни; дорога ужасная, едва проходима; лошади не въ сосполній были везпи орудій — и мы, разумѣется сами, принялись тащить ихъ. Эта проселочная дорога была не болѣе 8 верспъ до равнины, на которой лежитъ Полоцкъ и на которую мы должны были двинуться съ

нашими орудіями, — но мы цѣлые четыре часа бились съ ними по грязи и по кочкамъ, покуда вывели ихъ къ опушкѣ лѣса. Всѣ это время слышали мы издали сильнѣйшую канонаду — и сердце разрывалось опъ неперпнїя. Мы воображали, что городъ возьмутъ безъ насъ и что мы уже опоздаемъ. — Въ одномъ перелѣскѣ нашли мы полко что оспавленные Французскіе биваки и оспановились шупъ опдыхать. Въ первый разъ еще удалось намъ видѣть землянки, опдѣланныя для долговременнаго военного жительства: рамы, двери и даже камельки, сполы, спулья, диваны, зеркала. — Все это было набрано Французами въ разоренныхъ ими помѣспяхъ, и по рашѣпу ихъ вѣрно назначено было на зимовку. Вышла небольшая ошибка. Съ упра 6-го Окпября они уже больше не видали эспихъ роскошныхъ жилищъ.

Около 12-ти часовъ явились мы наконецъ у опушки лѣса и, сдавши наши орудія, прилегли въ кустахъ для опдыха. Тупъ въ первый разъ въ жизни увидѣлъ я ужасное дѣйствіе ядра. Члѣ-то нещасная лошадь лежала не вдалькѣ — и обѣ переднія ноги ея были опорваны. Нельзя было безъ величайшей жалоспи смотрѣть на это бѣдное животное, которое съ какимъ-то равнодушїемъ лизало пекущую изъ ранъ кровь. — Недолго дали намъ опдохнуть. Воронежскій полкъ, соспавлявшій нашу первую линію, двинулся впередъ, а мы все еще оспались на время въ резервъ. — Замѣтя нашу новопоявившуюся изъ лѣса колонну, непріятель направилъ на неѣ нѣсколько орудій съ кирпичныхъ бапарей (онъ превратилъ кирпичный заводъ въ сильное полевое укрѣпленіе, употребил кирпичи на сдѣланіе шанцевъ и бруспверовъ). Вдругъ одно ядро прожуждало надъ нашими головами и позади колонны врылось въ землю. — Всѣ мы, какъ будто опъ волшебнаго жезла, присѣли. Какое-то непонянное чувство спѣспимо грудь. Лихорадочная дрожь пробѣжала по жиламъ. Всѣ съ недоувѣрчивоспью взглянули другъ на друга, — и, внутренно спыдясь своей слабоспи, каждый хотѣлъ ободрить другаго. Вдругъ еще другое ядро — и то же движеніе. Полковникъ съ сердцемъ спалъ увѣщевать насъ, что эспи

поклоны и неприличны, и бесполезны. — Не помню при какомъ ядрѣ мы его послушались, — но всякое однако производило въ сердцахъ нашихъ очень непріятное чувство. До сихъ поръ все это еще была игрушка, — вдругъ одно ядро попало въ ряды и вырвало двухъ солдатъ. Эта минута, это впечатлѣніе были самыя тягостныя. — Намъ не дали впрочемъ времени обдумать психологически нашего положенія. Прискакавшій чей-то адъютантъ приказалъ полковнику двинуться впередъ — на подкрѣпленіе Воронежскому полку, на который непріятель сильно напиралъ. Не знаю для чего, развернулъ онъ всю нашу колонну и колеблющеюся линіею повелъ насъ противъ непріятели. Эта первая попытка была очень неудачна: мы не далеко ушли. Не успѣли мы пройти и ша сажень, какъ при багарей, Богъ въспъ откуда, начали насъ привѣспивовать, съ разныхъ сторонъ, и ядрами и картечью. Минутъ пять шли мы еще впередъ, съ какою-то опьянѣлостію и безчувственностію, вдругъ, какъ и опъ чего не знаю; только весь фронтъ не выдержалъ, дрогнулъ и бросился назадъ. Не прежде какъ у опушки лѣса остановились всѣ — и съ недоумѣніемъ спали посмапривать другъ на друга. Этомъ первый подвигъ не деспень былъ ни для кого. Полковникъ бѣсился, ругался, билъ солдатъ своею саблею и командовалъ: спой, равняйся! — Кое-какъ образумились всѣ. Чувство спыда возвратило къ долгу. Всѣ наперерывъ стали ободрять солдатъ — и снова весь фронтъ двинулся впередъ уже ровно и рѣшипельно. Снова приндлись насъ осыпать съ багарей, — но на этомъ разъ сердца скрѣпились — и вся дружина медленно подвигалась впередъ. Тутъ вѣво опъ себя увидѣли мы пихо и спройно опспунающихъ Воронежцевъ — и догадались, что мы передъ этимъ то же опспунали; но уже слишкомъ быстро. Пропустя мимо себя свою первую линію, мы замѣпили вдали подвигающихся впередъ непріятели, остановились и начали переспрѣлку. Съ четверть часа продолжалась она, и тутъ я въ первый разъ услышалъ музыку *Карла XII*. Свистъ пуль окодо ушей не произво-

дилъ уже большаго впечатлѣнія, — но за то дѣйствія ихъ были очень замѣпны. Поминупно солдаты и офицеры выбывали изъ фронта и иные на мѣспъ ложились. — Между пѣтмъ непріятели, во время самой переспрѣлки, все болѣе и болѣе къ намъ приближался, — потому что наша спрѣлка, какъ кажется, не очень была для него убійственна. Вдругъ полковникъ скомапдовалъ: прекрапите палбу! Офицеры за фронтъ! на руку! скорымъ шагомъ, маршь, маршь! ура! — Это наконецъ было по Русски; наконецъ мы очутились въ своей сферѣ. Грозная и веселая минута! — Быстро зашагали мы на встрѣчу непріятели — и вмѣсто скорога шага, — бѣжали ужъ бѣгомъ. Непріятельскій фронтъ не устоялъ, дрогнулъ и, не дождавшись насъ, пустился со всѣхъ ногъ опспупать, почно также, какъ недавно мы опспупили. На минушу остановилъ насъ полковникъ, выровнялъ, приказалъ не бѣжать, а ийти какъ можно ровнѣе, — и, не видя предъ собою непріятели, который укрылся въ кирпичные шанцы, рѣшилъ шпурбовать ихъ. — Веселая наша побѣда намъ очень понравилась, — мы забыли и ядра и пули, и первый спрахъ; разговорились между собою, расшупились и съ дружнымъ крикомъ — ура! пошли на кирпичные шанцы, изъ за которыхъ насъ порядочно осыпали. Помню, что въ это время подлѣ меня одинъ славный урядникъ, заряжая на ходьбѣ ружье, (какъ говорилъ онъ: на всякій случай) пораженъ былъ пулею прямо въ лобъ между бровей, въ ту минушу, какъ опкусывалъ свой папронъ, чтообъ сыпать на полку, — и упалъ навзничъ, держа еще въ губахъ недокусанный папронъ. Что-жь? я первый, который такъ недавно почти до слезъ былъ пронупъ спраданіемъ умирающей лошади, я расхохотался надъ порчащимъ во рпу папрономъ, — и всѣ бѣвшіе вокругъ меня солдаты и офицеры раздѣляли мой смѣхъ. Спранная человѣческая напура! какъ скоро, какъ легко приучается она къ спраху и спраданіямъ. — Скоро дошли мы и до кирпичныхъ шанцовъ. Тутъ то воображали мы будетъ рѣзня и кровопролитіе! — Ожиданіе наше вовсе не сбилось. Шанцы достались

намъ очень дешево. Прежде, чѣмъ мы дошли до нихъ, добрая наша артиллерія, которую мы недавно съ такимъ усердіемъ на себѣ по грязи тащили, дружески опланила намъ за этою прудъ. Съ перваго своего появленія обратила она огонь свой на эти бапарей и шанцы, и такъ хорошо дѣйствовала, что когда мы явились, — ни орудій, ни солдатъ уже тушь не было. Видны только были одни ошашки ужаснаго дѣйствія нашей артиллеріи. — Въ самомъ дѣлѣ это была прескверная мысль со стороны непріятеля: устроили брустверы изъ кирпичей. — Временною защитою отъ напора пѣхоты — могли они еще служить, — но при первомъ усиленномъ дѣйствіи артиллеріи — эти же самые кирпичи, раздробляемые 12 фунтовыми ядрами, разлетались въ дребезги и убивали собственныхъ своихъ солдатъ. Дознавательство этаго видѣли мы, вснувъ въ оставленные шанцы; груды непріятельскихъ пруповъ лежали по всему пространству бывшаго завода, — и мы очень были увѣрены, что въ смерти всѣхъ этихъ убитыхъ мы совершенно были виновны. — Какъ бы по нибыло, но мы взяли эти шанцы и очень были довольны своимъ подвигомъ. Здѣсь мы отдохнули съ $\frac{1}{2}$ часа. — Кажется, полковникъ, не имѣя дальнѣйшей инструкціи, самъ не зналъ: что ему дѣлать? — Густъ спали мы очень спокойно осматривать поле сраженія, и оно предстало намъ во всемъ великолѣпіи.

День былъ ясный, свѣтлый. Густыя облака пороховаго дыма величественно носились надъ сражающимися. Поминутно слышны были отголоски Русскаго: ура! Массы кавалеріи носились по обширной равнинѣ взадъ и впередъ. Вправо отъ насъ былъ какой-то загородный костель, превращенный поже въ сильнѣйшую крѣпость, вооруженную на всѣ стороны многочисленною артиллеріею. Влѣво довольно большое озеро, — а за нимъ необозримое поле. Впереди насъ городъ Полоцкъ: цѣль нашихъ прудовъ и крови. Передъ нимъ мелкая рѣчка Полоца, текущая въ глубокомъ и крупномъ оврагѣ, черезъ который было только два моста: по Себежской дорогѣ и со стороны Витебска. Нѣсколько времени любовались мы этою

великолѣпною карпиною, не понимая впрочемъ какія массы около насъ двигаются? куда и для чего онѣ направлены? и на чьей сторонѣ успѣхъ сраженія? Наконецъ увидѣли мы съ нашей стороны близко къ намъ идущую колонну. Мы вышли изъ шанцовъ. Это была 6-я дружина, идущая испытать первый непріятельскій огонь. — Къ чести ея должно сказать, что хопя какое-то недоумѣніе и робость видны были на лицахъ всѣхъ воиновъ и офицеровъ, но они мужественно шли впередъ и не собирались опустошиться по нашему. Но въ эту минуту мы ужъ забыли свою первоученку, а видѣли въ себѣ побѣдителей Баварской колонны, бѣжавшей отъ нашихъ штыковъ, и завоевателей кирпичныхъ шанцовъ. А потому-то мы и ободряли мимоидущихъ, и надъ иными (виноваты!) даже подсмѣивались. Особливо одинъ офицеръ, изъ Нѣмцевъ, очень былъ забавенъ. Идя на правомъ флангѣ своего взвода, онъ, слыша свистанія около него пули, отмахивалъ ихъ всякой разъ рукою, а при грохотѣ ядра присѣдалъ почти до земли. — Давно ли еще и сами мы поже дѣлали, а теперь всё это казалось намъ очень забавно!

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

Въ No 96-мъ, помѣщенная шарада значить: *Направленіе.*

M O D E S.

Pour avoir une juste idée du luxe que nous aurons cet hiver et des riches étofes qui se porteront, il faut aller visiter les belles galeries *Sainte-Anne*, — là où le nom de M. *Delisle* a laissé toute sa magie. Il nous serait difficile de donner une notice bien détaillée de tous les articles de nouveautés qui s'y trouvent, car l'affluence des objets est considérable et ne peut être comparée qu'à celle des acheteurs de tous les pays qu'on y rencontre. C'est surtout de deux heures à cinq, que nous qui, *par état*, recherchons les lieux où se montrent réunies les femmes les plus à la mode, nous aimons à nous trouver aux galeries *Sainte-Anne*. C'est un coup d'œil charmant que toutes ces jeunes et jolies femmes si bien parées, de tournure si élégante, se pressant à l'envi, et ne sachant auxquelles des séduisantes choses qu'on leur présente donner la préférence. Nous citerons ici quelques-unes des étofes qui nous

ont le plus frappé en essayant de traduire l'effet qu'elles nous ont produit. Pour toilettes habillées de soirées: *satin Pharamond*, le fond en est un peu plus foncé que la couleur paille, les dessins à larges colonnes sont brochés blanc et brun. C'est de l'effet le plus riche; on le trouve dans toutes les nuances. *Satin Esmeralda*, le fond de nuance foncée, dessins hiéroglyphiques. *Satin ménestrel*, *satin Salomon*, *satin Duguesclin*, *satin Danaé*, *satin d'Aboukir*, *satin Casanova*, *satin Périchole*, *satin Bananier*: ces satins, dont l'épaisseur est étonnante pour des satins brochés, réunissent, par l'art avec lequel les couleurs sont nuancées et la gracieuse disposition des dessins, toute la beauté des étoffes anciennes et le charme des nouvelles. Pour robes ouvertes devant et laissant voir la jupe de dessous, c'est ce qu'on peut trouver de mieux. Pour robes de grands dîners, ce qui se porte le plus, ce sont les veloutés et les reps. Nous citerons comme les plus jolis, le velours Léocadie, velours Algibeck, velouté Carlina, velours Huguenots, velours d'Isbahan, velours indostan, velours péruvien. Il est à observer que tous les dessins de ces velours ouvragés sont des rayures, plus ou moins rapprochées, et que les effets de couleur en sont remarquablement bien assortis. Le fonds *bois* sont en majorité dans les nuances foncées, reps Danaé, reps Asmodée, reps Pharamond, reps Gaulois, reps Epinglé, reps Castillan, reps Irlandais; excepté le reps Pharamond, ces étoffes sont à petites côtes et à petits dessins. Reps Isaure, citron broché de blanc, il y en a de toutes nuances. Pour remplacer les gros de Naples, pou de soie, qui se portent beaucoup moins pour robe de promenade, on a le chatoyant natté et cordelé, chatoyant melgorien, chatoyant chevalière.

Pl. No 32. Robe en levantine, tablier pou de soie brodé.—Bonnet orné de fleurs.—Costumes d'Enfans: robe de perkale brodée.—Pantalón, rédingotte en velours garnie d'olives des ateliers.

М О Д Ы.

Чтобъ имѣть насполющее понятіе о роскоши наступающей зимы и о дорогихъ тканяхъ, которыя будутъ носить, надо ѣхать въ прекрасныя галереи *Sainte-Anne*, туда, гдѣ имя Деллиа оставило все свое очарованіе. Трудно бы было дать подробное описаніе всѣхъ новосшей, тамъ находящихся, потому что разнообразіе предметовъ можетъ только сравниться съ покупателемъ всѣхъ спранъ свѣта, тамъ вострѣчаемыхъ.

Особливо съ двухъ часовъ до пяти, что мы, по нашему званію, изыскиваемъ тѣ мѣста, гдѣ собираются самыя модныя дамы, мы любимъ быть въ магазинахъ *Sainte-Anne*. Ни съ чѣмъ не можешь сравниться взглядъ на всѣхъ эпихъ молодыхъ, пригожихъ, съ ловкою осанкою нарядныхъ дамъ, которыя спараются, и не знаютъ чему отдашь преимущество изъ всего имъ подаваемого. Мы назовемъ здѣсь нѣкоторыя матеріи, начъ поразившія, и попробуемъ изъяснить впечатлѣніе, на насъ ими сдѣланное: апласъ *Pharamond*, груншь пошемяе немного соломеннаго, узоры широкими столбами, зашканы темнымъ съ бѣлымъ шелкомъ. Это дѣлаешь великолѣпный видъ; онъ есть всякихъ цвѣтовъ. Апласъ *Esmeralda*, груншь темнаго цвѣта, узоры іероглифическіе; апласъ *ménestrel*, апласъ *Salomon*, апласъ *Duguesclin*, апласъ *Danaé*, апласъ *d'Aboukir*, апласъ *Casanova* апласъ *Périchole*, апласъ *Bananier*: всѣ эти апласы удивительно плотные для зашканныхъ, присоединяютъ къ искусству, съ какимъ расположены тѣни, ловкое расположеніе узоровъ, всю красоту старинныхъ матерій къ прелести новыхъ. Для открытыхъ платьевъ, въ которыхъ видна спереди нижняя юбка, ничего не можетъ быть лучше. На платьевъ для большихъ объѣдовъ всего употребительнѣе *veloutes* и репы. Мы назовемъ, какъ самыя красивыя, бархатъ *Léocadie*, бархатъ *Algibeck*, *veloute Carlina*, бархаты *Huguenots*, *d'Isbahan*, *indostan*, *péruvien*. Надо замѣтить, что узоры эпихъ выдѣланныхъ бархатовъ всѣ полосками, болѣе или менѣе сближенными, и что видъ, производимый красками, удивительно хорошо подобранъ. Для темныхъ груншовъ употребляются по большей части деревянные цвѣта, репы: *Danaé*, *Asmodée*, *Pharamond*, *Gaulois*, *булавчатой*, *Castillan*, *Irlandais*; исключая репы *Pharamond*, эти матеріи мелкими рубчиками и мелкими узорами. Репъ *Isaure*, лимоннаго цвѣта, зашканъ бѣлымъ; есть всякихъ цвѣтовъ. Въспогроденапля *pou-de-soie*, которыя менѣе въ употребленіи на платьевъ для прогулокъ, есть *chatoyant* плетеный и вишой, *chatoyant melgorien*, *chatoyant chevalière*.

Карп. No 32. Левантинское платье. — Передникъ изъ роч de soie вышитаго.—Чепчикъ съ цвѣтами. — Дѣтскіе жеспюмы: черкалевое шитое платье.—Панталоны и редигопъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 99 и 100.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. Петербургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 9 ДНЯ 1856 ГОДА.

Какое сходство Кляшъ съ календаремъ имѣеть?
Онъ лжеть, и не краснѣеть.

П. Сумароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВЫ НАСЪ ЗАБЫЛИ!

«*Вы насъ забыли!*» говоритъ въ полголоса молодая дама другу дома.— «Другой день васъ не видно!... Не больны ли вы? что у васъ такая блѣдность?» Вопль истинное участіе! Слова эти можно бы объяснить, но они довольно и безъ того ясны.

«*Вы насъ забыли!*» замѣчаетъ профессоръ студенту, который не посѣщалъ два мѣсяца его лекцій. Тутъ *вы насъ забыли* значитъ: *ты льгтай!*

«*Вы насъ забыли!*» восклицаетъ должникъ своему заимодавцу, встрѣчая его нечаянно на улицѣ. Эти слова переводятся такъ: чтобъ мы провалился сквозь землю, проклятый!

«*Вы насъ забыли!*» на языкѣ у секретарей, спрядчихъ и многихъ другихъ подобныхъ людей ни болѣе, ни менѣе: дай—или швое дѣло проиграно!

«*Вы насъ забыли!*» папилька и мамилька давно инпересовались узнать объ вашемъ здорьевѣ...» Эти слова въ устахъ дѣвушки—

признаніе. Вы щаспливы, если ихъ слышите. Побѣда ваша.

«*Вы насъ забыли,*» говоритъ богачъ пришедшему передъ самымъ обѣдомъ гостю бѣдняку; этимъ щаспливецъ выражаетъ радость свою, что будетъ имѣть компаніона. Богачъ часто не имѣетъ аппетита; бѣднякъ черезъ чуръ имѣетъ его, а это раздражаетъ аппетитъ и въ другомъ.

Вы не въ правѣ, г-нъ журналистъ, сказать мнѣ: *вы насъ забыли!*— Эта спатейка написана для вашего журнала; слѣдовательно:

Васъ не забыли!...

А. А.

С. Сосновка.

ДВОЙНОЙ ТРАУРЪ.

«Ахъ, какъ жарко!» сказала пожилой чело-вѣкъ встрѣтившемуся съ нимъ пріятелю.— За чѣмъ же надѣли вы два фрака, и припомъ черные?— «О! я имѣю на это особую причину: прешьяго дня умерла у меня невѣстка, а сегодня лвшися я брама; такъ и долженъ носить двойной трауръ!»

РЫБА ПОХИТИТЕЛЬНИЦА ЛЮБОВНЫХЪ ПИСЕМЪ.

Въ Лондонѣ одинъ поварь, служащій въ гостиницѣ Золотого Льва, попросилъ рыбу, нашелъ въ ней шелковый ридикюль зеленаго цвѣта, а въ немъ локонъ волосъ, два зуба изъ бѣлаго воска и дюжины при самыхъ нѣжныхъ любовныхъ писемъ.

ДОЛГЪ ПЛАТЕЖЕМЪ КРАСЕНЪ.

Д.... извѣстный спрятчій въ Колмарѣ, оіпкавалъ въ духовномъ завѣщаніи 100,000 франковъ дому сумасшедшихъ въ Спрасбургѣ, при слѣдующихъ словахъ: «отъ сумасшедшихъ я ихъ nahmъ и сумасшедшимъ же возвращаю.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

Г Е Н У Э З С К А Я Н О Ч Ъ.

(*Повѣсть.*)

Чтобы наслаждаться жизнью во всей полнотѣ ея, надобно какъ можно долге сохранять молодость сердца и не искать разочарованія.—По крайней мѣрѣ я не изъ тѣхъ гордыхъ, оспылыхъ душою педантовъ, которые, въ высокоуміи своемъ, разбираютъ каждое чувство, и никакому влеченію его не предаются просто и безотчетливо. Онѣмъ! благодаря Бога, я еще не умеръ заживо для всего прекраснаго на землѣ, и не хочу потерять ни одной мечты своей.—Всѣ ощущенія мои свѣжи, какъ у младенца, впечатлѣнія сильны, какъ у женщины; я ищу ихъ вездѣ, разбиваю спранныческій шаперъ мой повсюду, и живу на границѣ мечтательнаго и положительнаго міра пою двойною, всегда цвѣтущею жизнью, которая есть для меня неизчерпаемый источникъ поэзіи. Всѣ занимаетъ меня, всѣ радуешь, всѣ восхищаетъ или возбуждаетъ мое участіе — и я желаю бы видѣть въ васъ одно расположеніе духа со мною.

Вотъ я опять въ Италіи—въ эпоху классической землѣ, упомянутой любопытствомъ

путешественниковъ, которая, благодаря справки ихъ къ описаніямъ, сдѣлалась для насъ до того пошлою, что нѣтъ возможности говорить теперь о ея храмахъ, зданіяхъ, монументахъ древности, которые каждый знаетъ наизусть, не выдавъ ихъ. Признаюсь, что я самъ, въ первое мое посѣщеніе Италіи, не взглянулъ на нихъ почти ни разу, и проводилъ время свое хотя не съ пользою для ума, но по крайней мѣрѣ съ большимъ наслажденіемъ для сердца.

Любуясь вѣчно голубымъ небомъ эпохи обворожающей Италіи, съ ея розовыми лаврами, бѣлыми миррами, вдыхая въ себя ароматы цвѣтотвъ, и ушываясь эфиромъ воздухомъ, полнымъ любви, который стягиваетъ надъ головами, опьянѣлыми нѣгою, я съ соревнованіемъ, можетъ быть благороднымъ, предлся общему вліянію эпохи роскошной природы, и въ толпѣ людей, упоенныхъ благами жизни, шагалъ не менѣе прочихъ.

Часто, оставя шумное общество, я бросался въ гондолу и плавалъ по водамъ, всегда нагрѣтымъ лучами солнца; никто на веселыхъ праздникахъ Венеціи не равнялся со мною въ роскоши или въ искусствѣ управлять рулемъ. Ни одинъ гондольеръ не могъ перегнать меня, когда я какъ молнія скользилъ по зеркалу морей подъ пурпуровымъ навѣсомъ быстрой и раззолоченной моей фелуки.

Смотря на вещи только съ хорошей стороны ихъ, я восхищался эфиромъ народомъ, всегда веселымъ, всегда поющимъ подъ тяжелымъ ярмомъ своимъ; эфирными поэтическими женщинами, съ голыми ногами, съ открытою грудью, украшенною золотымъ ожерельемъ и кораллами; потомъ взглянулъ на мраморныя палаты богачей, на фрески *Aniani*, на прелестныхъ мадоннъ *Кореджіа*, и сказалъ самому себѣ: останусь здѣсь въ эпоху атмосферъ цвѣтотвъ—посреди эпохи ослѣпительной роскоши искусства и природы, въ кругу эфирныхъ обворожительныхъ и непоспѣжимыхъ женщинъ! сказалъ,—и, бросаясь въ пучину большаго свѣта, проводилъ дни свои на праздникахъ, почти на блестящихъ балясахъ, и наслаждался всѣмъ, не привязываясь

ни къ чему, игралъ роль кавалера *Серванто*; но, къ негодованію цѣлаго общества, порхалъ опть одной красавицы къ другой, щитая не одну, а всѣхъ достойными моего обожанія; наконецъ, испощивъ всѣ удовольствія бѣшеной молодости на этомъ океанѣ спрасней, куда случай занесъ меня, я скоро пожелалъ отдохновенія, и, бросивъ якорь, остановился на краю корабля, какъ спранникъ, упомненный долгимъ плаваніемъ. Къ пеперешней чести моей, я долженъ сказать вамъ, что всякой разъ, когда бываю недоволенъ собою, я смотрю на самага себя какъ на человѣка, сбившагося съ прямой дороги— и спараюсь опыскать её.

Но къ погдашней чести моей я увидѣлъ, что въ короткое время сдѣлался совершеннымъ повѣсою, и внутренно поздравлялъ себя съ успѣхомъ, потому что ремесло свѣпскаго негодя казалось мнѣ прекраснымъ и льстило моему самолюбію;—но это продолжалось недолго,—я скоро упомился, и измѣряя поприще, на которое вступилъ, нашедъ, что оно не удовлетворяло поипребностямъ души моей; жизнь моя была полца — а сердце пусто.

И такъ, къ великому негодованію всѣхъ друзей моихъ, я вдругъ совершенно переѣнился; пылкость моя укропилась, впечатлѣнія если и потеряли прежнюю живость свою, но сдѣлались поспояннѣе, и глубже врѣзывались въ душу; какая-то лѣнность заступила во мнѣ мѣсто пламенныхъ порывовъ спрасней, и я понялъ наконецъ, что первый образъ жизни моей не только не живилъ сердца, но превращалъ его въ какую-то бездну, которая поглощала всё и ничѣмъ не наполнялась.—Дѣйствительно, для меня не оставалось ничего: ни сладкихъ воспоминаній, ни очаровательныхъ надеждъ, ни той безцѣнной силы чувства, которое дѣлаетъ насъ способными постигать и любить всё прекрасное, благородное, великое!

Я сказалъ уже, что былъ недоволенъ собою, и твердо рѣшился оставить прежнія свои заблужденія; но какъ человѣкъ никогда почти не можетъ избавиться опть одной крайности, не впасть потчасъ въ другую,

по во мнѣ вдругъ родилось непреодолимое отвращеніе ко всему, что прежде увлекало меня, и я спалъ сморѣвъ на свѣпъ, и особенно на женщину, съ ирезрѣніемъ и насмѣшкою.

Часто, глядя на ихъ богатыя, раздушенные шали, на ихъ прозрачную одежду и прелестныя головки, увѣнчанныя розами, я, въ мрачной ипохондріи, говорилъ самому себѣ: подъ эпою приманчивою наружностью скрывается смерть и отвратительное разрушеніе;— и погда невольно приходила мнѣ на мысль на молодая Парижская красавица, которая одѣвшись однажды на балъ и являсь передъ нами во всемъ блесмѣ прелестей своихъ, украшенная цвѣтами, облипанная ароматами, потерла бѣлую руку свою и сказала намъ съ какимъ-то пайнымъ ужасомъ: какъ она пахнетъ мершвымъ тѣломъ!

Скоро однакожь я спалъ веселѣе, и въ тихіе лѣпніе вечера любилъ посѣщать публичныя прогулки. Я былъ погда въ Генуѣ, и съ утра до вечера ходилъ по улицамъ, сморѣлъ на великолѣпные мраморные дворцы, на загородные дома, съ рѣшетчатыми зелеными ставнями, съ спашуею мадонны въ каменномъ нишѣ.—Часто, взглянувъ вверхъ, глаза мои спанавливались на открытомъ окнѣ, гдѣ полураздѣтая молодая дѣвушка проводила ночь вздыхая, и, въ помлениіи чувствъ своихъ, ждала ранняго упренняго въперка. Въперокъ порхалъ въ окошко съ зарею, и улепалъ, освѣживъ засохшую землю, но не прохладдалъ пламеннаго сердца молодой синьоринны и не уносилъ съ собою нѣжной грусти ея. Незнавъ еще Ипаліи, я давно угадалъ тайну ночей ея—этихъ прелестныхъ, обаятельныхъ ночей, которыми любовь ввѣряетъ и пламенные вздохи свои и набожныя молитвы.

И такъ я, безъ плана и безъ цѣли, бродилъ по городу и зѣвалъ по сторонамъ, какъ какой нибудь ученый путешественникъ, который или ищетъ новыхъ познаній, или повѣряетъ спарья. Но мнѣ и въ мысль не приходили ученія воспоминанія; да и какая мнѣ нужда была до того, что Лигурійскіе Акваны побѣдили Эпурцовъ, и цѣлые во-

семьдесятъ лѣтъ, пропивидись Римлянамъ, что Генуя была долгое время соперницею Венеціи, и что, послѣ кровопролитнаго сраженія при Кіуціи, гордая столица святого Марка сдѣлалась владычицею морей?—Всѣ это не говорило ни слова ни сердцу моему, ни воображенію — и вы можете быть увѣрены, что я не смотрѣлъ ни на пристань, изъ которой отважный *Колумбъ* пустился по океану, искавъ новаго свѣта, ни на опустѣлыя палаты великодушнаго *Андрея Дорія*, который принялъ скипетръ изъ рукъ Венеціи для того только, чтобы даровать ей свободу.

Иногда однакожь ошъ нечего дѣлать бродилъ я по поршикамъ эпаго великолѣпнаго зданія, гдѣ, нѣсколько лѣтъ позже, воображеніе мое, теряясь въ сумракъ, вызвало опшуда спрогуо и поэпическую пѣнь *Карла V*,—и она шихо подымалась съ полу, въ видѣ одного изъ пѣхъ блѣдныхъ, мрачныхъ иноковъ, которыхъ волшебная кисть *Анибала Карраша* оживошворила для насъ на бездушномъ полотнѣ. Еще позже—казалось мнѣ, будпю въ эпихъ уединенныхъ сводахъ раздавалось имя *Наполеона*, и громкіи опшгolosкъ побѣдъ его.

Но въ то время, о которомъ я говорю вамъ, одна, всегда живая, мечта занимала душу мою, и передо мною лепалъ какой-то смутный призракъ, который не принималъ никакой опредѣленной формы. По инстинкту всматривался я во всѣхъ прекрасныхъ женщинъ Генуи, въ эпихъ одушевленныхъ форнаринъ *Рафаэлл*, съ блестящими глазами, полными жизни, съ алыми устами, на которыхъ горятъ пламенные поцѣлуи любви, подъ эпимъ шайншвеннымъ мецаро, которое, кажется, сама любовь изобрѣла для нихъ.

Разумѣется, что я искалъ влюбиться.

Вы узнаете, наконецъ, какое пламенное, незабвенное воспоминапіе оставила Она въ сердцѣ моемъ, и скажете мнѣ, что это любовь или . . . удивленіе?

Когда, на праздникахъ Венеціи, роскошныя Венеціанки мелькали мимо меня въ гондолахъ, украшенныхъ разноцвѣтными огнями, и въ поже мгновение, какъ обманчивые ме-

теоры, исчезали во мракъ, тогда я цевольно повторялъ съ *Шекспиромъ*: *онъ въроломны, какъ эта стихія, по которой несутся онъ съ такою быстротою. Что же сказать о васъ, прелестныя, очаровательныя Генуэзки?*

Однажды, изъ учпивости, навѣспилъ я хозяйку великолѣпныхъ палатъ *N.*, которую прежде, во время спранной моей ипохондріи, я не удоспывалъ моего вниманія. Тамъ встрѣшила меня одна изъ пѣхъ нѣжныхъ, заспѣнчивыхъ женщинъ, которыхъ, кажется, рождены для того, чтобы возжигать новыя, неизвѣспныя спраспи или раздавать пошухающія.

Любовь, которой искалъ я, овладѣла вдругъ мною съ такою непоспижимою силою, что скоро въ цѣломъ мѣрѣ не существовало уже для меня ничего, кромѣ эпой женщины. — Тщепно изящныя произведенія *Микель-Анжа*, фрески *Карлони*, карпины *Тиціана*, *Гвидо-Рени*, и мелодія первыхъ пѣвцовъ въ свѣтѣ испощами передо мною богатства свои, шщепно славнѣйшія красавицы Генуи бросали на меня огненные взгляды свои и ожидали моего взгляда, я оставался холоднымъ, равнодушнымъ, мерпвымъ, посреди эпой пламенной жизни, эпихъ роскошныхъ искусствъ, подъ очарованіемъ эпой упошпельной музыки. — Груспный, задумчивый, я жилъ одной спраспью, и всюду носилъ ее въ сердцѣ своемъ.

О! конечно, это была любовь; но любовь необыкновенная, исключительная, которую никто не ощущалъ дважды, и пошому она должна быть вѣчною.

Белина моя могла также назваться исключеніемъ. Вопреки *Италіи*, она была бѣла, какъ дочь *Съвера*, имѣла свѣплые волосы и шихіе задумчивые глаза, въ которыхъ свѣпилась одна любовь небесная и благочеспіе ангела. Она была скромна, какъ дѣва *Израиля*, мечтапельна, какъ *Вертерова Шарлота*, и вѣрила плапюнизму, какъ молодая леди, воспитанная въ горахъ *Шопландіи*.

Вопшъ изображеніе *Белины* моей въ пошъ видѣ, въ какомъ являлась она въ обществѣ

Но я сказалъ уже, что она была исключеніемъ, и въ эпомъ вы скоро согласитесь со мною.

Прелестная *Белина* восхищала меня невинностию чувствъ своихъ. Слова ея благоухали фимиамомъ двѣсвенной непорочности, и спыдливыя ласки—были ласки сестры, нѣжно любившей брата. У нее не было *обожателя*, говорила она мнѣ, и потому носила на груди своей только тѣ цвѣты, которые я одинъ приносилъ ей: когда, по вечерамъ, на зарѣ поднимался съ моря свѣжій вѣперокъ и прохладилъ распаленный воздухъ,—тогда мы гуляли у маяка, или по набережной, вмѣстѣ наслаждались тишиною ночи; когда-жъ, въ часы пабожнаго вдохновенія, она удалялась въ церковь, то я также ходилъ туда съ нею, и несъ ея молитвенникъ.

Такого роду любовь была для меня совершенно новою, и я, правду сказать, не скоро привыкъ къ ней. Любя истинно въ первый разъ въ жизни, я иногда казался спраннымъ *Белинѣ*; но женщины умѣютъ полковати спранныи мушкетеры въ пользу свою и извиняютъ ревность, недоувѣрчивость и даже самое пиранство ихъ премея словами: *Онъ любитъ меня!* Вотъ почему *Белина* никогда не жаловалась на мою взыскательность; но она иногда бранила меня за разсѣянце, недогадливость, недовѣрчивость, и потомъ потчасъ мирилась со мною.

Она говорила мнѣ, что мужъ ея былъ суровъ, угрюмъ и болѣнъ сильною ипохондриею. Но какаа мнѣ была до эшаго нужда. Я не вспрѣчался никогда съ эшимъ человекомъ, который цѣлыя дни сидѣлъ одинъ въ своей комнаѣ; между тѣмъ какъ она щитала минушы въ ожиданіи часа, въ который я приходилъ къ ней.

Въ одну осеннюю ночь, когда на колокольнѣ Благовѣщенской церкви пробилъ одиннадцать, я шелъ тихо уединенною улицею *Бальби*, по которой сплались длинныя тѣни палаѣ ея. Мысль о блаженствѣ, которое ожидало меня у *Белины*, сильно занимала меня въ эту минушу; однакожъ, не смотря на то, какое-то тайное, непонятное предчувствіе безпрестанно влекло меня къ печальнымъ размышленіямъ. Можетъ быть, думалъ я, въ эшотъ самый часъ раздавался на эшотъ улицѣ шумъ пировъ *Андрея Дорія*,

копораго нещепный богатства превосходили доходы республики, но пеперь здѣсь все пусто и одни паги мои нарушаютъ мертвое молчаніе ночи! Я дошелъ до воротъ *Лантерны*, и у палаѣ *Андрея Дорія* спустился къ морю, гдѣ у берега ожидалъ меня рыбакъ съ лодкою.

Сначала я, въ разсѣянїи, не примѣтилъ, что проводника моего не было на условленномъ мѣспѣ, какъ вдругъ шумъ весель вывелъ меня изъ задумчивости, и я, къ удивленію моему, увидѣлъ передъ собою другаго незнакомаго мнѣ рыбака, въ черной одеждѣ, который силлся опчались отъ приспани; я подошелъ ближе, и, безъ всякаго намѣренія, сказалъ ему: «Что, другъ, ты хочешь пуспиться въ море?»

— Да, сударь,—отвѣчалъ онъ немного грубымъ голосомъ.

«Въ такомъ случаѣ не возьмешься ли ты довести меня до палаѣ *N.* въ улицѣ св. Петра?»

— До палаѣ *N.*? — вскричалъ онъ.

«Да; что-жъ шумъ удивительнаго?»

— До палаѣ *N.*? — повторилъ онъ съ какимъ-то спраннымъ внуспреннымъ движеніемъ. Потомъ, немного помолчавъ, сказалъ съ притворнымъ равнодушіемъ:

— Впрочемъ, эшо ваше дѣло, не мое... Извольте, сударь, я доведу васъ.—

Лодки давно уже удалились по домамъ; въ приспани было тихо, огни погасали и скоро одинъ уединенный маякъ сіялъ вдали на берегу моря, и багровый свѣтъ его алѣлъ на мачпахъ судовъ, какъ лучъ заходящаго солнца, бросающій пурпуровые оппѣнки свои на верхи *Апенина*.

Черный рыбакъ опплылъ отъ берега, и мы удалялись отъ палаѣ *Дорія*; тайная грусть, которой не понималъ я причины, наполняла мою душу, и я уныло глядѣлъ на неумолимыя волны, которыя шумѣли у подножія великолѣпныхъ палаѣ *Дорія*, какъ бы силясь потрясти древнее основаніе благороднаго зданія, сооруженнаго тѣмъ, кто сполько разъ возвращался съ побѣдою, по

спихи, ему подвластной. И эти волны, некогда ему послушныя, казалось, дерзосно издѣвались шеперь надъ памятникомъ его величія, съ яростью врываясь въ галереи и грозя имъ разрушеніемъ; между тѣмъ какъ зловѣщая морская пѣвица, не дерзавшая никогда приближаться къ галерамъ *Дорія*, спокойно свивала шеперь гнѣздо свое надъ карнизомъ палапы Нептуновыхъ (1).

Слава человѣческая, что ты по смерти? думалъ я, и, продолжая размышлять о ничтожествѣ земнаго величія, вдругъ примѣтилъ, что лодка двигалась медленно, и что мнѣ не поспѣть къ свиданію, если я не помогу рыбаку, который очень неискусно правилъ веслами; и такъ, я взялъ другое весло, и мы скоро, оставя за собою Моште-ново, вошли наконецъ въ заливъ.

Въ это время рыбакъ, который уже прежде пытался со мною заговаривать, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые я почти не отвѣчалъ ему.

Море было еще спокойно; рыболовъ, лепая надъ нимъ, билъ крыломъ по дремлющимъ водамъ, и при всякомъ ударѣ его вылетали изъ нихъ блестящія фосфорическія искры. Природа покоилась, и одинъ шумъ веселъ нашихъ нарушалъ общее молчаніе, прерываемое изрѣдка далекимъ стономъ волны, разбившейся о прибрежныя камни.

Мы приближались къ магнетическимъ мелямъ Сан-Пьетро, и быстро неслись по морю, которое отражало блескъ мѣсяца въ мириадахъ маленькихъ фосфорическихъ искръ, вылетающихъ изъ воды при каждомъ ударѣ веселъ.

Грусть моя усиливалась больше и больше, и мнѣ казалось, что вся природа раздѣляла задумчивость мою, разнообразя ея предметы. Я наслаждался тишиною ночи и впивалъ въ себя ароматы цвѣтущихъ, которые свѣжій вѣтерокъ приносилъ мнѣ съ берега, лаская меня нѣжнымъ своимъ прикосновеніемъ. Не

понимая самъ пайнаго безпокойства своего, я чувствовалъ какое-то винупреннее содроганіе и по занятіе духа, которое мы чувствуемъ ѣдучи галопомъ верхомъ, или когда сходимъ по скату крушой, высокой горы; но это нервическое ощущеніе было чрезвычайно пріятно.

— За кого вы принимаете меня, сударь?— сказалъ мнѣ вдругъ таинственный рыбакъ мой: развѣ вы думаете, что вы отвѣчаете на вопросы мои, говоря о любви вашей сами съ собою, какъ сумасшедшій?—

Тупъ я очнулся, и свѣтъ, блеснувшій мгновенно на небѣ, освѣтилъ что то похожее на кинжалъ въ рукахъ эпаго чловѣка.

«Мнѣ кажется я ужъ сказалъ тебѣ, что меня ждуть въ палапахъ графа N.» сказалъ я равнодушно.

— Кто же васъ ждетъ?—

«Женщина.»

— Развѣ вы не знаете, что есть дома, гдѣ опасны такія свиданія, гдѣ оскорбленный мужъ не медлитъ справедливымъ мщеніемъ?—

И глаза его устремились на меня съ дикою злобою.

Чипали или слыхали-ль вы когда нибудь о любовныхъ свиданіяхъ, которыя воспочныя красавицы, въ Смирнѣ или Конспанинополѣ, назначаютъ Европейцамъ? Не случалось ли вамъ тогда воображать, будто сами вы, удерживая дыханіе, едва спуская по мягкой правѣ, идете въ пошмахъ къ кіоску, стоящему въ саду какой нибудь *Дольми-Буши*, дрожащею рукою отдергиваете пурпуровую занавѣску двери, и вдругъ блѣднѣете, шатаясь, почувствовавъ, что острый кинжалъ ревнивца кольнулъ сердце ваше?

Всѣ это я представлялъ себѣ въ самыхъ живыхъ краскахъ и говорилъ самъ съ собою: когда покрывало молодой одалиски упадетъ для щасливца, котораго ждала она, когда пламенное дыханіе эпій женщины сольется съ его дыханіемъ, и нѣжная голова ея упадетъ на грудь его, тогда онъ забываетъ все—и ни опасность, ни самая смерть для него не существуютъ. И я спокойно посмо-

(1) Статуя *Андрея Дорія* представляла Нептуна, и стояла во дворцѣ его.

прѣлъ на рыбака, котораго испугленные движенія и ужасный голос совсѣмъ не пугали меня.

Говоря съ нимъ холодно, равнодушно, я узналъ, совсѣмъ не желая знать этаго, что онъ былъ мужъ *Белины*, и возвращался изъ Албенго, куда ѣздилъ тайно для того, чтобы опмстить злодѣю, котораго, подъ личиною дружбы, оскорбилъ честь его, и хотѣлъ нынѣшнюю же ночь видѣться съ его женою.

Кто повѣритъ, что слушалъ эти слова, я не думалъ о нихъ; что сердце мое въ это время твердило гимнъ любви, и глаза искали въ домъ свѣта на окнѣ *Белины*, того радостнаго свѣта, которымъ *Белина* обыкновенно давала мнѣ знать, что ждетъ меня.

Точно! думалъ я. Въ прошедшее воскресенье, она, окруженная полною знакомыхъ, успѣла сказать мнѣ: въ пятницу — ровно въ полночь! Конечно это день не мой, но древнѣе посвящали его Венерѣ, и она также хотѣла посвящать его любви. О *Белина* мол, ты права! Ночь Киприды принадлежитъ тебѣ!

Между тѣмъ черный рыбакъ, казалось, размышлялъ о какомъ-то тайномъ намѣреніи; онъ опустилъ парусъ, потому что въперъ сдѣлался проливной, и мы поплыли опять на вѣсахъ, подъ тѣнью густаго облака, — которое покрыло насъ своею темною.

Вдругъ условный свѣтъ блеснулъ не въ окнѣ, а на балконѣ, и *Белина*, полурасдѣтая, съ распущенными волосами, выходила на него ко мнѣ на встрѣчу. Она подошла къ рѣшеткѣ, спустила веревочную лѣстницу, и—вообразите мое удивленіе! Кто-то другой подѣхалъ на лодкѣ, и не я, а онъ побѣжалъ по этой лѣстницѣ!

Дыханіе мое остановилось, кровь охолодѣла и глаза неподвижно устремились на балконъ; *Белина* протянула бѣлую руку свою незнакомцу, онъ схватилъ ее, проворно перескочилъ черезъ рѣшетку, и оба исчезли въ одно мгновеніе.

Въ эту самую минушу мы подѣхали къ палапамъ N.

Нѣтъ! ничто не можетъ дать понятія о томъ, что происходило со мною. Мнѣ казалось, что всё это было сонъ, и я долго не вѣрилъ чувствамъ своимъ. Дверь балкона зашворилась, лампада погасла—но я всё сидѣлъ, какъ окаменѣлый, съ открытымъ ртомъ и неподвижными глазами.

«*Белина!* о, это невозможно!» сказала я наконецъ задыхаясь.

—Ты ошибся, молодой человекъ;—возразилъ рыбакъ;—ты приходишь по понедѣльникамъ и четвергамъ; остальные дни принадлежатъ другому.—

Громовый ударъ разразился надо мною.

«Ты почему знаешь это?» закричалъ я въ бѣшенствѣ.

— Потому, что *Белина* повѣряетъ мнѣ тайны свои,—опвѣчалъ онъ съ адскою усмѣшкою: если хочешь, я сей часъ же пришлю ее къ тебѣ.—

И при этихъ словахъ, онъ выскочилъ изъ лодки, побѣжалъ по камнямъ къ дому—и пропалъ изъ виду.

Оспавшись одинъ, я вполне предался негодованію. Чего мнѣ было дожидаться?—Начиналась буря, я опвезалъ лодку, поднялъ паруса, и готовился плыть въ Монте-ново, мимо этаго ненавистнаго балкона, гдѣ въ одну минушу угасла для меня цѣлая жизнь любви и счастья.

О рыбака я не думалъ, щипая его за какогонибудь несчастнаго безумца, съ которымъ случай свелъ меня.

Едва я начиналъ удаляться отъ окна *Белины*, какъ свѣтъ опять блеснулъ на балконѣ—и глухіе споны раздались въ воздухѣ.—Я взглянулъ, дверь съ шумомъ отворилась, ужасный рыбакъ споялъ на балконѣ и дикимъ, не человѣческимъ голосомъ закричалъ мнѣ:

— Смотри, вопъ она!—

И въ эту минушу два мертвые шѣла упали съ балкона въ море.

Мнѣ показалось, что какал-то ужасная тяжесть обрушилась мнѣ на сердце—и раздавила его.

Я лишился чувствъ и памяти.

Буря шумѣла, волны ярились, лодка моя неслась по вѣтру, и увлекла меня съ собою далеко отъ Генуи до самаго Рапаго; тамъ, на разсвѣтѣ, рыбаки увидѣли и спасли меня. Всё это узналъ я послѣ.

Я пролежалъ нѣсколько дней въ Рапаго больной, и въ это время одинъ изъ друзей моихъ пришелъ навѣспить меня. Онъ обыкновенно зналъ всю ежедневную любовную хронику Генуи, и рассказалъ мнѣ за новость, по, что я зналъ лучше его самаго; но отъ него же услышалъ я, что черный рыбакъ былъ мужъ *Белины*... Я немогъ не вскрикнуть:

Слава Богу, что это былъ не мой день!

Т.

АРИСТОТЕЛЬ АЛБЕРТИ.

Въ числѣ художниковъ, вызванныхъ изъ чужихъ краевъ, по повелѣнію великаго князя *Иоанна Васильевича Ш*, основателя величія Россіи, занимаетъ первое мѣсто *Аристотель Алберти*, называемый въ Италіанскомъ словарѣ «*Рудольфомъ Фіоравентти*.»

Этотъ знаменитый художникъ родился въ Болони; но день его рожденія, воспитаніе, былъ ли онъ женатъ, и когда скончался— все покрыто завѣсою неизвѣстности. Мы только сказать можемъ, что Италія обязана фамиліи *Алберти* многими изящными произведеніями по части зодчества, живописи и ваянія. Соотчичи *Аристотеля*, не сохранившіе ни малѣйшаго воспоминанія ни о жизни, ни о зданіяхъ его, приписываютъ ему такіа дѣла, которыя pochodятъ болѣе на вымыслъ, нежели на правду. Онъ былъ, по увѣренію ихъ, превосходный архитекторъ и искусный механикъ, зналъ совершенно математикѣ, занимался съ большимъ успѣхомъ гидравликой, артиллеріею и инженернымъ искусствомъ, чеканилъ монету и опливалъ пушки. Въ 1455 году, будучи еще въ веснѣ своей жизни, перенесъ онъ въ Болони, посредствомъ изобрѣтенной имъ машины (тайна сооруженія которой осталась неизвѣстною) колокольню соборной церкви

Богоматери (del tempio la Magione), со всѣми колоколами, на тридцать пять футовъ разстоянія. Вскорѣ послѣ того, выпрямилъ въ городъ Ченпо колокольню при церкви св. *Власія*, которая подалась впередъ на пять футовъ съ половиною. Будучи вызванъ въ Венгрію, кромѣ другихъ зданій, построилъ онъ хитрый мостъ на плашкоутахъ черезъ рѣку Дунай. Король Венгерскій *Матвій Корвинъ*, желая удержать у себя знаменитаго художника, возвелъ его въ кавалерское достоинство, пожаловавъ ему, какъ полагаютъ должно, орденъ Крестоносцевъ, единственныи знакъ опличія, существовавшій тогда въ этомъ государствѣ, и существованіе котораго кончилось съ Венгерскими королями. Тотъ же монархъ дозволилъ ему бить монету и чеканить на ней собственное изображеніе. По какому случаю *Алберти* оставилъ Венгрію, гдѣ онъ былъ осыпанъ королевскими милостями, лѣтописцы того времени не объясняютъ. Въ печеніе нѣсколькихъ лѣтъ, ничего не было о немъ слышно, какъ вдругъ въ 1473 году видимъ его въ Венеціи, гдѣ онъ создалъ церковь и ворота св. *Марка*, по нынѣ славящаяся изящною архитектурою.

Между тѣмъ, какъ *Аристотель* украшалъ такимъ образомъ Венецію, великій князь *Иоаннъ Васильевичъ Ш*, скорѣ по воспріятіи царскаго вѣнца, удосповѣряясь многими опытами, что каменщики, занимавшіеся тогда въ Россіи зодчествомъ, изъ коихъ Псковскіе считались лучшими, имѣли весьма поверхностное понятіе о строительномъ искусствѣ, особливо же послѣ того, какъ соборная церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, заложенная въ 1426 году св. чудотворцемъ *Петромъ*, первымъ митрополитомъ Московскимъ, чрезвычайно обветшала, грозила скорымъ разрушеніемъ, вновь же создается въ 1473 году, поначеніями митрополита *Филиппа*, и послѣ него преемникомъ его *Геронтіемъ*, едва доведенная до свода, совершенно развалилась,—рѣшился вызвать изъ чужихъ краевъ, за дорогую плату, искусныхъ художниковъ. Государь возложилъ сію обязанность на Семена *Толбузина*, отправлявшагося въ 1474 году по Государеву дѣлу

въ Венецію. *Толбузинъ*, слыша по всюду превозносимаго похвалами за обширныя познанія, особенно за изящный вкусъ въ зодчествѣ *Аристотеля*, котораго самъ султанъ *Магомедъ II* вызвалъ въ Царь-градъ для построения серала, вознамѣрился уговорить этого знаменитаго художника оставить прекрасную Италію и переселиться на время въ холодную Россію, въ чемъ и успѣлъ. *Толбузинъ* заключилъ съ нимъ контрактъ, по которому *Алберти* вступилъ въ службу великаго князя, на десяти-рублевый окладъ серебромъ мѣсячнаго жалованья; это составляло тогда около двухъ фунтовъ серебра (сто девяносто рублей теперешней монеты по курсу, а не цѣлковыхъ).

Аристотель выѣхалъ изъ Венеціи противъ воли дожа *Маргелли*, котораго онъ успѣлъ снискать дружбу, и который сперва никакъ не хотѣлъ дать своего согласія на отъѣздъ *Аристотеля* изъ Венеціи; однакожь, наконецъ, единственно изъ уваженія къ Московскому великому князю, рѣшился съ нимъ расстаться. Прибывъ въ Москву въ томъ же году, онъ былъ принятъ великимъ княземъ весьма благосклонно. *Иоаннъ*, желая воздвигнуть храмъ, достойный быть первымъ въ Россійскомъ государствѣ, велѣлъ ему построить въ Кремлѣ Успенскій соборъ вновь, со всѣмъ великолѣпіемъ и изяществомъ, приличнымъ важности подобнаго зданія. По осмотрѣ развалинъ новой Кремлевской церкви, художникъ похвалилъ опдѣлку работы; но съ тѣмъ вмѣстѣ нашелъ, что извеснъ не имѣла достаточной вязкости, что камень не довольно твердъ, и счелъ удобнѣе сдѣлать своды изъ плитъ. Потомъ, поѣхалъ во Владиміръ, обозрѣлъ тамошнюю древнюю соборную церковь и удивился отличному искусству этого зданія. Возвратясь въ столицу, далъ мѣру кирпича, указалъ, какъ надобно песать камни, какъ растворять известь. Онъ нашелъ за Андреевскимъ монастыремъ лучшую глину, ввелъ въ употребленіе машину, до того времени въ Россіи неизвѣстную, и назвалъ ея съ Италіанскаго языка бараномъ (mouton, по Французски bélier), разрушилъ до основанія стѣны Кремлевской церкви, которыя оставались цѣлы

при ея паденіи, провелъ новые рвы, и наконецъ заложилъ великолѣпный храмъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, въ коемъ донныя коронуются Россійскіе Самодержцы.

Эту работу совершилъ онъ въ четыре года, возведя вмѣстѣ башни и ограду Кремля, начатыя въ 1367 году великимъ княземъ *Димитріемъ Донскимъ* на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1300 году великій князь *Даніилъ Александровичъ* построилъ деревянный городъ. Потомъ былъ онъ опозванъ въ городъ Вологду, для построения тамъ соборной церкви. Сверхъ того въ 1477 году построилъ на рѣкѣ Волховѣ большой мостъ на судахъ противъ городища.

И такъ, не только Москва, но и другіе города Россіи, обязаны знаменитому художнику дивными зданіями. Сверхъ того онъ обучалъ юношество Инженерной и Артиллерійскимъ наукамъ, ввелъ въ Россію искусство литья пушекъ, которыя въ первый разъ употреблены были въ 1582 году, при осадѣ города Феллина въ Ливоніи. Эти огнестрѣльные орудія сдѣланы извѣстными Шведамъ тринадцатью годами позже. Былъ онъ также монетю, на которой великій князь позволилъ ему чеканить собственное его имя. Сіе преимущество раздѣлялъ онъ съ другими монетными мастерами; по кажея, что онъ не былъ въ этомъ дѣлѣ искусенъ, если судить по дошедшей до насъ монетѣ, на которой съ лица изображенъ всадникъ съ обнаженнымъ мечемъ, а подъ ногами коня вычеканенъ цвѣтокъ (такимъ аллегорическимъ изображеніемъ художникъ, конечно, хотѣлъ намекнуть о своемъ отечествѣ, поелику городъ Болонъ имѣетъ почто такой гербъ, и о прозвищѣ, подъ которымъ онъ сдѣлался въ Россіи извѣстенъ; ибо *Фіоравенти* значить на Италіанскомъ языкѣ «цвѣтоносець»); на другой же сторонѣ монеты вычеканено имя его *Аристотель*.

Италіанцы увѣряютъ, по преданію, оставшемуся въ фамиліи *Алберти*, что великій князь *Иоаннъ Васильевичъ*, желая вознаграждать *Аристотеля* за великія услуги, оказанныя имъ Россіи, пожаловалъ ему золотую медаль на цѣпи изъ того же металла, для ноше-

нія на шеѣ; но какъ ни о времени, въ которое удоспѣлся онъ получить такой знакъ опличія, ни объ изображеніи и надписи, какія на ней были, никакого свѣдѣнія до насъ не дошло: но мы ничего о томъ утвердительно сказать не можемъ.

М. Десдебуть.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Вопъ, что одинъ торговецъ пряными кореньями въ Глазгоу, напечаталъ недавно въ одномъ Англійскомъ журналѣ:

«Я замѣшилъ, что благодарность, которую купцы объявляютъ покупщикамъ своимъ, за прежнюю ихъ довѣренность, не приноситъ имъ обыкновенно никакой пользы, и потому намѣренъ заслужить будущее благоволеніе публики слѣдующимъ объявленіемъ.

«Я имѣю довольно изрядной домъ, состоящій изъ залы, гостиной, библиотеки, прачешной и кухни. — При немъ есть также плодевой садъ, сарай, конюшня, погребъ и большой анбаръ для сѣна и овса.

«Я предлагаю 150,000 покупщикамъ — раскупить товаръ мой по частямъ, плащамъ по 15 шиллинговъ съ фунта за пряныя коренья, продающіяся въ *Тонгатскомъ* магазинѣ моемъ, и такую же цѣну за бутылку вина, находящагося въ винномъ погребѣ моемъ въ Гопченской улицѣ подъ No 10.

«Когда наберется число 150,000 продажъ, тогда всѣ нумера, соответствующіе именамъ покупщиковъ, вписанныхъ мною въ особенную книгу, положатся въ нарочно сдѣланное для того колесо, и въ день розыгрыша лотереи, тотъ, кому вынепся выигрышной No, получитъ отъ меня домъ мой, со всѣми его принадлежностями и освобожденный отъ всѣхъ полицейскихъ повинностей; если-жъ онъ пожелаетъ имѣть вмѣсто дома деньги, то немедленно получитъ отъ меня 1000 ф. стерлинговъ (25,000 фр.) безъ вычета процентовъ по 5 со ста.

«Качество продаваемыхъ мною поваровъ, судя по цѣнѣ, будетъ равно качеству тѣхъ, которые продаются въ другихъ лавкахъ.»

T.

ЛЕЙНЦИГСКАЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ НА 1836 ГОДЪ.

Каталогъ, составленный здѣсь для осенней ярмарки, заключаетъ 324 страницы. — 509 книгопродавцевъ объявляютъ, что у нихъ продается 3,467 полныхъ собраній и 59 географическихъ картъ. — Въ числѣ 356 сочиненій, которыя скоро выдутъ изъ печати, особенно достойно примѣчанія изданіе *Вангенфельдова Санхоніатона*.

T.

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ

принца Пюклеръ-Мюскау.

23-го Декабря 1828 года.

Слыхала ли ты когда нибудь о чудакѣ *Беквардѣ*, который былъ родъ *Байрона* въ прозѣ? Онъ построилъ прекраснѣйшій замокъ въ цѣлой Англїи, и не пускалъ туда никого, окруживъ каменною стѣною въ 12 футовъ вышины. Замокъ этотъ, называемый *Фонтгильскимъ аббатствомъ*, есть чудо въ своемъ родѣ, но одна изъ башенъ его, которую каменщики строили ночью при свѣтѣ фонарей, уже развалилась. Проживъ въ аббатствѣ своемъ 12 лѣтъ сряду совершеннымъ пустынноикомъ, *Беквардъ* вдругъ вздумалъ продать его и удалиться въ Бадъ, гдѣ живетъ также въ мрачномъ уединеніи. За городомъ построилъ онъ другую странную башню, которой верхняя часть напоминаетъ маленькой Афинскій храмъ, называвшійся *Диогеновымъ фонаремъ*, и которая посвящена памяти *Лизикрата*. Сегодня я хотѣлъ было войти въ нее, чтобы взглянуть отсюда на окрестности города, но меня не пропустили, и я долженъ былъ идти назадъ, довольствуясь однимъ каршинами моего воображе-

забывъ о его приказаніи; отрядилъ двухъ солдавъ, чтобъ опнесли его къ нашей колоннѣ. Происшествіе это сильно поразило и огорчило меня; я побѣжалъ ко всѣмъ моимъ спрѣлкамъ и полковалъ имъ, что надо непріятелю опплатить за смерть нашего поварища; они меня послушались—и мы съ яростію бросились впередъ на перебѣгающія кучки непріятельскихъ спрѣлковъ. — Прорвавшись, разумѣется, сквозь ихъ цѣпь, мы добѣжали до какой-то батареи, копорая насъ не удостоила ни однимъ выспрѣломъ, но какъ предъ батареєю былъ ровъ и палисады, то мы и совѣшались съ старымъ армейскимъ унтеръ-офицеромъ: что намъ дѣлать?—«Насъ, ваше благородіе, слишкомъ мало; насъ перебьютъ здѣсь даромъ. Воропитесь-ко къ нашей колоннѣ. Это будетъ здоровье.» На этошъ разъ и я его послушался—и мы пою же дорогою и довольно быстро стали опспуцать.— Вдругъ увидѣли издали огромную, черную массу непріятельской кавалеріи, несущуюся по нашему направденію. Мы поначасъ же повернули вправо и успѣли добѣжать до нуспыхъ кирпичныхъ шанцевъ (копорые уже извѣстны чипашедю). Тупъ пылъ нашъ былъ обезпеченъ, — но мы вмѣсто того, чтобъ спрятались за шанцы и припашься, выспроились въ кучку впереди и ожидали: что будетъ. — Минуты чрезъ двѣ цоравнялась съ нами и кавалерія, копорую мы издали увидели. Это были Французскіе лапники. Солнце ударяло прямо въ ихъ лапы; конскіе хвосты развѣвались опъ ихъ шлемовъ, земля дрожала опъ топота ихъ коней, — словомъ это былъ великолѣпнѣйшій видъ. Дорого заплапиль я за удовольствіе этаго зрѣлища.— Вся эта огромная масса (не знаю пропивъ чего направленная) неслась мимо насъ, не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія, кромѣ презрительныхъ взглядовъ, изрѣдка насъ привѣсптвовавшихъ. Но мнѣ показалося неприлично видѣть непріятеля и не спрѣлать по немъ. Я скомандовалъ своему войску—и оно съ жаромъ принялось за дѣло.— Эти внезапные выспрѣлы изумили кавалеристовъ. Они приходились имъ во флангъ — и многихъ уже ссадили съ коней.

Впрочемъ они продолжали свой путь, грозя намъ палашами,—мы продолжали имъ опвѣчать пулями, внутренне радуясь, что успѣли испребить съ полсотни непріятелей, копорые намъ ничего не могутъ сдѣлать; попому что имѣютъ другое назначеніе. Вся колонна ихъ уже почти проѣхала, вдругъ съ нѣкопорымъ безпокойствомъ увидѣли мы, что задніе эскадроны оспановились и, поворотя къ намъ, стали обвѣзжать нашу кучку.— Мы все-таки продолжали спрѣлать.— Ругая насъ безъ милосердія, они все пѣснѣ и пѣснѣ смыкались около насъ. Чрезъ нѣсколько минутъ я замѣпилъ, что спрѣлба наша стала упихать. «Чтошожъ въ ребяца не дружно спрѣлаете?»—Дѣ, батюшко—ваше благородіе, папроны-то всѣ вышли,—опвѣчали мнѣ нѣкопорые войны, — и пушъ-то я догадался, что положеніе наше очень плохо. Лапники наконецъ совсѣмъ окружили насъ, и командующій ими кричалъ намъ, чтобъ мы сдались. Я обвѣпилъ это моимъ солдавамъ, — но большая часть опвѣчала мнѣ: «не опдадимся басурману живыми въ руки. Авось Богъ поможетъ—и наши подойдутъ на выручку.» — Я закричалъ мой опказъ, — послѣдніе папроны наскоро были испрачены. Тупъ лапники врубилсь въ насъ—и началась рѣзня. О спасеніи нельзя было и подумать; всякой только продавалъ свою жизнь какъ можно дороже и падалъ очень доволенъ, если успѣвалъ всадить шпыкъ свой въ бокъ хоть одному лапнику. Я думаю, что около получаса продолжалась эта забава; кучка моя ежеминутно рѣдѣла—и скоро я оспался одинъ, прислонясь къ кирпичному брусверу. Нѣсколько разъ кричалъ мнѣ непріятельскій офицеръ, чтобъ я сдавался,—но я опвѣчалъ ему однимъ ругательствомъ. Наконецъ добрались и до меня. Тупъ немного было шруда. Съ первыхъ двухъ ударовъ палашами по головѣ я однако не упалъ, а невинною своею шпагою оборонялся, — и помню, что одного ранилъ въ ляжку, а другаго пкнулъ оспреемъ въ бокъ; не знаю, кто изъ нихъ наградилъ меня за это пистолетнымъ выспрѣломъ, попомъ другимъ, — но одинъ вскользь попалъ мнѣ въ шею, а другою въ

ногу. Тупъ я упалъ—и тогда-то удары и ругательства посыпались на меня какъ дождь. На мнѣ былъ серпукъ, мундиръ и фуфайка, а сверхъ всего еще ранецъ. Все это было изрублено какъ въ шинкованную капусту,—и изо всѣхъ ударовъ только два еще по головѣ были сильны, одинъ въ руку самый незначущій, и одинъ съ лошади пкнулъ меня въ спину остреемъ палаша. Всѣ прочіе удары даже не пробили моей одежды. — Полагая меня совершенно изрубленнымъ, оставили они насъ наконецъ. Услыша, что они уѣхали, я открылъ глаза. Изъ головы моей текла кровь ручьями — и производила по мнѣ какую-то пріятную теплоту. Инстинктъ самохраненія внушилъ мнѣ мысль: остановить бѣгущую кровь. Собравъ всѣ силы, развязалъ я свой шарфъ, (а онъ былъ нитяной!) туго обернулъ имъ голову и прилегъ на кирпичъ, предавая жребій мой Всевышнему.—Опѣ потеряли ли крови я ослабѣлъ, или опѣ уснулоспи всего этого дня, — но я почувствовалъ, что сонъ меня клонитъ.—Я закрылъ глаза и уснулъ.— Не знаю, долголь продолжался мой сонъ, — но докпора говорили мнѣ послѣ, что онъ бы и до сихъ поръ продолжался, еслибъ наша дружина не пришла опять на это мѣсто. Она также сильно пострадала отъ этой кавалерійской атаки, но и лапникамъ пришлось худо. Слѣва Воронежскій полкъ и двѣ дружины приняли ихъ очень сильнымъ багательнымъ огнемъ; справа 12-ть орудій осыпали ихъ картечью, а съ тылу заѣхалъ имъ Ямбургскій драгунскій полкъ; — такимъ образомъ вся эта кавалерійская масса, оставивъ болѣе половины на мѣстѣ, также быстро понеслась назадъ. Въ слѣдъ за нею бросились Ямбургскіе драгуны, а за ними пошли и наши пѣхотныя колонны. Дойдя до кирпичныхъ шанцовъ, наша дружина увидала бывшее наше побоище, узнала всѣхъ своихъ и подняла меня, замѣнивъ еще и признаки жизни. Когда я очнулся, меня несли три солдата. Я просилъ ихъ остановиться — не знаю зачѣмъ. Они исполнили мое желаніе, — и я спросилъ ихъ только: куда они меня несутъ? — Перевязать ваши раны, отвѣчали они,—и тупъ я всё бывшее

вспомнилъ и почувствовалъ. Какъ сожалѣть я объ этой глупой минутной остановкѣ: она стоила жизни одному моему провожатому. Только что они меня снова подняли и понесли, вдругъ съ сильною болью почувствовалъ я, что задній солдатъ выпустилъ меня изъ рукъ и бросилъ; «что ты это, злодѣй, дѣлаешь?» сказалъ я ему со стономъ. Но онъ уже не отвѣчалъ; ядро наискось разорвало его почти пополамъ. Я вздрогнулъ, и просилъ остальныхъ двухъ какънибудь помочь мнѣ встать на ноги и вести меня поскорѣе.—Прихрамывая, сколько силы мнѣ позволяли, добрелъ я до мѣста, гдѣ перевязывали раненыхъ. Боже мой! какое ужасное зрѣлище! Тамъ было гораздо хуже, чѣмъ на полѣ битвы. Лекаря, перемокшіе отъ крови, бросались какъ угорѣлые отъ одного къ другому и едва успѣвали подавать помощь.—Вскорѣ явился и ко мнѣ одинъ изъ эскулаповъ и спрашивалъ: гдѣ я раненъ? — «Вездѣ!» отвѣчалъ я — и онъ обгляда меня, покачалъ головою и не зналъ съ чего начать. Видя все плашье мое изрубленнымъ, онъ полагалъ, что это все раны — и сомнѣвался, я думаю: не бесполезный ли будетъ трудъ меня перевязывать. Впрочемъ онъ рѣшился начать съ головы. Развязавъ шарфъ, онъ хотѣлъ снять фуражку; но кровь уже застеклась и присохла; я просилъ его развязать фуражку, чтобъ скидывая ее, не дѣлать мнѣ сильной боли. Онъ однако не согласился на это — и сколько позволяла ему всеобщая торопливость этого дня, содралъ съ меня фуражку, взглянулъ довольно хладнокровно на раны, набросилъ на нихъ фунта два корпи, обернулъ меня бинтами — и принялся за другія части тѣла. — «Что? смертельны ли мои раны?» спросилъ я съ сильною біющимъ сердцемъ. — Теперь этого нельзя знать, — равнодушно отвѣчалъ онъ. — Первая перевязка все рѣшить. Молишься Богу. Впрочемъ кажется въ головѣ одинъ только ударъ повредилъ черепъ, и то слегка. А ось Богъ поможетъ. — Все это говорилъ онъ при болѣзненныхъ моихъ столахъ, испоргаемыхъ отъ снятія циркуляниками сапога съ раненой ноги. — Пуля прошла удивительно удачно сверху прямо въ

нія. Эта еще недостроенная башня очень высока, и стоя на площадкѣ уединенной скалы, кажется какимъ-то привидѣніемъ. Г. *Беквардъ* имѣлъ, какъ сказываютъ, 3 миліона фунт. стерл., т. е. 75 миліоновъ франковъ; но онъ и теперь еще очень богатъ. Его рѣдко видятъ, когда же онъ выезжаетъ со двора, то бываетъ сопровождается чрезвычайно смѣшною свитою: впереди ѣдетъ верхомъ престарѣлый дворецкій, съ сѣдою какъ лунь головою, за нимъ два пса съ престрашными кнуטיами, потомъ самъ г. *Беквардъ*, окруженный пятью или шестью собаками, и наконецъ два другихъ пса, также вооруженные кнутиами. Если собаки выдутъ на улицѣ изъ должнаго повиновенія, по конвой оспанавливаются и виновная наказуется плетью. Этотъ курсъ собачьяго воспитанія продолжается во все время прогулки г. *Бекварда* и оканчивается только съ возвращеніемъ его домой. Г. *Беквардъ* написалъ по Французски престранный, но очень остроумный романъ, удачно переведенный на Англійскій языкъ, гдѣ главную и чрезвычайно важную роль играетъ башня, которую наконецъ чортъ уноситъ вмѣстѣ съ людьми и со всемъ нѣмъ, что ее окружало.

Вопъ еще любопытный анекдотъ объ эпомъ *Беквардъ*. Тогда какъ онъ владѣлъ еще *Фонтгильскимъ аббатствомъ*, одинъ лордъ, жившій въ сосѣднемъ замкѣ, желая во что бы то ни стало видѣть *Беквардова* паркъ, вздумалъ взять ночью лѣстницу и перелезть черезъ стѣну. Но сторожа увидѣли его, схватили и привели какъ вора къ господину своему. Лордъ объявилъ свое имя, и къ неописанному удивленію присутствовавшихъ, *Беквардъ* обошелся съ нимъ съ опимѣнною вѣжливостію,—оставилъ его у себя, и на другой день самъ водилъ вездѣ; угостивъ пышнымъ обѣдомъ, почтительно раскланялся, и ушелъ въ свою комнату. Лордъ, чрезвычайно довольный такимъ неожиданнымъ гостепріимствомъ, намѣревался возвратиться домой, какъ вдругъ къ удивленію своему нашель ворота запертыми и не могъ отыскать ни одного человѣка, чтобъ отворить ихъ. Не понимая что это значило, онъ потчасъ воротился въ замокъ, чтобъ пожаловаться

Бекварду на слугъ его — и просить приказать его выпустить.— Не угодно ли вамъ, милордъ,—опвѣчалъ *Беквардъ*: выпши отсюда такъ, какъ вы пришли? Лѣстница стоитъ еще на томъ же мѣстѣ.— Лордъ разсердился, спалъ бранился, кричалъ—но дѣлать было нечего, и онъ принужденъ былъ съ большою опасностію перелезть опять черезъ стѣну, и такимъ образомъ вышелъ изъ *Фонтгильскаго парка*, проклиная коварнаго мизантропа и потерявъ навсегда охоту гулять въ его заперченномъ раю.— Продавъ *Фонтгиль*, г. *Беквардъ* прожилъ нѣсколько времени въ Лондонѣ въ самомъ уединенномъ предмѣстьи. Возлѣ него жилъ одинъ извѣстный садовникъ, котораго садъ славился рѣдкими и дорогими цвѣтами. *Беквардъ* каждый день ходилъ туда и платилъ садовнику 50 гиней въ недѣлю за позволеніе рвать все цвѣты, которые ему нравились.

Вечеромъ былъ я въ театръ. Зала великолѣпна, но актеры никуда не годятся.— Давали *Риенци*, плохую трагедію новѣйшихъ временъ, которую играли такъ дурно и съ такою неумѣстною восторженностію, что я не могъ ни плакать, ни смѣяться, и только чувствовалъ непреодолимое отвращеніе и скуку, и потому какъ можно скорѣе поспѣшилъ оставить этотъ храмъ Мельпомены и бѣжать къ пономарю аббатства, котораго я просилъ дозволить мнѣ видѣть церковь при лунномъ свѣтѣ. Вошедъ въ нее, я отослалъ его и, оставшись одинъ, бродилъ какъ тѣнь между гробницъ и колоннъ—и окруженный таинственными ужасами мрака и смерти, вызывалъ изъ нихъ вѣчную драму жизни человѣческой.

T.

Н О В А Я К Н И Г А.

Разсказы о походахъ 1812-го и 1813-го годовъ прапорщика Санктпетербургскаго ополченія Зотова. С. П. Б. 1836.

(Окончаніе.)

«Что вы шупъ дѣлаете?» сердито закричалъ намъ какой-то адъютантъ, увидавшій

наше смиренно-наблюдательное положение. «На Воронежский полк опять напираетъ превосходный непріятель, а вы шупъ спойте сложа руки!» Полковникъ нашъ опрѣчалъ ему что-то, — и послѣ короткаго съ нимъ объясненія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, свернулъ насъ въ густую колонну и повелъ влѣво, гдѣ мы издали уже видѣли сильную перепалку. Около полуверсты надобно было итти до нашего Воронежскаго принца, который отспаивался чудеснымъ образомъ отъ Баварской колонны, бывшей по видимому вдвое его сильнѣе и напиравшей на него самымъ наглымъ образомъ. По дорогѣ привѣщивали насъ съ какой-то непріятельской бакареи картечью—и вѣрно это понудило полковника, чтобъ дать меньше цѣли, развернуть насъ опять въ линію. Вскорѣ мы соединились съ Воронежскимъ полкомъ—и наше прибытіе придало ему духа. Мы примкнули къ правому его флангу и съ жаромъ принялись за перестрѣлку. Нѣсколько времени шла эта обоюдная работа съ изряднымъ успѣхомъ, съ тою разницею, что мы спояли на мѣстѣ, а Баварцы все ближе и ближе къ намъ подвигались. — Вдругъ увидѣли мы, что они прекративъ огонь, идутъ на насъ въ шпыки. Эта наглость удивила насъ. Полковникъ въ ту же минуту выровнялъ и сомкнулъ нашъ фронтъ, командовалъ на руку — и не выжидая непріятели, велѣлъ дружно и сильнѣе ударить на него. Раздалось привычное: ура! Фронтъ нашъ двинулся; офицеры отошли за фронтъ и обходили свои взводы, уговаривая солдатъ не робѣть. На этотъ разъ Баварцы не оробѣли, а съ дерзостію шли на насъ. Черезъ нѣсколько минутъ оба фронта сошлись—и началась рукопашная. Наши солдаты были сильнѣе, смѣлѣе, но неопытнѣе. Въ жару свалки они въ разныхъ мѣстахъ разстроили нашу линію и человекъ 20-тъ Баварцевъ вдругъ прорвались сквозь нашъ фронтъ. Офицерская шпага была вовсе не равнымъ оружіемъ противу ихъ штыковъ. Нѣкто офицеръ *Леонтьевъ* былъ первою жертвою этого неравенства: нѣсколько штыковъ въ грудь повергли его на землю безъ чувствъ. (Онъ выздоровѣлъ въ послѣдствіи и гово-

рилъ, что это было самое непріятное чувство, когда холодный прехгранникъ лезетъ въ грудь). Подполковникъ нашъ, почтенный 60-тій лѣтній спарикъ, будучи предъ этимъ раненъ картечью въ ногу и оставшійся однако же во фронтъ, былъ сбитъ съ ногъ ударомъ приклада въ голову. Упавъ на землю, выругалъ онъ Баварца сильными Русскими словами и лежа защищался еще шпагою отъ шпыковъ. Все это продолжалось однако не болѣе двухъ минутъ. Прорвавшіеся Баварцы были весь переколоты, — линія по возможности сомкнула, — а минуты чрезъ двѣ и вся Баварская колонна опрокинута. Не слушая команды, бородастые наши герои пустились за ними бѣжать и продолжали колотить. Большихъ усилій и даже ударовъ спойло полковнику остановить и собрать этихъ храбрецовъ, тѣмъ болѣе, что въ эту минуту вѣрно командующій линіею кордебатайлъ, выслалъ кавалерію (Ямбургскихъ драгунъ), чтобъ довершить пораженіе опрокинутой Баварской колонны. Остановясь снова въ бездѣйственномъ положеніи, полковникъ ждалъ инструкціи дальнѣйшихъ дѣйствій,—и получилъ приказаніе, свернувшись въ густую колонну, отойти съ Воронежскимъ полкомъ за выстрѣлы къ резерву, а выслать только изъ полка и изъ дружины по взводу въ стрѣлку для наблюденія за непріателемъ. Вызвали охотниковъ,—и изъ дружины пошелъ я и *Гротель*. У насъ было до 90 человекъ стрѣлковъ, и мы, перекрестясь, пустились впередъ въ разсыпную. — На этой обширной равнинѣ, гдѣ на 10 верстахъ происходило сраженіе, насъ никто и не замѣнилъ. Битва кипѣла вправо отъ насъ, — и мы подойдя къ цѣпи непріятельскихъ стрѣлковъ, спали съ ними очень дружески перестрѣливались, не дѣлая много вреда другъ другу. Товарищъ мой шелъ все со мною. Онъ былъ сынъ богатаго купца и, разсуждая теперь со мною на досугъ, просилъ меня, что, если его убьютъ, то выкупъ у него бумажникъ и золотые часы. Не успѣлъ еще онъ и вымолвить своего желанія, какъ пуля попала ему прямо въ лобъ—и онъ палъ подлѣ меня. Съ горестію посмотрѣлъ я на него, покачалъ головою и,

мякоть — и не пробивъ на вылетъ сапога, оспалась въ слѣду. Лекаръ вынулъ её — и объявилъ мнѣ, что для лучшей безопасности нужно мнѣ опрѣзать эту часть спупня — и что онъ сей часъ сбѣгаетъ за инструментами, коими дѣйствовалъ у кого-то другой его товарищъ въ это время. — Холодный потъ пробѣжалъ по жиламъ моимъ. Мнѣ ужасно было жаль распаться, хоть и съ небольшою частію ноги, — но какъ разсуждать съ самовластнымъ допоромъ? Онъ ушелъ и что-то позамышкался. Въ это время проходилъ мимо меня другой и спросилъ: осматривали ли мои раны? Жалобнымъ голосомъ оспановилъ я его и умолялъ посмотришь мою ногу: нужно ли её пилить? Онъ наклонился, засунулъ пальцы въ рану (и я молчалъ!) — и объявилъ, что кость совсѣмъ не пронута и ни малѣйшей нѣтъ надобности опнимать. Радосно уцѣпился я за него и не пустилъ до прибытія перваго. Тутъ спали они говорить между собою по Нѣмецки, — и какъ Богъ опкрылъ мнѣ эту грамоту, то и я вступилъ съ ними въ разговоръ на этомъ діалектѣ и какъ можно сладкорѣчивѣе уговаривалъ: не прогати ноги. Съ неудовольствіемъ согласился мой первый эскулапъ, говоря, что для моей же пользы хотѣлъ это сдѣлать, — и спросилъ: гдѣ я еще раненъ. — «Нигдѣ ужъ больше! все! довольно!» опвѣчалъ я, умолчавъ о прочихъ царапинахъ, потому что боялся его охоты къ операціямъ. Перевязавъ ногу, оспавили они меня, и я, поохавъ сполчаса, прилежъ къ бревну и опять заснулъ.

Когда я проснулся, то ужъ смерклось. Многочисленные костры пылали по всей равнинѣ, пальба умолкла, около насъ суенились Гродненскіе гусары, которые по диспозиціи войска должны были тутъ ночевать. Первое, о чемъ спросилъ я: взяли ли Подоцкъ? — и мнѣ опвѣчали, что нѣтъ! — Это извѣстіе меня чрезвычайно огорчило. За что-жь, подумалъ я, погибло столько людей, — и цѣль битвы не достигнута? — «Такъ не ужели мы разбиты?» спросилъ я опять. — О, нѣтъ! — опвѣчали мнѣ гусары, — Французы загнаны въ городъ и завпра вѣрно мы пойдемъ на приступъ. А по вѣдъ

цѣлое дѣло спояли лагеремъ здѣсь и грозилась побывать въ Пинеръ. Нѣтъ, оспойся! — послѣ сегодняшней передраги скоро улещется домой. —

Поблагодаря гусаръ за это извѣстіе, я спалъ съ большимъ вниманіемъ всматриваясь въ ихъ занятія. Они варили грешневую кашу и собирались ужинать. Я вспомнилъ, что болѣе двухъ сутокъ уже, какъ былъ на самой спрогой діетѣ, — и голодъ росписывалъ моему воображенію гусарскую кашу, какъ наивкуснѣйшее блюдо. — «Что это у васъ тамъ варится?» спросилъ я самымъ дипломатическимъ тономъ. — Обыкновенно что, ваше благородіе, — каша! Не прикажише ли опвѣдать, коли не побрезгуете. — «Что за вздоръ, братецъ; дай попробоватъ.» Я допачился до огня, у котораго висѣлъ аршельный копель, вооружился какою-то деревянною ложкою и подбѣлъ къ кашѣ.

«Да что это, братецъ, бѣлое-то торчитъ у васъ въ коплѣ?» спросилъ я.

— Это, сударь, сальный огарокъ; такъ, для смаку. —

Огарокъ расхолодилъ мое воображеніе, — и я призадумался: ѣсть ли мнѣ кашу или нѣтъ? — Наконецъ голодъ побѣдилъ всякое раздумье. Я хлѣбнулъ ложку, потомъ другую, потомъ третью, — и наконецъ не опспалъ, покуда не былъ сыпѣшенекъ. — Поблагодаривъ гусаръ, я подаль одному изъ нихъ двугривенный, — но онъ чрезвычайно эпимъ обидѣлся и не взялъ.

Раны мои внушали всеобщее уваженіе; всѣ обо мнѣ хлопотали, какъ уложишь меня пощепе (ночь была очень холодна) и помягче. — Наконецъ я улегся — и проспалъ до утра самымъ крѣпкимъ сномъ.

Поупру пріѣхали нѣсколько повозокъ, — чтобъ везти раненыхъ въ Юревичи (гдѣ мы наканунѣ сраженія ночевали), — и тутъ распросилъ я обо всѣхъ своихъ сослуживцахъ. — Изъ 16 офицеровъ, оспалось невредимыми только двое: полковникъ и адъютантъ его. Изъ 800 солдатъ дружины — спояло ввечеру во фронтѣ 96 человекъ.

Кое-какъ допашились мы къ полудню до Юревичъ,—и всѣ раненные нашей дружины помѣстились въ одной лачужкѣ.—Здѣсь уже прибылы наци обозы—и наша дѣпта кончилась.— Вечеру услышали мы снова сильную пальбу, увидѣли зарево въ городѣ—и до пѣхъ поръ не дожились спать, покуда казакъ не привезъ намъ извѣстія, что Полоцкъ взятъ!»

М О Д Ъ С.

Lorsqu'un homme porte un habit de drap fin, un pantalon de casimir et un gilet à broderies d'or ou d'argent, il croit être à la mode et de bon goût. C'est une grave erreur de penser que l'étoffe seule fait l'habit; car si la mode est dans la couleur et la beauté de la matière, elle est encore bien plus dans l'élégance de la coupe. On trouve chez M. Humann, dans ce moment, des boutons dits à la française, en or mat, et qui lui appartiennent *uniquement*, les ayant fait fabriquer lui-même. Ces boutons se placent sur des habits de soirées en drap foncé.

On porte beaucoup de redingotes en drap couleur *lord Chatam*; on les fait très courtes et à grands boutons de soie ouvragée. Les revers en sont larges et rabattent sur la poitrine, jusqu'à la naissance de la manche; on les orne de ganses carrées. Avec ces redingotes il est de bon goût de mettre des pantalons de tricot uni; les nuances les plus distinguées sont les nuances foncées. La forme des pantalons n'a pas changé: ils couvrent le coude-pied, et s'appliquent hermétiquement sur la botte. Les habits de soirées, sur lesquels se placent les boutons de M. Humann, sont à grands revers et s'arrondissent légèrement sur la taille, les basques un peu plus larges que l'année dernière. Avec ces habits, il faut un pantalon en casimir noir, demi-collant ou tout à fait collant. Les pantalons à côtes ont totalement disparu de la toilette du *fashionable*; même le matin on n'en porte plus. On voit déjà quelques cravates blanches, mais les noires sont toujours en majorité. Les hommes qui entendent leurs intérêts ne devraient jamais porter d'autres cravates que des cravates noires; rien ne sied mieux aux visages, soit pâles, soit colorés; c'est un jugement que nous avons entendu porter à presque toutes les femmes: elles sont *compétentes* en pareilles matières...

Pl. No 35. Costumes de soirées des ateliers de Mr. Humann, des petits champs chapeaux. — Claques de pinaud.

М О Д Ъ.

Когда мущина во фракъ изъ тонкаго сукна, въ казимировыхъ панталонахъ и въ жилетѣ вышитомъ серебромъ или золотомъ, по думаешь, что одѣтъ по модѣ и со вкусомъ. Большая ошибка думать, будто бы одна матерія составляетъ платье; потому что, если мода заключается въ цвѣтѣ и красотѣ матеріи, то еще болѣе въ щеголеватости покроя. У г-на Humann есть теперь пуговицы, называемыя *à la française*, изъ маповаго золота; онѣ единственно ему принадлежатъ, потому что онъ самъ ихъ сдѣлалъ. Эти пуговицы нашиваются на вечерніе фракы изъ темнаго сукна.

Суконные сертукки цвѣта *lord Chatam* въ большомъ употребленіи; ихъ дѣлаютъ весьма коротки и съ большими шелковыми плетеными пуговицами. Опвороты широкіе, опкидываются на грудь, до начала рукавовъ; ихъ обшиваютъ четверугольными шнурками. Съ этими сертукками щипается въ хорошемъ вкусѣ надѣвать панталоны изъ гладкаго прико; опличные цвѣта темные. Покрой панталонъ не перемѣнился: онъ закрываетъ щиколку, и плотно обхватываютъ сапогъ. Вечерніе фракы, на которые нашиваютъ пуговицы г-на Humann, дѣлаются съ большими опворотами и слегка округлены къ шали; валды немного шире прошлогоднихъ. Съ этими фраками надо черные казимировые панталоны, не совсѣмъ или совсѣмъ въ обтяжку. Панталоны съ рубчиками совершенно исчезли изъ моднаго шуалета; даже упромъ ихъ болѣе не носятъ. Видны иногда бѣлые галспухи, но большинство черныхъ. Мущинамъ, понимающимъ свои выгоды, надлежало-бы не носить другихъ галспуховъ какъ черныхъ; ничто не идетъ лучше къ лицу, блѣдному ли, или съ краской; это сужденіе мы слышали почти опъ всѣхъ женщинъ; онѣ знапоки въ подобныхъ вещахъ.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карш. No 35. Вечерній костюмъ. — Шляпы съ корбшкими полями.—Клоки.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

N° 101 и 102.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до,
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 16 ДНЯ 1836 ГОДА.

Тошно дѣвицѣ ждаль мила друга,
Сердце, кажется, хочеть вырваться;
Къ нему тайной вздохъ, къ нему страстной взоръ,
Къ нему встрѣчу вся лечу мыслями.

А. Мерзляковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ. БРАЧНАЯ МОНЕТА.

(Послѣсть.)

I.

На улицѣ было грязно и скользко;—домы, мокрые отъ дождя, казались какъ будто лишь только вышпугарены и аспидныя кромлн ихъ почернѣли отъ сырости. Вдали на горизонтѣ носились еще кое-гдѣ легкія облака, осматки удалившейся тучи; но надъ Парижемъ, во всемъ великолѣпнн своемъ, сіяло лучезарное солнце и, казалось, торжествовало побѣду свою надъ бурсю.—Все это происходило въ Мартѣ мѣсяцѣ 1835 года.

Молодой человекъ, благородной наружноспн, стоялъ подъ шлахтаумомъ Сенской улицы, и разсматривалъ въ лорнетъ одинъ изъ тѣхъ старинныхъ порпупреповъ, которые, вися печально на мокрыхъ спѣнахъ какой нибудь лавочки, или караульни, — спрашивають, кажется, всякаго прохожаго: не въ родствѣ ли онъ съ ними?—По другую спорону шлахтаума маленькій мальчикъ, довольно порядочно одѣтый, протягивалъ худую

и загорѣлую руку свою, прося милоспынн; между тѣмъ какъ другою, съ сильнымъ движеніемъ спыда и гореспи, закрывалъ себѣ лицо. Въ это же время проходили по улицѣ двѣ женщины, изъ которыхъ одна, закутанная въ широкую Шопландскую епанчу, казалась молода и прекрасна; по крайней мѣрѣ, склѣзь черное покрывало ея, свѣшились прелестныя голубые глаза и блискали, какъ звѣзды небесныя во мракѣ ночи.— Въ другой—по физиономіи, походкѣ и разговору ея, не трудно было узнать горничную.

«Нѣтъ ли съ побой денегъ? дай мнѣ въ займы, я позабыла кошелѣкъ свой,» сказала молодая дѣвушка, поровнявшись съ мальчикомъ.

—Нѣтъ, сударыня, у меня только и будетъ, что заплашишь за перевозъ;—отвѣчала горничная.—Богъ дастъ, душенька!—сказала она нищему: въ другой разъ, когда опять пройдемъ здѣсь, мы подадимъ тебѣ.—

«Нѣтъ, нѣтъ,» прервала госпожа, остано-вивъ ея за руку: «дай все, что у тебя есть! Мы можемъ иппи черезъ Тюльерійскій мостъ.»

—Этакую даль! Что вы, сударыня! Да развѣ вы забыли, что матушка ваша ждетъ насъ, и будетъ очень беспокоиться, если мы опоздаемъ домой хотя одною минутою; — а вѣдь ужъ не рано... Слышите ли? на инстинктушской башнѣ бьютъ два часа!—

«Слышу, и потому ты должна скорѣе дать мнѣ деньги.— Дай, дай!» продолжала она съ нетерпѣніемъ и, выхватя у горничной двукопѣечную монету, положила еѣ въ загорѣлую руку мальчика.

Молодой человекъ, разсматривавшій порплены, опустил лорнетъ свой, чпобъ по-смотреть на эту прогательную сцену; потомъ приложилъ его опять къ глазу и— долго слѣдовалъ за молодою дѣвушкою, которая почти бѣжала по улицѣ, перепрыгивая съ камня на камень съ граціею и проворствомъ маленькой кошечки, или, лучше сказать, съ легкостію модной Парижанки, которая боится замарать шелковое платье свое.

Скоро исчезла она на поворотѣ улицы, и молодой человекъ, потерявъ еѣ изъ виду, невольно вздохнулъ, подошелъ къ мальчику, и, взявъ у него двукопѣечную монету, замѣнилъ еѣ пятью франками.

Бѣдный мальчикъ обезумѣлъ отъ радости.—Добрый, великодушный господинъ,—закричалъ онъ, открывъ лицо свое: по милости вашей, вы можемъ теперь заплашпть за квартиру—и дворникъ не выгонитъ насъ на улицу. О, сударь! безъ васъ мой бѣдный, дряхлый отецъ ночевалъ бы, можетъ быть, нынѣшнюю ночь на голомъ камнѣ, и вѣрно бы занемогъ и умеръ съ печали!—И бѣдняжка, худой, бѣдный, едва могъ стоять на ногахъ отъ внутренняго смущенія, и долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ.

«А чѣмъ промышляетъ отецъ твой?» спросилъ молодой человекъ съ участіемъ.

— Да теперь ни чѣмъ, сударь; прежде занимался онъ въ кучера, да разъ упалъ съ козель и переломилъ руку и ногу;—съ тѣхъ поръ онъ все болѣлъ, и не можетъ ни править лошадьми, ни работать дома. Пока матушка была жива, она кормила насъ пру-

дами своими, но съ тѣхъ поръ, какъ еѣ не спало, мы испрашили все, что она и батюшка накопили по маленьку, и теперь у насъ нѣтъ хлѣба насущнаго; я же не умѣю ничего дѣлать и, съ горя, вздумалъ сегодня поупру илии просить милосыни. Ахъ, сударь! Я не зналъ, какъ это горько, и теперь лучше умру съ голоду, нежели опять спану просить хлѣба у прохожихъ!—Разъ я хотѣлъ было кинуться въ рѣку, да вспомнилъ, что это спрашный грѣхъ и побоялся Бога, припомъ мнѣ жаль было оставить бѣднаго батюшку... Какъ быть? Надо терпѣть, думалъ я, авось, какъ вырасту, и я буду въ силахъ работать и кормить его, а до того спану молиться,—Господь милосердъ и не покинетъ меня;— вотъ, сударь, Отецъ небесный услышалъ бѣднаго сироту, и на нынѣшній день послалъ намъ и пищу и пріютъ, а завтра...завтра... О, Господи, для чего не могу я работать, какъ большіе люди!...—

И онъ въ отчаяніи билъ себя по лбу.

«Успокойся, другъ мой!» сказалъ разстроганный молодой человекъ: «ты говоришь хорошо, и вѣрно знаешь грамотъ?»

—Какъ же, сударь! да я и арифметику знаю; матушка учила меня всему: это твой хлѣбъ, говорила она, и когда меня не спанеть, ты будешь кормить бѣднаго твоего отца. Ахъ, сударь! до сихъ поръ грамота не послужила мнѣ ни къ чему, и никакъ не хочетъ взять меня въ услуженіе, отъ того, что я, говорятъ, малъ и плохова здоровьемъ!—

«Если отецъ твой согласится, я возьму тебя къ себѣ, и будь увѣренъ, что тебѣ будетъ у меня хорошо. Я не оставлю также и старика твоего.»

Мальчикъ покраснѣлъ, поблѣднѣлъ—и не могъ выговорить ни одного слова, кромѣ несвязныхъ восклицаній: о сударь! о батюшка! о Боже мой!—Наконецъ зарыдалъ и бросился цѣловать руку благодѣтеля своего.

Черезъ нѣсколько минутъ однакожь онъ оправился и сказалъ: если позволите, я сей часъ же провожу васъ къ батюшкѣ —

Они пошли по *Мазарикской* улицѣ, и дорогою мальчикъ говорилъ не умолкая.

— Меня зовушь *Томасомъ*, мнѣ исполнилось ровно четырнадцать лѣтъ (и онъ приподнимался на цыпочки), и я обещаю вамъ, сударь, вести себя хорошо, быть исправнымъ, послушнымъ, и любить васъ... о! конечно, конечно я буду любить васъ! — повторялъ онъ заѣхавшись, потому что шелъ то очень скоро, то тихо, и ежеминутно скользилъ на грязныхъ камняхъ.

— Не давайте мнѣ много денегъ на пищу, сударь; сказалъ онъ помолчавъ: съ меня довольно куска хлѣба; вѣдь я привыкъ къ голоду; я прошу васъ отдавать жалованье мое бабюшкѣ, — а тѣ пять франковъ, которыми я выпросилъ у васъ въ *займы*, мы непременно со временемъ заплашимъ вамъ, сударь, чтобы они не были милостынею. —

Молодой человекъ улыбнулся.

— Мнѣ ни въ чемъ не будетъ у васъ недостатка, сударь, — продолжалъ мальчикъ, утирая рукою глаза свои: пакъ, я могу теперь давать отцу то, что онъ давалъ мнѣ, когда имѣлъ силу и здоровье, а я былъ еще малъ и глупъ; вѣдь это долгъ мой, — не правда ли, сударь?... Но вотъ мы и пришли; извините, если я пойду впередъ; на лѣстницѣ пакъ темно, что вы можете упасть. —

Онъ повелъ молодого человека, по грязной и крупной лѣстницѣ, на чердакъ пятиэтажного дома, и наконецъ, отворилъ тамъ дверь въ маленькую горенку, посреди которой стояла большая, довольно опрятная кровать, дубовый столъ и нѣсколько соломенныхъ стульевъ въ порядочномъ состоянн.

Разумѣется, что старый и дряхлый отецъ *Томаса* съ благодарностію принялъ предложеніе г. *Адольфа Тенвила* — взять его къ себѣ.

Адольфъ Тенвилъ выхлопоталъ для старика мѣсто въ богадѣльнѣ *Ла-Рошъ Фуко*, и хотѣлъ самъ проводить его туда въ наемной каретѣ.

Старикъ продалъ мебель свою сосѣду, расплачиваясь съ хозяиномъ, и, не безъ грусти, оставилъ печальныя стѣны, бывшія столько лѣтъ нѣмыми свидѣтелями его страданій.

Дорогою онъ говорилъ сыну: «ны доставилъ мнѣ пристанище на старости, будь надъ побою мое благословеніе! Люби благодѣтеля нашего, служи ему вѣрно за меня и за себя, помня, что тебѣ нечѣмъ оплачивать ему, кромѣ усердія своего и вѣрности!»

Наконецъ карета остановилась у воротъ богадѣльни — и они вышли.

«Прости,» сказалъ старикъ дрожащимъ голосомъ: «навѣдай меня иногда съ дозволенія господина, и не забывай дряхлаго отца своего, которому на бѣломъ свѣтѣ остается только молиться за тебя Богу! — Тутъ они обнялись рыдая — и калитка заворилась.

Сердце *Томаса* было полно чистой и благородной радости. Онъ съ гордостію поднималъ голову и взглянулъ на небо; потомъ, съ фуражкой въ рукѣ, подбѣжалъ къ каретѣ, проворно опустилъ подножку и, заирая дверцы, спросилъ господина: «куда прикажете ѣхать?»

— Въ улицу *Лудовика*, No 20. *Грумъ*, вскопча на запяски, громко и внятно закричалъ кучеру: пошелъ въ улицу *Лудовика*, No 20.

Вечеру того же дня, одѣтый въ богатую ливрею, новый *грумъ* г. *Тенвила* дожидаясь его въ великолѣпной комнатѣ, украшенной дорогими кардинами и мебелью во вкусъ *среднихъ вѣковъ*.

— Что еще нужно? — спросилъ *Томасъ*, раздѣвъ господина и убравъ все въ спальнѣ.

«Ничего, *Томасъ*.»

— Смѣю ли спросить, сударь, довольны ли вы мною? —

«Очень доволенъ; а ты?»

— О, сударь! вамъ ли спрашивать это? — Я непомню самъ себя отъ радости; только, признаюсь, одно печалитъ меня... Я нигдѣ не видалъ больше той хорошенькой молодой барышни, которая подала мнѣ двукопѣечную монету. Не ужьли мнѣ никогда не удастся встрѣтиться и поблагодарить еѣ? —

«А почему ты знаешь, что она барышня хороша собою?» спросилъ съ жаромъ *Тенвилъ*.

— Да я, сударь, опгадалъ это по ея голосу, который о сю пору звенилъ у меня въ ухахъ, какъ серебряный колокольчикъ, и по немъ узналъ бы её черезъ сто лѣтъ, если бы мнѣ пришлось столько жить на свѣтѣ.—

Адольфъ задумался.

— Съ самаго утра, — продолжалъ *Томасъ*: просягивалъ я руку прохожимъ и никто не хотѣлъ пособить мнѣ, какъ вдругъ Богъ привелъ эту добренькую дѣвицу, и она не побоялась ни дождя, ни длинной дороги, чтобы подать милосыню бѣдному сиротѣ. Какъ же мнѣ не быть ей благодарнымъ; да припомъ же, сударь, вѣдь безъ неё и вы бы не примѣнили меня.— О, это вѣрно мой ангелъ-хранитель, подъ видомъ этой молодой дѣвицы—и потому я непременно гдѣ нибудь встрѣчу её,—я это чувствую!—

И двѣ крупныя слезы покапились по впалымъ щекамъ мальчика, изнуреннаго долгою нищетою и голодомъ.

Адольфъ вздохнулъ—и потомъ тщателью завернувъ что-то въ бумажку, положилъ въ пиюпиръ изъ прекраснаго Русскаго сафьяна.

Томасъ вынесъ свѣчу изъ спальни.

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

ПЕТРЪ ШТАУФЕНБЕРГЪ.

(*Нѣмецкое преданіе.*)

Недалеко отъ Оффенбурга стоить замокъ Петра Димитрингера *Штауфенберга*. Вотъ, что говорятъ о немъ преданіе. Рано по утра, въ Троицынъ день, *Штауфенбергъ* велѣлъ осѣдлать своего коня: онъ собирался въ Нюссбахъ отслушать обѣдню. Его конюшій пошелъ впередъ и, при входѣ въ лѣсъ, увидѣлъ молодую, богато-одѣтую дѣвушку чудной красоты. Онъ ей поклонился и прошелъ мимо; вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ къ лѣсу и рыцарь; онъ обрадовался, увидя эту молодую дѣвушку, поклонился ей и спалъ съ нею разговаривать. Она благодарила его за похвалы, которыми онъ ей дѣлалъ. *Петръ* сошелъ съ коня, она подала ему руку, чтобы помочь ему; онъ обнялъ ее, и они оба сѣли

при опушкѣ лѣса — и спали разговаривать. «Прости меня,» сказалъ *Петръ*: «что я сдѣлаю тебѣ вопросъ, который у меня лежитъ на сердцѣ: за чѣмъ ты здѣсь одна?» — Я спану отвѣчать тебѣ чистосердечно,—отвѣчала она;—я дожидалась тебя. Уже давно я люблю тебя, и въ битвахъ я часто тайно покровительствовала тебѣ, часно клала руку къ тебѣ на голову, чтобы съ тобой не случилось какой-нибудь бѣды. — «О! вскричалъ рыцарь, высшее мое щасіе, что я встрѣнилъ тебя; и теперь одно желаніе быть твоимъ на всю жизнь!» — Твое желаніе можетъ исполниться, отвѣчала ему молодая дѣвушка; если ты меня любишь, ты не возьмешь другой жены, кромѣ меня; а если ты возьмешь другую жену: то черезъ три дня умрешь. Когда тебѣ случится быть одному, тебѣ стоить только позвать меня. Я прилечу къ тебѣ — и жизнь твою пойдешь спокойно и щасливо. — «Правда ли это?» спросилъ рыцарь. Она отвѣчала ему призвавъ Бога во свидѣтеля истины. Тогда рыцарь поклялся ей въ вѣрности — и они обручились другъ съ другомъ. Бракъ назначенъ былъ въ *Штауфенбергѣ*; она дала ему богатое кольцо, посмотрѣла на него съ тихою улыбкою и исчезла. *Петръ* поѣхалъ въ *Нюссбахъ*, отслушалъ тамъ обѣдню, помоллся и возвратился въ свой замокъ. Здѣсь, когда онъ осмался одинъ, онъ сказалъ самъ себѣ: когда бы теперь была со мною моя прекрасная невѣста, — и въ тужъ минуу она явилась къ нему.

Такимъ образомъ очень щасливо жили они нѣсколько времени. Жена приносила ему золотыя, чѣмъ распроспранилъ свои владѣнія, чѣмъ весело пожить на свѣтѣ. Потомъ онъ поѣхалъ путешествовать, и вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, лишь только задумаешь, — она явился къ нему, и они вмѣстѣ проводятъ долгіе часы.

Вотъ, наконецъ, онъ возвратился на свою родину; братья и друзья спали приступать къ нему, чтобы онъ женился. Ихъ просьбы пугали его; онъ и слушать ихъ не хотѣлъ. Они подослали къ нему человека, знаменитаго своею мудростію, и *Петръ* отвѣ-

чалъ ему: «Я лучше позволю изрубить себя въ куски, чѣмъ соглашусь жениться.» Когда же явилась къ нему жена его, онъ разсказывалъ ей обо всемъ, что случалось, и вновь повпорялъ ей свои кляпвы въ вѣрности. Во Франкфуртѣ въ ту пору происходили пышныя празднества: тамъ короновался Нѣмецкій Императоръ, и *Штауфенбергъ* пріѣхалъ туда, со множествомъ другихъ благородныхъ рыцарей, и съ многочисленною свитою. Тамъ онъ оплечался и на турнирахъ и въ обществѣ рыцарей, обратилъ на себя вниманіе Императора, и получилъ отъ него предложеніе жениться на одной изъ его двоюродныхъ сестеръ. Это предложеніе сильно огорчило *Петра*, и онъ отказался отъ этой чести. Когда же родственники Императора, удивленные этимъ отказомъ, начали спрашивать у него, почему онъ не соглашается на этотъ бракъ, онъ отвѣчалъ имъ, — «что у него уже есть красавица—жена, съ которою онъ очень щасливъ, и что если онъ женится на другой, ему черезъ три дня умереть.» — Покажи же намъ жену свою, сказалъ епископъ. — «Нельзя,» вскричалъ *Петръ*: «она никому не показывается, кромѣ меня.»—Слѣдовательно, это не женщина, не изъ роду обыкновенныхъ людей,—сказали всѣ шутъ споявшіе и слушавшіе. Спало бытъ шутъ есть колдовство, — это не дѣлаешь вамъ чести.

Эти слова смутили *Штауфенберга*, и онъ обѣщаль исполнить желаніе Императора. Свадьба была назначена; ее положили праздновать въ скоромъ времени, въ замкѣ рыцаря. И вотъ жена его явилась къ нему; она спрого выговаривала ему, что онъ забылъ свои кляпвы. Она ему говорила: молодая жизнь твоя кончится, когда, на одномъ изъ твоихъ свадебныхъ пиришествъ, ты увидишь мою ногу, и твои госпи также увидятъ ее; вспомни, что тебѣ не надобно тогда перьятъ времени, а должно господишься къ смерти. — Но *Штауфенбергъ* подумаль, что это одиѣ угрозы, чтобъ только напугать его, и что вѣрно они не будутъ приведены въ исполненіе и останутся безъ всякихъ послѣдствій. Онъ привезъ въ замокъ свою молодую невѣсту и ве-

лѣлъ приготовить большой пиръ. Онъ сидѣлъ за столомъ подѣ своей вপরой молодой жены, какъ вдругъ изъ подѣ пола вышла прекрасная пожка, бѣлая, какъ слоновою кость. Рыцарь побѣдиль и вскричалъ: «Вы погубили меня! черезъ три дня я долженъ умереть.» Пожка исчезла и на паркети не видать было ни малѣйшаго отверстія. *Петръ* призвалъ къ себѣ священника и, проспившись съ молодою женою, умеръ. А жена его пошла въ монастырь, и всю жизнь свою молилась о душѣ своего несчастнаго мужа.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, говоритъ *Филхартъ*, вся Лопарингія знала эту исторію о рыцарѣ *Штауфенбергѣ* и молодой волшебницѣ, и всѣмъ показывали, недалеко отъ Нюссбаха, камень, на которомъ она сидѣла и дожидалась его въ первый разъ.

Пер. П. Смирновъ.

Москва,
1836.

ЧУДЕСА МЕХАНИКИ.

Въ такъ называемомъ *Механическомъ* журналѣ (*mechanic's magazine*) помѣщено: что извѣстный Англійскій механикъ, г. *Пилъ*, выставилъ недавно, въ *Бродвейскомъ* музеумѣ, собраніе машинъ, которыя не только любопытны по своему механизму, но и чрезвычайно занимательны. Въ числѣ ихъ особенно привлекла вниманіе публики фигура, представляющая мальчика, который, стоя на колѣнахъ передъ налосемъ, нарисоваль двѣ прекрасныя картинки и написалъ чепыре страницы самымъ щегольскимъ почеркомъ. Другая фигура, не менѣе удивительная, и котораю долго забавляла зрителей, есть чародѣй, сидящій у стѣны и держащій въ одной рукѣ книгу, а въ другой волшебный жезлъ; возлѣ него лежатъ чепыре медальона, на которыхъ написано множество вопросовъ. Вы выбираете одинъ изъ нихъ и кладете въ ящикъ, который тотчасъ самъ собою закрывается. Тогда автоматъ вспадаетъ, шевелитъ головою, смотритъ въ книгу, какъ будто размышляя о заданномъ ему вопросѣ; потомъ чертитъ жезломъ своимъ круги на

воздухъ, и наконецъ ударяетъ имъ по спѣнью; въ эту минуту вдругъ растворяются двѣ двери, и вы видите вдали родъ жертвенника, на которомъ крупными словами написано отвѣтъ. После того двери затворяются, чародѣй принимаетъ обыкновенное свое положеніе и въ раскрышемся опять ящикъ является новый медальонъ. Удивительнѣе всего то, какимъ образомъ отвѣты автомата согласуются всегда съ смысломъ вопросовъ. Многіе зрители утверждали, что вслѣдствіе составленія въ большей или меньшей сложности медальоновъ, но, по разсмотрѣніи машины, предположеніе это оказалось несправедливымъ. Третій автоматъ представляетъ танцовщика на веревкѣ, который дѣлаетъ разныя фигуры и прыжки на желѣзной проволоцѣ, его поддерживающей. — Но всего болѣе замѣчательна молодая жепщина за клавишномъ; руки ея, голова, пальцы, двигаются такъ ровно, такъ согласно и съ такою невѣроятною точностію, что вы совершенно забываете, что это кукла. Автоматъ опускаетъ ногою педали, и извлекаетъ изъ инструмента гармоническіе, оборотистыя звуки; онъ, какъ и всѣ другія фигуры, движется посредствомъ тонкихъ многосложныхъ пружинокъ, скрытыхъ въ большихъ ящикахъ; однакожь, въ пѣкнорыхъ автоматахъ причина ихъ движенія находится въ нихъ самихъ. Тутъ же показывали еще *мышь*, *ящерицу*, *злѣю* и *золотого паука*, чрезвычайной работы, который бѣгалъ по столу и игралъ въ паушинѣ своей такъ натурально, что нельзя было надивиться такому совершенному подражанію природѣ. Зрители особенно любовались прекрасною золотою табакеркою съ маленькою птичкою, которая повертываетъ головкою, отворяетъ ротъ, распускаетъ лазуревыя крылышки и поетъ громко и пріятно. Последній же и самый удивительный изъ всѣхъ этихъ чудесныхъ автоматовъ, есть человѣческая фигура въ 2 вершка вышиною, которая ходитъ по столу и сохраняетъ равновѣсіе, не будучи ничѣмъ поддерживаема. Тотъ, который показывалъ это чудо искусства, приподнималъ драпировку съ спины

куклы, и открывалъ сокровенный механизмъ ея, который состоитъ во множествѣ цѣпочекъ, рычаговъ и зубчатыхъ колесъ. Сколько труда, сколько лѣтъ, стоило это несовершенное подражаніе движеніямъ человѣческимъ! Но мы, неблагодарные, судимъ часто очень несправедливо о прекрасныхъ произведеніяхъ искусства, и забывая труды художника, думаемъ только о томъ, чтобы наслаждаться плодами ихъ!

T.

ГОРА СИНАЙ.

На вершинѣ сей святой горы находилъ старинный монастырь, основанный Императоромъ *Юстиніаномъ*. Монахи уверяютъ, что *Магомедъ*, распространяя огнемъ и мечемъ свое ученіе на Востокъ, далъ пощадъ этому монастырю въ благодарность за кровопролитіе, отъ него полученное, и всѣ права, дарованныя ему *Юстиніаномъ*, подтвердилъ фирманомъ, написаннымъ рукою *Али*, къ которому, за неумѣіемъ грамотъ, приложилъ въ буквальномъ смыслѣ свою правую руку. Этотъ фирманъ опосланъ въ Константинополь, по требованію султана *Селима*, собиравшаго всѣ акты Пророка; однакожь съ него полученъ вѣрный списокъ, который хранился въ Каирскомъ архивѣ. Кажется, Арабы очень тревожатъ этихъ бѣдныхъ опшельниковъ. Впрочемъ, сады ихъ обширны и довольно хорошо содержатся; виноградныя лозы и тысячи благовонныхъ кустовъ свиваются въ тѣнныя алеи вокругъ святой обители. Яблоки и груши чрезвычайно вкусны; но ихъ возятъ почти всѣ на продажу въ Каиръ, гдѣ онѣ составляютъ лакомство богачей. Дыни, абрикосы, гранаты, шелковица, также лимоны и апельсины, растутъ въ изобиліи. Церковь богата старинными образами въ богатыхъ одеждахъ; полъ ея украшенъ великолѣпною мозаикой, отчасти разрушенной временемъ, въ которой однако видно еще прекрасное изображеніе св. *Екатерины*. Главнѣйшую же святыню этой церкви и всей горы состав-

вляеть часовенка, сооруженная на помѣ мѣсцѣ, гдѣ, по преданію, находилась неопалимая купина. Эта купина называется по Сирійски «Сенехъ», и. е. терновый кустъ, и есть родъ акаціи, вспрѣчающейся нерѣдко въ окрестныхъ пустыняхъ. Вѣроятно и гора отсюда получила названіе Синай. Извѣстно, что Господь, при явленіи купины, сказалъ Моисею: «Иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ; мѣсто бо, на немже ты стоиши, земля свята есть!» Эту заповѣдь и до нынѣ строго соблюдаютъ монахи, какъ въ отношеніи къ себѣ, такъ и въ отношеніи къ путешественникамъ. Путешественники допускаются въ святилище не иначе, какъ разувшись у его порога. Хоривъ и Синай образуютъ собственно одну гору, отчего не рѣдко смѣшиваются въ св. Писаніи. Надъ пещерою, гдѣ пророкъ *Иліа* видѣлъ таинственное видѣніе славы Божіей, построена также церковь, въ которой иногда служатъ при многочисленномъ стеченіи богомольцевъ. Сравнивая повѣствованіе Моисея съ нынѣшнимъ состояніемъ горы, найдено, что ничего въ ней не измѣнилось съ того времени. Видъ природы мѣняется часто, и дѣла человѣческія разрушаются подѣ пятою времени, но необозримое море пустыни и гранитная громада Хорива, остались невредимы. Сошедъ съ Синая, направляють путь свой въ Сарабайтъ Эль-Хаданъ, и въ недалекомъ разстояніи отъ города, на небольшой равнинѣ, находятъ множесиво каменныхъ досокъ, отъ 7 до 8 фузовъ въ вышину, въ 3 ширины и 2 толщины. Большая часть ихъ окружены стѣнами и столпы на небольшихъ возвышеніяхъ. Онѣ покрыты іероглифами и должны быть посвящены въ разные времена, вѣроятно въ память какихъ нибудь примѣчательныхъ событій. Это описаніе показываетъ, что монастырь Синайскій и прочіе памятники Св. горы ни сколько не измѣнились, а находятся въ томъ же положеніи, въ какомъ видѣли ихъ многіе Русскіе путешественники, описавшіе свои странствованія, но не читавшіе ихъ въ обществѣхъ, не печатавшіе въ журналахъ. Такъ, часто за недослѣдкомъ гласности, многое, давно извѣстное, пропадаетъ, и,

черезъ нѣсколько вѣковъ, выдается за новое, любопытное открытіе.

Съ Пѣвец. П. Смирновъ.

Москва.

Сентября 30-го.

СОЛОВЕЙ И МУРАВЕЙ.

(Басня изъ Саади.)

Соловей пѣлъ въ саду свое гнѣздо на вышви одного дерева; случилось, что подѣ стѣмъ же деревомъ угнѣздился и слабый муравей, который заботливо собиралъ запасъ въ маленькомъ своемъ жилищѣ на будущіе голодные дни. Соловей днемъ и ночью порхалъ вездѣ по саду и сладкими пѣснями всѣхъ очаровывалъ; между стѣмъ муравей день и ночь трудился. Соловей въ цвѣтникахъ спарался только отличиться пѣвничельнымъ своимъ голосомъ. Онъ въ тайнѣ изъявлялъ любовь свою къ розѣ, а упретній вѣперокъ разносилъ еѣ по всему. Видя ласки розы и нѣжность соловья, муравей сказалъ: «время покажетъ, какая польза отъ этихъ нѣжныхъ разговоровъ!» Минувшей веснѣ и наступившей осени на мѣсцѣ розы явились колючіе терны, а жилище соловья занялъ воронъ. Подулъ осенній вѣтеръ и началъ срывать листья съ деревьевъ; землю пожелѣла и наступилъ холодъ; изъ облака, подобнаго діадимѣ, посыпались перлы, и изъ воздуха, какъ изъ сина, начала сыпаться чистая камфора. Соловей прилетѣлъ въ садъ; но не видя уже прелестнаго цвѣта розы, не чувствуетъ благоуханнаго запаха гіацинта. Тысяче звучный языкъ его онѣмѣлъ. Нынѣ розы, красому коей могъ бы онъ созерцать, нѣтъ земли, которая бы пѣняла его своею прелестью. Это несчастіе опидло у него всѣ силы; эта гореснѣ лишила его сладкихъ звуковъ. Тутъ вспомнилъ онъ, что муравей въ послѣднее время жилъ подѣ эпимъ деревомъ и запасался нищею. — Пойду, подумалъ онъ, представлю свою нужду муравью и, по праву сосѣдства, выпрошу у него что нибудь! Такимъ образомъ голодный соловей, съ униженною просьбою, явился къ муравью и сказалъ ему: «любезный

другъ! щедрость есть признакъ богатаго и капиталъ щастливаго. Я провелъ драгоцѣнно время въ безпечности; ты былъ догадливѣе, заготовляя себѣ запасъ; не удѣлишь ли мнѣ пеперь изъ него сколько нибудь, по своему великодушію?» — Муравей отвѣчалъ: «ты пѣлъ день и ночь, а я прудился. Ежеминутно занимаясь прелестями розы и плѣненный созерцаніемъ весны, уже ли ты не зналъ, что за весною слѣдуетъ осень, и что всякая дорога приводитъ въ пустыню?»

О другъ мой! разсмотри внимательно, что случилось съ соловьемъ, и помни, что за жизнью слѣдуетъ смерть, и каждое наслажденіе оправдывается горестію.

Съ Персидскаго, *Н. Коноплевъ.*

ЧИСЛО ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ ВЪ АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

(Изъ *Blackwood's Magazine.*)

Сто разъ уже было писано объ этомъ предметѣ; но за то, какое ремесло, какое искусство, какая наука; въ которое время сдѣлали такіе быстрые успѣхи, какъ скоро распространились, какъ періодическія изданія (*). И нигдѣ это развиліе, эти успѣхи, не были такъ быстры, какъ въ Соединенныхъ Американскихъ Облацияхъ. Мы предлагаемъ здѣсь обзорніе настоящаго состоянія различныхъ ихъ отраслей: это любопытное обзорніе заимствовано изъ одного Американскаго журнала.

Въ 1704 году, въ Бостонѣ явился первый Англо-Американскій журналъ; въ 1720, въ Американскихъ колоніяхъ издавалось только три журнала; въ 1771, двадцать пять; въ 1775, тридцать семь. Въопъ постепенный, хотя еще очень медленный, ходъ журналовъ; но онъ спалъ шибче съ той поры, какъ Американцы опложились опъ Англіи. Дѣйствительно, въ 1801 году въ Соединенныхъ Штатахъ издавалось двѣсти жур-

наловъ; въ 1810, пристра пятьдесятъ девять; въ 1828, восемь сотъ пятьдесятъ одинъ, и наконецъ въ 1834, тысяча двѣсти пятьдесятъ журналовъ и 140 періодическихъ листовъ. Впрочемъ, здѣсь должно замѣнить, что въ этомъ множествѣ журналовъ очень мало ежедневныхъ. Въ 1801, ихъ было семнадцать; въ 1810, двадцать семь, а въ 1834 не болѣе девятидесяти; но, чтобъ имѣть вѣрное понятіе о всей обширности книгопечатанія въ Америкѣ, должно знать не только число издаваемыхъ журналовъ и время ихъ выхода, должно знать цѣль и число экземпляровъ каждаго журнала. Докпоръ *Миллеръ* вычислилъ, что во всѣхъ Американскихъ типографіяхъ было издержано въ 1801 году до 13,075,000 листовъ; а по справкамъ г-на *Томаса*, въ 1810 году ихъ вышло до 22,222,200. И такъ, въ продолженіе 10 лѣтъ, не только увеличивалось число журналовъ, — но и потребность издавать ихъ въ большемъ числѣ экземпляровъ. Теперь, въ нынѣшніе года, по довольно вѣрнымъ исчисленіямъ, можно положить, что во всѣхъ Американскихъ типографіяхъ выходитъ опъ 70-ти, до 80-ти миліоновъ листовъ въ годъ.

Очень трудно вѣрно распредѣлить, сколько листовъ изъ этой огромной массы израсходовано каждымъ изъ 1200 журналовъ, издаваемыхъ въ Соединенныхъ Облацияхъ. Время ихъ выхода, частыя и неопредѣленныя измѣненія въ ихъ изданіи, дѣлаютъ почти невозможнымъ это распредѣленіе. Но по Нью-Йорку можно судить о количествѣ экземпляровъ этихъ изданій. Въ 1834 году, *Annual-Register* (годовой отчетъ) этого города говоритъ, что среднимъ числомъ выходитъ въ день 1,400 экземпляровъ каждой изъ тринадцати ежедневныхъ газетъ, издаваемыхъ въ Нью-Йоркѣ; а въ 1834 году, онъ увеличилъ это число до 1,700. Это среднее число бесспорно слишкомъ велико для 90 ежедневныхъ листовъ, выходящихъ пеперь въ Соединенныхъ Штатахъ; оно можетъ быть справедливо въ отношеніи къ листкамъ, издаваемымъ въ большихъ городахъ, какъ: Филадельфія, Бостонъ, Балтиморъ и пр. Вообще, 500, 600 и 650 экзем-

(*) Журналы, газеты и энциклопедіи доказываютъ ли высокое просвѣщеніе государства и ведутъ ли его къ благоденствію? Богъ вѣсть! — *В.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РОМАНСЪ.

Не для меня она цвѣшетъ,
 Не для меня она сіяетъ,
 И не меня своимъ зовешь,
 И не о мнѣ воспоминаетъ.

*

Но за меня по вечерамъ,
 Склоняясь ангельской главою,
 Несетъ моленье къ небесамъ
 И въ лучшей мѣрѣ лепитъ душою.

*

Когда-жъ свѣшило дня взойдетъ
 И низпошлетъ ей пробужденье,
 Не обо мнѣ она вздохнетъ —
 Земли прекрасное творенье!

*

Видѣнье дѣвственнаго сна
 Черты другаго ей рисуешь,
 И не меня во снѣ она
 Устами жаркими цѣлуешь.

К. Гренъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

107.

Сто два доказательства, что редакторъ Библиотечки для Чтенія, упреждая насъ писать Разговорнымъ языкомъ, самъ пишетъ Книжнымъ.

Жаль только, что прелестная наука о цвѣтахъ переведена по Русски книжнымъ слономъ, который вовсе не прелестенъ.

Тю-Тюнджи-Оглу.

Въ самомъ совершенномъ твореніи можно всегда отыскать множество мелкихъ ошибокъ и недосмотровъ; но, когда критика занимается только раскапываніемъ эпического софу и закидываетъ имъ блестящія части произведенія ума, эпо наспоряющій разбой, для котораго нѣтъ въ цѣломъ литературномъ мѣрѣ довольно высокой висѣлицы.

Сентябрь, Б. для Чт. 1836, стр. 103.

А. Блжикъ.

Уроки почтеннѣйшаго профессора О. И. Сеньковского, редактора Б. для Чт., въ коихъ

пляровъ въ день можно принять за среднее число каждаго журнала въ Соединенныхъ Штатахъ. Впрочемъ, въ Массачузетсѣ, Нью-Гемпширѣ и Коннектикутѣ, оно доходило до 800. Вотъ число издаваемыхъ теперь журналовъ и періодическихъ сборниковъ, посвященныхъ наукамъ, литературѣ, изящнымъ искусствамъ и проч. Мы означаемъ здѣсь ихъ число и ихъ родъ:

Медицинскихъ журналовъ	8.
Журналовъ, относительно законовъ-деніи	3.
Литературныхъ сборниковъ	49.
Журналовъ Богословскихъ и литературныхъ	41.
Журналовъ чисто Богословскихъ	85.
Земледѣльческихъ журналовъ	12.
Исправительныхъ журналовъ	18.

Всего 216.

Безъ сомнѣнія, очень трудно опредѣлить число экземпляровъ каждаго изъ этихъ журналовъ; но мы и не станемъ преодолевать этой трудности, мы ограничимся тѣмъ, что изъ всѣхъ періодическихъ изданій, болѣе другихъ замѣчательны журналы Богословскіе: дѣятельность ихъ издателей и приверженность послѣдователей того ученія, котораго эти журналы служатъ выраженіемъ—вотъ ихъ отличительные признаки. Такъ *New-York, Baptiste-Register*, выраженіе мнѣній Анабаптистовъ, издаваемый въ Упикѣ, щипаетъ у себя до 7,000 подписчиковъ; *Christian-Advocate*, журналъ Методистовъ, издаваемый въ Нью-Йоркѣ, до 32,000. Другіе журналы Методистовъ щипаютъ каждый у себя до 3,000 подписчиковъ. Наконецъ *Gospel-Advocate* и *Trumpet-Magazine*, два журнала, въ коихъ исключительно господствуютъ мнѣнія Универсаловъ, щипаютъ у себя отъ 5-ти до 8,000 подписчиковъ.

Съ Англійскаго, д'Анжу.

Петергофъ.

онъ убѣждаетъ насъ писать Русскимъ *Разговорнымъ* языкомъ, похожи на тѣ лекціи, въ которыхъ Ракъ преподавалъ маленькому Рачку, сыну своему, науку ходить передомъ, а не пяпиться задомъ.—*Покажи мнѣ собою прильпъ!* замѣшилъ ему Ракъ-юноша.—О. И. *Сеньковский* показалъ намъ много примѣровъ своего писанія: дай Богъ всякому православному Русскому таланливому писателю столько ума, учености и трудолюбія. Теперь посмотримъ попристальнѣе, какъ онъ пишетъ. Для этой операціи возьмемъ самое новѣйшее его произведеніе *Джулио*, повѣсть, напечатанную въ Сентябрской книжкѣ журнала *Б. для Чт.*, котораго онъ редакторомъ.

1. Джулио было *восемнадцать* лѣтъ. Стр. 23.

Восемнадцать слово книжное, въ разговорѣ мы употребляемъ *осмнадцать*.

2. Когда *Аполлу*. Стр. та же.

Мы говоримъ *Аполлону*.

3. По *восемнадцатому* году. Стр. та же.

Въ образованной бесѣдѣ вы всегда услышите на *осмнадцатомъ* году.

4. Грудь Лукреціи еще сильнѣе *вздымается*.

Книжное слово.

5. У *нея* былъ балъ. Стр. 24.

Мы говоримъ у *нее*.

6. Удовольствія, *перезающія* сердце, часто *умерщвляютъ* умъ. Стр. 26.

Книжное выраженіе, Разговорное *убивающія*.

7. Обезумленные, *пошерянные*, *восклицаемъ*. Стр. 26.

Восклицаемъ высокое, *вскрикиваемъ* простое слово.

8. Онъ думалъ, что уже *обладаетъ* сердцемъ любимой женщины. Стр. 27.

По Русски: *владѣть*.

9. *Предавался* роскошнымъ мечтамъ, онъ искалъ случая сѣсть подлѣ блистательной хозяйки, какъ скоро откроются *вакантныя* кресла. Стр. та же.

Предавался—Славяннзмъ, *вакантныя* подъячизмъ.

10. Безпрерывное *буганіе* роя обожателей. Стр. та же.

Это похоже на коровье *мыганіе*, на овечье *блеаніе*, на бурганіе въ живописи и на *плеваніе*,

до котораго большой охотникъ авторъ эпои повѣсти.

11. *Упоаься* ея бесѣдою. Стр. 28.

Упоаься—не пакъ! *Упиваься*—пакъ!

12. Который бы не *ощуцалъ* къ нимъ природнаго влеченія. Стр. 29.

Ощуцалъ—не пакъ! *Чувствовааь*—пакъ!

13. Я всегда замѣчалъ, что онъ *избираюаь* въ свои любовники самыхъ огромныхъ невѣждъ.

Избираюаь—не говоритсѣ; *выбираюаь*—говоритсѣ во всѣхъ лучшихъ обществѣхъ.

14. Любовь *налагаетъ* на всѣ наши чувства. Стр. 31.

Слова *налагаетъ* не услышите никогда отъ образованнаго Россіянина; онъ скажетъ: *накладываетъ*.

15 и 16. *Буфбетъ*, *буфбетный*.

Правильнѣе и простѣе: *Буфетъ*, *буфетный*.

17. Вздолнованная кровь мигомъ пришла въ равновѣсіе, *гело* прояснилось, незнамая веселость заняла мѣсто мрачныхъ настрѣній.

Слово *гело* употребляется въ высокомъ слогѣ и о высокомъ по сану или подвигамъ мужѣ; на пр: на *гель* Монарха сіяла корона Великихъ Его предковъ; *гело* героя было узвѣчано свѣжими лаврами. Въ простомъ же разсказѣ приличнѣе бы сказать: *лицо* его прояснилось, *лобъ* его прояснился. Мы тѣмъ болѣе имѣемъ права этого отъ много-уважаемаго нами О. И. *Сеньковского* требовать, что онъ здѣсь же въ повѣсти употребилъ эпо слово, а именно:

18. Джулио взялъ книгу и провелъ рукою по *лобу*, какъ бы припоминая что-то. Стр. 81.

19. Вскорѣ всѣ эти Генуэзцы со *своими* спаканами, всѣ столы, шкафы и буфетки, начали кружиться около него, какъ планеты около солнца. Стр. 33.

Зачѣмъ бы не сказааь съ *своими* спаканами?

20. Рѣшительно, въ короткую его оплѣчку въ *буфетъ*, на землѣ *проишелъ* большой переворотъ. Стр. та же.

Не *проишелъ*, а *произошелъ*; въ разсказѣ же еще чище поставимъ *сдѣлался*.

21. Посреди возвышающагося великолѣпнѣйшаго тронъ съ шелковыми *драперіями*, которыя падали съ потолка. Стр. 34.

Слово *драпри* по Русски не склоняется.

22. Я не позволю вамъ обижать честной и благородной женщины. Стр. 38.

Родительный падежъ поставленъ неправильно; грамафика требуетъ винительнаго; ссылаюсь на гг. *Грега, Востокова, Калайдовига*.

23 и 24. Вы съ ней нарочно избрали мой домъ, чпобы въ моихъ глазахъ *попрать* всѣ ваши кляпвы. Стр. 35.

Русскій разскащикъ употребилъ бы глаголъ *выбралъ*, а вмѣсто *попралъ*, которое пахнетъ Славянскими книгами, *нарушить* или позабыть.

25. Вы сами *расторгли* наши узы. Стр. 35.

Вопъ ужъ испинно книжное-то выраженіе. Опъ него упадетъ въ обморокъ всякая свѣпская женщина! Не *узы*, а *союзъ, связь*, какъ самъ же авторъ сей повѣсти написалъ на стр. 38.

26. Джуліо хотѣлъ вскочить на защиту Лукреціи. Стр. 36.

Не можемъ вѣрно сказать на какомъ аползыкѣ; полько не на Русскомъ.

27. И *среди* эпихъ недоумѣній онъ заснулъ. Стр. 36.

Средь пишется въ спискахъ и въ самой высокой прозѣ. Это извѣстно и О. И. *Сеньковскому*, потому что онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ сей же самой повѣсти написалъ *среди*; см. стр. 29 и 65-ую.

28. Онъ *напрягъ* все свое вниманіе. Стр. 38.

Чисто книжное; свѣпскій человекъ сказалъ бы: *обратилъ вниманіе*.

29. *Оспалась* прекрасная, была какъ Каррарскій мраморъ плеча, и глаза студента впидись въ это великое *нагало* женщины. *Другія нагала* таидись еще подъ башпсомъ. Стр. 38.

Эти выраженія, грѣхъ сказать, чпобы были *книжныя*; они зашли сюда изъ области *Юной Французской* словесности. Тамъ любятъ *разлагать*.

30 и 31. Если бы не помныя движенія рукъ около головы, *ее самую и ея отраженіе* въ зеркалѣ можно было бы принять за два предестныя *извалія*, поставленныя для сравненій одно воздъ другаго. Стр. 40.

Ее самую и ея взято изъ *разговорнаго* языка между сидѣльцемъ Госпинаго двора и горнищною типулярнаго совѣтника, на Петербургской споронѣ кварширующаго.

32. Бѣдный юноша! Какая твердоспъ духа нужна была, чпобы вынести такое *зрѣлище*. Стр. 40.

Зрѣлище слово книжное; для разговора у насъ еспъ слово *картина*.

33. Надобно было видѣть эпто възоръ, полный изумленія, испуга и гнѣва, который вылетѣлъ изъ полусонныхъ глазъ ея и *разсыпался пучкомъ молній* о лице дерзкаго повѣсы. Стр. 41.

Это нововыѣзжее выраженіе изъ *Юной Французской* словесности. Баронъ *Брамбеусъ* запрещаетъ намъ, Сѣвернымъ медвѣдямъ, чппать *Бальзака, Виктора Гюго* и *Александра Дюма*, а самъ часпенъко изволитъ ими лакомить своихъ Русскихъ чппашелей.

34. Дерзоспъ повѣсы никогда не лишаетъ добраго имени *благородной женщины*. Стр. 41.

Два послѣднія слова надлежало бы поставитъ въ винительномъ падежѣ. Опяпъ опсылаю г. сочинителя къ грамафикамъ *Грега, Востокова* и *Калайдовига*.

35 и 36. Она не *страшится* за себя; она *страшится* полько за свое имя. Стр. 42.

Глаголъ *страшиться* высокъ для простаго разсказа; для эптого созданы: *боятся, опасаться*.

37. Но я не могъ болѣе выносить ужаснаго *бремени*, которое давитъ мнѣ сердце. Стр. 42.

Бремя тяжело въ разсказѣ, лучше употребитъ *тягость*.

38. Это молчаніе было *весьма* краснорѣчиво. Стр. 43

Весьма — книжное. Въ свѣпскихъ общеспвахъ говорится *очень*, или *эта молганіе было самое краснорѣчивое*.

39. Кто *извѣдаетъ* бездну всѣхъ эпихъ пропиво рѣчій. Стр. 43.

Осипъ Ивановичъ самъ признался, чпобы поправляетъ всѣ присылаемыя ему спашья и оригинальныя и переводныя. Позволимъ же и мы себѣ поправить слогъ его милоспи. Кто *узнаетъ глубину* всѣхъ эпихъ пропиво рѣчій.

40. Освятите вашей рукой руку вашего *поборника*. Стр. 44.

Смѣлою рукою поправимъ руку *Осипа Ивановича*, котораго рука дала промахъ. Вмѣсто *поборника*, опряпноспъ слога требуетъ *защитника, мстителя*.

41. Вы хотите *умертвить* меня презрѣнемъ. Стр. 46.

Эта фраза А. *Бьлкина*, но какъ онъ съ родни барону *Бралибеусу* и, также, проповѣдуетъ противъ *Стараго* или *Карализинскаго* слога: то поправимъ и его мимоходомъ. Вить это немудрено. Въ бесѣдѣ между собою Русскіе не говорятъ *умертвить*, а *убить*. Помните это, г. *Бьлкинъ!* Учись у своего однофамильца, покойнаго *Ивана Петровича!*

42. Я не могу жить одной минутой съ мыслію, что вы меня *отвергаете*.

Э, господинъ А. *Бьлкинъ*, да чему же вы учились въ школѣ барона *Бралибеуса*? Ну, скажетъ ли хотя одинъ порядочный чело-вѣкъ молодой, прелестной дамѣ: *вы меня отвергаете?* Да она до того расхохочется, что съ нею сдѣлается исперика.

43. Не уже ли вы думаете, что я позволю вамъ такъ безумно *рисковать* жизнію. Стр. 46.

А это характеристическое словцо.

44. И поцѣлуй запыхалъ на гелъ *Джуліо*. Стр. 46.

Эхъ, г. директоръ *Библиотеки для Чтенія*. Вить вы на страницѣ 80-й употребили слово *лобъ*, на страницѣ 86-й то же *лобъ*. И такъ, я скажу вамъ за пайну, что въ одной и той же повѣсти надобно и держаться одного тона: не падашь въ грязь и не поднимаешься выше облаковъ. Въ противномъ случаѣ, слогъ вашъ будетъ похожъ на чело-вѣка, обутого въ бѣлые шелковые чулки въ лапшѣ, одѣтаго въ щегольской фракъ и, сверху, вмѣсто редингота, накинувашаго на себя мужицкую сермягу.

45. Она взяла ключъ изъ ящика, ошдернула *завѣсу*. Стр. 47.

На св. Руси дамы и дѣвицы и молодыя вдо-вицы опдѣргиваютъ *занавѣсь*, задѣргиваютъ *занавѣску*.

46. Онъ вмѣсто опѣшка бросился къ ней на шею и, сильно, сильно поцѣловалъ ее въ *самые уста*. Стр. 47.

Г. *Сенковскій* первый началъ употреблять грубое, чѣрствое слово: *губы*. Опъ чего же вдругъ напала на него эта нѣжность, эта свѣтская деликатность? Тѣмъ предосудительнѣе такое опспуленіе опъ своихъ правилъ, что въ сей же повѣсти нѣсколько разъ попадается жесткое словечко *губы*,

которое, по нашему спариковскому мнѣнію, хорошо только въ низкомъ, комическомъ тонѣ, у *Скарона*, *Наръжнаго*. Напр: онъ напился какъ зюзя, и *развѣсилъ губы*.

47. Онъ рассказалъ всѣмъ о *предстолицей дуэли*. Стр. 48.

Курсивомъ напечатанное слово цѣлою го-ловою выше другихъ словъ повѣсти *Джуліо*.

48. *До-сихъ-поръ* еще не представлялось ему ни одного подобнаго случая. *До-сихъ-поръ* онъ только дрался на па-кахъ съ своими поварницами за субрепокъ. Стр. 48.

До-сихъ-поръ! *До-сихъ поръ!* Это словцо есть остатокъ древняго нарѣчія *Татаръ!* Какъ земля не провалилась подъ варварами, упо-требляющими *сей, сія, сие!* Развѣ у насъ нѣтъ сладкозвучнаго слова: *этотъ, эта, эти?* Развѣ превадалось много хитроспи, чтобъ поспа-вить *до-ЭТИХЪ-поръ?* Насъ хопяпъ надупъ! Да мы не совсѣмъ-то дурни: не такъ легко насъ увѣришь, что рука редактора *Библио-теки для Чтенія* могла написать *СИХЪ!* Скорѣе повѣримъ, что демонъ зла въ весе-лую минутой, украдкою опъ наборщика, подсыпалъ эпихъ неблагозвучныхъ часпи-чекъ въ спашью знаменишаго писателя.

49. Здѣсь-то чудесная волшебница перевила *гелю ея бла-гоухающей* гирляндой померанцовыхъ цвѣтшвъ и лемина. Стр. 49.

Предоставимъ стариннымъ Русскимъ пи-сателямъ: *Шишкову, Дмитріеву, Востокову, О. Н. Глинкѣ, В. И. Панаеву, сіе благоуханіе*, намъ липераторамъ новѣйшихъ временъ оно де-рѣпъ уши и гнилью поражаетъ обонаніе.

50. И шуда опсправился теперь *Джуліо*, забывши сты-дливую *Флоренцію*. Стр. 50.

Ясно—безъ объясненій.

51. Къ вечеру дошло до *Джуліо* извѣстіе, что за супки до его прѣзда по *дорогѣ* изъ *Пизы* ограблена экспра-поч-та. Стр. 51.

Не по *дорогѣ*, а на *дорогѣ*. Впрочемъ, въ возвращенныхъ опъ *Польши* губерніяхъ го-воряпъ по *дорогѣ*; но это неправильно.

52. По всѣмъ признакамъ *надлежало* быть жершвою и *Стадгергольму*. Стр. 51.

Надлежало — подняло носъ горѣ, *надобно* спало бы въ уровень.

53. Своими *риксъ-такерами*. Стр. 53.

Не *риксь*, а *рейхсь*-шалерами. Пусть гг. А. *Бьлкинъ* и *Тимобфевъ* спросятъ объ эпомъ у знающихъ Нѣмецкій языкъ.

54. Видясь съ нимъ почаще, найдешь, что онъ заслуживаетъ уваженія. Стр. 54.

Заслуживаетъ уваженіе, не заслуживаетъ уваженія.

55. Къ *серіозному* ученію. Стр. 54.

Это *серіозно* очень курьозно.

56. Италіанскія *савантки*. Стр. 55.

Was ist das? Warum?

57. Показывалъ имъ удивительные фокусы съ *картами*. Стр. 55.

Не съ *картами*, а на *картахъ*.

58. Одно было въ немъ *непріятнаго*. Стр. 55.

Опять не такъ! Природные Россіане говорятъ въ такихъ случаяхъ *непріятно*.

59. Лучъ солнца, который ты хочешь обвить около твоей обыкновенной головы, сожигаетъ и *чела 'геніевъ'*

Развѣ это чистый *разговорный* языкъ?

60. Усыпленное море, чуть-чуть подымая упругую грудь, роскошно колыхалось на своемъ широкомъ *ложь*, Стр. 63.

На широкомъ *ложь* злы выпренне.

61. *Группы звякъ*, столпившихся около великолѣннаго дома, богато *иллюминированные* окна и подъезды. Стр. 63.

Песню *иллюминированный* слогъ! По нашему бы глупому разуму поставили бы *толпы звякъ*, да *ярко-освѣщенные* окна. И концы бы въ воду. А то нѣтъ! Давай карабкаться на ходули.

62. Одно только, за что можно извинить барона въ этой черной *интригъ*, было то, что онъ далъ *Джуліо* жену прелестную, крошкую, чувствительную, съ которою пошль могъ бы быть щасливъ въ подной мѣрь, еслибъ умѣлъ,—еслибъ не былъ слышкомъ ученъ для супружескаго щастія, *растлѣнъ толстаго, сыраго, сомаго, любящаго предположительно жирный зерноземъ невѣжества*. Стр. 64.

Это взято слово въ слово изъ г-жи *Дюдеванъ*, ожесточенной за что-то противъ *Бракосочетанія*.

63. Онъ преспокойно писалъ въ своемъ кабинетѣ, *посреди* десяти старыхъ книгъ.

Посреди—правильно! А то, что г. директоръ *Библиотеки для Чит.* въ сей же повѣсти нѣсколько разъ написалъ *средь*—неправильно!

64. Эта зала была наполнена кожесами, сполбами, провскоками, *прутали*. Стр. 67.

Русскій никогда не скажетъ и не напишетъ *стулами, прутами*; онъ скажетъ и напишетъ *студьями, прупьями*.

65. Но, увы, эпомъ самый источникъ радости долженъ былъ *извергнутъ* въ ея сердце смертельный ядъ. Стр. 70.

Извергнутъ обвещалое, *Славянщина!*

66. Которая ему *наибольше* нравилась. Стр. 71.

Наи-больше употреблялось въ старину.

67. *Фанни* разъ десять должна была докладывать ему, что супъ на столѣ прежде, чѣмъ *отторгнетъ* его отъ рабшты. Стр. 72.

Воля г. А. *Бьлкина*, а Ив. Петровичъ *Бьлкинъ*, не смотря на то, что имѣетъ большую либературную власть въ своихъ рукахъ, не написалъ бы этаго слова, только въ высокыхъ родахъ прозаическихъ сочиненій употребляемое.

68. Самая нѣжность *организаци*. Стр. 72.

Не ухищрайтесь, г. авпоръ; говорите съ нами по-просту безъ запѣй: *нѣжность сложенія*, или *нѣжное* сложеніе.

69. Начнушь, бывало, разсуждать объ источникахъ, то ешь, о старыхъ книгахъ, откуда *погертуются* во Франціи всѣ мысли, которыя вамъ кажутся новыми, а въ Германіи всѣ цитаты. Стр. 73.

Погертуются Книжное, *гертуются* Разговорное.

70. После первыхъ словъ разговора, мой гость, по обыкновенію, *налагаетъ* руку на мою книгу. Стр. 74.

Налагаетъ Книжное, накладываетъ употребительное и въ разговорахъ и въ такого рода сочиненіяхъ, какъ повѣсти.

71. Но *прійдетъ* время. Стр. 75.

За чѣмъ же *прійдетъ*, а не *придетъ*?

72. *Страшась* уже его основательныхъ познаній. Стр. 76.

Страшась высоко, боясь настоящее. У другихъ писателей мы бы и не замѣтили этаго, но у такого взыскапельнаго, какъ г. *Морозовъ*, должны это сдѣлать; надобно же уличить его въ незнаніи того, чему онъ добровольно вызвался учить насъ.

73. *Прійдетъ* время, вы будете свободнѣе. Стр. 78.

Опять *прійдетъ*, а не *придетъ*.

74. Не можешь ли подождать *пяти* секундъ? Стр. 80.

Спрогая учипельница, неизбѣжная гра-
машика велишь въ эпомъ случаѣ писашь
пять, а не *пяти*.

75 и 76. Онъ съ *гнтьволизъ* бросилъ перо. *Прійдетъ* спа-
рость. Спр. 80.

Вишь вы хопише писашь такъ, какъ го-
ворише, г-нъ Распорядипель *Библиотеки для*
Чтенія? Пишише же не съ *гнтьволизъ*, а съ *серд-*
цель, съ *досадою*: не *прійдетъ*, а *придетъ*.

77. *Джулио* взялъ книгу и провелъ рукою *по лбу*. Спр. 81.

Вошь, что хорошо, то хорошо. Не надоб-
но было и въ другихъ мѣстахъ подспав-
лящъ бокъ подъ кулакъ злой крипики, не
надобно писашь: *отторгнулъ десницу отъ пла-*
меннаго гела своего. Il faut être conséquent! го-
ворящъ Французы.

78. Не имѣя силы дать *отчета*. Спр. 84.

Не опчѣта, а *отгѣтъ*. См. грамашику *Ме-*
морскаго.

79. Баронъ! вскричалъ *Джулио*, въ испусленіи *сры-*
вался со скамьи. Спр. 86.

Курсивомъ напечатанное выраженіе не
Русское.

80. *Уста* его дрожали. Спр. 86.

Сто разъ спасибо *О. И. Сеньковскому* за
спарачіе ввести благородное слово *уста*,
вмѣсто мужицкаго *губы*. Пріятно видѣшь,
когда славный человекъ въ пользу своей сла-
вы одерживаетъ побѣду надъ щещеславіемъ.
Прекрасно слышашь, когда говорящъ: онъ
изобрѣлъ пароходы, онъ сдѣлалъ для Рус-
скихъ еще любезнѣе—Исторію ихъ славнаго
отечесства, онъ ввелъ королю оспу; а что
хорошаго слышашь о себѣ: онъ надулъ *губу*
на мѣстоименія *Сей* и *Оный*, онъ *оттолпы-*
рилъ губы Русскому языку? Это полько
смѣшно, смѣшно и жалко!

81. Вошь онъ... пошь самый *пассажъ*! Спр. 91.

По Русски *мѣсто*, а не *пассажъ*. Безъ край-
ней нужды никакъ не должно вводить къ
намъ иносстранныя слова, особливо Фран-
цузскія. Между нимъ и Русскимъ языкомъ
такая же народная ненависть, какая была
между Русскими и Французами въ 1812 году.

82. Союзъ ихъ былъ союзомъ ада, а не *знаменіемъ* ши-
каго семейнаго блаженства. Спр. 95.

Это *знаменіе* пого, что авторъ повѣсти
безпреспанно сбивается съ такта.

83 и 84. Средь самыхъ важныхъ соображеній, средь са-
мага труднаго изысканія, онъ вдругъ *срывался со стула*.

Замѣните безгласную букву *ъ* гласною *и*:
все придетъ въ порядокъ. *Срывался со стула*
не по Русски.

85. *Джулио* нашелъ *веселья* красивое брильянповое кольцо.

У другихъ мы бы и не замѣтили эпаго
словца; но лѣзя-ль проспитъ тому, кто ни-
кому не прощаетъ, кто всѣхъ учипъ, кто
у всѣхъ слогъ поправляетъ?

86. Эпошь волокиппа, обольспипель, негодай, долженъ
быть здѣсь въ Мюнхенѣ, и *Фанни* уже съ нимъ подружи-
лась. Мерзкая женщина!... *Открытъ* его! *открытъ*! Спр. 96.

Не *открытъ*, а *отыскать*.

87. Онъ напрасно *напрягалъ* свою бдительность. Спр. 96.

Напрягать бдительность, это уже не поль-
ко не Русское, даже не Славянское.

88. Съ такимъ *упованіемъ*. Спр. 97.

Упованіе—Славянское, надежда—Россійское.

89. Тогда полько *отвергъ* онъ всѣ свои безразсудныя
подозрѣнія. Спр. 97.

Да какой же это *Разговорный* языкъ? По-
смотримъ, г. *А. Блжизъ* поминушно по *от-*
вергаетъ, по *уповаетъ*, по *погертаетъ*, по
отторгаетъ, по *напрягаетъ* (1). Мы вызы-
вемъ его показатъ намъ хопя одно сочи-
неніе *Карамзина*, въ которомъ бы замѣненъ
былъ такой подосащый слогъ.

90. *Благовременно*. Спр. 98.

Слишкомъ высокое слово для разсказа. На
это есть въ кладовой богатаго Русскаго язы-
ка *своевременно*, *въ пору*, *въ время*, *заранье*.

91. Не зналъ *предѣловъ* своей радости. Спр. 98.

Я, право, начинаю думать, что баронъ
Бралибеусъ въ насмѣшку выдаешъ себя за
поборника какого-то новаго, очищеннаго
опъ моли и гнили языка Русскаго, а самъ
пописываетъ пѣмъ же языкомъ, какимъ и
мы грѣшныя.

(1) См. страницы 72, 73, 96, 97.

92. Его частная жизнь была *подвергнута* спрогому разбору. Спр. 104.

Распорядитель *Библиотеки для Чтенія*, безъ разбора употребляя *подвергнута*, *низвергнута*, *возвергнута*, заставляя насъ отсылать нашихъ читателей къ 91-му замѣчанію этой же статьи.

93. Въ эпошѣ вечерь у ней было такое собраніе спарыхъ бабъ, какого еще не видали со *временемъ* всеобщаго попопа. Спр. 105.

Еслибъ эпо написал *Баратынскій*, *Марлинскій*, *Подолинскій*: мы бы съ перваго взгляда увидѣли, что опечашка. Но у г. *Сеньковского* можетъ быть эпо нововведеніе; вишь онъ придумалъ же печашать Французскія собственныя имена въ Русскихъ книгахъ Лапшинскими лиферами! Какъ будто на Русскомъ языкѣ, богачѣйшемъ буквами всѣхъ языковъ Европейскихъ, недѣзя было написашъ эпошъ именъ. Вопшъ ему задача: написашъ на Англійскомъ, Нѣмецкомъ или Французскомъ: дѣякъ *Щелкановъ*, спольникъ *Рындинъ*, князь *Воротынскій*; *колыханье*, *щebetанье*. Мы бы всѣ признали его молодцомъ!

94. Удивительно было *похожо* на взболпанную проспоквашу.

Не *похожо*, а *похоже*.

95. *Выздоровливаніе* его. Спр. 108.

Выздоровленіе, а не *выздоровливаніе*, которое пащится на пропяхныхъ нога за ногу.

96. Дайте мнѣ слово, что вы меня не *окошпрометируете*. Спр. 109.

Нашъ *Эразмъ Ротердамскій*, нашъ *Стернъ*, нашъ *Бомарше*, нашъ *Менцель* издѣвается надъ нами. По Русски говорятъ: *надъюсь*, *что меня не выставите*, *не выдадите*, *не назовѣте*.

97. Я заходилъ къ вамъ два раза, чтобы присовѣтовашъ вамъ эпо; но вы были больны—и никого не принимали. Предоставьте мнѣ: я его опдѣлаю! Я задамъ ему *такую гесу*.... Спр. 111.

Самое неопрятное выраженіе; оно напоминаетъ намъ *гесотку* и какъ мужикъ, разговаривая, невѣжливо *погесывається*.

98. Я не сержусь, господинъ Гофрапъ, а только *предраю* васъ, что вы въ моихъ рукахъ. Спр. 112.

Эпо слово употребляютъ книжники, а сказочники никогда.

99. Последняя утѣшительная мысль и самая мерзкая клевета, рядомъ продающа съ молопка, подобно *трляю изношенныхъ юбокъ*. Спр. 112.

Эпо пѣщическое уподобленіе напоминаетъ *Фантастическія путешествія барона Брамбеуса*.

100. Любая болѣзнь *оглодала* ея красивое плѣо, и передъ печальнымъ мужемъ лежали только *живыя кости*, въ которыхъ еще кипѣла любовь къ нему. Спр. 113.

Эпи при спрочки баронъ *Брамбеусъ* вздѣлъ у *Александра Дюма*; *Морозовъ* вклеилъ ихъ въ повѣсть *Жизнь женщины въ 24-хъ часахъ*, г. *Сеньковский* перенесъ ихъ въ *Записки Домоваго*, а А. *Бѣлкинъ* украсилъ ими повѣсть, которую мы здѣсь порасшевелили.

101. Съ эпою *улыбкою*, въ которую *стекла изъ сердца и жила вса ея любовь*, всѣ надежды, всѣ жадавія *блага* мужу, она и исплѣла на земля. Спр. 115.

Гдѣ *Карамзину* угоняшъ за г. *Сеньковскимъ*. У перваго въ 25-ти помахъ сочиненій и переводовъ нѣтъ ни одной такой предеспіной, испинно *деликатной* карпінны.

102. Онъ сидѣлъ подлѣ ея *одра*. Спр. 114.

Опъ чего бы не посадишь его за-просто *возлѣ постели*?

Аминь! Намъ оспаѣтся только, на прощанье съ *Публикою*, оппустишь съ нею на дорогу мудрое правило, въ эпош же повѣспи нами замѣченное:

Безумцы только тѣ, которые приписываютъ какую нибудь важность современнымъ критикамъ. Спр. 112.

Мы выписали его, найдя полезнымъ и испиннымъ.

А. *Кораблинскій*.

Сентября 20-ое

1836.

Село Рыбацкое.

M O D E S.

Jusqu'à présent on a vu plus de bottes vernies que de souliers à nœuds; les bottes se font si fines, si luisantes et si élégantes, qu'on pourrait les prendre pour des chaussures de satin. Les par-dessus se doublent en astracan noir ou en velours, les collets de même. Pour le bal, le véritable *claque* est revenu; ce n'est plus le chapeau rond plié en soufflet, si hideux lorsqu'on le mettait sur la tête, et qu'on portait l'année dernière: c'est le *claque* à cornes, avec ganse et cocarde noire. La robe de chambre pour hommes, que nous ayons jugée jusqu'à présent être la plus élégante, était en satin de laine couleur bois, doublée de flanelle anglaise bleue; le corsage juste est à revers renversés, la jupe ample et croisée: en dedans de cette redingote, un gilet en flanelle pareille à la doublure de la robe; ce gilet croise et est fermé par des ganses et des boutons pointus, comme en portent les muletiers espagnols. Le bas des manches de la robe de chambre, qui étaient très justes aux poignets, se fermaient de même avec des boutons et des ganses, comme celles du gilet.

Fourrures.—Les fourrures seront un grand objet de luxe cet hiver; mais celle qui paraît devoir l'emporter sur les autres est le grêbe (et non crêbe, comme disent quelques personnes); c'est le plumage d'un oiseau de ce nom, qui s'emploie comme le cygne. Nous avons vu ce plumage (qu'il faut appeler fourrure) en palatine, en *boa*, en manchon, et garnissant un fichu à la paysanne en velours noir. Quoique cette fourrure soit en grande vogue dans ce moment, elle ne prend cependant jamais que comme fantaisie, exception, et seulement parmi quelques femmes riches, fort élégantes, et aimant surtout ce qui les distingue de la foule.

Nous croyons devoir démentir certains bruits lancés contre les *boas*, et qui semblaient devoir les proscrire de la toilette des femmes à la mode. Il n'en est rien: les *boas* seront toujours un joli et utile accessoire du costume d'hiver; avec les manteaux et les châles ils sont presque indispensables, et pour sortir du bal, rien n'est meilleur pour garantir du froid le cou et les épaules; puis ils sont d'une grande élégance et donnent beaucoup de grace à la taille. Voilà la raison principale qui les fera conserver.

Pl. No 34. Travestissemens.

M O Д Ы.

До сихъ поръ видно было болѣе лакированныхъ сапоговъ, нежели башмаковъ съ бантыками; сапоги дѣлають такъ шонки, такъ глянцоваты и щеголеваты, что можно ихъ принять за англаскую обувь. *Par-dessus* подкладываютъ чернымъ *astracan* или бархатомъ, воротники также. Для баловъ, настоящія расплющенные шляпы опять вошли въ употребленіе; некруглая шляпа, сдѣланная въ видѣ мѣха, очень безобразна, когда надѣта на голову; ихъ носили въ прошломъ годѣ, и прехъ-угольный *claque*, съ шнуркомъ и черной кокардой. Щеголеватѣйшій мужской шляфрокъ, какой мы видали до сихъ поръ, изъ шерстяного апласа, деревяннаго цвѣта, подложенный Англійской голубой фланелью; лиць въ обтяжку, съ опкинутыми опворотами, юбка полная съ закосомъ; подъ эпимъ серпукомъ, фланелевый жилетъ, на подобіе подкладки, застегивается шнурками и воспріиміе пуговками, какія носятъ Испанскіе погонщики лошаковъ. Низъ рукавовъ шляфрока въ обтяжку у кисти и застегивается какъ жилетъ шнурками и пуговицами.

Мѣха.—Мѣха будетъ большимъ предметомъ роскоши нынѣшнюю зимою, и кажется возьметъ первенство надъ другими *gagara* (*grebe*); это перья пшцы эшаго имени, которая употребляютъ какъ лебяжій пухъ. Мы видали изъ этихъ перьевъ (которые надлежитъ называть мѣхомъ) паланчины, боа, муфты, черную бархатную косынку, обшитую ими-же. Хотя этотъ мѣхъ теперь въ большомъ употребленіи, но не иначе какъ прихоть, исключеніе, и только между богатыми, щеголегато-одѣвающимися дамами, предпочитающими особенно все, что отличаетъ отъ толпы.

Мы щитаемъ себя обязанными опровергнуть нѣкоторыя слухи, распускаемые о боа, по которымъ они должны кажется быть исключены изъ туалета модныхъ дамъ. Ничего небывало, боа будетъ всегда красивою и полезною принадлежностію зимней одежды; съ плащами и шальями они почти необходимы, и послѣ бала ничто не можетъ лучше защитить отъ холода шею и плеча; сверхъ того они очень щеголеваты и придаютъ стану много прелести. Вотъ главная причина, которая заставитъ носить ихъ.

Карп. No 34. Маскерадныя платья.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ШЕСТОЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 103 и 104.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 карпинокъ модъ, въ
С. Пѣтербургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 23 ДНЯ 1856 ГОДА.

Какъ роза свѣжая одна благоухаетъ
Въ угрюмой пишинѣ полуночныхъ спелей;
Какъ пѣсню сладостной въ часъ упра оглашаетъ
Дубравы мерхвыя пустынный соловей;
Какъ драгоценный перлъ, волнами поглощенной,
Скрываеица отъ глазъ на жадномъ днѣ морей;
Такъ сиротѣнъ здѣсь, въ странѣ уединенной,
Богиня красоты безъ жерствъ и алтарей.

Кн. Вяземскій.

СЛОВЕСНОСТЬ. БРАЧНАЯ МОНЕТА.

(Окончаніе.)

II.

Молодая дѣвушка и ея горничная подошли къ дому, какъ вдругъ изъ за-угла вышла дорожная карѣпа и—проскакала мимо ихъ такъ близко, что онѣ едва успѣли поспорониться.

— Какъ ты поздно пришелъ, Эдуардъ! — сказалъ укорительнымъ тономъ г. Дарблей, важный и почтенный членъ королевской палаты. — Безъ тебя былъ здѣсь пивой двоюродный братъ, котораго мы совсѣмъ не ждали изъ Голландіи. Онъ очень жалѣлъ, что не могъ тебя дожидаться, потому что черезъ часъ долженъ былъ опять оставить Парижъ, гдѣ посоль, съ которымъ ѣдетъ онъ въ Неаполь, едва далъ ему время переменить лошадей; но черезъ мѣсяць онъ

опять придетъ сюда, чтобы совсѣмъ поселился здѣсь, и тогда мнѣ пріятно будетъ познакомиться съ вами. —

«Извините, бапюшка, что я опоздалъ,» сказалъ Эдуардъ запыхавшись: «еслибъ я зналъ, что . . . но . . .»

— А что? развѣ пѣтушкѣ сдѣлалось опять хуже? — спросила съ безпокойствомъ г-жа Дарблей.

«О нѣтъ! напроивъ, ей слава Богу гораздо лучше;—но позвольте мнѣ, милая маменька, обнять васъ и бапюшку—и не спрашивайте меня ни о чемъ, а лучше расскажите мнѣ чтонибудь о Густавѣ, это меня познакомитъ съ нимъ.»

Г-жа Дарблей обняла милого сына, ласкала его, и все пришло опять въ обыкновенный порядокъ.

III.

Мѣсяцовъ съ шесть спустя послѣ того, г. Дарблей сидѣлъ однажды въ больницѣ.

сафьянныхъ креслахъ, обитыхъ позолоченными гвоздями, за однимъ изъ тѣхъ большихъ круглыхъ столовъ, которые стоятъ посреди гостиной, и бывающъ обыкновенно завалены книгами, альбомами и журналами всѣхъ цвѣтовъ и всякаго формата. Передъ нимъ лежало развернутое письмо съ штемпелемъ Неаполитанскаго королевства, и разложенныя очки.—Г-жа *Дарблей* сидѣла возлѣ мужа съ работою въ рукахъ, которою однакожь она совсѣмъ не занималась.

«И такъ, племянникъ вашъ, сударыня, отказывается быть зятемъ нашимъ;» сказалъ онъ печально и съ тайною досадою: «онъ нарушаетъ условіе, заключенное между мною и отцомъ его, и хочетъ жениться на иностранкѣ?—Желаю ему всякаго благополучія, но признаюсь, жалѣю, что случилось не такъ, какъ я думалъ.»

— Другъ мой,—возразила робко г-жа *Дарблей*: *Антонина* еще очень молода; конечно *Густавъ* былъ бы для неѣ прекрасный женихъ, и по фамили и по состоянію, и еще больше по достоинствамъ своимъ;—но скромныя добродѣтели, порядочное приданое и красота дочери нашей—даютъ намъ право надѣяться, что скоро найдется для неѣ другая выгодная партія.—Вотъ *Антонина*, другъ мой!—прибавила она поспѣшно и опирая тихонько глаза свои.

Молодая дѣвушка вошла весело, и обнявъ мать и отца, тотчасъ замѣтила, что оба они были невеселы,—и хотя они всегда обходились съ нею дружески,—однакожь она не смѣла спросить ихъ, что случилось съ ними—и въ почтительномъ молчаніи ждала, чтобъ родители сами стали говорить о томъ. Между тѣмъ спаралась она разсѣять печаль ихъ, подбѣжала къ фортепiano, заиграла любимую пьесу отца, вальсъ, который нравился матери, и—когда слуга вошелъ доложить объ обѣдѣ—подошла къ г. *Дарблю* и съ шумливою важностію подала ему руку, чтобъ вести его въ столовую. Добрый спарикъ невольно разсмѣялся и спалъ веселѣе; *Антонина* взглянула на мать—и увидѣла изъ улыбки ея, что взглядъ ея былъ понятъ.

День былъ жаркой;—послѣ обѣда г. *Дарблей* пошелъ къ себѣ отдохнуть;—и тогда жена и дочь его, взявъ парасоли, сошли тихонько въ садъ.

Антонина зная, что мать будетъ говорить съ нею, хотѣла дать ей время собраться съ мыслями, и будто не подозрѣвая ничего, притворилась занятою цвѣтами, которые рвала на каждомъ шагу. Наконецъ дошли онѣ до древесной бесѣдки, сѣли въ тѣни на дерновую скамью, и г-жа *Дарблей*, покраснѣвъ и нѣсколько смѣшавшись, сказала дочери:

—Мы приучили тебя любить имя *Густава де Лоржэ*, которое ты предназначена была носить; но *Густавъ* женился, и ты не должна больше думать о немъ.—

«О! я не буду о немъ думать, милая маменька,» отвѣчала *Антонина* крошкимъ и спокойнымъ голосомъ.—«Съ эпохой минутой—я совершенно его забуду, и безъ всякаго труда, потому что вѣдь я его не знаю и видѣла только на улицѣ мелькомъ, когда онъ проскакалъ мимо меня въ дорожной каретѣ.»

—О, если-бъ *Густавъ* видѣлъ тебя;—продолжала мать печально: если-бъ онъ зналъ твое доброе сердце, твой умъ, таланты и постоянную тихость нрава, то конечно бы не нарушилъ слова, которое далъ намъ умирающій отецъ его.—Но онъ не видалъ тебя—и потому я его извиняю... Ты воротилась домой только минутъ съ пять по его отъѣздѣ...—и г-жа *Дарблей* задумалась.

«Ахъ, маменька! вы не знаете еще какой страннѣйшій слуга задержалъ меня на дорогѣ?» сказала весело *Антонина*.

— Душенька моя, слуга нѣтъ ни въ чемъ, возразила г-жа *Дарблей*: но то, что мы называемъ случаемъ, есть дѣйствіе воли Господней, которая управляетъ всѣмъ,—даже по видимому, самыми незначущими происшествіями;—они служатъ намъ къ добру или къ худу, судя по тому внутреннему расположенію, въ которомъ заспаютъ насъ—къ добру, если мысли и намѣренія наши чисты и непорочны, къ худу—когда мы увлекаемся спраспями и забываемъ разсудокъ и страхъ Божій.—

«О, милая маменька! такъ будьте спокойны на щепъ дочери вашей, которой вѣрно *послужитъ къ добру* маленькое ея приключеніе. Кто знаетъ—была ли бы я щаслива за *Густавомъ?*»

Сказавъ это, *Антонина* начала ласкать мать, наряжать её, оправлять на ней буikli, воротничкъ, и дѣлать для неё букетъ изъ 'парванновыхъ цвѣтвъ. Потомъ, когда увидѣла, что г-жа *Дарблей* спала повеселѣе, взяла её нѣжно за руку и сказала: «Теперь, маменька, пойдете домой; вы такъ милы въ этомъ букетѣ, что я хочу непременно, чтобы папенька увидѣлъ васъ, пока еще вы не сняли его.»

IV.

Пароходъ города *Корбеля* споялъ въ *Гревской* пристани; на палубѣ его толпились пассажиры, и черный густой дымъ каменнаго угля, клубясь, выходилъ изъ длинной его трубы, — расплываясь по воздуху. Однимъ словомъ, пароходъ совсѣмъ былъ готовъ къ отъѣзду, какъ вдругъ, ровно въ три часа по полудни, одинъ молодой человекъ, сопровождаемый слугою, несшимъ небольшой чемоданъ, бросился на палубу съ такою силою, что пароходъ пошатнулся, и качался нѣсколько минутъ какъ будто колеблемый недоумѣніемъ; потомъ вдругъ подался назадъ—и спруя застонала подъ зубцомъ колеса его.

Скоро глубокое молчаніе послѣдовало за суматохою отъѣзда, и каждый пассажиръ расположился какъ можно покойнѣе для короткаго путешествія своего. Одни смотрѣли на убѣгающія башни соборной церкви *Богоматери* (Notre Dame), и думали о живописномъ и драматическомъ романѣ *Виктора Гюго*, другіе произносили наизусть стихи *Ламартина*, иные читали древнюю хронику или упренный листокъ; а многіе не занимались ничемъ и сидя въ какой-то романтической полу-дремотѣ, усыпляли чувства и мысли свои подъ шумъ сердитыхъ волнъ, спремившихся къ морю. Вдругъ на другомъ концѣ парохода кто-то упалъ въ воду—и въ ту же самую минуту раздался опчальный крикъ: батюшка! батюшка!—

На противуположной сторонѣ отвѣчали другіе крики—и между ними слышались чьи-то слова: это она, сударь! точно она; я узналъ её по голосу; она зоветъ насъ!—

За тѣмъ наступило молчаніе ужаса—и глаза всѣхъ пассажировъ съ безпокойнымъ ожиданіемъ устремлены были на двухъ человекъ, которые кинулись съ борта въ рѣку, и въ ту минуту, когда понувшій показался изъ воды—схватили его и поплыли съ нимъ вверхъ по рѣкѣ назадъ до парохода, который между тѣмъ остановился. — Наконецъ, съ помощью веревокъ, втащили они его на бортъ, гдѣ въ неизъяснимомъ страхѣ ожидали его жена и дочь—и скоро привели его въ чувство.

Г. Дарблей имѣлъ недалеко отъ *Корбеля*, на берегахъ *Сены*, небольшую мызу, и проводилъ тамъ каждое лѣто свободные отъ должностей мѣсяцы.—Отправясь туда на пароходъ, и прогуливаясь на палубѣ, подошелъ онъ близко къ балюстраду, который вдругъ обломился—и онъ упалъ съ нимъ въ воду.—Не умѣя плавать, онъ вѣроятно утонулъ бы, если-бъ не подали ему скорой помощи.

—Кому одолженъ я жизнию?—спросилъ онъ жену и дочь, смотря около себя.

«*Г. Адольфу Тенвилю,*» отвѣчала *Томасъ*.

—*Г. Тенвилю?* Боже, да это имя стариннаго друга моего! Я былъ очень знакомъ съ батюшкой вашимъ,—сказалъ онъ, протягивая руку молодому человеку, котораго всѣ черты выражали радость.—Мы вмѣстѣ учились въ коллегіи, но скоро распались навсегда, потому что онъ избралъ военную службу,—и я съ горестію услышалъ о смерти его на полѣ чести.—Теперь же благословляю судьбу, за то, что обязанъ жизнию сыну его.—

«Случай... судьба... нѣтъ! это воля Господня!» повторила про себя *Антонина*, смотря со слезами на *Адольфа* и слугу его.

—Смѣю ли спросить, куда вы ѣдете, сударь?—сказала распроганная г-жа *Дарблей*: не приписывайте вопросъ мой холодному любопытству, и вѣрьте, что я беру въ васъ такое же участіе, какъ бы въ сынѣ моемъ.—

Адольфъ схватилъ ея руку — и съ жаромъ прижалъ къ своимъ уснамъ. — «Съ радостью принимаю отъ васъ драгоценное названіе сына!» сказалъ онъ. «Признаюсь, что я не знаю и самъ куда ѣду. Мнѣ хотѣлось погулять, подышать чистымъ воздухомъ — и потому я оставилъ пыльный Парижъ — но безъ всякой другой цѣли.»

Наконецъ пароходъ причалилъ къ берегу.

Посовѣтовавшись съ мужемъ, г-жа *Дарблей* сказала *Тенвиллю*: намъ невозможно разстаться съ вами. Возвѣщайте намъ, сдѣлайте милость поживите у насъ, и не откажите намъ въ удовольствіи угостить васъ. —

У.

Въ одинъ прекрасный осенній вечеръ семейство *Дарблей*, окруженное цвѣтами, опдыхало на терасѣ, возвышавшейся надъ *Сеною*. Небо было покрыто тонкою пеленою облаковъ; прозрачный туманъ носился надъ рѣкою, и лишь изрѣдка желтый листъ, опорвавшійся отъ дерева, легкимъ паденіемъ своимъ нарушалъ торжественное молчаніе природы. *Антонина* сидѣла у ногъ матери и въ глубокой задумчивости смотрѣла пона *Сену*, пона отца своего.

— *Антонина!* —

«Маменька!»

— Ты печальна, другъ мой!... Если г. *Тенвилль* не нравится тебѣ, то скажи намъ, пока есть еще время. —

«Онъ мнѣ не нравится!... онъ!... ахъ маменька, какъ вы могли это выговорить! — Я печальна отъ того, что думала теперь объ ужасномъ приключеніи бабюшки... думала, смотря на эту тихую, спокойную рѣку, что она могла въ одну минуту поглотить и его и насъ. Вѣдь мы съ вами бросились бы за нимъ — не правда ли?... О, маменька! какъ я благодарю васъ за то, что вы позволили мнѣ любить *Адольфа*!... въ немъ люблю я и васъ и бабюшку, котораго спасъ онъ отъ смерти, и мнѣ кажется всей жизни моей не спанетъ на то, чтобы заплакать ему за такое благодареніе!»

— *Адольфъ* благородный, добродѣтельный юноша, — сказалъ съ гордоснію г. *Дарблей*. — Сверхъ того онъ отличнѣйшій адвокатъ и извѣстенъ въ свѣтѣ по блестящему краснорѣчію своему и рѣдкому безпристрастію. Благодарю *служай*, который далъ мнѣ найти и въ зипѣ моемъ всѣ тѣ качества, которыми отличаешься собственный сынъ мой. —

«*Служай!*» повпорила *Антонина* разсѣянно, смотря съ безпокойствомъ на большую дорожку, гдѣ надѣялась увидѣть наконецъ коляску *Адольфа*. — «Маменька говоритъ, что нѣтъ случая; и она права, я вижу во всемъ благослѣніе моего Создателя!»

Въ эту минуту взвилась пыль, послышался вдали стукъ экипажа — и семейство поспѣшно возвратилось въ комнаты.

На другой день — прекрасный, торжественный для *Антонины*, день, въ который она должна была отдать руку свою милому *Адольфу*, еще съ самаго утра собрались на господской дворъ добродушные поселяне, и готовились принять участіе въ общемъ веселіи. — Слуги въ парадной ливрѣ, съ букетами на груди, въ эксельбаншахъ изъ разноцвѣтныхъ лептѣ — стояли чинно въ передней, между тѣмъ, какъ въ богатыхъ гостиныхъ сидѣли-разряженные родственники и пріятели обѣихъ фамилій. — *Адольфъ Тенвилль* съ неперпѣніемъ ходилъ по комнатамъ, ожидая невесты, которая вошла наконецъ, опираясь на руку отца — и всѣ ахнули отъ удивленія.

Блѣдокурая головка *Антонины*, ослѣпленная бѣлымъ флеровымъ покрываломъ, уподоблялась головкѣ херувима, окруженной легкимъ облакомъ. — Молодая, прекрасная какъ радость, невинная дѣвушка дрожала и робко смотрѣла на мать, которая плакала отъ восхищенія. Г. *Дарблей* представилъ дочь свою фамиліи жениха, между тѣмъ какъ жена его подводила *Адольфа* къ роднымъ и знакомымъ *Антонины*. Наконецъ любовники сошлись въ концѣ залы, и тогда *Адольфъ*, схвативъ за руку невесту, подвелъ ея къ окну и, отдернувъ занавѣсъ, указалъ ей на дворъ нищаго. Это былъ *Томасъ*, одѣтый въ то самое бѣдное платье, въ которомъ

онъ просилъ милосыни у шляхбаума *Сенской* улицы. Въ рукѣ его была монета, данная ему *Антонию*.

Скромная дѣвушка удивилась, задумалась, стараясь припомнить, гдѣ она видѣла эшаго мальчика; — наконецъ узнала его, но не понимая ничего изъ всей эпои сцены, молча смотрѣла на *Адолфа*.

— Тогда я увидѣлъ тебя въ первый разъ, *Антонина* моя, — сказалъ онъ: и съ эшаго дня, образъ твой не покидалъ меня ни на минушу. Я искалъ тебя вездѣ и не находилъ, до того времени, какъ *Томасъ* на пароходѣ... Нѣтъ, я не хочу напоминать тебѣ эшаго спрашнаго приключенія... —

Онъ позвалъ *Томаса*, и взявъ опять него монету, подаль еѣ *Антонинъ*, говоря: прими еѣ отъ меня—пусть будетъ она нашею бражною монетою. —

— Г-жа *Дарблей*, замѣпивъ смущеніе дочери, съ безпокойствомъ подошла спросить, что случилось съ нею.

«Маменька, маменька;» говорила она, бросая рыдая на шею матери: «вы правду сказали, что нѣтъ случая!... О, Боже! чѣмъ заслужила я такое щасіе!»

T.

НЕВОЛЬНИКЪ.

(*Нѣмецкое преданіе.*)

Въ Лопарингѣн, въ городѣ Мецѣ, жилъ рыцарь, по имени *Александръ*, и у него была прекрасная и добродѣтельная жена, по имени *Флорентина*. Эшотъ рыцарь далъ Богу обѣтъ побывать въ Обѣшванной землѣ. *Флорентина* видѣла, что ей не отклонить его опять эпого намѣренія; сшила ему бѣлую одежду съ краснымъ крестомъ и упросила его носить ее. *Александръ* уѣхаль — и невѣрные взяли его въ полонъ, и запрягли его въ плугъ, и засадили орать землю. Въ эпо же время, его такъ сѣкли кнутомъ, что кровь ручьями текла изъ его шѣла; но не смотря на дождь, потъ и кровь, одежда, которую сшила ему жена его, была чиста, безъ пят-

нышка и не изнашивалась. Объ эпомъ спрашномъ приключеніи рассказали султану, и онъ призвалъ къ себѣ рыцаря, и спрашивалъ его о родѣ его, отечествѣ, и объ одеждѣ, которую онъ носитъ. «Еѣ сшила мнѣ жена моя,» отвѣчалъ рыцарь: «и она будетъ бѣла и не замарана до тѣхъ поръ, пока же на моя останется мнѣ вѣрною.»—Султану захопѣлось испытать, справедливы ли слова его, и онъ призвалъ къ себѣ своего вѣрнаго слугу, и велѣлъ ему ѣхать въ Мецъ, и ничего не жалѣть, лишь бы только обольстить жену рыцаря. Ему хотѣлось посмотреть, замарается ли тогда бѣлая одежда *Александра*. Посланный отправился, пріѣхаль къ *Флорентинѣ* и рассказалъ о плѣнѣ ея мужа, и эпо сильно ее огорчло. Потомъ онъ началъ стараться, какъ бы ему выполнить свое порученіе; но она противилась ему съ такимъ благородствомъ, съ такою твердостью, что онъ, истрапивъ все свое золото, принужденъ былъ возвратиться въ Турцію. Между тѣмъ *Флорентина* одѣлась въ одежду пилигрима, взяла арфу и отправилась вслѣдъ за эшимъ посланнымъ. Въ Венеціи она съла съ нимъ на корабль, вмѣстѣ доѣхали до цѣли своего путешествія, но посланный во всю дорогу не могъ узнать ее. Пріѣхавъ, она нашла доступъ ко Двору, и играла передъ султаномъ на арфѣ съ такимъ искусствомъ, такъ сладко, что онъ предложилъ ей богатые подарки; но она не приняла ихъ, а просила, въ награду, освободить одного изъ Христіанскихъ плѣнниковъ. Султанъ согласился, и *Флорентина* пошла по рядамъ плѣнниковъ, и дошла наконецъ до своего мужа, — но онъ не узналъ ее подъ одеждою пилигрима. Ея просьба была исполнена, и они оба вмѣстѣ отправились въ путь, и благополучно прибыли въ Германію. Имъ оставалось еще дня два идти до Меца, и *Флорентина* сказала *Александру*: «Бранъ; вопъ здѣсь памъ надобно расстаться, и идти каждому своею дорогою; дай мнѣ на память лоскутъ твоей одежды, — объ ней я слышала много чудныхъ рассказовъ, — дай мнѣ лоскутъ, чпобъ я самъ имъ повѣрилъ, и могъ бы пересказывать о нихъ другимъ. Рыцарь оторвалъ ей кусокъ плащя, и они расстали-

лись. *Флорентина* крапчайшею дорогою пришла въ Мецъ, скинула съ себя пилигримскую одежду, надѣла женское платьѣ и спала дожидаясь своего мужа. Когда онъ пришелъ въ свой домъ, она съ величайшею нѣжностію встрѣтила его; но друзья и родственники не замедлили шепнуть ему, что *Флорентина* ѣздила по свѣту цѣлые двѣнадцать мѣсяцовъ и, Богъ знаетъ, гдѣ она была и что съ ней дѣлалось. Сильный гнѣвъ загорѣлся въ *Александрѣ* отъ этихъ словъ; онъ пригласилъ пьму гостей къ себѣ на обѣдъ и при всѣхъ спросилъ у жены опчешъ въ ея поведеніи. Она, не сказавъ ни слова, вышла изъ залы; но скоро воротилась—и у ней въ рукахъ была ея пилигримская одежда и ея арфа. Въ поже время она подала мужу клочокъ одежды, который онъ самъ для нее опрѣзалъ, и рыцарь узналъ, что она освободила его изъ неволи. Тогда приспыженные клеветники бросились къ ногамъ этой благородной дамы, и она сама вымолила имъ прощенье у своего мужа.

Съ Нѣм. П. *Смирновъ*,

КОКОСОВЫЕ ОСТРОВА НА ЮЖНОМЪ МОРѢ.

Эти острова составляютъ архипелагъ, еще мало извѣстный географамъ. Группа *Кокосовыхъ* острововъ лежитъ подъ 12° и 9' южной широты и 79° и 5' восточной долготы, и простирается отъ 12° 3' до 12° 14' южной широты. Хотя мореплаватели весьма недавно стали упоминать объ этомъ маленькомъ архипелагѣ; но его появленіе на поверхности океана, безъ сомнѣнія, относится къ самой опдаленной древности. Волны глубоко изрыли скалы, служащія поясомъ этимъ маленькимъ островамъ; камень нечувствительно уступилъ непрерывному дѣйствію этаго напора, и обломки скалъ сначала, скрывшись на днѣ океана, а потомъ наваливаясь другъ на друга, образовали множество маленькихъ заливовъ, въ которыхъ моряки всегда найдутъ убѣжище отъ бури. Капитанъ *Горсберге* первый сдѣлалъ съ своихъ «*Directions for Oriental Navigation*,» краткое описаніе *Кокосовыхъ* острововъ, которые онъ также называетъ и *Киленгскими* остро-

вами; но выгоды, доставляемыя этимъ архипелагомъ мореплавателямъ, худо оцѣнивались до самой той поры, когда отважный мореходецъ *Россъ* посѣпилъ южную часть этой группы, болѣе извѣстной подъ именемъ *Кокосовыхъ* острововъ. Здѣсь-то нашелъ онъ превосходную гавань для починки своего корабля, и оптуда-то предпринялъ онъ обзоръ и снялъ берега и часть ихъ внутренности. Черезъ нѣсколько времени, капитанъ *Россъ*, привлеченный прелестію климата, утвердился въ гавани, пріютившей его, и далъ ей имя *Портъ-Альбіона*, а потомъ, немного дальше къ юго-востоку, основалъ новое поселеніе, которое назвалъ *Нью-Сельма*.

Его маленькая колонія состояла сперва изъ его семейства и нѣсколькихъ служителей, между которыми былъ одинъ каменщикъ и одинъ плотникъ. Съ такими слабыми средствами къ успѣху, эта колонія съ каждымъ днемъ увеличивается и процвѣтаетъ, беспрестанно увеличиваясь новыми переселенцами, пріѣзжающими изъ Малакки и съ различныхъ острововъ Южнаго моря. Портъ-Альбіонъ находится на пути кораблей, проходящихъ черезъ Зондскій проливъ, посѣщающихъ восточный берегъ Суматры и ходящихъ изъ Индіи въ Австралію. Извѣстно, что суда въ этихъ моряхъ беспрестанно задерживаются или юго-восточными вѣтрами, или водоворотами: а потому весьма многіе находятся въ необходимости пристать въ Портъ-Альбіонъ или въ Нью-Сельма. Всѣ моряки, посѣщающіе эти моря, стремятъ на заведеніе капитана *Росса* какъ на оазисъ, гдѣ они найдутъ вѣрныя пособія для починки корабельныхъ поврежденій, и могутъ съ изобиліемъ снабдить себя свѣжими запасами, чистою водою, живностію и кокосовыми орѣхами превосходнаго вкуса.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

108.

Споръ о Книжноиъ и Разговорноиъ языкѣ въ 1803 году.

О. И. Сеньковскій, Д. Т. Сиговъ и В. Г. Блинскій увѣрены, что они открыли новое

пробованіе читающей Публики и указали свѣжую пропу отечественнымъ писателямъ, убѣждая ихъ писать *Разговорнымъ* языкомъ и бросить нашипгованный Славянщиною и выкроенный по *Цицероновымъ* Латинскимъ периодамъ языкъ *Книжный* (*). Они воображаютъ себя *Колумбам* и *Васко-дѣ-Гамалми* Россійской литературы. Какую же горестъ они должны почувствовать, когда имъ укажутъ книгу, въ которой за тридцать три года все это было писано, писателя, котораго тогда уже проповѣдывалъ всѣ эпичиспины, благодарилъ *Карамзина* за полезныя и важныя преобразованія, сдѣланныя въ Русскомъ языкѣ и за стремленіе его писать простымъ, яснымъ, удобовразумительнымъ слогомъ. Все это подкрѣпимъ мы выписками изъ журнала *Московскій Меркурій*, который издавалъ въ Москвѣ въ 1803-мъ году незабвенный Пётръ Ивановичъ *Макаровъ*.

Сей рано-похищенный у отечественныхъ Музъ писатель, оплаканный всѣми испинными любителями просвѣщенія, говоритъ:

«Сочиненія *Кантемировы* были первою зарею нашей словесности. Послѣ того умы Россійскіе лѣзли къ просвѣщенію. Недоспадало только челоуѣка съ дарованіями превосходными и обработанными ученіемъ долговременнымъ, чтобы отважиться на образованіе новаго языка. *Ломоносовъ* отважился — и ~~предать~~ ~~имя~~ ~~свое~~ ~~безсмертію~~. Онъ собственнымъ примѣромъ доказалъ обожателямъ древности, что старинное не всегда лучше. (Декабрь, стр. 160.)

«Дорога проложена: оставалось только слѣдовать по ней, то есть, очищать, обогащать языкъ по числу новыхъ понятій; ибо языкъ самый богатый *блудитъ*, если не *приобрѣтаетъ*. (Декабрь, стр. 161.)

«Нѣтъ вещи, нѣтъ и слова; нѣтъ памяти, нѣтъ и выраженія, посредствомъ котораго можно бы то понятіе сообщить другому челоуѣку. Послѣ *Ломоносова* мы

(1) Справедливостъ пребудетъ прибавить, что со времени *Карамзина* никто имъ не пишетъ, а всѣ стараются приблизиться къ языку *Разговорному*, общепонятному. У нынѣшнихъ Русскихъ писателей найдеть германизмы, галлицизмы, ошибки противъ грамматики и синтаксиса, немногія Славянскія или площадныя слова и выраженія, вкравшіяся отъ того, что не всѣ они живутъ въ самомъ образованномъ кругу, не всѣ имѣютъ разборчивый вкусъ; но у всѣхъ видно стремленіе писать просто, ясно и чисто. — К.

узнали тысячу вещей; чужестранные обычаи родили въ умъ нашъ тысячи новыхъ понятій; вкусъ очистился; читаючи не хопяшь, не перляшь выражений, прошивныхъ слуху; болѣе двухъ третей Русскаго Словаря оставишь безъ употребленія: что дѣлать? — Искать новыхъ средствъ изъясняющихся. Удержавъ языкъ въ одномъ сословіи невозможно: такоуо чуда не бывало отъ начала свѣта. *Русская правда* однимъ ли слогомъ писана съ *Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича*? Должно ли винить *Феофана*, *Кантемира* и *Ломоносова* за то, что они первые удалились отъ своихъ предшественниковъ, которыхъ предлагаютъ намъ въ образецъ? Языкъ всегда слѣдуетъ за науками, за художествами, за просвѣщеніемъ, за правами, за обычаями. Придетъ время, когда и нынѣшній языкъ будетъ спаръ: двѣсти слога вянуть, подобно всѣмъ другимъ двѣстамъ. Въ ушѣшеніе писателю оставишь, что умъ и чувствованія не перлютъ своихъ пріятностей, и достигающъ до самаго отдаленнаго помомства. Красавицы двадцать-третьяго вѣка не спануть можеть быть искать могилы *блудной Лизы*; но и въ двадцать третьемъ вѣкѣ другъ словесности, любопытный знаеть того, кто за 400 лѣтъ прежде очистишь, украсишь нашъ языкъ, и оставишь послѣ себя имя, лобезное отечественнымъ благодарнымъ Музамъ, другъ словесности, чипая сочиненія *Карамзина*, всегда скажеть: *онъ имлъ душу; онъ имлъ сердце!*» (Декабрьская книжка, стр. 162, 163, 164.)

«Имѣемъ почтеніе къ опцу Россійскаго спихопворетва, но почтеніе безпристрастное. (Тамъ же, стр. 175.)

«Слогъ церковныхъ книгъ не имѣеть никакого сходства съ цѣмъ, котораго пребудеть отъ писателей *свѣтскихъ*. Замѣтимъ единственно, что писатель, обязаный выражать отвлеченныя понятія наукъ, изъясняеть понкоспи полиптики государспценной и частной, показываеть въ живописныхъ картинахъ общеспио и людей, наконецъ, украшаеть всѣ подробности блескомъ оспроумія, двѣстами чувспва, огнемъ воображенія, можеть имѣть надобностъ въ словахъ и фразахъ, которыхъ за сто лѣтъ не было. Припомъ, наши старинныя книги не сообщаютъ красокъ для роскошныхъ будуаровъ *Аспазій*, для картинъ *Виландовыхъ*, *Мейсперовыхъ* или *Доратовыхъ*, Громкое лирическое дарованіе можеть иногда подражать *Пиндаровой* лирѣ и арфѣ *Давидовой*; но веселое, нѣжное, романическое воображеніе пугаетъ темныхъ пещеръ, въ которыхъ пустынности укрывающъ отъ прелестей міра; но геній испоритъ перьяетъ дорогу въ землѣ чудесъ и не смѣеть взять свѣпильника философи. (Тамъ же, стр. 176 и 177.)

«Полагающъ необходимымъ *особливый языкъ Книжный*, которому надобно учишься, какъ чужестранному, и различающъ его только отъ *никаго, простонароднаго*. Но еспъ языкъ *Средній*, потъ, котораго спарающъ образоватъ нынѣшніе писатели равно для книгъ и для общества, чтобы писать, какъ говоряшь, и говоришь какъ пишущъ; однимъ словомъ, *чтобы совершенно унигтожитъ языкъ Книжный*. И на что сей послѣдній? Нынѣ уже нельзя блиспаеть однимъ наборомъ громкихъ словъ, гиперболами, или периодами, циркулемъ разспренными. Нынѣ болѣе пре-

буютъ *силы* и *остроуміа*. Если бы самъ Цицеронъ жилъ въ наше время, шо не спалъ бы забавляя чиншателей антипезами на двухъ или трехъ спраницахъ. *Фоксъ* и *Мирабо* говорили опъ лица и передъ лицомъ народа, или передъ его повѣренными, такимъ языкомъ, которымъ всякой, если умѣетъ, можетъ говорить въ обществѣ, а *языкомъ Ломоносова* мы не можемъ и не должны говорить, хотя бы умѣли: вышедшія изъ употребленія слова покажутся спранными; ни у кого не спанетъ першнія дослушать періодъ до конца. Высокій слогъ долженъ отличатся не словами, не фразами; но содержаниемъ, мыслями, чувствованіями, причинами, цѣльми поэзіи. Сверхъ того, есть важная причина не хотѣть Книжнаго языка: вездѣ напоследокъ онъ сдѣлался нѣкоторымъ родомъ священнаго таинства, и вездѣ тамъ, гдѣ онъ былъ, словесность доспалась въ руки малаго числа людей. Всякой ли можетъ посвящать 30 лѣтъ цѣлушаго времени своей жизни на чтение спранныхъ книгъ, чтобы при сдыхъ волосахъ написать хорошее сочиненіе, непонятное всѣмъ его знакомымъ, кромѣ *угельныхъ*. Похвалы *Аристарховъ* пріятны самолюбію; но похвалы *Делій* несравненно милѣ сердцу. Лавры, изъ нѣжныхъ рукъ женщины любезной, всегда были почитаемы за драгоценнѣйшую награду, за украшеніе и для шлема рыцаря, и для блистательнаго вѣнца повелителя народовъ. Если языкъ *Книжный* опдѣлился, если онъ не послѣдуетъ за перемѣнами въ обычаяхъ, во нравахъ и пониміяхъ: шо весьма скоро сдѣлается мертвымъ.»

Вопъ что написано было въ *Московскомъ Меркуріи* въ 1803-мъ году. Пускай господа издатели *Библиотеки для Чтенія* и господа нововводители въ нашу литературу *Сивовъ* и *Поршовъ* прочитаютъ мѣста, нами изъ *Меркуріа* выписанныя, свѣрять съ своими выходками прошивъ *сей* и *оний*, и объявятъ намъ поржественно, что останется у нихъ таково, чего бы не сказала за 33 года прежде ихъ *Петръ Ивановичъ Макаровъ*? Тогда мы узнаемъ мѣру, вѣсъ и цѣну ихъ заслугъ опечественной литературы и воспишемъ имъ шу честь, которая *онимъ* *подобаетъ*.

А. Кораблинскій.

4-ое Сентября
1836.
С. Петербургъ.

109.

Г. *Тимофьевъ* пишеть стихи и печатаеть ихъ въ Б. для Чтенія; баронъ *Брамбеусъ* пишеть рецензіи и похвалы эшимъ стихамъ

и печатаеть ихъ въ Библиотекѣ для Чтенія; только жаль, что Публика не читаеть стиховъ г. *Тимофьева*, хотя и замѣчаеть рецензіи барона *Брамбеуса*: это несправедливо!

Я прошу васъ, г. издатель Литературныхъ Прибавленій, почтае напоминать почтеннѣйшей Публикѣ, что г. *Тимофьевъ* дѣйствительно *необыкновенный* въ наше время стиховорець; я говорю это не шуця—и сію же минушу въ нѣсколькихъ словахъ постараюсь доказатьъ сказанное,

Въ наше время кто не пишеть гладкихъ стиховъ? По милости нашихъ добрыхъ предшественниковъ, стихи намъ доспаются почти даромъ; я не говорю о мысляхъ, чувствѣ; нѣтъ, это у большей части Русскихъ писакъ вещи постороннія,—я говорю о гладкости, полировкѣ, бойкости и звучности нашего стиха.... И чтоже?.. У г. *Тимофьева* нѣтъ ни одного изъ сихъ неотъемлемыхъ достоинствъ хорошихъ стиховорцевъ; нѣтъ у него также и мыслей свѣжихъ, яркихъ и сильныхъ; нѣтъ чувства и энергии. Въ стихахъ его замѣтно усиліе казаться оригинальнымъ, видны ужимки, еспѣ напѣжки и общія мѣста, которыя вялы и скучны до нельзя; стихъ его мѣшковатъ, тяжеловатъ и шуповатъ; спрѣлы сапиры его падають не долетая до цѣли; насмѣшки его надъ жизнію похожи на кривляніе мальчика, передразнивающаго взрослоаго человека.

Не правда ли, господа, что г. *Тимофьевъ* *необыкновенный* стиховорець?..

А въ доказательство просимъ чиншателей нашихъ заглянуть въ 9-ю часть *Библиотеки для Чтенія* за прошлый годъ; тамъ еспѣ *Воронъ* г. *Тимофьева*; въ этомъ стиховореніи г. *Тимофьевъ* всячески силится доказатьъ, что люди и вороны одно и тоже, и одни и тѣже повсюду; онъ припѣваетъ къ каждому куплету:

—Ну, а люди?—«Люди тѣ-жъ,»

—А вороны?..—«Тѣ-жъ, какъ люди!»

Ну, не прелесъ ли это?. Вороны люди; люди вороны; вороны люди ... сколько оспро-

пы, сколько ума, сколько поэзии въ эпоху
игръ словъ!

Полюбуйтесь также въ 12-мъ номерѣ
(1835 года) Библиотеки для Чтенія Мыслию
г. Тилофпева; какъ хитро умѣлъ онъ на-
красить безсмыслицы въ эпическую пьесу и обушь
ее по Сумароковски въ вирши семисопыхъ го-
довъ!

Не угодно-ли также позабавившись Пьсен-
кой г. Тилофпева, которую онъ пропѣлъ на
Новый 1836 годъ, въ 1-мъ номерѣ Библиотеки
для Чтенія. Вопль ея начало:

Чу, двѣнадцать!.. схоронили! (Кого?..)
За бокалы! весельѣ!

Мы наследства не дѣлили (Съ кѣмъ?)
Все унесъ съ собою злодѣй! (Жаль, что не унесъ зло-
дѣйскихъ стиховъ!)

Миръ усопшему межъ нами (Безсмыслица.)

Подъ вѣнкомъ изъ повиликъ!

Выпьемъ въ честь его (?) друзьями,

Славный малый былъ старикъ! (Темновато.)

На рожденіе! (чь?) забудемъ

Ссоры съ дикою враждой.

И такъ далѣе...и такъ далѣе... Забудемъ
и мы пѣсенки г. Тилофпева. Богъ съ нимъ!
мы не хотимъ заводиться ни съ кѣмъ ссоръ
съ дикою враждой.

Кирилло Харитоновъ,

110.

Въ Объявленіи о новой подпискѣ на Би-
блиотеку для Чтенія напечатано:

«Улучшенія, предложенныя въ прошломъ году, были
всѣ приведены въ дѣйствіе. Многія другія будущъ еще пред-
приняты.»

Эпо фаншаспическое!

Въ Октябрскую книжку сего журнала
вписаны вопль какіе списки:

И, жизнь переселивъ изъ сердца въ голову,

Я мыслию живу!

Да вопль эдакіе:

Иль это таинство созвучій сокровенныхъ

Въ мигъ посвященія, въ часъ сумерекъ вдохновенныхъ

Чутьемъ души постигла я?

Да вирши г. Тилофпева:

Я снова вашъ люди. Терзайте меня!...

Закуйте въ объятія, засыпьте цвѣтами,
Явите и пойте; и лейте огня,

И сердце пишите запятыми пилами.

На сѣверъ—солнце, на югъ—заря:

И сѣверъ и югъ удивляются оба....

Отъ сна пробудилось кладбище-душа

И сердце-опшележникъ возсталъ изъ гроба:

Вдругъ въ сторону—саванъ, въ могилу—вѣнецъ!

Вопль перси одѣлись, какъ пиканью, крыльями;

Вопль очи зажглись, и юный мертвецъ

Съезжаетъ на праздникъ всѣ гробы съ госпями.

Чу! грянуло эхо... И бурной волной,

Кружась вереницей, слепають желанья,

И вьются въ весельи надъ черной землей,

И манишь на землю былыми спрдаанья.

Чу! основы ржавыхъ, усопшихъ страстей,

Спуча и звѣня порошиво костями,

Сприхають ярмо подмогильныхъ цѣпей,

И ридится въ шѣло съ вѣнками-кудрями.

.....
.....

Эпо существенное!

А. Кораблинскій.

Октября 2-ое

1836.

С. Петербургъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Милый другъ! милый другъ! время промчилось:

Все унесешь невозвратно съ собой,

Все унесешь; но въ душѣ сохранится

Воспоминаніе—образъ былаго живой.

Милый другъ! милый другъ! если судьбина даруетъ

Сладкаго щастія часъ, —

Пусть онъ быстрѣ зарницы минуешь.

Но и памянь о миломъ минувшемъ опрада

для насъ.

И. Пальминъ.

Ш А Р А Д А.

Начальное мое всегда на-перекорь,
 Всему, что говорите, или дѣлашь вы начнёте.
Второе въ букварѣ межъ гласными найдёте.
 А *третье*, если вы ведёте разговоръ,
 О мѣстѣ города, села или сраженья,
 О чьихъ нибудь дѣлахъ,
 Объ обспоятельстввахъ семейства или имѣнья,—
 О капиталлахъ, о долгахъ:
 Вы за позицію, удѣлъ и сосполнье
 Употребляете его.
 Смысль *цѣлаго* всего,
 Значенье, сила, званье
 Обширный *перваго*; однакожь съ нимъ одно,
 И, неуклюжее и длинное — оно
 Въ стихахъ Россійскихъ разъ лишь было вклеено.

L O G O G R I P H E.

Avec trois pieds, si je change de tête,
 Je puis offrir alternativement
 Au lecteur qui s'apprête
 À me trouver, un sens bien différent:
 Avec un D, jamais l'amant ni la maîtresse
 Pour s'aimer n'ont besoin de moi,
 Mais bien souvent je tiens lieu de tendresse
 A celui que l'hymen engage sous sa loi.
 Avec un L, par une heureuse chance
 Le pauvre se voit transporté
 De l'extrême indigence
 Au sein de la prospérité.
 Avec un M, je suis de conséquence ;
 Mais quelquefois je ne suis rien ;
 Avec un P, porcelaine ou faïence
 Je suis dans le ménage un objet d'entretien.
 Avec un R, on me met sur la table,
 Et je puis appaiser un appétit glouton.
 Avec un S, de l'homme aimable
 J'aurais peine à saisir le langage et le ton.
 Enfin, pour terminer toute métamorphose,
 Et ne plus abuser du lecteur indulgent,
 Avec un T, soit en vers, soit en prose,
 J'exprimerai toujours un adjectif pressant.

Въ стихъ NNo 103 и 104-мъ, помѣщенные значатъ: шадда *Противоположеніе*, логогрифъ *Dot; lot; mot; pot, rôt, sot и tôt.*

НОВАЯ КНИГА.

Гостинял леди Бетти, Англійскіе нравы.
 Соч. госпожи Дебордъ Вальморъ, пер. Н. Д.
 С. Петербурга. 1836. Три части.

Это собраніе повѣстей, рассказанныхъ въ салонѣ леди *Бетти*. Въ нихъ найдемъ вѣрный сколокъ Англійскихъ нравовъ, неприужденные, живые и веселые разговоры, оспроумные анекдоты, прогательныя повѣсти, крипическія замѣчанія на современные глупости, на спранныости и причуды большаго свѣта. Переводъ хорошъ, по крайней мѣрѣ гораздо лучше всего, что выходитъ въ Москвѣ изъ типографій *Ръшетникова и Логинава*.

Папріюпы-журналисты убѣждаютъ насъ читать оригинальныя Русскія книги; но и сами имѣемъ сполько народной гордости, чпобы предпочитать свое чужому; но пусть же писатели угощаютъ насъ такими повѣстями, какъ повѣсти *А. А. Перовскаго, Павлова, Погодина, Марлинскаго, А. П. Степанова*, настоящаго *Бѣлкина* (а не того, который является въ Библиотекѣ для Чтенія), *Карлсба*. А то, власпъ ваша, господа папріюпы, самая горячая любовь къ опечеспвенному проспынеть отъ чтенія прозы *Сигова, Селиванова, Рахманнаго, Федота Кузмигева, Морозова, П. Галоты*.

Поневоля спанешъ читать иносспранныя книги, или переводы иносспранныхъ книгъ. Справедливоспъ нашего вывода подкрѣпятъ опривки, изъ *Гостинял леди Бетти* сюда перенесенные. Читатели поблагодарятъ насъ за нихъ, купятъ книгу и не раскаются.

— *Женни*, оставшись одна, не могла и подумать о томъ, чпобы ѣхать къ пещкѣ. Она очень поняла, что дозволеніе г. *Форстера* было явнымъ запрещеніемъ, и послала сказать, чпобъ ее не ожидали. Для нее необходимо было уединеніе. Не опаматовавшись еще отъ удара, поразившаго ее непредвидѣннымъ полуоткрытіемъ намѣреній опца въ опношеніи къ ея судьбѣ, она заперлась въ своей комнатѣ и углубилась въ размышленія о новомъ запрудниспельномъ и щекосп-

ливомъ положеніи, въ которое была поспавлена.

Вопъ краткое содержаніе главнѣйшихъ предметовъ ея мыслей.

Двѣ вещи поспчасъ были рѣшены; невольная женская гордоспъ не позволяла ей въ томъ сомгѣваться, что два соперника равно обожали ее, что, вѣроятно, и она обожала одного изъ нихъ.

Котораго же изъ двухъ воздыхателей дѣйствительно любила она?

Женни не скрывала отъ себя, что *Мортимеръ* имѣлъ нѣкоторыя достоинства. Онъ былъ такъ спашень и съ такимъ прелестнымъ личикомъ, благородень и умень; сверхъ того почти спасъ жизнь ея; въ этомъ-то, по правдѣ сказать, было величайшее достоинство перваго искапеля. Избавитель! какъ это прогашельно, какая спущъ поэзія! Нѣтъ ни одной поэмы, ни одного романа, гдѣ бы избавитель не былъ предпочтеннымъ любовникомъ. Съ другой стороны *Мортимеръ* имѣлъ множесиво пороковъ: онъ не писалъ стиховъ и безжалоспно насмѣхался надъ лазурными поэмами. Она давно уже опгадала, что кузень ея влюбленъ; но онъ не казался влюбленнымъ до безумія и не былъ поглощенъ своею спрастію. Вопъ что хуже всего: онъ былъ ей двоюродный братъ, опирался на согласіе и помощь *Форстера*. Любишь кузенья и кузенья, поддерживаемаго покровительствомъ родителей,—ничто не можетъ быть простѣе, обыкновеннѣе! Ничего подобнаго не увидишь ни въ романахъ, ни въ поэмахъ новѣйшей школы.

Фитцъ Геральдъ, напрошивъ, *Фитцъ Геральдъ* соединялъ въ себя все права, или почти все! Какой рѣдкій геній! Какой поэтъ! Она уже была воспѣваема имъ въ величественныхъ куплетахъ и будетъ еще нѣсколько разъ воспѣта! Какая слава! Можетъ быть онъ ее обезсмертитъ! А если бы онъ одинъ вѣхалъ со мною въ день гулянья, можетъ быть, я лишилась бы жизни! Не справедливо ли сердиться за то, что въ этомъ случаѣ онъ не игралъ роли преданнаго *Мортимера*? Увы! сущесства, одаренныя

силію и могущесствомъ души, такъ слабы и немощны тѣломъ! Такъ мысленное занятіе владычествуетъ въ нихъ надъ вещественностію! Это спъ бѣдный *Фитцъ Геральдъ* такой щедушный, бессильный. Его скорѣе можно счестъ за скелесъ, нежели за чловѣка, или за тѣнь чловѣческую, нежели за живаго. Не смотря на то, какая сила, какой жаръ любви въ этихъ исключительныхъ сущесствахъ! Если бы онъ не успѣлъ спассти жизнь обожаемой имъ, какъ бы онъ мечталъ объ ней и о ея гибели! Наконецъ, что болѣе всего возбуждало къ нему участіе, не былъ ли онъ запрещенный любовникъ, любовникъ, отверженный несправедливымъ опцомъ?

На перекоръ всемъ разсужденіямъ *Женни* и желанію увѣришь себя, что рѣшительно склонилась въ пользу *Фитцъ Геральда*, она, въ самомъ дѣлѣ, еще не рѣшилась. Когда допрогивалась до жаркаго лба своего, ей казалось, что воображеніе кричитъ: ты любишь поэта. Если клала руку на сердце, какое-то робкое біеніе тихо говорило ей: ты любишь того, кто благородень и опважень, того, кто спасъ твою жизнь.

Перевѣсь, хотя, по видимому, былъ погда на споронѣ прекраснаго и смѣлаго кузенья, но пысячи криковъ раздавались въ головѣ бѣдной молодой дѣвушки, безъ того уже вспревоженной, и это было ни что иное, какъ разные беспорядочные крики лазурнаго клуба, представляющаго наперерывъ свои возраженія.

Бываютъ ли когда браки изъ благодарности? кричалъ принужденный голосъ, очень похожій на голосъ миссъ *Апплеби*; одинъ только грубый вкусъ предпочитаетъ въ чловѣкѣ прекрасную наружность. Вступали-ль въ супружесство единственно для себя? Выходящъ за мужъ прежде всего для свѣта, и свѣтъ не прощаетъ тѣмъ, которыхъ заспавляютъ рѣшашься одни только глаза. Премилый мужъ! воскликнула вдругъ вся Академія! Прелестный мужъ, не имѣющій ни литературной славы, ни таланта, который во всю свою жизнь не написалъ даже сонета въ альбомъ.

Это послѣднее проклятіе было тягостнѣе всѣхъ. По закрытіи засѣданія, *Женни* не дала потчасъ совершенной отставки своему кузену; однакожь не могла не признаться, что никакъ невозможно выйти за мужъ за человѣка, который дѣйствительно не написалъ ни одного сонета, ни въ одномъ изъ безчисленнаго множества Эдинбургскихъ альбомовъ.

Обѣдъ былъ изъ самыхъ скучныхъ, какіе полько могутъ быть вдвоемъ. *Мортимеръ* еще не выходилъ. Сыръ и плоды были уже сняты со стола, и молчаніе не прерывалось.

«Образъ твоего поведенія ни сколько не дѣлаешь чести твоей чувствительности,» сказала наконецъ сprogій дженшельманъ: «ты забавляешься по ночамъ на своихъ поэтическихъ пиршествахъ; по упрямъ ѣдишь на выставкѣ *Фитцъ Геральда*; потомъ, безъ малѣйшаго угрызения совѣсти, оспавляешь одного въ домѣ больнаго, который находится въ опасности единственно потому, что спасъ твою жизнь.»

— Но, папенька, вы слишкомъ жестоко судите меня. *Мортимеръ*, какъ мнѣ извѣстно, теперь не болѣнъ и не въ опасности. —

«Въ этомъ ты очень обманываешься, дочь моя. Сегодня упрямъ *Карль* принужденъ былъ лечь въ постелью, войдя въ свою комнату послѣ чаю. Богъ знаетъ, когда мы увидимъ его подымающимся на ноги! Онъ очень, очень страдаетъ. Докторъ опасается, не сдѣлалось ли въ немъ, при паденіи его, какого нибудь внутренняго поврежденія.»

— Дай Богъ, чтобы ничего эшаго не было! — вскричала *Женни*, и въ одно мгновеніе двѣ слезы блеснули на опущенныхъ рѣсницахъ и тихо покапались по ея щекамъ.

При этомъ неоспоримомъ свидѣтельствѣ въ превосходствѣ сердца дочери, *Форстеръ* почувствовалъ себя обезоруженнымъ. Всѣ приготовленныя имъ увѣщанія и брюзгливостъ исчезли.

«Прекрасно,» сказалъ онъ, пронутый самъ до глубины сердца: «такою то я люблю видѣть тебя. Оставимъ изъясненія, которыя я хотѣлъ опъ тебя претбовать о томъ, ка-

кимъ образомъ провела ты послѣдніе два дня; теперь надобно подумать о нашемъ больномъ, не правда ли?»

— О, конечно, — отвѣчала она, опирая слезы. — Что-жь мы спанемъ дѣлать? —

«Великій Боже! я и не вспомнилъ,» вскричалъ *Форстеръ*. «*Карль* сегодня ничего не ѣлъ. Докторъ, предписавшій ему діету, позволилъ однако же немного пелячьяго бульону съ рѣпою; сдѣлай это для него сама. Этотъ супъ твоего спрянаця будетъ для него полезнѣе. Онъ покажется ему самымъ вкуснымъ.»

Слезы *Женни* потчасъ высохли. Варить бульонъ съ рѣпою, пачкаться въ кухнѣ и готовить супъ! Не взирая на то, что молодая дѣвушка была по обыкновенію такъ проста и вовсе безлазурна въ родительскомъ домѣ, — эти кухонныя предложенія непріятно звѣнѣли въ ушахъ ея. Она не могла удерживать маленькую презрительную гримасу.

— Но, добрыйшій папенька, — сказала она: я самая плохая кухарка; я совсѣмъ не умѣю приготовить бульонъ, о которомъ вы говорите. —

«Точно такъ;» вскричалъ *Форстеръ*, начавшій снова сѣрдѣться. «Вопъ нынѣшнее женское воспитаніе. Онъ ничего не знаетъ, что имъ должно знать. Танцуютъ, какъ балетныя фигурантки; сдѣлались господами виртуозками, арфистками, фортепьянистками перваго класса; разсуждаютъ о книгахъ, когда сами ихъ не сочиняютъ. Для нихъ не существуетъ пруднаго вопроса объ искусствахъ или философіи, въ отвѣтъ на который не распространились бы онъ въ безконечныхъ вздорахъ; ну спроси же ихъ о домашнихъ домашнихъ приходахъ, о маленькихъ тайнахъ хозяйства, могущихъ усладить больнаго, — вашъ покорнѣйшій слуга! Высокіе таланты не позволили имъ унизиться до такихъ бездѣлицъ. Слушай, *Женни*, вмѣсто того, чтобы отдавать тебя въ этотъ модный пансіонъ, гдѣ ты научилась столько прекраснымъ бесполезнымъ предметамъ, я гораздо бы лучше сдѣлалъ, опославъ тебя въ ученые къ хорошей поварихѣ.»

— Выборъ былъ въ вашей воли, — сказала *Женни* улыбаясь.

Эта улыбка не встрѣпила ни малѣйшаго отраженія на лицѣ *Форстера*. Онъ опять принялъ на себя холодный и сердитый видъ.

«Въ добрый часъ,» сказалъ онъ сурово: «прикажи, чтобъ приготовили бульонъ, и потомъ изволь иппи со мною къ своему кузену. По крайней мѣрѣ немного поговори съ нимъ и узнай сама о его здоровьѣ.»

— Но, любезнѣйшій папенька, — сказала изумленная *Женни*: вы знаете, что приличіе и благоприсойность... —

«Вотъ прекрасно! Приличіе и благоприсойность запрещаютъ тебѣ войти въ комнату того, кому ты обязана жизнью, не правда ли, потому что онъ лежитъ на постель, и, можешь быть, на смертной постель.»

— Какъ вы жестоки, папенька, вы и не думаете, что общество имѣетъ свои законы... —

«Вотъ еще,» вскричалъ *Форстеръ*. «Теперь законы общества. Въ самомъ дѣлѣ удивительные законы, позволяющіе женщинѣ, полубогаженной, вальсировать въ объятіяхъ перваго встрѣившагося человека и запрещающіе иппи пожать руку у друга дѣлства своего, хотя бы онъ умиралъ, хотя бы онъ лежалъ подъ пѣль одѣяломъ, которое будетъ ему смертнымъ покровомъ.»

— Ахъ, папенька, ради Бога не укоряйте такъ меня; вы все преувеличиваете. Положеніе *Мортимера* нисколько не опчаянно... —

«Я ничего эаго не знаю, я ничего не знаю,» вскричалъ *Форстеръ*: «покрайней мѣрѣ онъ очень боленъ! Но, безъ сомнѣнія, не кажется тебѣ такимъ, чтобы отклониться отъ тѣхъ изъявленій благодарности, которую ты обѣщала мнѣ показать ему.—Если онъ сдѣлается болѣнъ, я буду печься о немъ точно также, какъ и о васъ, папенька;—вотъ что ты говорила; а теперь законы общества не позволяютъ уже болѣе этой приверженности, бывшей, какъ видно, только на словахъ!»

Женни была наспоющею дочерью *Форстера*. Она также не могла долго обуздывать свое перпѣніе. Эпотъ упрекъ сильно огорчилъ ее; она вся задрожала, и тотчасъ почувствовала, что спорить въ эту минуту было бы неприлично.

— Вы лучше меня знаете, что запрещается, или дозволяется приличіями. Послушаніе вамъ я щипаю первѣйшею моею обязанностію. Если вамъ угодно, чтобы я навѣспила кузена, я готова сей часъ съ вами иппи къ нему.—

Они вмѣспѣ вошли въ комнату *Мортимера*.

Другъ нашъ *Форстеръ*,—мы говоримъ это совѣмъ не для того, чтобы вредить ему предъ нашими читателями,—былъ одинъ изъ чрезвычайныхъ невѣждъ въ любовныхъ дѣлахъ. Въ отношеніи къ этому чувствительному предмету, онъ не болѣе, или можетъ быть еще и менѣе, былъ искусенъ, нежели дочь его, въ приготовленіи шелячьаго бульона. Въ его лѣта онъ еще не понималъ, что прошивуръчить волю женщины также трудно, какъ вести судно противъ вѣтра. Усилите греблю и подвиньте на одинъ шагъ впередъ это легкое созданіе, оно отспушитъ на сто сажень назадъ, такъ, что успалось заставитъ васъ дать ему полную свободу. Ожидать, чтобы щасливый попутный вѣтръ надулъ паруса его, вотъ единственное средство управлять имъ. О! тогда оно пойдетъ скоро, гораздо скорѣе и далье, нежели бы вы желали. *Женни* почти уже рѣшилась объявить свое мнѣніе въ пользу кузена; но сдѣланный такъ некстати поступокъ честнаго дженшельмана, по справедливости, какъ нельзя лучше способствовалъ ей къ неопредѣленной отсрочкѣ этой прекрасной рѣшительности.

На самомъ дѣлѣ, это посъщеніе, долженствовавшее, по глубокимъ вычисленіямъ *Форстера*, совершенно рѣшить судьбу его племянника, напротивъ разрушило все щастіе бѣднаго *Мортимера*.

Впрочемъ у *Женни* было прекрасное сердце. Мы довольно уже показали изъ ея души

и невольныхъ чувствъ, что она была не равнодушна къ *Мортимеру*. Она дѣйствитель-но живо ощущала печаль, видя его сосра-данія. Но, за всѣмъ тѣмъ, теперь не безпо-коилась, полагая, что не имѣла къ тому ни-какихъ причинъ. Она была убѣждена, что отецъ ея, слѣдуя привычкѣ все преувеличи-вать, больше воображалъ объ опасномъ со-стояніи *Мортимера*, нежели какъ это было въ самомъ дѣлѣ, и живость лица молодого человѣка, во время ея присутствія при немъ, утвердила ее въ этой мысли. Правда, что лицо *Мортимера* въ то время не показывало человѣка, сильно спраждающаго; напрошивъ, нечаянность, при неожиданномъ появленіи *Женни*, на минушу возвратила здоровый цвѣтъ блѣдному лицу его; къ тому же по-сѣщеніе казалось для него щасливимъ пред-вѣщаніемъ. Воображая, до какой степени она была исполнена искренняго дружества и какимъ образомъ, поступила противъ спрочайшихъ законовъ приличія Англичанъ, онъ дозволилъ себѣ напередъ увѣнчаться драгоценнѣйшими своими желаніями. Во всѣхъ взглядахъ, во всѣхъ чертахъ его вы-ражалась любовь и сладостное упоеніе, что вовсе не имѣло вида больного.

Женни, замѣшивъ эти признаки бодрости, потчасъ уменьшила радость блѣднаго влюб-леннаго.—Меня хотѣли поймать въ западню, думала она, и чтобъ заманить къ тому, принудили сдѣлать смѣлый и неприличный поступокъ. Это нѣсколько похоже на со-гласіе, которое хотѣли у меня вырвать.—И гордость молодой дѣвушки сильно взвол-новалась.—Они очень обманываются, если думаютъ, что я поймана, я имъ это дока-жу,—сказала она сама себѣ.

И подлинно, *Женни* не замедлила привести въ дѣйствіе этотъ прекрасный планъ жен-скаго мятежа. Она разсердилась до чрезвы-чайности; показывала видъ скуки и непер-пѣнія, какъ искуснѣйшая актриса; послѣ нѣсколькихъ холодныхъ словъ, сказанныхъ какъ бы изъ милости, не отворяя рта, едва отвѣчала на дѣланые ей вопросы; потомъ, посидѣвъ около четверти часа, встала и ушла.

Форстеръ былъ взбѣшенъ, однако удержи-вался и скрывалъ негодованіе; предоспаляя, впрочемъ, себѣ право уполнить его въ дру-гое время и въ другомъ мѣстѣ. *Мортимеръ* былъ жестоко уязвленъ и также скрывалъ свое душевное безпокойство; но оно захва-тывало дыханіе его, и необходимо было оп-крыться.

— Любезнѣйшій дядюшка, — сказалъ онъ плаксивымъ голосомъ: вы напрасно привели сюда кузину противъ ея желанія! —

«Кто тебѣ сказалъ, что она пришла сю-да противъ воли своей?» сердито отвѣчалъ *Форстеръ*, желавшій скрыть досаду на свое безразсудство.

— О! я очень хорошо знаю *Женни*; вѣрно она имѣла какую нибудь важную причину, чтобъ показатъ мнѣ такой сердитый и не-довольный видъ. Я въ первый разъ видѣлъ ее такою; она всегда такъ любезна, съ та-кимъ милымъ характеромъ. Вы напрасно ее принуждали. Дядюшка, вы совсѣмъ не по-общали мнѣ.—

«Да, я точно общалъ тебѣ мой неупра-влителъ; по ты долженъ вспомнить, на са-мое короткое время; а я, по чести, уже очень давно сохраняю его. Что же ты одинъ сдѣ-лалъ? Гдѣ послѣдствія того прекраснаго плана, который ты такъ хвалилъ? Что ты выигралъ имъ у *Женни*? Какіе успѣхи пока-жешь мнѣ? Тебѣ надобно было для нее за-спрѣлиться, вопъ и все. Впрочемъ ты ос-таешься еще при скромныхъ и пачинствен-ныхъ вздохахъ. Если это состояніе неизвѣ-стнаго вздыхателя тебѣ нравится, и тѣмъ совершенно успокоиваетъ терпѣніе твоей ледяной нѣжности, меня, признаюсь, оно очень упомляетъ. Я не понимаю, какимъ образомъ созданы нынѣшніе влюбленные. Въ мое время было гораздо проще. Мнѣ слу-чилось одинъ разъ во всю жизнь такъ же вмѣщаться въ любовь, и это дѣло было съ быстротою окончено. Я увидѣлъ свою тетку вечеромъ на балѣ, гдѣ никю не читалъ стиховъ, но всѣ неупомимо тан-цовали отъ души. Я съ нею вальсировалъ, и по окончаніи вальса между нами уже было

объявлено взаимное согласие. На другой день я приѣхалъ къ родителемъ просить руки ея — и въ двѣ недѣли было все рѣшено, мы сдѣлались супругами. Ты и Женни совсѣмъ не такъ поступаете; съ вашею порокиливостью конечно мы еще не опмѣлимъ и въ календарь будущаго года вашего медоваго мѣсяца.»

M O D E S.

Une si grande quantité de personnes ont adopté les habits de deuil, que nous croyons nécessaire de donner quelques détails sur le costume à prendre dans cette occasion. Le grand deuil se portera en laine comme toujours; le matin une redingote en mérinos ou cachemire noir, fermée devant par de larges boutons, sera une toilette de bon goût. Une capote plissée, en pou de soie noir, avec les ornemens en crêpe noir; un châle cachemire noir sans palmes ni broderies, avec une bordure. Si on a un manteau, il le faut en cachemire noir ou mérinos très fin, garni de martre. Pour toilette habillée, une robe en crêpe noir doublée de noir, garnie de deux grosses ruches en crêpe découpées à dents; corsage à busque garni à la gorge de ruches un peu moins grosses que celles du bas de la jupe; les manches courtes, légèrement bouffantes et ornées de petites ruches posées diagonalement. Une châtelaine, un collier, des bracelets et des boucles d'oreilles en jais. Des gants blancs ruchés de noir. Si la coiffure est en cheveux, on doit les porter en bari, avec une couronne Malibran en plumes noire. Si on veut mettre un petit bord, il faut qu'il soit en crêpe doublé; on peut l'orner d'un esprit blanc avec le pied noir. Les diamans sont de deuil, les perles aussi; cependant une extrême rigueur les exclut, tandis que les diamans sont toujours admis. La blonde n'est pas de deuil, tandis que la dentelle l'est. Nous venons de donner ici le costume de deuil, dans toute sa sévérité; il existe ensuite un deuil mitige, qui sera porté par beaucoup de femmes. Les oiseaux de paradis sont totalement tombés en défaveur, on ne les porte plus qu'après les avoir fait teindre en noir, même avant le deuil, c'était une décision adoptée. Toutes les espèces de plumes seront très à la mode cet hiver. On en fait beaucoup de coiffures, et souvent on les pose sous les chapeaux en remplacement des fleurs, ainsi que les loques de velours épinglé, mêlées à de la blonde. Les chapeaux de moire, qu'une idée bizarre avait fait paraître à l'entrée de l'hiver, ont presque entièrement disparu; et le velours, le satin, le velours épinglé et la peluche, plus chauds de fait et d'aspect,

ont repris avec pompe leur place, qu'ils tiennent parfaitement.

Robes.—Le mérinos *Ségovie*, les toiles et batistes de laine, jolies étoffes pour redingotes; les stoffs unis, popelines unies et brochées, satins de laine à tout petits dessins, pour redingotes de courses; les mousselines de laine satinées, les satins unis ou brochés pour robes de soirées. Les bals sont encore dans une si grande enfance, que nous attendrons quelques jours pour entrer dans des détails circonstanciés à ce sujet.

Bonnets.—On en fait de tout nouveaux en velours plein, rose, noir et bleu; c'est une mode qui ne fait qu'apparaître, et qui trouvera un grand nombre d'amateurs. Leur forme est une espèce de *Marie-Stuart*. On les orne de perles pour la grande parure; mais on en fait aussi de très simples, garnis de blondes, ou de dentelles, qui se portent en négligé.

De charmantes cravates d'homme viennent d'apparaître chez Boivin jeune. Les unes sont en velours de laine, les autres en gros grain broché, ou en satin anglais. Ce sont des tissus côtelés, grénat, myrte, bronze ou palissandre, des pous de soie marron, noirs ou verts, semés de fleurettes blanches, rouges ou orange; des satins ternes à pois bleus, pistaches ou cerises.

Nous avons remarqué aux Italiens combien la mode des éventails devient générale. Toutes les dames au spectacle doivent avoir le leur; et elles ne peuvent même le porter que là; car dans le monde, chaque maîtresse de maison se charge du soin d'en offrir.

Pl. No 35. Rode de levantine maron. — Tablier de satin à boutons de velours. — Robe de mousseline-laine.

Pl. No 36. Redingote de drap bleu; collet et boutons en velours noir. — Robe de levantine couleur bois. — Pelerinè garnie de fourrures. — Capote de velours noir. — Capote en satin blanc.

No 3. Coiffures. — Fleurs.

No 4. Lit de parade.

M O Д Ы.

Столь многіе надѣли шеперь прауръ, что мы щипаемъ необходимымъ помѣстить нѣсколько подробностей о костюмѣ, приличномъ въ такомъ случаѣ. Глубокой прауръ, какъ и всегда, дѣлается шерстяной; упрямъ черный мериносовый или кашемировый капонъ, заснеженный спереди большими пуговицами, — будешь нарядомъ изящнаго вкуса. Капонъ складочками, изъ чернаго pou de soie, съ

опдѣлкою изъ чернаго крепа; плапокъ черный кашемировый, безъ пальмъ и шпиль, съ каёмкой. Если плацъ, то изъ чернаго кашемира или весьма тонкаго мериноса, обшитъ кунницей. Для наряда, черное креповое платье на черной подкладкѣ, обшитое двумя широкими рюшами изъ крепа, вырѣзаннаго зубцами; лифъ на косточкахъ, обшитъ вверху рюшами, не такъ широкими какъ юбка; рукава короткіе, немного пышные и опдѣланные узенькими рюшами, положенными діагонально. *Chate-laine*, ожерелья, браслеты и серги изъ агашокъ. Бѣлыя перчатки, обшитыя чернымъ рюшемъ. Если дама въ волосахъ, то спереди гладкіе, съ гирляндой *Малибранъ* изъ черныхъ перьевъ. Если желаютъ вынустить небольшое поле, то надо, чтобы оно было двойное креповое; его можно опдѣлать бѣлымъ султанчикомъ съ чернымъ корешкомъ. Бриллианты всегда идутъ къ прауру, также и жемчугъ; но при строгомъ наблюдении праура сей послѣдній исключается, между тѣмъ какъ бриллианты никогда. Блонда не принадлежитъ прауру, а кружева употребляются. Мы описали здѣсь праурный костюмъ во всей его строгости; потомъ естъ умѣренный прауръ, который будущъ носить многія дамы. Райскія ппички совершенно вышли изъ употребленія; ихъ не носятъ иначе, какъ выкрашенныя въ черную краску; даже не въ прауръ, это рѣшительно принято. Всякаго рода перья будутъ въ большомъ употребленіи нынѣшней зимою. Изъ нихъ дѣлаютъ много уборовъ, и часто прикалываютъ на шляпы, вмѣсто цвѣтовъ; также подкалываютъ перья изъ булавчатаго бархата, перемѣшанныя съ блондою. Объяривныя шляпки, которыя причудливая мода выставила напоказъ въ началѣ зимы, совсѣмъ почти исчезли, и бархатъ, атласъ, булавчатой бархатъ и плюшъ, теплѣе въ существъ и на взглядъ, заняли опять съ славою свое мѣсто, на кошоромъ они достойно держатся.

Платья.— Меринось *Ségovie*, шерстяныя холстинки и башмисты, красныя шкани для редингошовъ; гладкіе шпифы, гладкіе попелины и зашканные, шерстяные атласы, съ самыми мелкими узорами—на редингошы для ходьбы; шерстяныя атласисныя кисеи, гладкіе или зашканные атла-

сы—для вечернихъ платьевъ. Балы въ такомъ еще младенчествѣ, что мы подождемъ нѣсколько дней, чтобы войти въ обстоятельныя подробности на этошъ щель.

Цепчики.— Ихъ дѣлаютъ совсѣмъ въ новомъ вкусѣ; изъ неразрѣзнаго бархата, розовые, черные и голубые. Эша мода только что появилась и вѣрно пойдетъ много послѣдовательницъ. Покрой въ родѣ *Mariu Стюартъ*, опдѣлываютъ въ нарядъ бусами; но дѣлаютъ также и очень простые, обшитые блондою или кружевами, кошорые надѣваются за-просто.

Прелестныя мужскіе галстуки показались у молодаго *Волвин*. Одни изъ шерстянаго бархата, другіе изъ зашканнаго *gros grain*, или Англійскаго атласа. Эшо рубчатныя шкани, цвѣтовъ: гранатоваго, миртоваго, бронзоваго или *palissandre*, или каштановаго, чернаго или зеленаго *poir de soie*, съ мелкими цвѣточками, бѣлыми, красными или оранжевыми; шускые атласы, съ голубымъ, кашпашковымъ или алымъ горошкомъ.

Мы замѣтили въ Италіанскомъ театрѣ, сколько употребленіе опахаль дѣлается общимъ. Въ спектаклѣ каждая дама должна имѣть свое, и только шамъ; потому что въ свѣтѣ, каждая хозяйка дома угощаетъ своими.

Карш. No 35. Платье изъ каштановаго ~~л~~ваншина. — Атласный передникъ съ бархатными пуговками. — Платье изъ шерстяной кисеи. — Вышитое дѣтское платьице.

Карш. No 36. Редингошъ изъ синяго с ; воротникъ и пуговки черныя бархатныя. — Леваншиновое платье деревяннаго цвѣта. — Шляпка изъ чернаго бархату. — Пелеринка мѣховая. — Шляпка бѣлая атласная.

Прибавочная карш. No 3. Прически. — Цвѣты

Прибавочная карш. No 4. Уборка новѣйшей кровати.

При семь номерѣ прилагается *Оглавленіе двадцати четвертой части, или четвертой 1836 года, Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Ивалиду.*

КОНЕЦЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ, или ЧЕТВЕРТОЙ 1836 ГОДА.